

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

Сборник статей



Москва
Издательство Свято-Владимирского Братства
1997 г.

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси
Алексия II

Редакционная коллегия:

Академик С. Л. Тихвинский

Академик В. С. Мясников

А. С. Ипатова

Священник Дионисий Поздняев

История Российской Духовной Миссии в Пекине — одной из пяти зарубежных миссий Русской Православной церкви — интересна, увлекательна, поучительна. Пекинская Миссия была уникальным российским духовным учреждением за пределами Отечества. Основанная в 1715 г. для духовного окормления пленных албазинских казаков, уведенных в Пекин в 1685 г., она в течение 150 лет выполняла роль неофициального дипломатического представительства России в Китае, в то время как ни одно другое иностранное государство не имело там своих представителей.

В стенах Пекинской Миссии готовились кадры ученых и дипломатов. Здесь зародилось и долгие годы развивалось отечественное китаеведение, Миссия дала мировой науке многих видных ученых, в их числе о. Иакинф (Н. Я. Бичурин), арх. Палладий (П. И. Кафаров) и др.

*Авторы и редколлегия выражают благодарность
ЗАО “ТРАНСКОНТИНЕНТ–ЛИЗИНГ”
за помощь в осуществлении настоящего издания.*

© Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997

ISBN 5—900249—22—0

Из Приветственного адреса по случаю установления на территории Посольства Российской Федерации в Китайской Народной Республике Поклонного Креста

Поистине подвижнической была жизнь сотрудников Миссии, трудившихся во свидетельство о Христе. Они исполнили заповедь Спасителя: “Так да светит свет Ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф. 5, 16). В течение двух с половиной столетий Миссия заботилась о поддержании веры среди соотечественников, строительстве храмов и монастырей, духовном образовании и просвещении, делах милосердия и благотворительности.

Российская Духовная Миссия в Китае стала местом упокоения пяти своих Начальников, многих сотрудников. Здесь покоились и останки Великих Князей Дома Романовых, убиенных в Алапаевске. Вечная им память!

Здесь же просияли в лике святых 222 китаец-христианина, мученики восстания ихэтуаней — они были прославлены в лике местночтимых святых в 1902 году. На месте погребения их нетленных мощей был воздвигнут храм Всех святых мучеников. Сегодня те, кто покоится в земле Китая, пред Престолом Господа молятся за эту страну и за своих соотечественников, несущих труды во имя дружеского сотрудничества между Россией и Китаем.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий

Пасха Христова 1997 г. Москва

**Посвящается 40-летнему юбилею
Китайской Автономной Православной Церкви**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существование в столице Китая — городе Пекин — на протяжении двух с половиной столетий Российской Духовной Миссии (1715—1954) — знаменательное явление в истории российско-китайских дипломатических отношений и уникальное явление в истории международных отношений в Центральной и Восточной Азии XVII — первой половины XIX вв. (до 1861 г. Миссия в ряде случаев выполняла и дипломатические функции).

Миграционный поток из центральных, северо-восточных районов России и из Сибири в направлении Тихого океана привел к созданию первых российских поселений на тихоокеанском побережье и в бассейне реки Амур. В России в это время правил царь Алексей Михайлович — отец великого реформатора России Петра I. В соседнем Китае в 20—40-х годах XVII в. полыхало мощное крестьянское восстание, направленное против правления императоров Минской династии (1368—1644). Одновременно с крестьянской войной Северный Китай в эти годы подвергался неоднократным грабительским военным набегам маньчжурской конницы, прорывавшейся в Китай с северо-востока и севера через проходы в Великой китайской стене. Грабя китайские города и села, маньчжуры уводили с собою в свою вотчину (современная провинция Ляонин на Северо-Востоке КНР) захваченных ими служилых людей, военных, ремесленников и земледельцев¹.

¹ Подробно о маньчжурах и их исторической родине см.: Новая история Китая. М., 1972; Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.

Не в силах самим подавить восставших крестьян, которые под руководством Ли Цзычэна захватили столицу Минской империи Пекин, китайские феодалы, предводительствуемые генералом У Саньгуем, вступили в сговор с маньчжурами, готовившими очередной набег на Китай. Оказав китайским феодалам помощь в подавлении крестьянского восстания, маньчжуры, однако, не стали восстанавливать правление Минской императорской династии, а провозгласили в Китае маньчжурскую династию Цин.

Постепенно упрочившие власть в Центральном, Восточном и Южном Китае, новые маньчжурские правители огромного Китая, ввиду крайней малочисленности войска по сравнению с населением завоеванной ими страны (300 тыс. против 100 млн), были вынуждены для поддержания своего владычества наряду с созданием военных и полицейских подразделений из числа перешедших на их сторону представителей военного сословия китайских феодалов и чиновников, перевести из своих вотчинных земель в Китай почти все маньчжурское население, оставив в бывшей столице — современном городе Шэньяне — лишь небольшой отряд инвалидов для охраны находившихся там гробниц первых императоров династии Цин — основателя династии Нурхацзи и его преемника Абахая.

Не ограничившись этим, маньчжуры насильственно переселяли в Китай также все родственные им тунгусо-маньчжурские племена, населявшие таежные районы Северной Маньчжурии. Для этого цинские власти организовывали военные экспедиции в Приамурье.

В результате такой политики маньчжуров ко времени появления первых русских поселенцев в Приамурье там оставалось крайне малочисленное, затерянное в

таежной глуши население, состоящее в основном из рыбаков и охотников, которое без какого-либо сопротивления приняло подданство русского царя и стало платить ясак (дань) представителям российских властей, основавшим еще в 1651 г. в верховье Амура на месте одного из поселений местного даурского князя, оставившего город при приближении отряда Хабарова, свою крепость Албазин (в китайской транскрипции — Якса). В 1682 г. Албазин стал административным центром Российского Приамурья — резиденцией воеводы. Русское население Албазинского воеводства насчитывало свыше 2000 крестьянских семей.

После укрепления владычества маньчжурской Цинской династии в Центральном и Южном Китае при правлении императора Канси (девиз правления — императора Сюань Е), маньчжуры, стали беспокоиться появлением к северу от их вотчинных земель “краснобродых варваров” (так именовали русских землепроходцев в официальных донесениях властей), зачастую называя их также термином “лоча” (ракшас — демон) из буддийского пантеона, и начали снаряжать в Приамурье военные экспедиции.

В 1671 г. началась первая осада Албазина маньчжурами, перебросившими из южной Маньчжурии по рекам отборное войско, владевшее навыками сражений на воде и осады крепостей. Неоднократные осады Албазина цинскими войсками не достигали цели, после каждой осады крепость отстраивалась заново, крестьяне возвращались к своим занятиям, и лишь по условиям русско-китайского Нерчинского договора 1689 г. Албазинское воеводство перестало существовать, а крепость была разрушена самими русскими казаками².

² Подробно о российско-китайских отношениях в XVII в. см.: Русско-

Во время осады Албазина в 1685 г. маньчжуры захватили в плен свыше 100 русских защитников крепости — казаков, крестьян и горожан, многие из которых были тяжело ранены в боях. По повелению Канси пленные были доставлены в столицу, где император пожелал лично посмотреть на этих храбрецов. Пораженный их военной выучкой и отвагой, он повелел зачислить пленников в императорскую гвардию в качестве “русской сотни”, выделив им для проживания и несения гарнизонной службы участок у северо-восточного угла внешней городской стены Пекина. Канси повелел также дать им в жены вдов казненных за те или иные преступления жителей города.

Их повенчал по православному чину прибывший с русскими пленниками албазинский священник Максим Леонтьев. О. Максиму удалось спасти и привезти с собой в Китай чудотворную икону свт. Николая Мирликийского и некоторую церковную утварь из Албазинской церкви. На месте бывшей буддийской кумирни в Пекине он основал небольшую православную часовню, где в течение долгого времени отправлял службу: крестил детей, совершал венчания, отпевал усопших, отмечал церковные праздники.

С годами албазинский священник стал стар, немощен, постепенно слеп, и ему требовалась замена. Православные албазинцы через приставов периодически прибывавших в Пекин с российскими торговыми караванами, обращались к сибирским властям с просьбой прислать им нового священника.

китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т.1. 1608-1683. М., 1969; Т. 2. 1686—1691. М., 1972; Новая история Китая. М., 1972; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980; Он же. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. М., 1996.

*Петр I, придававший важное значение российско-китайским отношениям, еще в указе от 18 июня 1700 г. повелел писать к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), чтобы тот "поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученаго и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы с Божиею помощью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго Бога и привел бы с собою добрых ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться"*³.

Узнав о просьбе русской православной общины в Пекине Петр I в 1712 г. повелел направить в Китай не одного, а группу священников, и учредить в Пекине Российскую Духовную Миссию, включив в нее также учеников для изучения китайского, маньчжурского, монгольского и других восточных языков, местных обычаев и китайской культуры.

Договоренность с маньчжурскими правителями Китая об основании Российской Духовной Миссии в Пекине, ее месторасположении, статусе, составе, содержании была официально зафиксирована в 5-й статье русско-китайского Кяхтинского трактата 1727 г.

Император Канси не только разрешил пребывание в Пекине Российской Духовной Миссии, но и присвоил высокий придворный ранг главе Миссии, архимандриту

³ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1700—1725. М., 1978. С. 50.

Иллариону (Лежайскому). Он также присвоил и соответствующие чиновничьи ранги остальным членам Миссии. Он также повелел взять весь состав Миссии на казенное довольствие и регулярно уплачивать им из казны жалование.

Прозорливое решение великого реформатора России Петра I было претворено в жизнь на деле многими членами Российской Духовной Миссии в Пекине, периодически сменявшими друг друга в течение 200 с лишним лет. Российская и мировая наука через труды членов Пекинской Миссии смогла ознакомиться не только с языковыми и культурными особенностями китайцев, маньчжуров, монголов, уйгуров, тибетцев и других народов, населявших Цинскую империю (а впоследствии республиканский Китай), но и перевести на европейские языки многочисленные фундаментальные труды по китайской истории, философии, религии, литературе. Гордость российской и мировой науки по сей день составляют сочинения и переводы о. Иакинфа (Бичурина), архим. Палладия (Кафарова), И. Россохина, А. Л. Владыкина, А. Леонтьева, архим. Петра (Каменского), Ант. Владыкина, С. Липовцева, З. Леонтьевского, К. Крымского, архим. Гурия (Карпова), И. Гошкевича, В. Горского, И. Захарова, А. Татаринова, М. Храповицкого, К. Скачкова, П. Попова, К. Павлинова, Д. Пещурова, иером. Николая (Адоратского), иером. Алексия (Виноградова), митр. Иннокентия (Фигуровского) и др. Среди прикомандированных к Пекинской Миссии в разное время были такие известные ученые, как будущий академик востоковед В. П. Васильев, монголист О. М. Ковелевский, ботаник А. А. Бунге, астроном Е. Н. Фус.

Не все члены Миссии, однако, выдерживали длительный отрыв от Родины, непривычные климат и быт, материальные трудности, связанные с нерегулярным поступлением денег из России. Многие из них так и не вернулись на Родину, скончавшись в Китае. Иные, порой, не отличались благочестием.

Настоящий сборник посвящен истории длительного периода существования в Китае Российской Духовной Миссии — с 1715 по 1954 гг., деятельности отдельных ее начальников и наиболее видных членов от 1-й до последней 20-й Миссии.

Исходя из того, что наиболее полное описание первых Миссий было сделано членом 16-й и 17-й миссий иером. Николаем (Адоратским) в книге “Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам”. Вып. 1-2 (Казань, 1887), уже давно ставшей библиографической редкостью, составители сочли целесообразным включить в настоящее издание первую часть этого труда — “История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685—1745)”.

В 1997 г. исполняется 220 лет со дня рождения Начальника 9-й Миссии о. Иакинфа (Бичурина), выдающегося российского востоковеда. Часть статей сборника посвящена его научному подвигу, признанию Российской Академией наук его огромных заслуг перед отечественной и мировой наукой. На архивных материалах детально прослежена также история отправления 9-й Миссии в Китай.

Несколько статей рассказывают о Пекинской Миссии в XX в., особом периоде в ее истории и вместе с тем наименее изученном.

Читатель найдет в статьях сборника свидетельства духовной пастырской деятельности членов Российской Православной Миссии в различных районах Китая, а также очерк современного китайского ученого Юэ Фэна о роли православия в изучении и популяризации китайской культуры. В качестве приложения к этой статье в сборнике дан текст Постановления Госсовета КНР от 31 января 1994 года за № 144 "О регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР", из которого видно отношение правительства КНР к религиозной деятельности иностранцев на территории КНР в настоящее время.

Авторы и составители сборника выражают надежду, что данный труд, знакомя читателей с богатыми давними традициями российско-китайских духовных и культурных связей, будет способствовать дальнейшему росту взаимопонимания между нашими народами-соседями и государствами-соседями — Россией и Китаем, имеющими самую протяженную в мире общую сухопутную границу длиной свыше 4000 км и богатую, более чем 350-летнюю историю взаимных духовных, культурных, торговых и политических контактов⁴.

Академик С. Л. Тихвинский

⁴ Об истории Пекинской Миссии также см.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993.

**1727 г., октября 21. — Кяхтинский трактат
с условиями политических и экономических
взаимоотношений между Россией и Китаем
(текст трактата с русской стороны)**

Статья 5-я

Коем или дом, который ныне для российских в Пекине обретается, будет для россиян и впредь приезжающих, оные сами будут жить в сем доме. А что российской посол Ильирийской граф Сава Владиславич представлял о строении церкви, зделана в сем доме вспоможением вельможей, которые имеют надсмотрение в делах российских. В сем доме будет жить один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы (священника), которые прибудут, как решено. Когда прибудут, дастся им корм, как дается сему, которой прежде приехал и при той же церкви поставлены будут. Россияном не будет запрещено молиться и почитати своего бога по своему закону. Кроме того, четыре мальчика учеников, и два побольшого возраста, которые по-русски и по-латыне знают и которых посол российской Ильирийской граф Сава Владиславич хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмутся назад.

* Публикуется по тексту: Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 19—20.



*Се сии издалеча приидут...
от земли Синим (Ис. 49, 12).*

Иеромонах Николай (Адоратский)

**История Пекинской Духовной Миссии
в первый период ее деятельности
(1685 — 1745)**

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКИМ СИНОЛОГАМ

I

**Положение православия и православной Миссии
в Китае**

Ввиду 200-летнего юбилея нашей Пекинской Духовной Миссии, благовременно оглянуться на ее прошлое, восстановить полузабытые имена немногих ее сподвижников, подвести итоги скромной их деятельности и воздать благодарение Господу Богу за споспешествова-

ние во благое чаяние нашей св. церкви и дорогого Отечества. Существование в Китае православия имеет более глубокий внутренний смысл и, можно сказать, провиденциальное значение¹, чем пребывание в нем других языческих и христианских исповеданий, сильных по числу своих адептов. Важнее же всего тот знаменательный факт, что православие не вторгалось насильственно в Срединную империю, как то было с другими исповеданиями. Впервые оно явилось сюда в XIII столетии в лице нескольких десятков тысяч русских, взятых в плен монголами при нашествиях их на Русь². Подобно западным славянам, они были поставлены монгольскими завоевателями Китая в служебную роль и по своей малочисленности равно как и по восприимчивости славянской натуры скоро были охвачены огромной китайской нацией. После XIV столетия первые православные дружины, лишенные нравственно-религиозной связи

¹ “Если позволительно думать, что каждому государству суждено играть в мировой жизни ту или другую культурную роль, сообразно с его силами и географическими условиями, то по отношению к России, как стране, лежащей между Европой и Азией, эта роль должна разыграться в будущем не на западноевропейских границах, а на азиатском востоке. Здесь она может проявить и применить свои силы, как последовательное звено в распространении западноарийской цивилизации на азиатский восток, не принимавший до сих пор участия в этом круговом умственном движении. Приняв это дорогое наследство из рук Европы, последовательно передавшей его от одного исторического народа другому. Россия в свою очередь должна быть и носительницей этого светоча, и распространительницей его в более далекие восточные пределы. Поэтому, по отношению к Европе она играла роль ученика, по отношению к Азии должна играть роль учителя”. — *Флоринский В.* Соображения по вопросу о существующих границах России с Китаем (прилож. к кн.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. С. 540).

² При своих набегах на Русь, число которых восходит до 48 (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 1857—1879 гг. Т. IV. С. 243), монголы забирали много пленных. По указанию проф. Васильева, о киевлянах упоминается в *Вэн-син-тун-као*, части *Сюй-сан-туна* (продолжение Юань-ши). Монголы имели обыкновение из покоренных ими

со своим отечеством, затерялись на крайнем востоке³, заглушенные языческими терниями⁴.

Русская колонизация⁵ во второй половине XVII в. дошла за хвостом пушного зверя до реки Амур⁶ и здесь

народов выбирать молодых людей и составлять из них дружины для ханской гвардии. — Архим. *Палладий*. Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. СПб 1872/7. Т. 1. С. 47—50; Духовная Беседа, 1863, N 27, С. 368 и далее.

³ К настоящему востоку не следует причислять ни Персию, ни Турцию: это не более, как юг запада. Настоящий восток — это нынешние китайские владения с югом в Индии и севером Сибири. — Проф. *Васильев*. Открытие Китая (оттиск из газеты Русский Дневник за 1859 г). С. 3.

⁴ Русские являются особым отрядом Пекинской гвардии в 1330 г., когда на престол вззошел хан Тутекур. Тогда же для русских полоненников как солдат был устроен лагерь или поселение, на севере от столицы, для чего правительство откупило у крестьян землю. Русские солдаты были снабжены земледельческими орудиями. По мнению о. Палладия, местом поселения русских была окраина Китая, или горная межа, отделяющая Китай от Монголии (Старые следы. С. 49 и 50). По преданию, потомки русских жили около Лобнора (сообщ. проф. Васильева). Позднейшие полоненники из русских ссылались на юг Китая, в провинцию Фуцзянь и Гуан-дун (Моск. Архив МИД, Пекин, Миссии дело N 16, 1766—1769). По преданию самих албазинцев, много потомков русских живет в провинции Сычуань (О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886 март. С. 260).

⁵ “Отдаленные наши владения на востоке должны быть милы всякому русскому сердцу; на них каждый русский может указать с такою же гордостью, с какою западная Европа указывает на Америку. С незначительными средствами мы сделали для человечества все, что могли: в страны от сотворения мира не выдавшие оседлой жизни, в страны, предоставленные на волю зверей и таких людей, которые походили на многочисленных своих четвероногих сожителей, мы внесли оседлость, бросили первые семена цивилизации и провозгласили истинного Бога всем дикарям до лесов, обитаемых колошими... Мы не истребляли инородцев мечами, а сливаем их с собою, обращаем в русских. До сих пор наши действия были медленны. Но за то не будут ли они прочнее блестящих действий европейцев XVI и XVII столетий, когда заводились и развивались в Азии и Америке колонии? Нам было больше труда. Мы должны были бороться с климатом и естественными преградами. И все это делалось негласно, не известно для всего нашего народа и потому без сочувствия его к великому делу”. — Проф. *Васильев*. Открытие Китая. С. 29—31.

⁶ “Наша Сибирь была недоконченною без Амура: она не имела свобод-

соприкоснулась с сибирскими инородцами и маньчжурами. Горсть русских удалцов в 1685 г. берется в плен китайцами на ставшем от того времени спорным Амуре и приглашается в Пекин на службу к китайскому богдыхану. Там ожидала их не особенно отрадная судьба их предшественников не из одних русских (несториан и евреев), тем более, что они поставлены были в условия жизни, совершенно одинаковые с прежними их соотечественниками. Наследственная служба и религиозная связь с православной Россией спасли эту дружину от расплавления в огромной этнографической лаборатории Китая, и православие благодаря главным образом Пекинской Миссии *de facto* непрерывно существует здесь в течение уже 200 лет.

В связи с таким оригинальным положением русских представителей православия в Поднебесном государстве, Духовная наша Миссия началась с конца 1685 г. в лице смиренного иерея Максима, приведенного насильно в Пекин самими русскими пленниками. Это также характеристическая черта в положении православной Миссии в Китае. Такого рода обстоятельство сразу зарекомендовало ее в глазах подозрительного и недоверчивого китайского правительства и дало возможность русской светской и духовной власти к поддержанию в Китае значения православной

ного выхода в Океан, которому судьба уготовала в будущем иметь тоже значение, какое имело в древности Средиземное море, но только несравненно в более громадных размерах. Не один Китай открылся нам с приобретением Амура: пред восточною Сибирью лежат Япония с Кореей и Америка, а далее манят ее к себе острова Тихого Океана и самая Индия... Теперь новая эра начинается для нашего востока. Амур, это богатая, чудная река, которой давно так нетерпеливо ожидала Россия, вдруг потекла по нашим владениям. От пределов Кореи и Ситхи из твердой земли образуется естественная арка, поперек соединенная цепью Алеутских и Курильских островов, примыкающих к нашему Сахальяну". — Там же. С. 30—32.

России. От гения Петра Великого не ускользнули такие знаменательные факты в истории русской колонизации на крайнем востоке, какими были занятие казаками Амура и поселение русской дружины в Пекине. При полном сочувствии и поддержке в этом отношении со стороны православной церкви, он постарался обеспечить на будущее время положение православных пленников в Китае. Уже в указе от 18 июня 1700 г.⁷ он задумал составить для последних специальную Миссию с заманчивой целью привести в православную веру хана китайского с народом. Мысль о постоянной Миссии в Пекине осуществилась в 1715 г., и с этого времени православные миссионеры уже не исчезали с почвы Срединной империи. В составе членов Миссии за 200-летнее ее существование заметны были два направления, или течения, — малороссийское и великорусское, первое более пассивное, второе более активное. Малороссийское течение преобладало в XVIII столетии, великорусское — в настоящем. Впрочем, в обоих столетиях встречались в Миссии представители того и другого направления, типические черты которых определены уже русской историей⁸.

Нужно отдать честь и самому китайскому правительству, несмотря на его систему уклончивости и медлительности в дипломатических вопросах, не только одоббившему мысль о постоянной Российской Миссии, но и помогшему осуществить ее. Относясь с большим уважением к российским монархам, богдыханы со своими чиновниками благосклонно и доверчиво смотрели и на российских миссионеров⁹. Поддерживая (до 1858 г.)

⁷ Полный свод законов (Далее: П.С.З.). Т. IV, N 1800. С. 60.

⁸ О. Иакинф Бичурин, гл. II // Прав. Собеседник. 1886, февр. С. 166—170.

⁹ Это уважение сказалось в освобождении российских посланников с

членов православной Миссии жалованием и натуральным содержанием, пекинское правительство всегда относилось к ним покровительственно и благодушно: не только не подвергало их гонениям и изгнанию, к чему много раз прибегало относительно католических и протестантских веропроповедников, напротив, "содержало их во всяком благопризрении, без малейшего притеснения"¹⁰ и много сделало для облегчения тяжелой участи наших соотечественников — в местах столь отдаленных. Представители российской церкви почти никогда не были стесняемы в своих сношениях с местными жителями¹¹, хотя не были изъяты от надзора пекинской полиции. Во всех случаях, когда Миссия обращалась к китайскому трибуналу за защитой и правосудием, она почти всегда получала удовлетворение, с некоторым даже предпочтением пред самими подданными Срединной империи¹². В глазах китайцев Миссия наша не имела политического характера; тем не ме-

XVIII столетия от тех унижительных поклонов и церемоний, которыми необходимо условливалось тогда представление Сыну неба дипломатических представителей всех других государств. — Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 312.

¹⁰ *Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами, с 1619 по 1792 г. С. 305.

¹¹ Только один раз члены нашей Миссии были заперты на некоторое время в русском подворье и не выпускались наружу из-за неудовольствия китайского правительства на российское. Это было в 1759 г. при архим. Амвросии Юматове. Но и тогда наши миссионеры получали содержание от китайцев, которые вовсе не думали высылать их из Пекина. В то время по этому вопросу китайский трибунал так писал в Россию (от 4 августа 1761 г.): "Когда б мы ламов (священников) их держать у себя не захотели, давно бы вон выгнали. Что нам пользы изнурять таких людей?.. Пусть с своими людьми прямо в Пекин пришлют (товары для обмена на деньги) и чрез их сведают о ламах — изнуряемы они были, или нет?" — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 305, 306. Не так поступали китайцы в тоже время с католическими миссионерами, как будет показано ниже.

¹² История Российских иерархов. II. С. 485.

нее Начальникам и членам ее часто удавалось приобрести расположение тех лиц, которые так или иначе могли иметь влияние на ход политических дел китайской империи¹³. Через связи с членами пекинского трибунала наши миссионеры вовремя узнавали о предметах более или менее важных для сношений России с Китаем и заблаговременно могли предварять обо всем российское правительство¹⁴. Все это делалось не без ведома самих китайских властей.

Исключительное положение православной Миссии в Пекине часто возбуждало зависть в европейцах, до 1860 г. не имевших прочной оседлости в столице Китая, и подозрения в том, что Российская Миссия пользовалась там большим влиянием¹⁵. Эти подозрения были безосновательны и преувеличены. Своим исключительным положением в резиденции китайского богдыхана православная Миссия была обязана основным принципам православия, которых

¹³ Инструкция архим. Поликарпу от 6 апреля 1840 г. N 729 (в архиве Миссии).

¹⁴ Инструкция архим. Палладию от 3 мая 1849 г., N 1450 (в архиве Миссии).

¹⁵ Проф. *Васильев*. Воспоминание об И. И. Захарове (оттиск из Журн. Мин. Народ. Просвещ. за 1885 г.). С. 6; Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии 1860, кн. 4. С. 311. "Побывать в столице Китая составило прежде предмет зависти. Как досадовали европейцы на то, что мы русские одни бываем в Пекине!.. А иной из русских проводил жизнь в этом городе по 10 (и более) лет, не видя ни одного нового лица ни из европейцев, ни из своих соотечественников. Сколько раз приводилось ему в отчаянии произносить проклятия на это редкое счастье!.. Для русских главное зло состояло в том, что они были одни. Ничто не подстрекало их к деятельности, ничто не поддерживало в проявлявшихся подчас стремлениях, ничто не утешало в обманутых надеждах, или в холодности всего окружающего. Нет сомнения, что наше пребывание в Пекине имело не малое влияние на стремление к нему европейцев. Но можно сказать утвердительно, что они ошибались в своей зависти". — Проф. *Васильев*. Воспоминания о Пекине (оттиск из "Северн. Пчелы" за 1859 и 1860 гг.). С. 23; Его же. Русско-китайские трактаты (оттиск из "Северн. Пчелы" 1859 г.). С. 21; Ср. *Дюмон-Дюрвиль*, Всеобщее путешествие вокруг света, М., 1836, ч. IV. С. 139.

она держалась в отношениях своих к правительству китайскому и его подданным. Руководствуясь сначала грамотами тобольских архипастырей, а потом следуя внушениям Министерства Иностранных Дел и особенно синодальным инструкциям, пекинские миссионеры наши всегда были верны желаниям и требованиям своего начальства относительно повиновения предержащим местным властям, невмешательства в какие бы то ни было гражданские дела, особенно же относительно мира, любви и братского общения со всеми¹⁶. Имея ближайшей своей задачей пастырский надзор за потомством албазинцев, наша Миссия всегда держалась указанных ей границ нравственно-религиозной сферы, не вела пропаганды, не вмешивалась в политику, не интриговала при дворе богдыхана, не увлекалась и меркантильными целями¹⁷. Безкорыстно благодетельствуя своим пасомым, она

¹⁶ "Православные миссионеры воздавали должное почтение и уважение богдыхану и его мандаринам, жили в мире и согласии с китайцами, с которыми входили в сношения, не водились в отношении к другим проповедникам духом зависти и соперничества." — Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 313.

¹⁷ "Пропаганда, которую ведут в Китае европейцы, сделалась орудием политических и коммерческих целей. Естественным последствием этих злоупотреблений явилась ожесточенная ненависть китайцев как к своим соотечественникам, обращенным в христианство, так и к христианским миссионерам и их правительствам, в особенности к французскому и английскому, которые злоупотребляют своими правами. Миссионеры сделались в полном смысле злом для Китая, и неудовольствие против них всеобщее. Ненависть к ним ярко выражена в словах, обращенных принцем Гуном к отъезжающему из Китая (в 1869 г.) великобританскому послу, сэру Р. Олькоку (Alcock): "Сделайте милость, увезите с собой опиум и миссионеров". Корыстолюбивые цели, которых, под видом распространения христианства в этой стране, добиваются англичане и французы, заставляют китайцев ненавидеть без различия всех европейцев и смотреть на них, как на своих заклятых врагов". — Проф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1883, т. II. С. 125—127; Ср. Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Прав. Собеседник, 1885, сент.; Протестантская пропаганда в Китае // Прав. Обозрение. 1886, авг.; Положение миссионерства в Китае // Прав. Собеседник. 1885, май.

ограничивалась одною задачею: учила их послушанию православной церкви и повиновению местным властям¹⁸. Воздавая таким образом Кесарева Кесареви и Божия Богови, наша Миссия с ведома китайского правительства могла получить от своего новую обязанность — служить посредницей при дипломатических и торговых сношениях России с Китаем, которые велись отдельно и самостоятельно от Миссии. И в этом направлении ей удалось бескорыстно выполнить выдающуюся роль. По замечанию проф. Мартенса, она своею деятельностью оказала немаловажную услугу русскому народу¹⁹.

При такой двойственности своих нелегких обязанностей, Пекинская наша Миссия служила некоторое время узлом, связывавшим две соседние империи. Кроме того, она имела в своей среде так называемых учеников или студентов, подготовлявшихся для драгоманской службы²⁰, и долго была единственным рассадником в России знато-

¹⁸ “Характеристическая черта, отличающая во всех отношениях Пекинскую (православную) Миссию от других духовных миссий и от всех религиозных конгрегаций, основавшихся в Китае, (есть) самое тщательное соблюдение со стороны Миссии автономии китайского правительства. Никогда Миссия не присваивала себе права защищать против собственного правительства тех немногих китайцев, которые добровольно примкнули к православной церкви; никогда не старалась она вызывать и неудовольствие, или злоупотреблять своим нравственным влиянием”. — Проф. *Мартенс*. Россия и Китай. Перев. Телесницкого. СПб., 1881. С. 47.

¹⁹ *Мартенс*. Россия и Китай. С. 48; Ср. *Семенов П.* Обзорение Амура в физико-географическом отношении // Вестник Имп. Русс. Геогр. Общества. 1855, т. VI. С. 253.

²⁰ Ученики при Пекинской Миссии могут быть названы первыми после албазинцев русскими драгоманами. За ними следуют ученики из латинских школ Москвы, посылавшиеся в Персию для изучения восточных языков. — П. С. З. Т. V, N 2978, от 18 января 1716 г.

ков китайского и маньчжурского языков, а потом из нее вышли и первые русские консулы на крайнем востоке²¹. Далее, Миссия до конца 70-х годов настоящего столетия служила правительству хорошим органом для получения новостей о Китае из самого лучшего источника и к изучению этой мало известной страны в разных отношениях²². Наконец, при неумении китайцев составить хоть одну бумагу по-русски²³, она знакомила их с русским языком. Так, китайское правительство само давало учителей светским членам нашей Миссии и потом доверяло им для перевода и рассмотрения все бумаги, приходившие в Пекин из России или из Европы к католическим миссионерам, и, кроме того, поручало членам, а некоторое время и Начальникам православной Миссии обучать целые толпы китайских мальчиков русскому языку. За все это трудившиеся

²¹ Проф. *Васильев*. Воспоминание об И. И. Захарове. С. 4, 8 и 18.

²² "Архивы и библиотеки — азиатского департамента Мин. Иностр. Дел, Императорской Академии Наук, Публичной библиотеки и св. Синода содержат в себе значительное число манускриптов и произведений, относящихся к истории, институциям, управлению, религии, медицине, ботанике, географии, астрономии и т. п. Китая. Эти точные и обширные труды принадлежат перу ученых членов Пекинской Миссии, прославивших ее своими блестящими талантами и эрудицией, глубоким знанием китайского языка, сношениями с местными властями и доступом в разные трибуналы... Очень мало из этих трудов было опубликовано и еще меньше переведено". — *Dudgeon J.* Historical sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China. Peking, 1872. P. 2; *Мартенс*. Россия и Китай. С. 48; *Тимковский*. Путешествие в Китай. СПб., 1824, II, 9; Ср. *Семенов П.* Обзорение Амура в физико-географическом отношении: "На пути караванной дороги в Пекин... преимущественно наши Духовные Миссии решили важнейшие спорные вопросы азиатской орфографии о возвышении главного азиатского нагорья. Учреждение магнитно-метеорологических обсерваторий при нашей Миссии в Пекине (и в разных частях Сибири) обусловило в неимоверной степени успехи метеорологии и привело в ясность все климатические отношения Азии" (Вестник Имп. Русс. Геогр. Общества. 1855, т. VI. С. 252, 253).

²³ Проф. *Васильев*. Русско-китайские трактаты (оттиск из "Северной Пчелы", 1859). С. 21.

получали от правительства Срединной империи хорошее жалование и награды, а некоторые из них пользовались вниманием самого богдыхана и уважением его сановников²⁴. Таким образом присутствие в Пекине Российской Духовной Миссии, которая подготовила возможность открытия потом и светской, постоянно напоминало китайскому правительству о существовании дружественного и могущественного соседа²⁵.

После открытия дипломатической миссии (в 1861 г.), Духовная с 1863 г. снова возвращается из ведомства Министерства Иностранных Дел в первобытное свое положение под ведение св. Синода и чрез то получает большую чем прежде возможность проявлять свою деятельность в одной нравственно-религиозной сфере. Сосредоточившись в силу второго параграфа новой синодальной инструкции на поддержании православия среди потомков албазинцев и новокрещенных китайцев, она за последнее 25-летие направила свою деятельность по преимуществу на переводы священного писания и богослужебных книг, на улучшение церковного пения, на оживление церковной проповеди и усиленное преподавание христианских истин в школе²⁶. Продолжая быть связующим звеном для русских, проживающих в городах Срединной империи, каковы: Пекин, Калган и Тяньцзинь, Миссия в настоящее время расширила свою деятельность освящением 26 апреля 1885 г. православного храма и открытием богослужения на юге Китая, в городе Ханькоу — главном центре чайной торговли. Своими же переводами она ответила на

²⁴ Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 312.

²⁵ *Мартенс*. Россия и Китай. С. 45.

²⁶ Настоящее положение и современная деятельность православной Миссии в Китае // Прав. Собеседик, 1885, август.

религиозно-нравственные потребности не только православных китайцев, но и родственников им японцев²⁷, а также корейцев, маньчжуров и китайцев, проживающих в Сибири²⁸.

В историческом итоге деятельность православной Миссии в Пекине оказалась вполне солидарной с политикой России, которая всегда была далека от цели ослабления

²⁷ Письма иером. Николая из Японии к архим. Палладию от 26 апреля и 27 июля 1867 г. говорят о получении первым от Пекинской Миссии Нового Завета на китайском языке, Краткой священной истории, Зеркала, Катихизиса для оглашенных, Утренних и вечерних молитв, Земной жизни Иисуса Христа (все это переводы Пекинской Миссии). — Письма архим. Николая (из Японии) иером. Исаии от 14 апреля и 24 августа 1871 г.: «Пекинская Миссия — мать японской, без Пекина японцы неопытны и немь». Ср. также письмо архим. Николая к о. Палладию от 6 октября 1872 г. о получении первым церковного словаря, составленного о. Исаией, под руководством о. Палладия. Все эти письма хранятся в архиве Пекинской Духовной Миссии. В 1882 г. архим. Флавианом, Начальником ее, были отвезены лично в Японию к преосв. Николаю все рукописные переводы Пекинской Миссии, в том числе: служебник, требник, октоих и др. В 1883 г. произведен Пекинской Миссией новый перевод богослужебных книг, которые и были отпечатаны в начале 1884 г. в 20 книжках. — См. Отчет г. Обер-Прокурора св. Синода за 1883 г. // Церковный Вестник. 1885, N 50. С. 178, *Ивановский А.* Богослужебные книги православной церкви на китайском языке. // Христиан. Чтение., 1885, т. II. С. 490—502; *Наша Миссия в Китае* // Совр. Изв. 1886, N 190.

²⁸ Отчет преосв. Вениамина, еписк. Благовещенского за 1870 г.: помощь со стороны Пекинской Миссии переводами на маньчжурском (перевод Нового Завета Липовцева) и китайском языках; переводы понятны для амурского населения (Ирк. еп. ведомости. 1871, N 32. С. 631). Отнош. преосв. Мартиниана, еписк. Камчатского, от 4 апреля 1880, N 605, с просьбою о высылке ему книг на китайском, маньчжурском и корейском языках. Отнош. архим. Флавиана от 8 июля 1880, N 7 еписк. Мартиниану с 4 тьюками китайских переводов Пекинской Миссии. Отнош. преосв. Мартиниана, еп. Камчатского, от 11 июня 1882, N 1126, с уведомлением о получении книг. Отнош. свящ. Кульджинской церкви о. К. Седачева, от 14 июня 1873, N 3, насчет высылки из Пекинской Миссии переводов богослужебных книг. Отнош. архим. Флавиана от 8 ноября 1879, N 24, преосвящ. Александру, еп. Туркестанскому, с двумя тьюками книг, изданных Пекинской Миссией; Ср. Адрес Пекинской Миссии по случаю 50-летнего юбилея высокопреосв. митр. Исидора // Церк. Вестник. 1884, N 46. С. 19.

жизненных сил Китая и от стремления навязать жителям его блага христианской цивилизации в ущерб их национальной самостоятельности, к чему клонится деятельность других европейских Миссий²⁹. Православной России первой принадлежит честь воздействия в последнее время (1 июня 1858 г.) на косный Китай и получения от него согласия на признание свободы убеждений и христианской проповеди³⁰. Но выговорив такие условия, Россия не воспользовалась данным ей правом свободной проповеди в Китае и ограничивает до ныне²⁹ положение Духовной Миссии смиренной и скромной ролью³¹, которая отвечает вполне внутреннему характеру православия и настроению иноков, входящих в состав Миссии³².

II

Начало амурского вопроса и история Албазина

Сношения России с Китаем делаются более частыми с половины XVII в., когда колонизационное движение

²⁹ *Мартенс*. Россия и Китай. С. 7.

³⁰ "В деле открытия Китая (в 1858 г.) на долю России (и отчасти Соединенных Штатов) выпала та честь, что она по возможности спасла Китайскую империю от унижения. Не будучи в войне с Китаем, она первая заключила трактат и доставила китайскому правительству то утешение, что оно приступило к переговорам с английскими и французскими дипломатами не под громом пушек, а по добровольному внушению и при посредничестве двух великих держав — России и Соединенных Штатов. Китайцы хорошо это поняли". — Проф. *Васильев*. Открытие Китая. С. 5 и 6.

³¹ "Католическая и протестантская пропаганды вносят в Китай под знаменем христианства, вместе с массой благодетельства и просвещения населения страны, тенденции, несвойственные истинному христианству, каковы политические и меркантильные расчеты. Одна православная миссия в Пекине остается неповинной в последнем и не может не сознавать, что достоинство православия для нее дороже временных интересов". — Положение миссионерства в Китае // *Прав. Собеседник*, 1885, май. С. 73.

³² Там же, С. 71, 72; Ср. Православие и Православная Миссия в Китае. *Совр. Изв.* 1886, 25 дек., N 355.

русских направилось на край восточной Сибири “проводить про новые земли”. С этого времени река Амур становится главным узлом, где завязывались сношения, а иногда и столкновения русских с китайцами. Протекая 3000 верст на восток и юго-восток по стране, с избытком наделенной природою, и соединяясь через Охотское море с восточным океаном¹, Амур представлял для русской цивилизации множество видов в церковном, политическом, торговом и научном отношениях². Все это было или не понято, или пренебрежено косными и близорукими правителями Срединной империи. Настоящими владельцами этой страны, по сознанию самих китайцев³, были тунгусы и другие туземцы, которые сочувственнее относились к русским, чем к китайцам, и охотнее платили подать первым, чем последним⁴. На подмогу первым пионерам из русских охотчих людей, проникшим на Амур, скоро выступило российское правительство и православная церковь, обоюдно желавшие обратить в православие всех инородцев, даже за пределами русских владений⁵.

¹ “Приамурский край в составе областей: Забайкальской, Амурской и Приморской, а также о. Сахалин, занимает около 2 600 000 кв. верст, при чем наибольшая площадь, около 1 600 000 кв. верст, приходится на долю Приморской области с о. Сахалин. Поверхность края по преимуществу гористая, и долины занимают не более 1/10 части всей поверхности края”. // Газета “Владивосток”. 1886. N 10. С. 5; Отчет о первом заседании второго Хабаровск. съезда; Ср. О. Иакинф. Статист. описание Китайской империи II, 220 и т.д.

² Спасский Г. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии // Вестник Имп. Русск. Геогр. Общества. Т. VII. С. 23.

³ “Шен-цзин-тун-чжи”, тетр. IV, 40: указ богдыхана правления Канси от 1700 г. об уступке русским земель на Нибчу (Нерчинске). Нибчу же и другие места первоначально были старою Булатэ (бурят) и Улянхай (гиляков), которые жили в лесах и занимались ловлей соболей. Их называли Шу-чжун-жень — лесными.

⁴ Спафарий. Путешествие чрез Сибирь, изд. Арсеньева, СПб. 1882. С. 172; Мартенс, Россия и Китай. С. 9.

⁵ Иркут. еп. ведомости. 1874, N 39. С. 518.

Успехи русских скоро вызвали оппозицию правительства Срединной империи. В это время (с 1644 г.) в столице Китая Пекине произошла перемена минской династии на маньчжурскую. Представители нового дома должны были относиться с особенною привязанностью к своей родине, соседней с Сибирью и, следовательно, с энергией противодействовать поступательному движению русских около Маньчжурии⁶. Кроме того, маньчжуры присваивали себе права верховной власти над всем течением реки Амур. Правительство же московского царя, при большом расстоянии, отделявшем его от Амура, не было в состоянии в то время отстоять свои неоспоримые права на вновь занятые земли и, ради сохранения дружественных отношений с Китаем, уступило на время его претензиям, предоставив себе право в будущем решить это спорное дело⁷. Вследствие этого река Амур и вся местность, омываемая ею, были отданы, по трактату 1689 г. китайцам и находились в их руках почти 170 лет⁸. Таков смысл амурского вопроса, проходящего через большую половину 200-летней истории Пекинской Духовной Миссии и в 1858 г. счастливо разрешенного при ее энергичном содействии в пользу России, “ради давней дружбы двух империй”.

В стремлении за пушным зверем и драгоценными металлами русские промышленники-оптовщики, охотничьи люди и казаки, первые деятели в распространении христианства по Сибири⁹ в 1643 г. приблизились к Амуру. Во-

⁶ “Шен-цзин-тун-чжи” IV, 22-24: указ от 1685 г. насчет изгнания русских из Албазина, потому что дело происходило близ родины маньчжурской династии.

⁷ *Мартенс*. Россия и Китай. С. 9 и 10.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ “Первые русские поселенцы в Сибири являлись там и первыми христианами. Общим правилом тогдашних русских сибиряков было: где зимовье

сторженные рассказы о богатстве страны и ее обитателей, выслушенные от казака Пояркова, проехавшего впервые по Амуру с партией охочих людей¹⁰, вызвали туда новых пионеров. К этому времени, а именно в 1647 г., енисейский воевода Пашков окончательно проникает за Байкал, в страну бурят и тунгусов¹¹. “Старый оптовщик Ерофейко Павлов Хабаров, со служилыми и охочими, с промышленными людьми, во 158 (1650) г. на государеву службу шел на спех¹² и пришел в новую даурскую землю, на великую на Амур-реку, в княж Лавкаево княжение, к их даурскому городу¹³. И они, даурские люди, подсмотря их и не допустив до того их даурского города, вышли на вылазку, и в том месте с ними бой поставили и бились с ними с половины дни до вечера. И на том бою их даурских людей многих побили, а у него Ярофея в полку ни одного человека до

ясажное, там и крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там управление воеводское, огнестрельные снаряды и монастырь, кроме церкви”. — *Словцов*. Историческое обозрение Сибири. 1838, ч. I. С. 58; *Сумароков*. Миссионерство в Сибири. // Христ. Чтения, 1883 г., ч. II. С. 420; Краткий очерк распространения христианства в Сибири // Иркут. еп. ведомости. 1882, N 51. С. 655.

¹⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 517.

¹¹ Иркут. еп. ведомости. 1872, N 25. С. 308.

¹² Он в первый раз был на Амуре летом 1649 г., но дошел только до устья реки Тугир. В 1650 г. 18 января он пустился вверх по реке Тугир, перевалил через хребет и достиг Амура весной, перед масляницей. — Акт. ист. IV, N 31. С. 67, 68, 72, 73; Историч. акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649—1651 гг. // Сын Отечества. 1840. Т. I. С. 105, 117-119; *Невельский*. С. 4.

¹³ Это был Албазин (по-кит. Якса), основанный тунгусами в 1645 г. (“Шен-цзин-тун-чжи”, IV, 25). Он был так назван по имени даурского князя Албазы, имевшего около него свои владения (*Сгибнев А.* Русские на Амуре в XVII столетии // Газета “Амур”. 1860, N 32. С. 433), и лежал под 122 гр. долг. и 54 гр. шир., на левом берегу Амура, против впадения в него р. Албазихи, в 237 верстах ниже соединения Шилки с Аргунью в нынешней Амурской области. На месте старого Албазина позникла ныне Албазинская станица. (*Щеглов*. Хронологич. перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883. С. 104. Ср. Словарь Семенова, т. I. С. 50; *Рудинский Д.* Христианство в Китае // Херс. еп. ведомости. 1865, N 12. С. 147).

смерти не убили, только переранили двадцати человек. И те даурские князья и со своими улусными людьми против того бою стоять не могли и, покиня тот свой город и с хлебными запасы, пометався на кони, все побежали вниз по Амуру реке... И он Ярофей с тем войском занял тот Албазин даурской город и (в нем) засел"¹⁴. Заручившись новой военной силой в несколько сот человек и разрешением воеводы Дмитрия Франсбекова разведать о жителях амурского края¹⁵, русский удалец весною 1651 г. отправился вниз по Амуру-реке, где разузнал, что там жили тунгусы, гиляки и жучеры (al. чючеры), платившие дань амурскому владельцу Ламкаю (al. Лавкаю) и царю богдойскому Шемшахану (sic). С тех людей Ярко собрал ясак в пользу русского царя¹⁶. В 1651 г. Албазин представлял из себя уже острог, обнесенный полисадом¹⁷, и служил исходным пунктом для экскурсий его гарнизона вдоль реки¹⁸. О житье-бытье в Албазине казаков сибирское начальство так писало в Москву в том же 1651 г.: "А Ярофей Хабаров с служилыми и с охочими с промышленными людьми... живут в Албазине городе, в самом крепком месте, и за помощью-де, Государь, Божиею чают милости Божия, что их даурским людем из того места выжить будет ничем не мочно."

¹⁴ Акт ист. IV, N 31, С. 67, 74. *Соловьев С. М.* История России. Т. XII., С. 307, 309.

¹⁵ Моск. Арх. МИД. Кит. дела 1756 г., лист 18 на об.: "известие, присланное в 194 (1686) г. из сибирского приказа в посольской приказ о Нерчинске, Албазине и протчих острогах, кем и когда они построены"; *Сгибнев*. С. 433-434; *Невельский*. Цит. соч. С. 4.

¹⁶ Кит. дела 1756 г., листы 18 на об. и 19. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 22.

¹⁷ Моск. Арх. МИД. Докум. N 3 (1654-1733), лист 4 на об.: краткие выписки о бывших между китайским и российским государствами переговорах.

¹⁸ Казаки плавали по Амуру, дрались с даурскими людьми, отбивали у них скот, брали ясак соболями, расспрашивали о жителях по Амуру и другим рекам. — Акт. ист. IV, N 31. С. 74-76. По расспросам сибирцев, из нерчинского

А хлеба-де, Государь, у них служилых людей хоть на пять лет, ино будет запасного, что взято в городе у даурских людей”¹⁹. Такие речи не были пустыми: даурским людям действительно не скоро удалось выжить казаков из Албазина. Первый император маньчжурской династии, Шунь-чжи, в 1651 г. отправил к Албазину тысячную армию. Разогнав беспокойных соседей, китайская армия некоторых из них увела военнопленными в Пекин; но крепости албазинской не разорила, так как она стояла на нейтральной земле. По удалении китайской армии, албазинцы снова заняли прежние свои поселения и укрепились в них²⁰.

“Такие с российской стороны поступки китайского богдыхана в *сумнение* и опасение привели. И для того оный велел объявить российским комендантам Нерчинска²¹ и Албазина, чтобы они не токмо подданным его никакого беспокойства чинить не дерзали и ясаку не собирали, но тако - бы, разоря Албазин и прочие от них построенные крепости, ретировались. Однакож коменданты на то ответ учинили, что они того без указу (Государя) чинить не могут”²². Дело кончилось разрушением Албазина в 1655 или 1658 г.²³ Но это не остановило движения русских удальцов. “Во 173 (1661) году собрався в илимском

(острога) до китайских наунских сел — ходу недели, а из албазинского — две недели. — Китайские дела 1756 г., лист. 19.

¹⁹ Акт. ист. IV, N 31. С. 76.

²⁰ Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 297. *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 148.

²¹ “Во 163 (1655) году, во время Государя, царя Алексея Михайловича, по отправленному к енисейскому воеводе Афанасию Пашкову указу, велено было ему идти в даурскую землю и построить там остроги. И оной Пашков в тое даурскую землю ходил и на Шилке реке Нерчинской острог построил”. — Китайские дела 1756 г., лист 19; *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 22.

²² Китайские дела. Документ N 3, лист 2.

²³ *Щукин*. Подвиги русских на Амуре. С. 15.

(остроге) пятидесятник Никифорко Черниговский с товарищи человек со ста, из илимского (острога) ушли²⁴ в даурскую землю и на Амуре реке построили (снова) острог албазинский и завели пашню. Из албазинского острогу присылалось в Москву ясаку до приходу китайских людей по пятидесяти, по сороку сороков соболей, по московской цене по девяти, по осми и по семи тысяч рублей”²⁵. “Во 177 (1669) году июня во 2 числе посылал Микифорко албазинских служилых людей 60 человек вниз по Амуру-реке в поход на дуарских и чючерских людей, а (сам) оставался в остроге, с небольшими людьми. И приходили под албазинский острог оленные тунгусы контогирского роду, и те тунгусы под албазинским острогом на пашне побили служилых людей трех человек и отогнали у них от острогу коней и рогатый скот. В 178 (1670) году тунгусы с ясачным платежом под аманатов не бывали, а сбиралось с тех тунгусов... на великих государей ясаку по 50 соболей”²⁶.

Удаляясь на Амур, Никифор с товарищами увлек с собою против воли строителя киренского монастыря, старца Гермогена²⁷. В 1666 г. последний жил в Албазине среди русских, а в 1771 г., с согласия всех албазинских казаков, заложил монастырь во имя Всемилоственного Спаса,

²⁴ Уйти им привелось из Киренска после убийства ими илимского воеводы Обухова, возвращавшегося по Лене в Илимск. Никифор был поляк и состоял смотрителем устькутского завода. — *Спафарий*. Путешествие в 1675 г. С. 22; История Российских иерархов IV. С. 370, 371; *Шукин*. Подвиги русских на Амуре. С. 15.

²⁵ Кит. дела 1756 г. Лист 19; *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 22.

²⁶ Акт. ист. IV, N 216 от 1670 г.: донесение в Москву боярского сына Данилы Аршинского.

²⁷ Историч. описание киренского Свято-Троицкого монастыря, составленное игуменом Лаврентием Мордовским в 1806 г. Введение (Отрывок в архиве Пекин. Дух. Миссии). В Миссии же есть портрет старца Гермогена.

немного выше Албазина, при урочище Брусяном камне²⁸. Его же старанию нужно приписать построение тогда же в Албазине церкви Воскресения Христова²⁹. В 1672 и 1673 гг. сюда было переведено несколько крестьян из Нерчинска и началось правильное земледелие³⁰. Устроив дела, Черниговский отправил в Москву челобитную с просьбою о прощении за убийство илимского воеводы. Эта челобитная была подписана 101 человеком. Виновные были прощены, а основатель поселения на Амуре был награжден 2000 рублей³¹. Албазин зависел тогда от нерчинского воеводы, который посылал туда управителей³². Теснимые инородцами и маньчжурами, албазинцы часто писали в Нерчинск, Енисейск и Тобольск, прося о присылке им помощи. К 1681 г. не только весь приамурский край составлял владение России, но, кроме того, в руках ее был бассейн Уссури и часть Сунгари до гор. Главными укрепленными пунктами здесь были Албазин и семь других острогов. Кроме того, по Амуру расположено было несколько деревень и слобод³³. В Москве, наконец, решили усилить Албазин и послать туда регулярный полк из казаков и охочих сибирских людей. В нем поэтому было учреждено воеводство, с подчинением последнему всего приамурского края, а город получил герб — орла с распростертыми крыльями, с луком в левой и стрелой в правой ноге. Первым воеводою был назначен Алексей Толбузин, прибывший в Албазин в 1684 г.³⁴

²⁸ Иркут. еп. ведомости. 1874, N 37. С. 489; N 38. С. 497.

²⁹ Акт. ист. IV, 454-456. *Филарет Черниговский*. История русской церкви, 1857, период 4. С. 55; *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 144.

³⁰ *Щукин*. Подвиги русских. с. 34.

³¹ Там же. С. 35.

³² Там же. С. 36.

³³ *Невельский*. Цит. соч. С. 9. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 22.

³⁴ *Щукин*. Цит. соч. С. 37.

“Сумнение” китайского богдыхана на счет хозяйничания на Амуре русских скоро перешло в открытую оппозицию. В то время (с 1662 г.) на китайском престоле восседал молодой богдыхан правления Канси, царствовавший 61 год (до 1723 г.)³⁵. Это был государь мягкий, либеральный и симпатизировавший европейцам. На его время падает самая блестящая эпоха деятельности в Срединной империи католических миссионеров³⁶, стараниям которых, как они уверяют, Канси был обязан своим престолом³⁷. Видя безуспешность своих посланий, которые, по китайскому обычаю, сочинялись “в гордом штиле”³⁸, с другой стороны слыша о продолжении русских “прогрессов” на Амуре³⁹, Канси с 1669 г. начал постепенно усиливать крепостями северную часть Маньчжурии. Подвигаясь к границе Даурии, маньчжуро-китайское войско встретило на Амуре сопротивление от русских “беглецов”, как их называл Канси в своих указах⁴⁰. В это время многие туземцы тунгусского происхождения, ожесточенные грабежами и разбоями казаков, передались маньчжурам, что и ускорило действия последних против русских⁴¹. Наши посты вниз по реке от Албазина сделались первыми предметами нападения китайцев и были скоро разорены. Так китайцы в 1682 г. выжгли долонский и селембинский остроги, оставленные русскими, а в 1683 г. разорили зейский и тугирский, взяв

³⁵ *Willams W.* The middle Kingdom. L. 1883, II, 186.

³⁶ *Ibid.* P. 297-304. Ср. Историч. очерк католич. пропаганды в Китае / Прав. Собеседник. 1885, сент.

³⁷ *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 237.

³⁸ Моск. Арх. МИД. Док. N 3 (1654-1733), лист 4 на об.

³⁹ Кит. дела, док. N 3, лист 4 на об.

⁴⁰ “Шен-цзин-тун-чжи”, IV, 15-25 (см. ниже) // *Сгибнев.* Цит. соч. С. 467.

⁴¹ *Сгибнев.* Цит. соч.

жителей в плен⁴². Затем китайцы стали стягивать силы против Албазина. По своей тактике, пекинское правительство сначала (в 1684 г.)⁴³ отправило в Албазин послание, составленное в китайском “штиле” и переведенное казаками, бывшими прежде в плену у китайцев⁴⁴.

“Богдойской славной великой земли, богдойский великий славный царь-богдыхан царский свой указ послал в Албазин приказному человеку. Во всю вселенную славен и велик, до всяких людей добр и милостив, как отец до детей, и на своей земле живу смирно и не трону никого. И вы пришли на мою землю и моих ясашных людей изгоняете, у промышленных людей соболей и запасы отнимаете... И я, богдойский царь, на вас послал большое войско, — убить и погубить вас желаю..., и велел делать выше Амура и на Амуре и ниже Амура и на Зее и ниже Зеи города, и не дам вам по-прежнему по Амуру и по Зеи повольно дуровать. И прежде того велел-было где вас ни увидят, тут и велел бить и имать, а ныне велел вас добром призывать на свое имя и жаловать. А которые ваши русские в прошлом (1683) году по Амуру реке вниз на Быструю встретили мое войско, и те ваши люди вдаль на мое имя 29 человек, и я их много пожаловал и ни единого человека не казнил⁴⁵. Прежде сдать ушли 4 человека, и тех всех переимали. И вы, албазинские и нерчинские люди, всякого дурна покинетесь: Гантимура⁴⁶ с товарищи назад отдайте и вы сами на-

⁴² *Бантыш-Каменский*. С. 22; *Сгибнев*. Цит. соч. С. 467; *Невельский*. Цит. соч. С. 9.

⁴³ У Бантыш-Каменского, (С. 36) по ошибке поставлено в 1682 г. Точнее у Сгибнева С. 467.

⁴⁴ *Щукин*. Подвиги русских. Цит. соч. С. 36.

⁴⁵ Ср. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38.

⁴⁶ Гантимур, родом тунгус, был начальником племени и прежде служил китайскому богдыхану, потом перешел в российское подданство в 1667 г.,

зад пойдите, а мы всякие дела меж собою покинем, и между собою в любви жить добро. И вы того не разумеете, и на моем рубеже станете жить, и в те поры вы ни небом, ни землею не закроетесь. Убить вас не желаю, и вам назад идти далеко. И вы подумайте, и *придите ко мне* на мое имя, и я вас много пожалую. А которые человеки ушли и поиманы, и я из тех людей двух, Михаила и Ивана, пожаловал и назад к вам послал, и с теми двумя послал свой царский указ — русскую грамоту и богдойскую и мунгальскую, и вам бы про то было ведомо. А буде от вас будут какие речи и письмо, и вы с теми двумя человеки пошлите, или *сами приидите*, не бойтесь ничего. Посла держать веры нет. Албазинскому приказному человеку ведомо чиним. Кан-хи, 22 лета, октября 9 числа”⁴⁷.

Курьезная грамота эта интересна в том отношении, что представляет образчик речи, какую говорили и писали в то время, а также характеризует благодушие и гуманность китайского богдыхана. С другой стороны, она указывает на существование в Китае с половины XVII столетия русских перебежчиков или пленных⁴⁸, а также на приглашение

а в 1674 г. принял в Нерчинске греко-российскую веру. Китайское правительство долго и настойчиво домогалось возвращения его. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 14, 16, 27, 548 и 549. Ср. *Пуцилло М. П.*, Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири. М. 1879. С. 43.

⁴⁷ Моск. Архив МИД. Книга посольств, N 7, лист 55. Ср. Кит. двора книгу 10, лист 43; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 36 и 37.

⁴⁸ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 19. В архиве Пекинской Духовной Миссии хратится на китайском языке копия прошения албазинцев от 28 ноября 1860 г. китайскому богдыхану насчет увеличения вакансий в их роте. При этом албазинцы указывают на следующий факт: в 5-й год правления Шун-чжи, т. е. в 1649 г., русский подданный Улангэли (Ангалай) изъявил покорность Китаю и был приписан к роте Гудэи с званием помощника ротного командира. А эта рота состояла в желтом маньчжурском знамени и в годы правления Шун-чжи дважды приходила в Пекин... В 23-й год правления Канси (1685 г.) Улангэли был зачислен в потомственные ротные командиры. В то время рота состояла из 150 человек.

от Канси албазинцев на службу еще до 1685 г.⁴⁹ Но красноречие китайцев в это время не произвело на казаков никакого действия: они и слышать не хотели о сдаче крепости или переходе в подданство к китайцам и стали готовиться к битвам, а между тем послали в Нерчинск гонца с просьбою о присылке подкреплений⁵⁰. Канси же наперед послал отряд войска розыскать дороги, ведущие к Албазину. Эта экспедиция, по его приказанию, должна была дать знать в Нерчинск, что она не имеет никакой другой цели, кроме охоты за сохатыми. Убедившись в невозможности взять Албазин малою силою, богдыхан не пожалел издержек⁵¹. С сухого пути были

⁴⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 195. О российских подданных — калмыках на службе у китайского богдыхана. “Шен-ши-ци-лэ” (церковная истор.), редактир. архим. Гурием, тетр. X, лист 24 (рkp. в архиве Миссии): здесь говорится о взятии в плен в 1683 г. (в 22-й год правления Канси) 31 человека русских, на основании биографии генерала Лан-таня в Бо-ци-тун-чжи.

⁵⁰ *Сгибнев*. Цит. соч. С. 467.

⁵¹ В “Шен-цин-тун-чжи”, представлен целый ряд указов Канси по поводу кампании на Албазин. В 1682 г. указ китайскому генералу Лан-таню о Лоча (с санскр. ракша, плотоядные, злые духи, черти — бранное название албазинцев). Велено исследовать речной путь от Хэлун-цзяна до Эсури и оттуда прямой путь в Нингуту (IV, 15). Предварительные меры против Лоча (русских): послано 3000 солдат, потом взято у Уладингута еще 1500 для постройки судов; пушки и ружья для обучения в Хэйлун-цзяне и Хумаре. Постройка деревянного города (острога). Запасы хлеба в Корцин и Сибоула: на 3 года 12000 мер риса; реквизиция быками и баранами. 1684 г.: Указ Канси о положении дела с Лоча (IV, 18-20). 1685 г.: сборы против Якса (Албазина). Упоминается о юмай (овсе) в Маньчжурии вместе с яровой пшеницей и ячменем (IV, 20, 21). Указ о Лоча, которые грабят Солун, Хэжжэ, Фэйякэ и Килэрских людей. Требование, чтобы они оставили Яксу. Китайские войска вблизи Албазина. Жалоба, что на многие послания к русским от них не было ни одного ответа. Предложение мира и требование удалиться в Яку (тск) (IV, 21, 22). Продолжение распоряжений: дело собственно неважное, но оно происходит вблизи нашей (маньчжурской) родины и проч. IV, 22-24). Ологун — тоже в числе притесняемых. Продолжение от 1685 г.: Якса взята после 40-летнего существования (IV, 25).-Ср. *Dudgeon J. Historical sketch, Second part*. P. 3—5; Данные из биографии Лан-таня и указов Канси // Иркут. еп. ведомости. 1872, N 31: перев. из Дёйджена; *Пуцилло*.

построены станции, — на Сунгари, впадающей в Амур, был выстроен целый флот; на самом Амуре, ниже Албазина, воздвигли крепость. Сделаны были огромные запасы провианта для действовавших войск⁵². По недостатку земледелия в той стране и запасных магазинов, провиант и военные снаряды придумали сплавить по реке Ляохэ, чтобы доставить их на Сунгари⁵³. При множестве пушек, отлитых католическими миссионерами, особенно Вербье⁵⁴, набрали солдат не только в Маньчжурии, но и внутри собственного Китая⁵⁵. Всего войска собрано было 15 000 человек, со 100 пушками и 50 осадными орудиями, под предводительством генерала Лантаня и католических миссионеров. И вся эта армия шла против небольшого острога, в котором, кроме пашенных людей и женщин с детьми, сидело всего 450 казаков, с 3 пушками и 300 ружьями⁵⁶.

В 1686 г. господину Феодору Алексеевичу Иван Власов (воевода Нерчинска) челом бил: “в прошлом, Господине, 193 (1685) году июня в 12 (день) пришли под Албазинский острог неприятельские китайские люди, водою на бусах⁵⁷ и горою на конех, во многом составе, с пушками и со всяким городовым приступным, огненным

Указатель делам и рукописям. С. 47. Перев. с китайского журнала о бывших между китайцами и россиянами войнах, о разорении Албазина и о договорах.

⁵² Проф. Васильев. Русско-китайские трактаты. С. 3.

⁵³ Архим. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска. СПб., 1872. С. 56.

⁵⁴ Modern Christian Mission in China, Chinese Recorder, 1870, April-Mai. P. 341. Ср. Историч. очерк католич. пропаганды в Китае // Прав. собеседник. 1885, сентябрь, где по описке отлитие пушек приписано Жербильону.

⁵⁵ Проф. Васильев. Русско-китайские трактаты. С. 3.

⁵⁶ Сгибнев. Цит. соч. С. 468; Современник 1858 г., кн. X. С. 268.

⁵⁷ На больших бусах сажалось по 40 человек, на средних по 30-ти по 20-ти, кроме того, не малое число невольных людей. Моск. Архив МИД. Кит. двора книга N 10 (7194-7199), лист 31.

боем”⁵⁸. На требование о сдаче, воевода Толбузин дал знать китайцам, что будет защищаться до последней капли крови⁵⁹. 14 июня китайцами были замечены на реке 40 русских, желавших подплыть на лодке к Албазину. За отказом сдаться китайцы всех их перебили, а женщин и детей взяли в плен. В тот же день были открыты с юга Албазина траншеи. Другая часть китайской армии расположилась в засаде на север от города и получила приказ бомбардировать его. Третья же часть была посажена на суда для атаки Албазина с юго-востока. Начавшийся затем штурм продолжался 24 часа и был отбит русскими казаками⁶⁰. Тогда Лан-тань прибег к зажигательным снарядам: приступив к острогу 1 июля, китайцы завалили вал, навели щиты и из-за вала и щитов снова стали производить пальбу, пуская в острог, вместо ядер, нарядные огненные стрелы. Гарнизон Албазина, потеряв 100 человек, оборонялся камнями, после того как у него на последок вышел весь запас пороха и свинца⁶¹.

Во время осады строитель Гермоген († 1690), старец соловецкого монастыря Тихон и священник Максим Леонтьев много помогли советами воеводе Алексею Толбузину⁶². Видя безуспешность неровной борьбы, они, вместе с обывателями, упросили последнего сдаться на капитуля-

⁵⁸ Там же, лист 26. Ср. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38.

⁵⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38.

⁶⁰ *Dudgeon*. Historical sketch. Second part. P. 4.

⁶¹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38.

⁶² Историческое описание Киренского монастыря. Введение; *Сгибнев*. Цит. соч. С. 368. Последний упоминает о старце Тихоне, не указывая источника, откуда он почерпнул это известие. Вероятно, о. Тихон был одним из членов даурской Миссии, посланной из России в Даурию в 1681 г. (См. ниже). Что касается свящ. Максима Леонтьева, то он во втором томе Российской иерархии неточно назван Димитрием.

цию, с правом свободного пропуска жителей и гарнизона в Нерчинск⁶³. Китайцы (вероятно 2 июля) выпустили из Албазина весь гарнизон с оружием и всех жителей с женами, а иноземок оставили у себя⁶⁴. Опасаясь обвинения в начатой войне, особенно если бы она приняла для китайцев неблагоприятный оборот, Канси наперед приказал обращаться с русскими пленными как можно мягче, не делать им никакого вреда, а предложить или вернуться в Якутск и Нерчинск, или поступить к нему в подданство⁶⁵. На такой вызов откликнулось только 45 человек с несколькими женщинами и детьми⁶⁶. Собственно говоря, это были

⁶³ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38. *Соловьев*. Цит. соч. Т. XIV, 69; *Сгибнев*. Цит. соч. С. 468.

⁶⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 38.

⁶⁵ Проф. *Васильев*. Русско-китайские трактаты. С. 4; *Сгибнев*. Цит. соч. С. 468.

⁶⁶ "Шэн-ши-цзи-лэ" (церковн. история), X, 24. У Шукина (с. 38) и Сгибнева (с. 468) этих албазинцев неточно показано только 25 человек. Но на число их более 40 указывается в листе богдыхана, привезенном в Москву 17 июня 1687 г. (*Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 49). По преданию албазинцев, пленных было 45 человек (Иркут. еп. ведомости. 1872, N 31. С. 389; *Dudgeon*. Second part. P. 5). По рассказу о. Даниила (четв. 5 на об. и 6), албазинцы сдались в числе 151 человека. Китайский генерал Лан-тань предложил им между прочим вопрос: кто из них хочет возвратиться в свое отечество и кто желает служить его государю? Первых оказалось 101 человек, а последних 50. Генерал повел их всех за собою в качестве военнопленных. Желавших служить китайскому государю он расселил по Маньчжурии, определив их к сельским земледельческим работам, а хотевших вернуться в отечество отправил в Пекин. Тем и другим на прощанье он произнес следующую сентенцию: "Так как изъявившие желание вернуться в свою отчизну тем самым доказали верность природному своему царю; поэтому нельзя сомневаться, чтобы они не были также верными моему государю. А те, которые службу иноземному государю предпочли служению природному своему царю, не могут быть верными ни тому, ни другому господину, почему пусть и остаются в рабстве и под надзором местных властей, в определенных им местах". Легенда, записанная о. Даниилом, была взята им из Сибирского Вестника (изд. Спасского, 1822, ч. XVIII. С. 110), куда попала, вероятно, от кого-либо из членов 9-й Миссии, слышавших ее, должно быть, от самих албазинцев. Легенда эта важна, как предание, указывающее на описанный выше

полудобровольные пленники. Остальная часть албазинцев (около 300 человек) были свидетелями разорения китайцами церкви и города и, обобранные китайцами до чиста⁶⁷, направились под предводительством Толбузина по дороге в Нерчинск; за неимением съестных припасов, они вынуждены были питаться кореньями и ягодами⁶⁸. Китайцы наблюдали за русскими верст 200, до последних албазинских деревень. На другой день последние встретили опоздавшее подкрепление во 100 человек, с 300 ружьями и 3 чугунными пушками. Это подкрепление послал из Нерчинска воевода Власов⁶⁹.

III

Православная Миссия в Даурии. Положение албазинцев в Пекине. Миссионерская деятельность о. Максима

В этот период на китайской границе встречаются христиане не из одних русских, а и новокрещенцы из монголов и других инородцев. Когда русские в 1685 г. оставили Албазин и перешли в Нерчинск, то из числа казаков "Бориско

факт и на предыдущие о пленении русских и расселении их в Манчжурии. Ср. следующее свидетельство: "во 193 (1685) году китайския воинския люди албазинский острог взяли и жителей тамошних побили, а иных в *полон* взяли". — Моск. Архив МИД. Китайские дела, N. 8 (1756 г.)

⁶⁷ Сгибнев. Цит. соч. С. 468.

⁶⁸ В Нерчинск русские прибыли 10 июля 1685 г. — Кит. двора, кн. 10, лист. 26.

⁶⁹ Этим событием еще не закончилась история Албазина. Он снова был возобновлен Толбузиным в 1686 г. и снова года два осаждался китайцами, которые окончательно разорили его после нерчинского трактата 27 августа 1689 г., потому что в статье 3 этого трактата были выговорены сдача и разрушение его. — *Бантыш-Каменский*. С. 43, 45, 338. Ср. *Сельский И.* Последняя осада Албазина маньчжуро-китайцами // Записки Сиб. отделения Имп. Рус. Геогр. общества. 1858, т. V; Современник 1858 г., кн. X. С. 268, 269.

Игнатъев., отходя сего света в духовной своей написал сына своего крестного, мугалской породы Васку Борисова, в Троицкой монастырь на усть Тунгузки реки... тем парнем Васкою владеть”¹. В 1681 г. для распространения христианской веры была отправлена миссия в западную Даурию. Миссионерами были определены “игумен Феодосий и черный поп Макарий с братиею”. Сибирский митрополит Павел дал им следующую инструкцию в православном духе, которой они должны были держаться при св. деле проповеди евангельской²: “приехав в Дауры, в Селенгинском и в иных даурских городех и острожках иноверцев всяких вере к истинней православной христианстей вере призывати, поучая от божественных писаний со всяким тщанием и прилежанием, безленостно, и крестити их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и приводити к тому святому и Божию делу иноверцов, без тчеславия и гордости, с благоучительным намерением, без всякого озлобления..., чтобы от каких слов строптивых иноземцев чем не отлучити, а святого дела не отвратити”. В конце того же 1681 г., вследствие царского предложения, собор московский, составленный против раскольников при царях Иоанне и Петре Алексеевичах, положил: в дальние города, на Лену и в Дауры посылать людей духовных, архимандритов, игуменов или священников, добрых и учительных, для просвещения неверующих христианским законам³. К числу таких лиц, вероятно, принадлежал и старец соловецкого монастыря Тихон, выдержавший осаду Албазина. Плоды мисси-

¹ Акт. ист. V, № 222. С. 378.

² Там же, № 69. С. 102.

³ Предисловие к Увету Дух., лист 53-71; Рудинский Д. Христианство в Китае // Херс. еп. ведомости. 1865, № 12. С. 145; Ср. Воронец Е. Православная Миссия в Сибири // Чтения Моск. Общества Люб. Дух. Просвещения. 1887, январь. С. 113 и далее.

онерской деятельности означенной Миссии видны по даурским спискам новокрещенцев⁴.

Подобная же миссионерская задача выпала и на долю албазинцев, которые во главе с своим пастырем Максимом уведены были на службу к китайскому богдыхану. Русские военнопленные при выходе своем из Албазина взяли с собою из крепостной церкви бедную церковную утварь с иконами и в числе их образ святого Николая Можайского типа⁵, а также насильно увлекли с собою и священника Максима Леонтьева. Он был, вероятно, родным братом священника илимской Спасской церкви, Амвросия Леонтьева Толстоухова⁶. На "попа Максима в китайском государстве" указывает документ от 1686 г., на который есть ссылка в бумагах московского архива М-ва иностранных дел⁷. В конце 1685 г. албазинцы должны были прибыть в Пекин и были приняты ласково благодушным богдыханом, которому лестно было похвалиться перед народом такими отчаянными храбрецами. Канси поселил их в самом Пекине⁸, на так называемом "берестовом урочище" (хоа-пи-чан), в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены. Спустя немного времени после поселения русских

⁴ *Филарет Черниговский*. История русской церкви. 1857, отд. IV. С. 56.

⁵ Сиб. Вестник, ч. XVIII. С. 111; "Шен-ши-цзи-лэ", кн. X, гл. 2, лист 24; О. Даниил, четв. 6 / / Иркут. еп. ведомости 1866, N 42. С. 469; 1871, N 35. С. 669; 1874, N 37; Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 298.

⁶ Указываемый в Росс. иерархии в качестве первого албазинского священника, иерей Дмитрий, вероятно, смешивается с церковным старостою Дмитрием Нестеровым, бывшим также полоненником и жившим во время первых трех Миссий. — См. Син. архив, дела кит. Миссии N 298, 516 и 217. В Иркут. еп. ведомостях (1874, N 38. С. 496 и 497) ясно показано имя первого священника албазинцев и родство его.

⁷ Кит. дела 1756 г., лист 19.

⁸ Описание Пекина см. в статье: О. Иакинф Бичурин, гл. VI / / Прав. Собеседник. 1886, март. С. 245—259.

в столице, богдыхан велел очистить стоявшее на этом же месте буддийское капище, окруженное домами обывателей, и отдал его во владение албазинцам, которые переделали его в часовню⁹. Сами же они были причислены к наследственному военному сословию, занимавшему видное положение в гражданской иерархии Срединной империи того времени.

По законам Китая, первое место в ряду сословий поднебесного государства было предоставлено гражданским чиновникам, второе — военным¹⁰, третье — земледельцам, четвертое — ремесленникам, пятое — купцам и последнее, шестое, — рабам и другим людям низшего разбора (актерам, пролетариям и т. п.)¹¹. Новая династия, овладевши Пекином в 1644 г., скупил (в 1648 г.) у промотавшихся маньчжуров внутренний город и сделала его постоянной квартирой для военного гарнизона, не позволяя в начале селиться в нем природным китайцам¹². Пекин в то время был разделен на 8 частей или знамен. Находя главную опо-

⁹ Исторический очерк христианской проповеди в Китае, Труды Киев. Дух. Академии, 1860, кн. 4. С. 298.

¹⁰ По статистике французского миссионера Amiot'a, число войск в Китае с начала маньчжурской династии и в XVIII столетии простиралось до 823287 человек вместе с офицерами. — *Memoires concernant l'histoire, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois* t. VII. Paris, 1780. P. 288. По свидетельству Вэйюаня, одного из маньчжурских чиновников, китайская армия или зеленое знамя состояла из конницы и пехоты и размещалась по 18 провинциям Китая в числе 861677 человек. В том числе всех других знаменных войск (маньчжурских) было расположено в столице 100000 и вне ее столько же. — "Шен-ву-цзи" (записки о военном деле), изд. 2-е, т. II (1844 г.). По статистике де Ганя (De Guignes), на всю армию китайское правительство расходовало до 71339500 лан (около 140 млн. рублей). — *Willams, The middle Kingdom*. L. 1883, Vol. 1. P. 293.

¹¹ Иеромонах Исаия. Материальное состояние православных христиан в Пекине // Иркут. еп. ведомости. 1866, N 48. С. 531.

¹² О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник, 1886, март. С. 247.

ру для себя в солдатах, новое правительство постаралось обеспечить их значительным содержанием. Оно дало военному сословию казенные квартиры, а каждому рядовому назначило ежемесячно по 3 ланы серебра (5 с лишним русских рублей) и по 22 мешка рису в год, что составляет до 110 пудов ежегодно. Сверх того, подростки из солдатских детей, от 10 до 15 лет, получали половину солдатского жалования, то есть $1\frac{1}{2}$ ланы в месяц и часть рисового пайка. Затем правительство выдавало солдатам единовременное пособие: на обзаведение по случаю женитьбы 20 руб., по случаю смерти отца или матери — 25 руб.¹³ Наконец, во внимание к трудам, новая династия пожаловала знаменным князьям, офицерам и солдатам в вечное потомственное владение участки пахатных земель по близости столицы (в провинции Чжи-ли). На долю чиновников и солдат пришлось земель с крестьянами 140 028 цингов 71 му ($997704\frac{1341}{2400}$ десятин). Пожалованные земли были навсегда избавлены от подати в казну. В предотвращение же утраты этих земель и для обеспечения будущности знаменных постановлен был закон, которым строго воспрещалось владельцам продавать, а китайцам покупать такие земли, под опасением суда над продавцом с покупщиком и отображения запроданной земли вместе с полученной за нее суммой в казну¹⁴.

Пленные албазинцы поставлены были в описанное положение военного сословия того времени. Они были причислены к желтому с каймой маньчжурскому знамени, одному из отличительных знамен маньчжурской гвардии¹⁵,

¹³ О. Исаия. Цит. соч. С. 529—530.

¹⁴ Донесение архим. Палладия в Азиат. Д-т МИД от 31 августа 1852 г., N 31 (в архиве Миссии).

¹⁵ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 114; О. Даниил, четв. 4 на об.

и были записаны в роту Гудэи, организованную в пятый год правления Шунь-чжи (1644 — 1662), то есть в 1649¹⁶. Эта рота, вероятно, была набрана из потомков русских пленников, и потому в прошении албазинцев на имя богдыхана (от 28 ноября 1860 г.) называется русскою¹⁷. С другой стороны, в ней могли быть и разные беглецы из России, как калмыки и другие инородцы, покидавшие Сибирь в XVII столетии по разным обстоятельствам¹⁸. Потомственным начальником этой роты в 1685 г. был назначен упомянутый выше Улангэли¹⁹, может быть, крещеный калмык или бурят (Ангалай), под команду которого и вступили албазинцы во главе с их старшиной (фындэ-бошко) Василием²⁰. Наравне с другими солдатами, они получили казенные квартиры, деньги на первоначальное обзаведение, денежные пайки и содержание рисом²¹, а также по наделу пахотной земли и под кладбище; последнюю вне города, за северо-восточной

¹⁶ Прошение албазинцев китайскому богдыхану от 28 ноября 1860 г. (в архиве Миссии); "Шэн-ши-цзи-лэ" (церковная история), тетрадь X, лист 24.

¹⁷ В ней первоначально был один ротный командир, один фельдфебель, пять унтер-офицеров, двадцать конных солдат и четырнадцать подростков (солдатских детей). См. Прошение албазинцев. С. 30.

¹⁸ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 195. О беглецах сибирских см. П.С.З. IV, N 1835. См. ниже гл. IX.

¹⁹ Улангэли был зачислен в потомственные ротные командиры в 23 год правления Канси. Звание это от Улангэли дошло до его внука Фушоу и по неимению у последнего наследников сделалось общим достоянием знамени. В то время рота состояла из 150 человек. — Прошение албазинцев. Ср. "Шэн-ши-цзи-лэ" (церковная история), тетрадь X, лист 24. У албазинцев ведутся родовые списки, которые хранятся в канцелярии (ямыне) их роты или знамени. Но достать их нам не удалось. Ср. О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 260.

²⁰ *J. Dudgeon*. Historical sketch, second part. P. 4.

²¹ *О. Исаия*. Цит. соч. С. 529.

башней²². Наконец, им были даны жены из разбойничьего приказа (син-бу)²³.

Последняя мера, после льгот, едва ли не была одною из главных причин быстрой нравственной порчи наших казаков. Языческие развращенные жены внесли полную дисгармонию в их семейную жизнь. Китайская пища, одежда, помещение, служба, связи, знакомства, — все это открыло албазинцам иной мир, влило в них чуждый дух и постепенно вытеснило в потомстве их родное наследие, принесенное с собою. Миллионное язычество облегло горсть русских своим суеверием, разнородными обычаями, соблазнительными примерами, жизнью и духом китаизма, который по своему эгоизму и индифферентизму диаметрально противоположен жизни и духу православного христианства²⁴. Из таких взаимодействий к половине XVIII столетия сложился интересный тип пекинского албазинца, не знавшего никакого ремесла и по службе в императорской гвардии, считавшего всякое другое занятие недостойным себя. От этого он по примеру своих языческих сослуживцев²⁵ обеднел, несмотря на большое жалованье, доходившее в иных семействах до 15 рублей в месяц, несмотря на готовое содержание и удобные квартиры²⁶. Нерасчетливый, занятый собой и своим благород-

²² Эта земля лежала на восток за храмом земли (Ди-тан) вне города и находилась на пустыре, сверху и краю древнего вала. Опись архим. Иоакима от 1794/5, лист 56 (в архиве Миссии). Донесение архим. Палладия Азиат. Д-ту МИД от 31 августа 1852 г., N 31; Донесение его же св. Синоду от 1877 г.

²³ Сиб. Вестник. 1822, ч. 18. С. 114.

²⁴ Русские и греко-российская церковь в Китае // Старина 1884, сентябрь. С. 660; Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 300.

²⁵ Эти сослуживцы из-за бедности продавали своих дочерей и занимались всякого рода непристойными делами — воровством, грабежом и т. п. О. Исаия. Цит. соч. С. 536.

²⁶ Там же. С. 530.

ством, грубый, необразованный, суеверный, вероломный, лукавый, не знавший чем избавиться от тяготевших над ним свободного времени и несносной скуки, постоянно слонявшийся по улицам, гостиницам и театрам, куривший подчас опиум, пускавшийся в азартную игру и другие преступления, больной душой и телом, он скоро очутился в неоплатных долгах у столичных ростовщиков, став в конце концов притчей во языцех²⁷.

Замечательно, что такой тип албазинца удержался во все протяжении истории Миссии. Это указывает на постоянство неблагоприятных условий жизни в Пекине для православного человека и на силу языческого влияния. Но при таком безотрадном положении русских пленников была и светлая сторона в их жизни, это — связь их с отечеством, освещавшая, особенно первых албазинцев, отрадными веяниями родины и согревавшая некоторое время их православный дух, которым они все же несколько влияли на окружавшую их среду. Со времени поселения русских казаков в Пекине начинается эпоха усиленных дипломатических и торговых сношений России с Китаем. Тогдашний китайский богдыхан (правления) Канси вообще симпатизировал сближению Китая с Европой. При нем ост-индская компания в 1680 г. начала свою торговлю с Китаем²⁸, открывшим свои порты европейцам²⁹. Со стороны России торговлю с китайцами прежде всего начали по собственному почину сибирские промышленники и каза-

²⁷ Русские и греко-русская церковь в Китае // Старина 1884, сентябрь. С. 660; О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 261—262.

²⁸ The North-China desk Hong list for 1886, Shanghai. P. 176; Willams W. The middle Kingdom. Part II. P. 445, 446.

²⁹ Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Прав. Собеседник. 1885, сентябрь. В сочинении "Си-юй-вэнь-цзянь-лу" от 1773 г. упоминается об открытии при Канси сообщений Китая с Россией; О. Иакинф. Описание Чжуньгарии и восточного Туркистана. СПб., 1829, II, 157.

ки. Меновой торг оказался очень выгодным, вследствие чего в нем стали принимать участие и управители сибирских городов. При установлении со второй половины XVII столетия дипломатических сношений с Китаем, русское правительство постаралось упрочить эту торговлю формальными трактатами, как это видно из наказов Спафарию, Головину, Избранду и другим последующим русским посланникам и гонцам в Пекине³⁰. Почти при каждом русском посольстве (до половины XVIII столетия) был отправляем в Пекин караван с товарами, сначала частными лицами, потом самим российским правительством. Казенные караваны начали отправлять из сибирского приказа в Москве с 1698 г. При них назначались от правительства так называемые целовальники и комиссары. Вместе с ними отправлялось много частных купцов и приказчиков из Сибири и восточной России³¹. Главный груз караванов составляла сибирская пушнина или “мягкая рухлядь”, именно

³⁰ “При всех наших дипломатических сношениях, начиная с посольства Байкова в 1653 г. и кончая последним трактатом по поводу Кульджи (в 1881 г.), ставили вопрос о торговле на первый план, потому что из соседства с Китаем, кроме территориальной выгоды, наибольшую выгоду можно извлечь путем торговли”. *Флоринский В.* Соображения по вопросу о существующих границах России с Китаем (приложение к сочинению Бантыш-Каменского). С. 542.

³¹ Имена пионеров русской торговли в Китае, см. у Бантыш-Каменского (С. 23, 74, 75, 82, 105 и далее). О русских купцах Григории Петрове, Спиридоне Лянгусове и целовальнике Петре Дружкове, бывших в Пекине в конце XVII столетия, см. *Сын Отечества*, 1847, N 7 (о русской Духовной Миссии). Ср. *Филарет Черниговский.* История русской церкви. Период 4, изд. 4, Чернигов, 1862. С. 58. На приказничьем русском кладбище, лежавшем рядом с албазинским против северо-восточной башни, находится теперь только 4 памятника участников первых русских караванов, а прежде их было больше 10. На одном из них можно было еще разобрать в июне 1885 г. следующую надпись: “1711 года, перестави раб Божий Иоанн Григорьев сын... Цивилеска. Паметь его бывает мая К ден. Поживе от рождения своего III лет Г месяца и КГ дни. Ср. *Lange.* Tagebuch der zweier Reisen (см. ниже), S. 60; Осип Шукин, слуга их караванной прислуги, умерший 2 марта 1728 г.

около 85 % ценности всего промена. В то время она играла роль денег³². Остальные 15% приходились на долю кожевенных и мануфактурных товаров. Из русской мягкой рухляди больше всего шла белка (от 2 до 4 млн. штук в год), потом горностаи (от 140 до 400 тыс. штук), кошачьи шкурки (100-200 тыс. штук), соболи (от 6 до 16 тыс. штук), хорьки, выхухоль, лисицы, песцы, куницы, выдры и бобры. Кроме того, из мехов значительное количество шло мерлушки и овчин (до 1 млн. шкур). В числе мануфактурных и заводских русских произведений имели значительный сбыт в Китае кожевенные товары (юфть, козловые и опойковые кожи), разные льняные произведения, простые сукна, ковры, половики, затем разные железные товары. От китайцев в XVII и XVIII столетии русские выменивали главным образом китайку и дабу (холст), шелковые материи и шелк в сырце (камки, голи, канфы), некоторые пряности и другие лекарственные вещества (ревень и проч.)³³. Чай же тогда вывозили сравнительно в небольшом количестве, так как употребление его в России не было еще распространено³⁴.

При таких сношениях России с Китаем албазинцам, благодаря их знанию китайского языка, суждено было начать и отчасти выполнить роль первых русских толмачей или драгоманов. При почти ежегодном появлении в Пекине русских караванов, заключавших в своем составе по

В 50-х годах настоящего столетия была поставлена вокруг этого кладбища стена, но она уже разрушилась более 20 лет, по рассказу албазинца Александра Ай, бывшего с нами на этом кладбище в июне 1885 г.

³² Полный Свод Законов. Т. V, N 3462 от 8 декабря 1719 г.

³³ *Бантыш-Каменский* в конце: сказка целовальника Гусятникова о ценах на товары в XVIII ст.

³⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 519; *Щеглов*. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883. С. 144, прим. 49.

несколько сот людей³⁵, албазинцы вступали в живой обмен мыслей со своими соотечественниками, руководили ими при знакомстве с китайскими купцами и при обоюдной мене товаров, водили по городу и показывали русским землякам достопримечательности столицы, рассказывали о пекинских новостях, наконец, вместе пировали и угощались с ними произведениями китайской флоры и фауны³⁶. Для русских приезжих был отведен китайским правительством особый посольский двор³⁷ и отдельное приказчище кладбище (см. выше), лежавшее за городом, рядом с албазинским, прямо против угловой северо-восточной башни³⁸. До открытия богослужения в албазинской часовне и храме русские ходили к богослужению в один из католических храмов (южный). По свидетельству российского посланника Спафария, бывшего в Пекине в 1676 г.,

³⁵ Моск. Арх. МИД. Реестр присланных от сибирск. губернатора Соймонова (в 1759 г.) китайск. листов.; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 367.

³⁶ Но албазинцы служили толмачами не одним только соотечественникам. Китайское правительство поручало им драгоманские обязанности в трибунале внешних сношений. См. гл. VI, где говорится о толмаче Якове Савине. Сборник Куницына под 1731 г., лист 17 и 18. Затем некоторые из албазинцев обучали китайских детей лучших семейств русскому языку. Впоследствии пекинское правительство учредило особую для этого школу (1758 г.). Ср. *Корсак*. Историческое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 16.

³⁷ На этом подворье останавливались русские посланники того времени. — Донесение архим. Палладия Азиат. Д-ту МИД от 28 июня 1854 г., N 75.

³⁸ Оно находилось на пустыре, сверху и на краю древнего вала. От дождей оно не раз обрушивалось и в отвесах кладбища показывались тогда истлевшие гробы и кости. Исправления этого кладбища, неоднократно предпринимаемые при неблагоприятных условиях местности, не приносили никакой пользы. О. Палладий, Начальник 15-й Миссии, в 1876 г., для чести русского имени и памяти погребенных, хлопотал о перенесении праха их на общее православное кладбище, но за болезнью, а потом и смертью († 6 декабря 1878 г. в Марселе) не успел выполнить свое намерение. См. его донесение св. Синоду от 1877 г.

католические миссионеры выпросили у него один православный образ и поставили у себя в храме, чтобы молящиеся русские могли взирать на него³⁹.

Еще более сильной связью албазинцев с Россией была связь религиозная, выражавшаяся в участии их материальными пособиями и личным трудом при устройении первой их часовни и церкви⁴⁰, которая снова была ими выстроена после землетрясения 1730 г.⁴¹ Эта связь поддерживалась в них и посещением ими богослужения. За неимением у их пастыря, о. Максима, специальных помощников, обязанности чтецов и певцов, а также церковного старосты совершали сами албазинцы. И такое участие их в богослужении православной церкви проходит через всю 200-летнюю историю Миссии. Поэтому в первое время задача миссионерской деятельности их пастыря была проста и несложна, ограничиваясь богослужением и совершением треб⁴². Она осложнилась к концу его почти 30-летней деятельности, когда ему пришлось заботиться о спасении помрачавшегося образа Божия в потомстве албазинцев. История не может не оценить его заслуги еще и потому, что о. Максим прибыл в Пекин уже немолодым. По одному свидетельству от 1699 г., он уже тогда был стар и плохо видел⁴³. Между тем на помощь и смену ему не присылалось никого

³⁹ Соловьев. История России. Т. XII. С. 321.

⁴⁰ "Шэн-ши-цзи-лэ" (церк. ист.), кн. X, гл. 2, лист 24.

⁴¹ См. ниже в гл. VI.

⁴² Без сомнения, кроме албазинцев у о. Максима были пасомые и из китайцев и маньчжуров, жителей Пекина. Такими новообращенными могли быть жены и родственники албазинцев и другие. По позднейшему преданию (от 1819 г.), о. Максим, "ведя себя кротко и благочестиво и обладая христианскими правилами, многих привлек к себе китайцев, которые охотно принимали от него христианскую веру". — *Миротворцев В. К* биографии о. Иакинфа Бичурина // Прав. Собеседник. 1886, август. С. 422.

⁴³ *Филарет Черниговский*. История русской церкви. Изд. 1862 г., период 4. С. 58.

из России. При некоторых русских караванах, приходивших в Пекин, бывали и священники⁴⁴, но они не оставались там долго и притом не имели дозволения от китайского правительства отправлять открытое богослужение. Русский посланник Избранд пробовал в 1693 г. ходатайствовать перед китайским правительством о дозволении построить в Пекине российскую церковь иждивением российских государей и для оной отвести место. На это ему пекинский трибунал ответил: "Построение в Китае церквей иноземцам, тем, кои вечно в здешнем живут царстве, узаконено, а приезжающим только на время требовать церквей в обычай не положено"⁴⁵. При купеческом караване 1699 г. в Пекин приезжал протопоп Василий Александров и служил литургию в албазинской церкви. С посольского двора, где останавливались русские, их отпускали в церковь в сопровождении двух или трех человек стражи. В храме мало бывало китайцев; приходили только слуги, охотно посещавшие русскую церковь, которые, становясь в притворе, без шапок слушали богослужение⁴⁶.

Отец Максим продолжал свою пастырскую деятельность до 1711 или 1712 г.⁴⁷ В это время он поддерживал в албазинцах православие постоянным богослужением,

⁴⁴ Так, напр., при караванах 1696, 1698, 1727, 1735, 1741 гг. Сиб. Вестник. 1822, ч. 18. С. 112 и 113; *Филарет Черниговский*. Цит. соч. С. 58; *Тимковский*. Путешествие в Китай. Т. II. С. 29; *О. Даниил*, четв. 15 и 16. Иркут. еп. ведомости. 1869, N 25; 1871, N 14.

⁴⁵ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 68, 73. Сибир. вестн., ч. 18. С. 113; *О. Даниил*, четв. 7 на об. и 8.

⁴⁶ Сын Отечества. 1847, N 7: о Русской Духовной Миссии.

⁴⁷ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 81, где приводится свидетельство купчины Осколкова о престарелом русском священнике Дмитрие (точнее Максиме). В "Иркутском летописце" (рукопись в библиотеке Иркутского Вознесенского монастыря) под 1710 г. помещено донесение о. Максима тоболь-

требам и проповедью. После получения казаками от богдыхана буддийской кумирни, о. Максим обратил ее в часовню во имя св. Николая⁴⁸. Эту часовню китайцы называли *Лочамя*⁴⁹. В ней православный пастырь совершал богослужение до 1695 г. В этом году тобольский митрополит Игнатий (1692—1700), получавший, без сомнения, сведения о положении албазинцев и их пастыре в Пекине, отправил к ним верхотурского свящ. Григория и тобольского диакона Лаврентия с антиминсом, св. миром, богослужебными книгами и церковной утварью⁵⁰. Для подкрепления православного миссионера, преосв. Игнатий написал о. Максиму грамоту⁵¹, в которой преподал благословение и разрешил ему устроить и освятить храм во имя св. Софии, премудрости Божией. “О святом Духе сыну и сослужителю нашего смирения,— между прочим писал архипастырь, проповеднику святого Евангелия в китайском царствии, *благоговейному* иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам, обитающим в китайском царствии, архипастырское благословение... Радуюся аз о твоём ис-

скому митр. Иоанну (Труды Киев. Дух. Академии, 1860, кн. 4. С. 307). В “Истории российских иерархов” (II, 447) указывается на то, что о. Максим совершал священнослужение около 30 лет.

⁴⁸ Названную так от образа св. Николая, вынесенного из Албазина и донныне стоящего в Успенском храме, построенном на месте первого. Ведом. о церкви Успения за 1837 г., составлен иером. Аввакумом (в архиве Миссии). Иркут. еп. ведомости. 1874, N 39. С. 514, 515; О. Иакинф Бичурин / Прав. Собесед., 1886, март. С. 248.

⁴⁹ *Семивский*. Новейшие любопытные достовернейшие повествования о восточной Сибири. СПб. 1817. С. 96; *Тимковский*. Цит. соч. Т. II. С. 180.

⁵⁰ Акт. ист. V, N 243. С. 445; *Архим. Мелентий*. Древние церковные грамоты восточно-сибирского края. Казань, 1875. С. 66, 71.

⁵¹ Подлинная грамота митр. Игнатия, вывезенная из архива Пекинской Миссии в 1808 г. архим. Софронием Грибовским, хранится в архиве св. Синода, в деле N 439. Напечатана впервые в Истории российских иерархов, II. С. 491—500.

правлении; аще и в плене пребываеши, но сам, с Божиею помощию, пленяеши человеки неведущия в познание евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех плененных с тобою о вашем таковом случае, понеже Божии воли кто противится может? А пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православныя веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается". Перечислив затем лиц, о которых свящ. Максим должен был молиться за литургией, митр. Игнатий приказал прилагать прошение и о китайском императоре: "Молитися сие после государских ектиний: еще молимся Господу Богу нашему помиловати раба своего имя рек богдыханова величества, как его в титулах пишут, умножити лета живота его и даровати ему благородная чада в наследие рода их, и избавити его и боляр его от всякия скорби, гнева и нужды и от всякия болезни душевныя и телесныя, и открыти им свет евангельского просвещения, и простити ему всякое прегрешение, вольное и невольное, и соединити его святей своей соборней и апостольской церкви, яко да получит и царствие небесное"⁵².

Подкрепленный такими утешительными советами сибирского архипастыря, свящ. Максим с посланными из России священнослужителями освятил в 1696 г. албазинскую часовню во имя св. Софии, премудрости Божией. Но эта первая православная церковь в Пекине долго называлась Никольскою от чтимого албазинцами образа свт. Николая⁵³. В ней с 1969 г. началось неопустительное совершение

⁵² Ср. Сиб. Вестник, ч. 18. С. 112; *О. Даниил*, четв. 8; *Филарет Черниговский*. История русской церкви, период 4. С. 58.

⁵³ По внешнему виду она имела форму буддийской кумирни, с галереей вокруг и входом с юга. Убранство в ней сначала было очень скромное. Иконостас, вероятно, был сделан самими албазинцами, при помощи, быть

о. Максимом божественной литургии и св. таинств. На это указывает один надгробный памятник, сохраняющийся и доселе на российском приказчиьем кладбище. На этом памятнике значится следующая полустертая от времени надпись: “прия конец временныя сея жизни, исповедался, елеопомазан, причащен и покрыт доскою, по преставлении во гроб положен. Родом из России, житель града Соливычегодской, а в сию страну приде в казенном караване, при господине комисаре Осколкове караванном”. Григорий Афанасиев, сын Осколков, был несколько раз в Пекине начиная с 1699 г., но караванным комиссаром в первый раз в 1711 г.⁵⁴

Поучая албазинцев истинам св. Евангелия, о. Максим нес с ними и труды жизни. Так, во время одной войны китайцев с калмыками, он ходил с ними в поход, наперед остригши голову по-маньчжурски⁵⁵. Наставления о. Максима не в состоянии были предохранить албазинцев от языческого влияния. Самая натура их была недостаточно культивирована. От безделия они производили в Пекине разные своеволия, буйства и бесчинья, за что китайское правительство вынуждено было, через три года после поселения их в Пекине, наказывать их, а позднее (в XVIII в.) стало высылать их из столицы на северо-запад и юг Китая⁵⁶. Кроме того, языческие жены албазинцев, хотя и кре-

может, католических христиан, писавших после иконы в русскую церковь. Икон было немного, а ризницы и священных сосудов еще того меньше. Митр. Игнатий пожертвовал последние.

⁵⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 74 и 75.

⁵⁵ *Панов*. Православное христианство в Китае: Курсов. сочин. 1870 г., лист 22 (рkp. в архиве Каз. Дух. Академии). Автор не указал источника, откуда он взял это известие, которое, очевидно, основывается на предании.

⁵⁶ *Корсак*. Историческое обозрение торговых сношений России с Китаем. С. 16; Тв. св. отц. ч. XVIII. С. 341-345; *О. Иакинф*. Китай, изд. 1840 г. С. 357; *Его же*. Китай, изд. 1848 г., II, 62. Ср. ниже гл. IX.

щенные, внесли в дома своих мужей суеверия и китайских истуканов, перед которыми совершали поклонения. В ближайшем их потомстве явилось открытое равнодушие к вере отцов. Дети их по несколько времени оставались не окрещенными, несмотря на всевозможные увещания престарелого их пастыря⁵⁷. Мало того, дети самого о. Максима не чужды были некоторых суеверий китайского язычества⁵⁸.

Приезжавшие в Пекин русские поверенные и купцы замечали такое отчуждение от веры своих соотечественников и не могли не передать об этом прискорбном явлении при возвращении в отечество⁵⁹. Может быть и сам о. Максим просил их об этом или писал лично в Тобольск⁶⁰. Как бы то ни было Тобольский митрополит Филофей (в схиме Феодор)⁶¹, узнав, что пекинские поселенцы под тяжестью языческого мрака начинают ослабевать в вере, в 1711 г. послал им обличительную грамоту, где с апостольскою ревностью укорял их за уклонение от веры отцов⁶². Грамота ревностного архипастыря произвела некоторое действие на зачерствелые сердца албазинцев и заставила их

⁵⁷ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 114—116; Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 300.

⁵⁸ Там же. С. 301. Потомство о. Максима уцелело и доньше. Потомки его совершенно окитаились и теперь выполняют роль слуг при дипломатической Российской Миссии в Пекине. Хотя они и считаются православными христианами, но нравственное развитие и поведение их не высоко, особенно у мужчин.

⁵⁹ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 116.

⁶⁰ Об его донесении тобольскому митрополиту Иоанну Максимовичу говорит Иркут. летопись под 1710 г. На это донесение отвечал митр. Филофей (Феодор) в 1711 г. — Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 307.

⁶¹ Сумароков. Миссионерство в Сибири // Христ. Чтения. 1883, ч. II. С. 569.

⁶² Сиб. Вестник, ч. 18. С. 117; *О. Даниил*, четв. 8 на об. и 9; *Филарет Черниговский* История русской церкви, период 4. С. 58; *Абрамов. Филофей Лещинский*. Дух Христ. 1863—1864, май-июнь. С. 658, 659.

одуматься. По свидетельству их пастыря, о. Максима, доносившего тобольскому митр. Иоанну, они показали искреннее раскаяние в прежних грехах своих и снова стали слушаться своего престарелого пастыря. Последний умер, как выше было замечено, в 1711 или 1712 г.⁶³ Его отпели, вероятно, католические миссионеры, с которыми он должен был встречаться и поддерживать отношения. Место погребения его неизвестно. Без сомнения, он был положен среди своих пасомых⁶⁴, потому что душу свою полагал за други своя. Со смертью албазинского пастыря для малой общины православных русских в Пекине “хромавших уже на обе плесне”, наступил критический момент серьезной опасности быть поглощенными язычеством, или уловленными в сети католической пропаганды. К счастью, их русское духовное и светское правительство заранее уже озаботилось обеспечением их будущей судьбы и “во время благоприятно” послало им нравственно-религиозную помощь.

IV

Заботы российского правительства об албазинцах. Организация и отправление в Пекин первой Православной Миссии, ее деятельность

В 1698 г. Виниус, думный дьяк¹, писал из Тобольска Петру Великому за границу, что в Пекине построена русская церковь, и многие китайцы крестились. Петр отве-

⁶³ У о. Даниила (четв, 8 на об.) и у Dudgeon'a (fifth part, p. 30) смерть его неточно отнесена на 1698 или 1700 г.

⁶⁴ Dudgeon. Op. cit. P. 30. Около 80 лет назад существовал обломок от его памятника. Вандализм китайцев разрушил много памятников на русском кладбище, особенно с 1870 г.

IV ¹ Иркут. еп. ведомости. 1866, N 45. С. 505.

чал ему: “То дело зело изрядно. Только, для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также иезуитов, которые там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобны попы не так ученые, как разумные и подкладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось то в Епани”. Вследствие этого Виниус велел в Нерчинске у торговых людей, которые приедут из китайского государства, спрашивать и всячески доведываться о новопостроенной часовне в китайском государстве: “В каком месте и меж какими домами или особенно от домов их китайских в дальнем расстоянии? И китайцы к той церкви для смотра или слушания приходят ли, и что говорят: хвалят ли, и нет ли какого от них посмеяния и поругания? И к которым церквам, греческого ль закона, или к иезуитскому костелу они склоннее, и каковы у той церкви попы и причетники, и в каком искусстве живут, и сколько их, также и народу русского, и какое у той церкви украшение и книг довольство, и умерших христиан где погребают: при той ли часовне, или где в поле и каким служением, явно ли или со опасением, тайно. И есть ли кто из китайцев крестились?”²

Без сомнения, по поводу этих вопросов были наведены справки и получен ответ от возвращавшихся из Пекина караванных комиссаров или купчин. Это видно из донесения Григория Петрова и Спиридона Лянчусова, бывших в караване 1698 г., о положении албазинцев в Пекине³.

² Соловьев. История России. Т. XIV. С. 320, 321. У Бантыш-Каменского есть указание на греческую часовню в Пекине в 1670 г., построенную тремя греками, занесенными какими-то судьбами в Пекин в 50-х годах XVII в.

³ Филарет Черниговский. История русской церкви, период IV. С. 58; Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 74. Исторический очерк христианской проповеди в Китае. // Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 307, 310.

То же со своей стороны мог сообщить духовному начальству и протопоп Василий Александров, прикомандированный при означенном караване и служивший в албазинской церкви, как было указано выше. Новости о незавидном состоянии в Пекине православной колонии вместе с их пастырем и более чем скромною церковью были, без сомнения, переданы Петру Великому, который с обычной ему быстротой уже 18 июня 1700 г. издал замечательный указ⁴, обеспечивший будущность Православной Миссии в Пекине. “Для утверждения и приумножения в православную веру и проповедь св. Евангелия в идолопоклонных народах (Китае), також для приведения ясачных народов в веру христианскую и св. Крещение, которые близ Тобольска и иных сибирских городов живут, Великий Государь, говоря о том со святейшим патриархом (Адрианом † 15 октября 1700 г.), указал писать к киевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому)⁵, чтоб он, подражая о том святом и богоугодном деле, поискал в малороссийской своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольске быть митрополитом⁶, и мог бы Божией помощью в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение истинного, живого Бога, и привел бы с собою добрых и ученых

⁴ Полный Свод Законов. т. IV, N 1800. С. 60.

⁵ *Сумароков*. Миссионерство в Сибири // Христ. Чтения, 1883, ч. II, 561; Прот. *М. Путинцев*. Митрополит-схимонах Феодор. Душеп. Чтения, 1887, январь. С. 23.

⁶ *Словцов*. Историческое обозрение Сибири. Изд. 1838, I. С. 358 — 362; *Времен. Имп. Общество ист. и древн. росс.*, кн. XX. Прибав. к Тв. св. отц. 1845. С. 306—311; *Журн. М-ва Нар. Просв.*, 1846, N 12; *Катетов И.* Обзор правительств. распоряжений, касающихся обращения в христианство татар - мухаммедан // *Странник*. 1886, август. С. 577.

не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли твердыми св. Евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести во свет познания Христа Бога нашего и тамо (в Пекине) живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отвадiti, и тако могли бы жити, и у той построенной Божией церкви (албазинской) служить, чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российского народа людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных”.

Таково между прочим содержание указа Петра Великого от 18 июня 1700 г. В нем ясно отражается дальнорзоркий гений мощного преобразователя России, не упускавшего из виду событий на крайнем востоке. В приведенном тексте при некоторой прикровенности смысла видна забота государя о просвещении православною верою Китая вместе с Сибирью. Мысль о постоянной Миссии в Китае была подана Петру Великому, кажется, Спафарием⁷, бывшим в Пекине в качестве российского посланника в 1676 г. Для выполнения такой важной задачи, взор русского Государя обратился от севера⁸ на юг — к устойчивым натурам малороссов, закалившихся в своей борьбе с католичеством и владевших тогда относительно большим просвещением. При такой задаче на православных миссионеров крайнего востока возлагалась

⁷ Иркут. еп. ведомости. 1872, N 23. С. 286; N 27. С. 234.

⁸ Архиеп. Герасим Кремлев (1640 — 1650) при отправлении в Сибирь брал с собой из новгородской епархии ученых монахов, как для проповеди слова Божия, так и для обучения юношества. — *Сучароков*. Миссионерство в Сибири. С. 429. О Миссии в Даурию см. выше, в начале III гл.

обязанность изучения китайского и монгольского языков. Исходным пунктом их деятельности назначался Тобольск, тогдашняя резиденция сибирского митрополита, а одним из главных мест служения — Пекин, где была построена Божия церковь, и где православные миссионеры должны были подавать нравственно-религиозную помощь прежде всего албазинцам (тамо живущим), потом проезжим российского народа людям, а затем — влиять на самого хана китайского и ближних его людей, вместе с их народом. В этом указе учреждаемая Миссия в Китай поставлялась под церковную юрисдикцию сибирских митрополитов. Под такой юрисдикцией тобольских и иркутских архипастырей, как ближайших по месту, Православная Миссия в Пекине находилась в первое столетие своего существования.

Указ Петра Великого от 18 июня 1700 г. был повторен сибирскому митрополиту в 1703 г. В 1706 и 1710 гг. снова напоминалось проповедникам, чтобы они не упускали случая к обращению в христианство подданных Китая⁹. Но первые попытки русского правительства добиться права посылать в Китай православных миссионеров были отклонены китайскими министрами, без сомнения, по интригам иезуитов и еще потому, что велись не по надлежащим инстанциям. Так, в 1704 г. (13 - го кит. числа, 4-й луны) пекинский трибунал ответил российскому советнику Финиусу (rect. Виниусу), что его письмо о принятии в Пекин двух священников, писанное на имя одного их министра, не было принято и впредь такие письма принимать не будут¹⁰. Это обстоятельство, впрочем, не остановило деятельности русского

⁹ Подлинные указы хранятся в архиве Кондского монастыря. — *Панов*. Православное христианство в Китае (ркп. в архив. Каз. Дух. Ак.), лист 18 на об.

¹⁰ Реестр 3 кит. двор. в реестрах, присланных от сибирск. губернатора Соймонова (4 апреля 1759 г.) китайск. листов, в Архивах Моск. МИД.

правительства в принятом направлении. Согласно предначертаниям Петра Великого в 1701 г. был назначен митр. Филофей († 31 мая 1727 г.), стоявший во главе сибирского миссионерства целую четверть века и заслуживший своей неутомимой деятельностью титул “апостола Сибири”¹¹. Новый митрополит привез с собою из Малороссии несколько лиц для будущей Миссии в Китай, а сам между тем стал собирать сведения о положении албазинцев в Пекине. Узнав о склонности их к язычеству, он вступил в сношения с ними, на что указывает упомянутая выше грамота его к ним от 1711 г., в ответ на донесение о. Максима.

Выполняя планы русского светского и духовного правительства, и без сомнения, снабженный инструкциями от того и другого, купец Григорий Осколков, бывший комиссаром при купеческом караване от 1711 г.¹², повел дело о Православной Миссии в Пекине в должном порядке и последовательности. Для лучшего успеха в этом, он заручился сначала поддержкой католических миссионеров¹³ и тогда уже возобновил пред пекинским трибуналом внеш-

¹¹ *Сумароков*. Миссионерство в Сибири. С. 579, 582. Литература о нем приведена выше. Митр. Филофей управлял тобольско - сибирской епархией дважды: с 1702 по 1709 и с 1715 по 1721 г. по принятии схимы с именем Феодора. — Прот. *Путинцев*. Митрополит-схимонах Феодор // Душеп. Чтения, 1887, январь. С. 22, 42.

¹² *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 74, 75.

¹³ На сношения его с католическими миссионерами и хорошие отношения с ними указывает хранящийся в библиотеке Миссии и переплетенный в кожу латино - славяно - голландский словарь, в малую осмушку, в 123 страницы (без заглавного листа). При отъезде из Пекина в последний раз в 1714 г. Осколков († 1715) подарил эту книжку одному из католических миссионеров, который по этому поводу и сделал отметку на первом листе словаря: *ex dono D. Gregorio Oskolkoff, Commissarii et tribuni Mercimonii Moscovitici. Anno 1714*. На второй странице первого листка помещены *tituli* — оглавление предметов или понятий, заключающихся в книжке. Внизу подпись: *Hunc indiculum*

них сношений вопрос о дозволении присылать в Пекин из России священников для исправления службы Божией и духовных треб всяких чинов людям греко-российского исповедания, как в Пекине живущим из русских пленных и из китайцев, по обращению своему к греко-российской вере причисляющимся, так и приезжим с русскими посольствами и с караванами¹⁴. Формулированная таким образом, эта просьба есть буквальное повторение вышеприведенного указа Петра Великого от 1700 г. Выраженное точнее и яснее, чем прежнее ходатайство Осколкова, было подкреплено просьбой самих албазинцев¹⁵. В это время у них скончался их ревностный пастырь о. Максим¹⁶. Сознывая нужду в нравственно - религиозной помощи и растроганные обличительной грамотой митр. Филофея, албазинцы просили прибывшего в Пекин другого русского комиссара Худякова, чтобы он исходатайствовал им священника от российского правительства. Худяков посоветовал им обратиться с этим вопросом сначала к пекинским властям и в то же время, по примеру Осколкова, не отказался и со своей стороны подкрепить их просьбу. "Царствования богдыханова величества в прошлом 51 (1712) г. был комис-

collegit P. C. S. S. J. A? 1718, 14 Novemb. et rubricas abbidit pro comodiore lectione. Это, вероятно, был из ордена иезуитов патер Килиан, имя которого встречается в документах того времени. Со следующей по по счету страницы листка до 49 страницы идет вязью XVII в. скрепа книги, сделанная первым владельцем ее: "Сия книжеца триязычных вокабул..., вкратце собранных, комисара Григория Афанасьева сына Осколкова. Подписался своея рукою. Anno Domini 1713 апреля 17 дня". Затем начинается (со 2 листа) содержание: De Deo et Spiritibus. Von Goden. de Geesten, и т. д. Книжка эта находилась в португальской библиотеке до 1826 года, а с передачей библиотеки на хранение в Российскую Духовную Миссию осталась в последней после 1863 г.

¹⁴ История российских иерархов, ч. II. С. 448.

¹⁵ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 117; *Филарет Черниговский*. История русской церкви, период 4. С. 58.

¹⁶ Вероятно, смерть его относится к 1711 г.

сар русской, и тогда просил, чтобы приняли в Пекин жить у церкви Божией священника для служения божественной литургии”¹⁷. Китайское правительство в то время отправляло из Пекина свое посольство к калмыкам и поручило это посольство водительству и руководству Худякова¹⁸; поэтому оно благосклонно отнеслось к его просьбе о русской Миссии. По докладу палаты внешних сношений, Канси разрешил присылку в Пекин Российской Духовной Миссии¹⁹, причем просил, чтобы с ней был отправлен в Китай и доктор медицины, искусный в лечении наружных болезней.

Резолюция китайского богдыхана и желание его были немедленно донесены тобольским губернатором, князем Гагариным, императору Петру. Последний предписал тобольскому митрополиту Иоанну Максимовичу, управлявшему сибирской епархией с 1709 по 1715 г., избрать достойнейших людей для служения в царстве китайском — архимандрита и с ним священника, диакона и причетников²⁰. По распоряжению митрополита, на церковные должности были избраны в конце 1712 или в начале 1713 г. следующие лица²¹:

1) Архим. *Иларион Лежайский*, малоросс, родом из Чернигова, воспитанник Киевской Духовной Академии. Он был сотрудником черниговского архиепископа Иоанна Максимовича, переведенного потом в Тобольск, затем

¹⁷ Письмо мунгальск. владельца Очироя Бату Тушетухана от 24 сентября 1722 г.; *Савваитов П.* Неудавшееся посольство // Странник. 1873. Ч. III. С. 193.

¹⁸ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 75.

¹⁹ “И в те поры, по их прошению разсудя мы, что зело согласно и хорошо есть, и был прислан” и т. д. Письмо Очироя Бату // Странник. 1873. Ч. III. С. 193.

²⁰ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 119; *Абрамов*. Цит. соч. С. 689.

²¹ О составе первой Миссии см. указание в листе российск. сената от 21 апреля 1721 г. — История Российских иерархов. Т. II. С. 453 и далее.

с митр. Филофеем переехал в Тобольск (1702 г.) и в сане иеромонаха состоял некоторое время при архиерейском доме в качестве проповедника или эконома. В 1709 г. он был произведен во архимандрита и начальника Якутского Спасского монастыря, а также в заказчика (управителя) Киренского и Илимского острогов с уездами. В 1713 г. митр. Иоанн избрал его в Начальники первой Пекинской Духовной Миссии²².

2) Священник *Лаврентий*. Вероятно, он был в сане диакона в Пекине в 1696 г.²³

3) Диякон *Филимон*. Его биография неизвестна²⁴. Оба эти лица были назначены членами Миссии. К ним присоединено было семь церковников, вероятно, из учеников тобольской славяно-русской школы, открытой митр. Филофеем в 1704 г.²⁵ Это были:

1) Иосиф Дьяконов († в Пекине около 1736 г.)²⁶

2) Никанор Ключов († в Пекине в 1737 г.)²⁷

²² *Сумароков*. Миссионерство в Сибири, Ч. III. С. 562; Прот. *Сулоцкий*. Дополнения к биографии митр. тобольского Иоанна Максимовича. // Странник. 1870, II, 341; Иркут. еп. ведомости. 1865, N 26. С. 461; 1874, N 38. С. 494, 495; N 39. С. 508, 509; 1875, N 52; 1881, N 36. С. 433.

²³ Акт. ист. V, N 243. С. 445. В документах он называется попом, священником и иеромонахом. Но, вероятно, он принадлежал к белому духовенству и едва ли принимал монашеское пострижение в Пекине. Указания на него см. ниже в листе пекинского трибунала от 1718 г. у Бантыш - Каменского. С. 84, затем в главах VI и VII. Ср. Иркут. еп. ведомости. 1866.

²⁴ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 84. Ниже (в гл. V.) встречается диякон Филимон в свите преосв. Иннокентия; вероятно, это одно лицо.

²⁵ *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г.; Прот. *Путинцев*. Митроп. - схимонах Феодор // Душеп. Чтения. 1887, январь. С. 27.

²⁶ Син. арх., дело N 181: донесение архим. Илариона Трусова св. Синоду от 30 сентября 1734 г., где говорится о троих причетниках, прибывших с архим. Иларионом Лежайским (дьячек, пономарь, трапезник); См. ниже в гл. VII; *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 81, 84; Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 159.

²⁷ Син. арх., дела N 181 и 530; Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 156; 1866, N 18. С. 225.

- 3) Петр Максимов Якутов († в Пекине в 1737 г.)²⁸
- 4) Григорий Смагин²⁹ (выехал в Россию в 1718 г.)
- 5) Феодор Колесников³⁰ (выехал в Россию в 1717 г.)
- 6) Андрей Попов³¹ (выехал в Россию в 1717 г.)
- 7) Иосиф Афанасьев³² (выехал в Россию в 1717 г.)

Первая Православная Миссия, снаряженная в Пекин, была обеспечена прилично. Ей были даны иконы, ризница, утварь и богослужебные книги³³. Митрополит Иоанн сначала затруднялся дать Начальнику Миссии митру, считая эту жертву очень убыточной для Тобольской архиерейской ризницы. Наконец, в деле этом принял участие тогдашний первый сибирский губернатор, князь М. П. Гагарин (с 1711 г.), известный в то время по своему богатству. Он обещал взамен митры, уступаемой в Пекинскую Миссию, сделать за свой счет новую и гораздо большей ценности. Тогда митрополит отдал Илариону митру, впрочем с условием, чтобы Миссия со временем уплатила за нее архиерейской ризнице приличную сумму, в случае неисполнения губернатором своего обещания³⁴. Затем в содержание Миссии было отпущено:

1) "Архим. Илариону на подъем 300 рублей.

2) Священнику и диакону, с ним посланным, по 60 рублей на персону.

²⁸ Син. арх. дела N 181 и 530; Иркут. еп. ведомости., 1864, N 10. С. 159. См. ниже в гл. VII.

²⁹ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 85. Впоследствии он был священником Идинской Троицкой церкви. — Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 157, 159.

³⁰ Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 156.

³¹ См. ниже отношение о нем пекинского трибунала внешних сношений князю Гагарину. — Иркут. еп. ведомости. 1864, N 9. С. 142; N 25. С. 404. Вместе с Колесниковым и Афанасьевым был некоторое время в свите преосв. Иннокентия; См. гл. V.

³² Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 159.

³³ *О. Даниил*, четв. 15 и 16: иконы были писаны в Киеве.

³⁴ Син. арх. дело N 217, лист 148; Прот. *Сулоцкий*. Дополнения к биографии митрополита тобольского Иоанна Максимовича // Странник. 1870,

3) Семерым человеком певчим и служителем 80 рублей на подъем же.

4) Сорок ведер вина, которое в четырех городех имелось, по 10 ведер.

5) От архиерея тобольского указ дан был везде по монастырях, на пути приключившихся, давать, что надобно, к проживлению до самой границы”.

6) Жалование архимандриту Илариону выдано было в количестве 160 рублей из Иркутска на два года ³⁵. По этой статье штат определен был на первый раз в таком виде: Начальнику Миссии 100 рублей в год, священнику и диакону по 20 рублей в год, певчим по 10 рублей на человека. Деньги было определено вызывать из Иркутска “повсягодно с караваном”³⁶.

Кроме того, Начальнику Миссии было вручено: 28 ложек серебряных, поднос, да 6 чашек серебряных, два кафтана суконные, да ряса атласная коричневая³⁷.

Организованная таким образом первая Православная Миссия дожидалась прибытия в Россию китайского посоль-

Т.П. С. 344, 345. Обещенная митра была пожертвована князем Гагариным уже по смерти митр. Иоанна († 1715), при преемнике его Феодоре (Филофее), после напоминания о ней губернатору. По смерти архим. Илариона в Пекине, митру эту взял-было в Тобольск архим. Антоний, затем агентом Лангом она была пожертвована или передана в новопостроенную тогда церковь Сретения Господня, и, находясь там, была заносима в несколько церковных описей.

³⁵ Доношение преосв. Иннокентия в св. Синод от мая 1721 г. “Преосв. Феодор как был на низу в Ыркуцку взял то жалованье до себя у певчих наших (Попова, Колесникова и Афанасьева, см. выше), которые высланы с Китаю за жалованьем”. — *Савваитов*. Неудавшееся посольство // Странник, 1873. Определение св. Синода от 27 мая 1721 г.: “А о взятом денежном жалованье послать указ к митрополиту северскому, чтоб такие денги у бывшего архиерея схимонаха Феодора взяв прислать в правит. Синод”. Архим. Иларион занял у митр. Феодора 200 руб. и, не отдав их назад, умер.

³⁶ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 119; *О. Даниил*. С. 35.

³⁷ Доношение преосв. Иннокентия св. Синоду от мая 1721 г. — *Савваитов*. Неудавшееся посольство. С. 190.

ства к калмыцкому Аюке-хану³⁸, чтобы при возвращении посольства ехать с ним в Китай³⁹. Китайские послы в числе 6 человек с 26 рядовыми выехали из Пекина 15 июня 1712 г. в сопровождении русского комиссара Петра Худякова, затем около 6 месяцев ожидали в Селенгинске сенатского указа (от 26 ноября), о пропуске к Аюке-хану, и прибыли в Тобольск 14 августа 1713 г.⁴⁰ По журналу посла Тулишена, при приеме их тобольским губернатором князем Гагариным (с 16 августа), послы передали со стороны пекинской иностранной коллегии согласие на прошение бывшего в Пекине с купеческим караваном российского комиссара Осколкова, "который объявлял нашей пекинской коллегии, что в нашем столичном городе, для отправления по их русской вере службы Божией ламов (священников) не имеется, а остался де только из русских людей один Дмитрий⁴¹, но и тот весьма стар, что ежели де он умрет, то уже никого не останется после него, кто было их русской вере отправлял Божию службу, что русские ламы (попы) присланы де быть имеют, ежели де только соблаговолено бу-

³⁸ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 75, 79.

³⁹ Ежемесячные сочинения. 1764 г. июль. С. 3 и 4: "Описание путешествия, коим ездил китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге". Это описание, составленное одним из послов, Тулишеном, было напечатано в Пекине по китайски и маньчжурски в 1723 г., потом было сокращенно издано по - французски патером Гобилем у Souciet, *Observations mathematiques, astronomiques, geographiques et physiques*, t. I, p. 143. Подлинная книга об этом китайском посольстве на обоих языках сыскалась между теми, которые были вывезены из Китая в Россию в 1746 г. с переводчиком Ларионом Россохиным († 1761) и отданы в Академию Наук. Россохин перевел это путешествие с маньчжурского на русский язык. См. ниже в гл. VII.

⁴⁰ Ежемесячные сочинения. 1764, июль. С. 9; сентябрь. С. 196; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 79.

⁴¹ Точнее Максим. Или, может быть, здесь указывается на церковного старосту Дмитрия Нестерова, стерегшего церковь? Но Дмитрий не имел священного сана. — Иркут. еп. ведомости. 1864, N 10. С. 159.

дет. А о сем его (Осколкова) прошении вельможи наши (пекинские министры) Его Величеству нашему священнойшему хану, доклад учинили, и Его Величество, во удовольствие того прошения, ламов (попов) прислать повелел⁴². Да оному их комиссару также было приказано, чтобы прислать к нам одного доктора, в излечении наружных болезней искусного, ежели имеется в их российской земле⁴³. И то нам (послам) повелено взять их русских ламов и доктора, буде они пошлются с нами, тогда как мы назад отойдем. Обо всем оном деле сказал нам на то Гагарин, что попы находятся у него в готовности, а доктора искусного у него не находится, но он писал о том в Москву, и уповает, что к тому времени приедет, как мы назад поедем”⁴⁴.

Послы выехали из Тобольска 21 августа 1713 г. и через Тюмень, Епанчин, Туринск, Верхотурье, Соликамск, Кайгород и Вятку 26 ноября прибыли в Казань. Оставив ее в начале декабря, они 5 июня 1714 г. переправились через Волгу, а 1 июля прибыли в кочевье Аюки, близ Царицына⁴⁵. Прожив здесь две недели, послы отправились в обратный путь той же дорогой и 2 декабря 1714 г. прибыли в Тобольск⁴⁶. Здесь до 30 числа дожидались прибы-

⁴² Ср. “Шэн - ши - цзи - лё” (церк. ист.), кн. X, гл. 3, лист 26 на об.

⁴³ Ср. Сиб. Вестник, ч. 18. С. 118. Доктор, о котором просили китайцы, был послан несколько позднее и прибыл в Пекин в 1716 г. Это был англичанин Томас Гарфин, состоявший на русской службе. Он вернулся из Пекина в Россию в 1717 г. — Моск. Арх. МИД. Реестр присланных от сибирского губернатора Соймонова (4 апреля 1759 г.) китайских листов. Может быть, доктор этот прибыл в Пекин вместе с первой Миссией, а может быть несколько позднее, с Лангом.

⁴⁴ Ежемесячное сочинение, 1764, сентябрь. С. 201—203; Ср. *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 81.

⁴⁵ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 79.

⁴⁶ Там же. С. 80.

тия князя Гагарина из Москвы. Два посла, Тулишен и Наян, выехали из Тобольска вперед прямым сухим путем через Тару и Томск⁴⁷ и прибыли в Пекин 20 апреля 1715 г.⁴⁸ Прочие же послы со свитой, Российской Духовной Миссией и, вероятно, с доктором выехали из Тобольска 3 февраля 1715 г. и держались потом летом водного пути, по рекам Оби, Кеми, Енисею, Тунгузке и т. д.⁴⁹ В Пекин они прибыли к концу 1715 или в начале 1716 г.⁵⁰ Первая Православная Миссия из России была принята в Пекине с особенным почетом и вниманием. Богдыхан зачислил членов ее в высшие сословия государства, а именно: архимандрита пожаловал мандарином 5-й степени, священника с диаконом — мандаринами 7-й степени, а учеников причислил к сословию солдат⁵¹. Всем членам Миссии были отведены казенные квартиры подле албазинской церкви⁵² и, вероятно, участки земли, а также временное пособие: архимандриту 800 лан серебра (1500 руб.) и ему же на служителей 600 лан (около 1100 руб.), священнику и диакону по 600 лан каждому и на служителей по 400 лан, церковникам по 300 лан и на служителей по 200 лан каждому. Сверх этого, от

⁴⁷ Ежемесячное сочинение, ноябрь. С. 390, 391 и 437.

⁴⁸ Там же, ноябрь. С. 412; июль. С. 9.

⁴⁹ Там же, 1764, ноябрь. С. 437; *Пуццолло*. Цит. соч. С. 57.

⁵⁰ В "Шэн - ши - цзи - лё" (кн. X, гл. 3, лист 26 на об.) говорится, что архимандрит со свитой прибыл зимой 1715 г. В сочинении "Си - юй - вэн - цзянь - лу" (от 1773 г.) упоминается о присылке при Канси из России студентов для обучения переводам и для изучения четырехкнижья (Сы - шу). — *О. Иакинф*. Описание Чжуньгарии и восточного Туркестана. СПб., 1829. С. 157.

⁵¹ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 81, 85.

⁵² *О. Даниил*, четв. 33 на об. См. Письмо мунгальского владельца Очироя - Бату Тушетухана, от 24 сентября 1722 г.: "и был прислан бывшей архим. Иларион с причетниками, были они в Пекине приняты и по указу по статьям поверстаны были в жалованье, и даны были им дворы, и жить велено". *Савваитов П.* Неудавшееся посольство. С. 193.

трибунала определено было производить им ежемесячное жалование: священнослужителям по 4½ ланы серебра (офицерский оклад), церковникам по 1½ лана, да из казенных магазинов рису на каждого по 3 мерки. Через три года положено было выдавать на платье: архимандриту по 40 лан (70 руб.), священнику и диакону по 30 лан, церковникам по 20 лан⁵³. Всего на Российскую Миссию отпускалось китайским правительством 428 руб. 70 коп. по тогдашнему курсу⁵⁴. К довершению благоволения, богдыхан дал некоторым из церковников жен, без сомнения, крещеных ими, а изучивших китайский с маньчжурским языки пристроил к трибуналу внешних сношений для перевода грамот, получавшихся от российского сената и посылавшихся в сенат китайской коллегией иностранных дел. Одним из таких переводчиков, преемников албазинцев, известен церковник Осип Дьяконов⁵⁵.

Из жизни и деятельности в Пекине первой Православной Миссии известно не много фактов, по недостаточности документов, сохранившихся от того времени. Можно сказать вообще, что деятельность эта была успешна, потому что состав членов ее был хорош. Архим. Иларион, по мысли Петра Великого, оказался “человеком разумным и подкладным”. По своему нравственному характеру он заслужил уважение не только от своих пасомых, но и от самого богдыхана, который каждый месяц присылал в Миссию чиновника справляться о здоровье ее Начальника

⁵³ Кроме того, в течение XVIII в. от китайского правительства выдавалось на погребение духовных лиц по 15 лан серебра, а на церковника по 5 лан. Католики получали на погребение своих миссионеров по 50 лан. — Архим. *Софроний* (Грибовский). Известие о китайском, ныне маньчжуро-китайском государстве. М. 1861. С. 83.

⁵⁴ *О. Даниил*, четв. 35; Ср. *О. Иакинф Бичурин* // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 270, 271.

⁵⁵ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 85.

и о нуждах Миссии⁵⁶. Архим. Иларион устроил правильное и стройное богослужение, чем привлекал в православную церковь не только албазинцев, но и других, язычествующих жителей Пекина. О числе обращенных им в православие не осталось сведений, но что они были, хотя и не в большом количестве, это видно из донесения св. Синоду Начальника второй Миссии, архим. Антония (от 3 декабря 1732 г.)⁵⁷, о чем будет сказано ниже (в гл. VI). Из числа обращенных в православие был китаец, служивший при албазинской церкви “во псалмочтении”⁵⁸. Значит, деятельность первой Миссии не ограничивалась одним совершением богослужения и треб, но имела в виду и просвещение пасомых. По отношению к членам Миссии, архим. Иларион держался также близко, на что указывает заведение им, монастырских началах, общей трапезы⁵⁹. О внимательном отношении его к нуждам Миссии и своих сослуживцев говорят его прошение в китайскую палату внешних сношений от 23 апреля 1717 г. и отношение последней к князю Гагарину, писанное на латинском языке рукою одного из католических миссионеров⁶⁰. Этот документ все же говорит и о доступности к Миссии китайского начальства⁶¹.

⁵⁶ Сиб. Вестник, ч. 18. С. 119. *О. Даниил*, четв. 35. После китайский богдыхан дважды в год посылал придворных лиц спрашивать о благосостоянии Начальника Миссии, чем, по туземным понятиям, делалась ему необыкновенная честь. — Историч. очерк христианской проповеди в Китае. // Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 312.

⁵⁷ Моск. Архив МИД, док. N 16, лист 74.

⁵⁸ Син. Арх., дело N 181.

⁵⁹ Там же: существование должности трапезника. — Иркут. еп. ведомости. 1866, N 20. С. 250. Общая трапеза в Миссии существовала с некоторым перерывом до половины настоящего столетия.

⁶⁰ Моск. Архив МИД. Реестр 3 кит. двора делам новых лет с 1700 г., N 2 (1704 - 1717). Письма из китайского трибунала к сибирскому губернатору, князю Матвею Гагарину, присланные из тобольского архива при рапорте 1759 г.

⁶¹ Документ озаглавляется так: “Episiola tribunalis exterar provincias gibernantis ad Mathaeum Piotoris (Петрович) Gagarin, Siberiae gubernatorem, missa”.

“Lama archimandrita Lariuan qui cum nostro librorum preside Jmjana et aliis huc venit ad sacrificandam Ruthenorum poutchini (поучений?) et ad preces recitandas prout petatum fuerat a nostro imperatore, nunc nobis obtulit libellum de afferendis libris sacris pro precibus recitandis. Libellus autem sic habet: “rogo ut Andreas lector, unus miles, unus famulus, qui mecum huc venerunt, mittantur ad Tobolski ut de admirabilis Domini gracia erga nos beneficia moneant nostrum Gagarin et per illum moneatur noster Ruthenorum Tchahan (царь): insuper hic habemus paulos libros sacros et Alexis, filius Andreae annos duodecim natus, est adhuc in Tobolski cum igitur qui nuper huc pervenit legatus *Stephanus*⁶² redeat ad Siberiam. Rogo, ut hac occasione simul cum illo Andreas et alii mittantur, et in itinere equi subministrentur, ut ex Tobolski afferant libros Ruthenorum sacros et filium Andreae huc adducant”.

“Nos itaque, secundum petitionem lama archimandritae Lariuan qui ex vestris finibus huc venit, equos dedimus Andreae lectori, militi et famulo, simulque missimus cum legato Stephano ad Tobolski, ut afferant libros et filium Andreae adducant. An vero vos debeatis illum huc mittere vel non, vestrum est determinare, idcirco hanc epistolam ad te Mathaeum Gagarin mittimus et illam legato vestro Stephano coeterisque deferendam tradidimus. Anno X'23 die Aprilis”.

Приведенный документ ясно характеризует положение первой Православной Миссии в Пекине. Он указывает на обеспеченность ее в материальном отношении, уважение и благосклонность к ней китайских властей

⁶² Это был, вероятно, Степан Третьяков, упоминаемый в делах китайского двора 1722 г., N 3. Ему в этом году был поручен казенный караван. В Пекине он мог быть в 1717 г. в качестве гонца. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 105.

во главе с богдыханом, о чем архим. Иларион известил Петра Великого. Затем, с другой стороны, он открывает и нужды Миссии в богослужебных книгах, но главным образом показывает трудность жизни в Пекине для православного человека. Вероятно, причиной отправления в Россию трех членов Миссии (Андрея Попова, Феодора Колесникова и Иосифа Афанасьева) были разные невзгоды, испытанные ими в Пекине: тоска по родине и болезни от нездорового климата столицы, на что жаловались и последующие члены Миссии. Означенные лица не вернулись в Пекин и остались на службе в Сибири. Вслед за выездом в Россию троих членов стал болеть Начальник Миссии. Для облегчения от страданий (вероятно, ревматизма) он ездил на теплые воды в 22 верстах от Пекина⁶³. Но воды не помогли ему: на обратном пути в Миссию он скончался 26 апреля 1718 г. Тело его с честью было погребено на албазинском кладбище, вероятно, подле праха о. Максима⁶⁴. Лишившись своего Начальника и нуждаясь в новом, Миссия, без сомнения, обратилась с просьбой в китайский трибунал внешних сношений. Последний отправил в Россию к князю Гагарину отношение (лист), вручив его диакону Филимону и церковнику Григорию Смагину, пожелавшим вернуться

⁶³ О. Даниил, четв. 35 на об.

⁶⁴ Крест из белого мрамора обозначал год, месяц и число его кончины (Иркут. еп. ведомости. 1863, N 9). Могила архим. Илариона была окружена и стеснена потом могилами язычников и никакого правильного надзора за нею нельзя было учредить. По соглашению с русским посланником в Пекине и с разрешения китайского правительства, архим. Палладий, Начальник 15-й Миссии, в 1876 г. распорядился перенести прах архим. Илариона на общее православное кладбище, что и было исполнено 29 мая 1876 г. с подобающей честью (Донесение о. Палладия св. Синоду в 1877 г.). За оставшийся скерб первого Начальника Миссии было после выручено 41 лана и 8 чин (80 руб.), которые и были отданы архим. Иларионом Трусовым на церковный расход (Синодальный Архив, дело N 516).

в Россию⁶⁵. Это отношение написано в прежнем духе и сохранилось в русском переводе.

“Ты прежде просил от императора, чтобы русские, находящиеся в нашем великом царстве, могли молитвы творить в церкви и просить от Бога вечного между обоих государств мира. И для того с нашим второго ордена (класса) мандарином Имьяном послал ты архим. Илариона, свящ. Лаврентия, диакона Филимона, с семьей русскими, о коих приходе в сие государство как скоро доложили мы нашего преудивительного Государя, то он архимандрита пятой степени, а священника и диакона седьмой степени мандаринства достоинством учинил: дома, иждивение и кормы и все потребное им дал; и дабы Осип (Дьяконов) и прочие семь могли жениться, снабдил их деньгами, и с нашими русскими для молитвы в церкви соединил. В нынешнем же году архимандрит ваш Иларион, болезновав, умер. А как от времени постановления границ между обоими государствами (в 1689 г.) жили мы в великом согласии, — того ради послали мы диакона Филимона и служивого Григория, которые вам объявят о смерти онаго архимандрита. Ты же, Гагарин, определи, хочете ли сюда прислать второго архимандрита, или к вам возвратить и остальных, здесь находящихся. И о сем к нам ответ пришли”⁶⁶.

По отъезде в Россию еще двоих членов, Православная Миссия в Пекине осталась при одном священнике и трех церковниках, свыкшихся со своим положением. В ожидании ответа из отечества: быть или не быть в Китае Православной Миссии, они, без сомнения, продолжали отправлять свои обязанности, получая изредка вести из Сибири через членов российских караванов,

⁶⁵ Бантыш - Каменский. Цит. соч. С. 84.

⁶⁶ Там же. С. 84, 85.

как, например, от комиссаров Василия Ифина и Феодора Истопникова с целовальником Петром Лобашковым, бывших в Пекине в 1717 и 1718 гг.⁶⁷. Но в это время китайское правительство стало стеснять торговые сношения России с Пекином вследствие наплыва европейских товаров, доставлявшихся ежегодно в Кантон и другие порты Китая. Затем, другою причиною стеснения русской торговли было поведение русских торговцев, которые, по выражению одного лица от китайского трибунала, приезжая в Пекин, “никаких уставов, ни обыкновений наших (китайских) не сохраняли, но по своей воле и нагло в начинании сваров и споров неоднократно являлись виновны”⁶⁸. Впоследствии эти обстоятельства, в связи с поведением некоторых членов Миссии, послужили к охлаждению дружественных отношений китайцев к русским и доставили немало забот, хлопот и неприятностей русским светской и духовной властям.

Получив известие о кончине архим. Илариона, митр. Феодор (Филофей), снова управлявший в то время сибирской епархией и находившийся для обозрения ее в Енисейске, написал письмо к князю Гагарину (от 4 апреля 1719 г.): “Мы благодарим Бога, — писал святитель, — что расширяется христианская вера, имя Божие славится во языцех, и впредь есть надежда на прославление имени Божия среди китайцев”. Продолжая это письмо, митрополит подал следующий совет светскому начальнику: “Аще ваше сиятель-

⁶⁷ Там же. С. 81, 82.

⁶⁸ Там же. С. 83, 84. “Русский человек и в Китае оставался русским; его широкая разгульная натура дала себя и там знать. Пьянство, дебоши, драки, насилия не только русских купцов, но и провожатых караванов и комиссаров и других служителей возбуждали неудовольствие правительств обеих держав и жалобы китайцев”. — *Трусович*. Посольские и торговые сношения России с Китаем. С. 151, 152.

ство примешь по Бозе ревность, с преосв. Стефаном (Яворским) посоветовав, доложите Его Царскому Величеству, и избрав доброго и мудраго человека, туда в царство китайское пошлете не замедля. Аще хоть бы и чином архиерейским почтите, и клиру с ним человек 15 послати, понеже то они китайцы разумеют, что Его Царское Величество для укрепления вечного мира таких людей пришлет”⁶⁹. Мысль, постоянно занимавшая Петра Великого, на счет водворения православной веры в пределах Монголии и Китая⁷⁰, нашла теперь живой отклик в лице ревностного сибирского архипастыря и встретила сочувствие в лицах правительствующего сената и членов коллегии духовных дел. По взаимному сношению их, было положено основать в Пекине православную епископскую кафедру. Архим. Софроний Грибовский, Начальник восьмой Пекинской Миссии, объясняет такую решимость русского правительства тем обстоятельством, что вернувшийся из Пекина диакон Филимон распустил молву, будто китайский богдыхан Канси намеревался креститься⁷¹. Это известие было неверным, но оно имело фактическое основание в стремлениях католических миссионеров обратить китайского богдыхана в христианство. По примеру Риччи и Шаля, знаменитых иезуитов, пропагандировавших в Китае, преемник их Вербье (†1687 г.), находясь почти неотступно при Канси во время его малолетства, истощал все свое красноречие и все

⁶⁹ Из черновых писем митр. Феодора, оставшихся по смерти его в Тюменском монастыре. — Времн. Имп. Моск. Общ. древн. российск., 1854, кн. XX. С. 42; *Абрамов*. Филофей Лещинский. С. 690; *Савваитов*. Неудавшееся посольство. С. 186; Иркут. еп. ведомости. 1863, N 11.

⁷⁰ См. выше (лат. документ), где указывается на внимание русского государя к Пекинской Миссии.

⁷¹ Син. Арх., дело N 365: донош. иером. Феодосия Сморжевского, члена четвертой Миссии, от 15 августа 1753 г.; *О. Даниил*, четв. 36.

диалектические тонкости ума для обращения Канси в христианство. Но это не удалось ему и его преемникам. Канси оказывал большое уважение к “религии Владыки неба” (христианству), не возбранял даже принимать ее своим подданным, но сам остался и умер в язычестве⁷².

V

Посольства в Пекин Льва Измаилова и Саввы Владиславича в связи с вопросом о православной епископии в Китае. Положение там католиков

В 1719 г. император Петр Великий отправил чрезвычайным посланником в Пекин гвардии капитана Льва Измаилова для разрешения вопросов о свободной торговле России с Китаем¹. В инструкциях от коммерц-коллегии и иностранных дел (4 июня 1719 г.) ему поручено было, между прочим, исходатайствовать приезжавшим тогда в Китай россиянам *невозбранно содержать свою веру* (п. 1 инструкции от коммерц-коллегии)² и “старание свое приложить, чтобы ханово величество соизволил на постройку церкви греческого исповедания для приезжающих купцов, подданных Его Царского Величества, и для пребывания там священников, как то от них (китайцев) позволено римскаго исповедния езуитам, — и на строение церкви оной дано было место, которая (церковь) из казны Его Царскаго Величества построена быть имеет” (п. XII инструкции коллегии Министерства иностранных дел)³. Кроме того,

⁷² Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 3. С. 269, 270.

V ¹ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами (с 1619 по 1792г.), Казань, 1882. С. 85, 86.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 87, 431.

в силу п. X последней инструкции, отправляемый посланник должен был, для прекращения несогласий и ссор, происшедших в Пекине между российскими и китайскими подданными, добиться разрешения жить русскому агенту или консулу⁴, и за плату получить от китайского правительства участок земли для постройки там русского двора⁵. В свите Измайлова, кроме других лиц, состояли секретарь посольства, швед Лоренц Ланг, принимавший потом самое деятельное участие в установлении торговых сношений между Россией и Китаем⁶, а также лекарь, англичанин Бель. Оба они описали после свои путешествия⁷. Ко времени отъезда Измайлова получено было в Петербурге известие о смерти в Пекине архим. Илариона. В виду желанья, высказанного в листе китайского трибунала на счет присылки второго архимандрита⁸, Измайлову было поручено взять с собой, по указанию сибирского митрополита Феодора (Филофея), архимандрита Антония Платковского⁹. Последний прибыл в Тобольск из Киева с означенным митрополитом еще в 1702 г.¹⁰ и находился в то время в Иркутске настоятелем Вознесенского монастыря. Отправляя в Пекин Антония "для ради служения божественных литургий", митр. Феодор поручил ему заб-

⁴ Там же. С. 87, 88, 430; *Панов* Православное христианство в Китае; Курсовое сочинение. 1870, лист 25. *О. Даниил*, четв. 10.

⁵ Там же. С. 88, 505.

⁶ Там же. С. 532, 501.

⁷ Там же. С. 86, 532. См. *Lange*. Tagebuch zweier Reisen, welche in den Jahren 1727, 1728 und 1736 von Kjachta und Zuruchaitu durch die Mongoley nach Pekiny gethan worden, herausgg. v. Prof. Pallas. Leipzig, 1781. "Реляции бывшего в Китае агента Ланга из Селенгинска от 1723 г." в указателе М. П. Пуцилло. С. 63. Там же. С. 101: Журнал путешествия Лоренца Лангера; С. 70: Описание путешествия в Китай.

⁸ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 85.

⁹ *О. Даниил*, четв. 36.

¹⁰ *Сумароков*. Миссионерство в Сибири // Христ. Чтение. 1883, т. III. С. 562.

рать там вещи, оставшиеся после архим. Илариона Лежайского, и привести их в Тобольск¹¹.

Лев Измаилов, выехав из Петербурга 16 июля 1719 г., прибыл в Иркутск 15 мая 1720 г.; затем должен был прожить 14 недель в Селенгинске в ожидании дозволения от китайского правительства двинуться за границу. Наконец, 23 сентября, русское посольство отправилось в путь и до Калгана проехало по монгольской степи в 40 дней, а 18 ноября 1720 г. с великою церемониєю совершило въезд свой в Пекин¹². Благородный старец Канси, на склоне дней своих, милостиво принял российского посланника, предоставив ему свободу “запросто есть, пить и веселиться”. На одной из аудиенций богдыхан дал Измаилову такой отзыв о католических миссионерах, живших тогда в Пекине: он, Канси, содержит их у себя не чиновными людьми; находясь в его государстве более 200 лет, они многих научили разным наукам, в числе которых и сам он, богдыхан, довольно изучен математике и астрономии¹³. Китайская любезность Канси к Измаилову простерлась еще более при вопросе последнего: *не противно ли* ему, посланнику, что он, богдыхан, с ним объясняется через иезуитов¹⁴? В этих словах ясно сказался взгляд китайцев на католических миссионеров, и метко характеризована роль последних в Пекине.

¹¹ Доношение св. Синоду преосв. Иннокентия от мая 1721 г.; *Савваитов П.* Неудавшееся посольство русского православного епископа в Китай // *Странник.* 1873, т. III. С. 187.

¹² *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 88, 90, 91, 533. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. 1838, ч. I. С. 429; *О. Даниил,* четв. 10.

¹³ Канси учился математике 5 месяцев под руководством знаменитого католического миссионера Вербье, а потом, вероятно, и у других. — *Рудинский Д.* Христианство в Китае // *Херс. еп. ведомости.* 1865, N 14. С. 240.

¹⁴ *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 93. В бытность у богдыхана российского посланника Спафария (в 1676 г.), иезуиты при аудиенции стояли на коленях и в таком положении передавали вопросы и ответы богдыхана и посланника (Там же. С. 32.) То же, вероятно, было и при Измаилове, который, впрочем, сам и его преемники не были принуждаемы к тому.

Тогда в столице срединной империи находилось немало иезуитов¹⁵, вслед за которыми с 1631 г. прибыли доминиканцы и францисканцы из Италии, Франции и Португалии¹⁶. Двадцати французским миссионерам Людовик XIV назначал пенсioen в 9200 ливров. Папские эмиссары получали субсидии и от китайского богдыхана, за что, кроме других работ, с 1708 по 1718 г. составили географический атлас китайской империи, над обработкой которого трудилось девять иезуитов¹⁷. К 1723 г. они насчитывали в Китае свыше 300 000 прозелитов¹⁸, были отлиты 450 пушек¹⁹, а также к XVIII в. перевели на китайский язык до 500 книг религиозно-нравственного содержания, в том

¹⁵ По журналу российского посланника Избрanda Идеса от 1694 г., иезуитов в Пекине в его время было восемь человек. См. *Relation du voyage de Mr Evert Isbrand, par le Sieur Adam Brand. Amsterdam, 1699. P. 150.*

¹⁶ *Modern christian Mission in China. Chinese Recorder, 1870, April-May. P. 346.* Ср. Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Прав. Собеседник. 1885, сент.; *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 233.

¹⁷ *Modern christian Mission in China. P. 341.* По приказанию Людовика XIV, во Франции королевская академия занялась преобразованием и улучшением географии. Она послала своих членов во все порты Океана и Средиземного моря. Но в избрании лиц для посольства в Индию и Китай затруднялись. Поэтому обратились к иезуитам. Вследствие этого, были посланы в 1685 г. в Китай шесть миссионеров: Фонтаней, Ташар, Жербильон, Леконт, Виделу и Буве. *Huc. L'Empire Chinois. Paris, 1857, ch. IV. P. 146 — 177; Рудинский Д.* Цит. соч. С. 242.

¹⁸ В это время иезуиты имели более 300 000 новообращенных, более 300 церквей, 100 коллегий, множество часовень, молельнь, резиденций, церковных поместий, фабрик, заводов. Миссионеры других орденов в совокупности имели около 35 церквей, 10 коллегий, 8 резиденций и до 35 000 новообращенных. — Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 270. *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 241.

¹⁹ Католический миссионер Вербье сам сознавался русским гонцам в Пекине, Венюкову и Фаворову (в 1686 г.), что пушки и гранаты он лил китайцам с помощью двух российски людей. — *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 48.

числе Ветхий и Новый завет²⁰. По просьбам католических миссионеров, Канси 19 марта 1692 г. издал указ, в котором дозволил христианам чтить Бога в своих церквах наравне с буддистами и даосами. Ранее и после этого указа представители различных католических конгрегаций добыли себе в Пекине участки земли и на них к 1721 г. воздвигли 4 храма²¹. Один из них, северный, находился даже в “красном городе”, подле дворца. Это место иезуиты получили от Канси в благодарность за излечение его от опасной лихорадки²². Но при таком выгодном положении в это время в среде католических миссионеров шли сильные раздоры (с 1655 г.) из-за послаблений иезуитов китайским обычаям (по *systemae accomodationis*) и подрывали силу и значение католиков в Пекине²³. Перед приездом Измаилова в столице Китая был папский легат Меццабарба (*Mezzabarba*) с неудавшеюся примирительною миссиею по спорным вопросам. Он был допущен к богдыхану и по тогдашнему приемному этикету, простирался перед Сыном Неба “трижды потрижды”²⁴.

²⁰ *Giro del Mondo Napoli*, 1700, t. IV. P. 198: свидетельство итальянца, д-ра Чжемелли Карери, посетившего Пекин в 1696 г. *Wylie A. The Bible in China* // *Chinese Recorder*. 1868, N 7. P. 127.

²¹ О. Иакинф Бичурин // *Прав. Собеседник*. 1886, март. С. 253.

²² *Les missions catholiques en Chine* // *Revue des deux Mondes*. 1886. 15 dec, P. 782. В прошедшем году поднимался вопрос об уступке этого места китайскому правительству для постройки на нем сада императрице. Но этот вопрос встретил препятствие со стороны французского правительства, которым воздвигнуты были здания на том месте с 1860 до 1864 г. (*Ibid*. P. 787 — 789). Теперь дело решено в пользу уступки здания китайскому правительству. — *Совр. Известия*. 1887, N 32).

²³ *Исторический очерк католической пропаганды в Китае* // *Прав. Собеседник*. 1885, сент.

²⁴ *Les missions catholiques en Chine* // *Revue des deux Mondes*. 1886, 15 dec. P. 775.

Ревниво оберегая свои “вольности”, представители католической пропаганды в Пекине постарались затормозить требования российского посланника в пользу православия и подставить Измаилову ногу при дальнейших сношениях его с китайским трибуналом. На конференциях Измаилова с китайскими министрами (с 18 ноября 1720 г. до 2 марта 1721 г.) много было споров, и он едва добился дозволения оставить в Пекине только на время агента Ланга²⁵. С грубыми и гордыми ответами со стороны китайского трибунала, переведенными по-латыни католическими патерами, российский посланник выехал из Пекина 2 марта 1721 г. и добрался до Москвы не раньше 13 января 1722 г.²⁶ Разрешения на постройку второй православной церкви в Пекине не было дано китайским правительством. Вероятно, отказ в этом был мотивирован прежним ответом (в 1693 г.) на подобную же просьбу посланника Избранда, а именно: “Построение церквей иноземцам, кои вечно в здешнем (китайском) живут царстве, узаконено, а приезжающим только на время требовать церквей в обычай не положено”²⁷. Без сомнения, Измаилов поднимал вопрос в пекинском трибунале и о восполнении убылых членов Миссии новыми. Результаты его сношений по этому пункту остались неизвестными. Должно быть, он получил уклончивые ответы. Это видно из того, что после трехмесячного пребывания выехал с ним из Пекина и архим. Антоний²⁸, который, впрочем, на этот раз не пред-

²⁵ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 95 — 97.

²⁶ Там же. С. 98, 99, 506, 507.

²⁷ Там же. С. 68, 73.

²⁸ Там же. С. 99. После своей поездки в Пекин архим. Антоний дал следующий отзыв о поведении членов русской сотни: “В церковь Божию ходят (жители русской слободы) и св. таинства и требы церковные соблюдают... Священнический чин в почтении имеют. Суеверию же не точию сами не прилепляются, но и жен своих, в язычестве сущих, к благочестию христи-

назначался в Начальники Миссии, и потому снова был определен к прежнему месту настоятеля иркутского Вознесенского монастыря²⁹. Тем не менее состоявшие при албазинской церкви священник Лаврентий и три церковника были оставлены в Пекине, без сомнения, с ведома и разрешения китайского богдыхана.

Еще до отъезда Льва Измаилова в Пекин Петру Великому передано было содержание письма сибирского митрополита Феодора (Филофея) от 4 апреля 1719 г. к тобольскому губернатору, князю Гагарину, где престарелый святитель советовал послать в царство китайское новую Миссию во главе с православным епископом³⁰. Такая мысль нашла в гениальном Государе полное одобрение, потому что он, как показано было выше, давно уже задумал о просвещении Китая православием. С водворением православного епископа в Пекине можно было прочнее начать распространение и утверждение православной веры в поднебесном государстве чрез посвящение в священнослужители достойных лиц из самих китайцев³¹. На служение этому великому и многотрудному делу “проповеди слова Божия и размножения православных христианския восточнаго благочестия веры” в Китае был избран

анскому обращают”. Этот отзыв подан был архим. Антонием тобольскому митрополиту Иоанну или его преемнику Антонию. См. Иркутский Летописец. 1721; Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 308. Другой отзыв архим. Антония о положении в Пекине членов Духовной Миссии см. ниже.

²⁹ *О. Даниил*, четв. 36.

³⁰ *Савваитов П.* Неудавшееся посольство православного русского епископа в Китай // Странник. 1873, т. III. С. 186.

³¹ Шен-ши-ци-лэ (Церковная история), кн. 10, гл. 3, лист 26 на об. и 27. Эта мысль по разным причинам начала приводиться в исполнение лишь через 160 слишком лет (с 1882 г.). — Настоящее положение и современная деятельность православной Миссии в Китае // Прав. Собеседник. 1884, авг.

соборный иеромонах Иннокентий Колчицкий (или, как обыкновенно писали, Кульчицкий)³². По сказанию иркутского летописца Пежемского, он был вызван с юга России в числе других “доброжителъных” монашествующих для пополнения только что основанной тогда Невской Лавры. Здесь он вскоре был назначен флотским обер-иеромонахом. А так как по морскому уставу, начертанному рукою самого Петра, на обер-иеромонахе лежала обязанность в течение недели посетить каждый корабль, управлять судовыми иеромонахами и разрешать их недоумения, то по этому одному о. Иннокентий не мог не быть хорошо известным преобразователю России³³.

14 февраля 1721 г. новоучрежденный (с 25 января) св. Синод, по сношению с сенатом, докладывал Государю: “Определенного в Хинское государство иером. Иннокентия Кульчицкого архиереем Иркутским и Нерчинским для близости к оному государству посвятить ли? и для удобнейшаго обхожденья от сибирской епархии отделить ли?” Государь отвечал: “В архиереи посвятить, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине, чтобы иезуиты не перетолковали инако и бедства б не на-несли”³⁴. 25 февраля того же года в доношении своем св. Синоду о. Иннокентий спрашивал о том же: “Аще возможно отделить ко мне пограничные города, яко Иркутск, Якутск и Нерчинск; а ради поставления, аще нужда позовет, можно будет с караваном в Китай ставленником приходить. Аще же сего нельзя зделать, то учредить достойным трактаментом (жалованьем), дабы мне и вышеозначенным чинам, живучи тамо, у татар милости не

³² *Савваитов П.* Цит. соч. С. 186, 187. О. Даниил, четв. 36 на об.

³³ *Панов.* Цит. соч. лист 26.

³⁴ П. С. З., т. VI, N 3734; *Соловьев С. М.* Ист. России с древнейших времен. Т. XVI. С. 336.

жебратъ (?) и России безчестия не делать". Против этого пункта доношения была положена резолюция: "Оставить сей пункт, а о трактаменте писать ведение"³⁵. В том же доношении о. Иннокентий просил св. Синод, чтобы "к хинскому императору пожаловано (было) царскаго величества грамоту, с чим бы прибыть тамо, чтобы было им приятно и мне смелее, в которой и число людей, со мною посылаемых, означить; бо болие не приемлют"³⁶.

4 марта 1721 г. новоизбранный был наречен, а на следующий день хиротонисан во епископа Переяславского (по силе VI прав. Халкидонского собора)³⁷, причем св. Синод предоставил ему между прочим: "К архиерею сибирскому (Антонию)³⁸, ни к сему, ни к предбудущему, — токмо к единому св. Синоду надлежать, а сибирский архиерей ни в чем бы ему, и аще кто от него послан будет в Санкт-петербурх с письмами, препятія и задержки не чинить, но паче помоществовать"³⁹. Тем же указом (от 7 марта 1721 г.) назначено было и содержание для нового архиерея и его свиты, именно, пока он будет у "определенного места", давать ему из доходов сибирского края по 1000 и 500 рублей в год⁴⁰ и посылать их с караваном, или как способнее, а для поездки выдать 500 руб. из статс-канторы⁴¹.

³⁵ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 187.

³⁶ Там же.

³⁷ *О. Даниил*, четв. 36 на об.

³⁸ В 1721 г. митр. Феодор был снова уволен за старостью лет на покой и на его место назначен Антоний (1721 — 1740). — *Сумароков*. Цит. соч. С. 575.

³⁹ Указы св. Синода от 7 марта 1721 г. тобольскому и сибирскому митр. Антонию и переяславскому епископу Иннокентию // *Опись докум. и делам св. правит. Синода*, т. I (1542 — 1721). Прилож. к описи XIII.

⁴⁰ Там же. С. 93; *О. Даниил*, четв. 37; *Панов*. Цит. соч., лист 26, 27.

⁴¹ Определение Сената от 24 марта 1721 г. Синодальный архив. Дело N 181.

По указу же св. Синода, из патриаршей ризницы выданы были ему омофор, церковные сосуды весом в 2 фунта 46¹/₂ золотн., а из типографии книги всего церковно-богослужебного круга и несколько экземпляров учебников. В дополнение к этому ему было разрешено взять из суздальской архиерейской ризницы все, что выдано было из тамбовской ризницы бывшему суздальскому митрополиту Ефрему. В числе прочих вещей епископ Иннокентий получил митру одного армянского архиерея, которую переделал по образцу греко-российской церкви⁴². В свиту преосвященного были назначены два иеромонаха, два иеродиакона, пять певчих, двое служителей и один повар⁴³.

19 апреля 1721 г. святитель Иннокентий со свитой своей выехал из Петербурга⁴⁴. Вслед за ним св. Синодом была послана ему (от 12 мая) грамота, содержащая в себе и некоторые инструкции для нового епископа.

“Святейший правительствующий Синод

Преосвященному Иннокентию, епископу переславскому,

Мира, здравия и в намеренном благочестия деле Божия благопоспешения.

В правительствующий духовный Синод правительствующий Сенат сего апреля 27 дня прислали, за подписанием рук своих, лист, с копиями славено-российскою и латинскою, государственною посольскою печатью запеча-

⁴² О. Даниил, четв. 37. Из тобольской архиерейской ризницы он получил другую митру, оставшуюся после архим. Илариона Лежайского и вывезенную обратно в Тобольск архим. Антонием.

⁴³ Там же. Из числа иеродиаконов или диаконов преосв. Иннокентием упоминается *Филимон*, вероятно, бывший прежде в Пекине с первой Миссией и выехавший в Россию в 1718 г., а также и певчие (вероятно, Попов, Колесников и Афанасьев), выехавшие из Пекина в 1717 г.

⁴⁴ История Российских иерархов, II, 453; *Савваитов П.* Цит. соч. С. 187.

танный, которой о персоне вашей имеет послан быть его величества богдойского и китайского хана к верховным министрам и государства его дел управителем, и со оных словенороссийской и латинской копий посылаем к вашему архиерейству копии.

Между сим ведомо вам быти хотим, дабы вы, по прибытии своем в Хину, не гласили тамо о себе, что вы архиерейский имеете сан, понеже правительствующий Сенат правительствующего духовного Синода обер секретарю говорили, чтобы вы того чинить не дерзали, о чем можете вы разуметь из посланной к хинским сенаторам грамоты, чтобы не учинилось какое препятие от противников православной российской нашей веры, а паче от главных врагов иезуитов, которые издревле обычай имеют сеяти посреде пшеницы православия плевелы раздоров и поношений для препятия доброму намерению: да не како и zde произнесется оное Христа Спасителя нашего слово к вопросившему Его: *Господи! не доброе ли семя сеял еси, откуда убо имать плевелы?*, — реченное: *враг человек сотвори сие*. А ежели по случаю кто от тамошних знатных и высоких персон о чине вашем вас спросит: то можете сказать, что имеете чин епископства того ради, что можете рукоположить священника или диакона, когда их надобно будет на место умерших, а не другого ради чеву, — и то с немалым опасением.

Впротчем от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа паки и паки всякого блага и в проповеди православия и в получении полезных благопоспешений вашему преосвященству всеусердно желаем”⁴⁵.

⁴⁵ В конце грамоты св. Синода была следующая приписка: “Таково писмо, за подписанием рук всех господ коллегиятов, кроме президента и советника Ипацкого монастыря, архимандрита Гавриила, в Москву послано мая 13 дня, при том же запечатанной присланной из Сената лист с копиями посланы”. — *Савваитов П.* Цит. соч. С. 188, 189.

После сношений св. Синода с Сенатом, 13 мая была послана рекомендательная грамота⁴⁶ или “лист, подписанный (21 апреля) руками правительствующего Сената, к сенату хинского хана о отправленном в Хину епископе Иннокентии Кулчицком с служителями”⁴⁷. Лист был адресован таким образом:

“Его Величества, великих азиатских стран императора, монарха самовластнейшего, богдойского и китайского хана верховным министрам и государственных дел управителям”.

После упоминания об отправлении в Пекин первой Миссии, благосклонном приеме ее богдыханом, смерти архим. Илариона и извещении о том китайским трибуналом сибирского губернатора, лист гласил: “Его Царское Величество рассудил запотребно повелеть отсюда отправить в Пекин на место помянутого умершего архимандрита, для отправления тамо божественные службы и всех тамо принадлежащих по закону нашему духовных дел, *духовную особу, господина* Иннокентия Кулчицкого и с ним двух иеромонахов и двух диаконов и несколько служителей. И тако мы, учрежденный от Его Царского Величества правительствующий государственных дел Сенат, по все милостивейшему... повелению, ваших сиятельств и превосходительств просим дружелюбно, дабы по вашему

⁴⁶ Такая грамота обыкновенно давалась каждой последующей Миссии от имени российского Сената Иностранной Коллегией, а потом Министерством Иностранных Дел. В этой грамоте, составляемой по стереотипному шаблону, новая Миссия поручалась покровительству китайского правительства, и испрашивалось у последнего разрешение выехать в Россию старой Миссии, причем перечислялись члены той и другой Миссии. По приезде новой Миссии в Пекине, эта грамота немедленно представлялась в китайскую палату внешних сношений (Ли-фан-юань). — *О. Данила*, четв. 41 на об.

⁴⁷ Этот лист напечатан в Истории Российских иерархов, II. С. 453 — 458. *Савваитов П.* Цит. соч. С. 187.

представлению его ханово величество помянутому господину Кулчицкому... позволил не токмо в Пекине пребывать и службу божественную в церкви, по обыкновению нашему христианскому, отправлять, но и *в прочие места государства.., где есть люди нашего закона*, для посещения оных, *невозбранно ездить*, а особливо, чтобы его заново ханское величество, по имеющейся своей дружбе с Его Царским Величеством, изволил *содержать нашего закона церковь* и помянутого господина Кулчицкого, со всеми служители и прочим нашея христианския веры людьми, в своей *протекции и милости*, за что взаимно..., что его занову величеству благоугодно явится, к удовольствию его охотно исполнено будет”.

Слишком 11 месяцев продолжалось путешествие пресв. Иннокентия от С.-Петербурга до Иркутска⁴⁸. Он должен был останавливаться в Москве для получения ризницы и церковной утвари, а потом в нескольких городах для отдыха и между прочим в Тобольске, где, вероятно, набирал часть своей свиты. “Прибыл я, писал святитель 2 сентября 1722 г. в донесении св. Синоду, прибыл я в Иркутской город в 1722 г. марта в первых числах. И по прибытии, не медля и мало, господин Иван Иванович Полуектов, воевода иркутской⁴⁹, послал письмо (в Ургу), ознаймующее о моем в Китай странствовании, к Тушетухану, владельцу мунгалскому, которое бы он, яко и прежде бывало, тамо переслал. Я же тым временем в Троецко-селенгинской перебился монастырь и тамо ждал ответу. Но оной Тушетухан письма не принял, с таковым отговором: “для чего воевода не писал ко мне, о чом тое письмо посылается в Китай”? И тако той посланец тощ возвратился.

⁴⁸ Там же. С. 190.

⁴⁹ Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 106.

Посылал и вдругое той же воевода в апреле, ясно объявляя ему в ево грамотке, о чем тое письмо посылается; но уже посланный не получил Тушетухана в Урге, отшел бо в полки ханские. Посылал и втретие; и хотя посланный и застал его в Урге, но и тогда ничего не сделал: прочел бо грамотку, от воеводы к нему писанную, бросил, а другия писма назад в Селенгинск отослал. Наконец, хотя (желая) я сам подлинно уведомитися, примет ли оной Тушетухан лист, о мне писанный и пошлет ли в Китай, или вовсе откажет, переведши список с грамоты, с Пекина к Гагарину писанной о другом Начальнике⁵⁰, с русского на мунгальский язык, посылал своего диакона *Филимона*⁵¹ в Ургу в июле месяце. И заледво тако принял и послал в Пекинг тогож июля 18 числа, откуда и по сие еще число ответу не бывало, а будет ли впредь, не ведаю, и того ради в Селенгинску сидети принужден есмь⁵².

Грамота российского Сената о новой Миссии, вследствие мешкотности ургинского владельца, не была получена в Пекине во время пребывания там агента Ланга, который 17 июля 1722 г. должен был оставить столицу Китая и 26 августса прибыть в Селенгинск⁵³, не привезя с собою ответа на счет перемены русской Духовной Миссии. Иезуиты, узнавши вскоре о намерениях российского правительства и опасаясь встретить в лице православного епископа опасного соперника в распространении христианства в поднебесной империи, посоветовали китайским министрам не допускать преосв. Иннокентия в Пекин и тем разрушить планы русского правительства⁵⁴. Томясь неизвест-

⁵⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 84, 85.

⁵¹ Вероятно, того самого, который был членом первой Миссии и вернулся из Пекина в Россию с известием о смерти архим. Илариона.

⁵² *Савваитов П.* Цит. соч. С. 190, 191.

⁵³ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 104, 105.

⁵⁴ *Сибирский Вестник*. 1822, ч. XVIII. С. 142; *О. Даниил*, четв, 39 на об.

ностью, наш святитель смиренно писал св. Синоду 6 октября 1722 г.: “лисы язвыны имеют на опочинок, я же по сие время не имам где главы приклонити: скитаюся бо, со двора во двор и из дому в дом преходящи”. При своем доношении преосвященный приложил неопределенный ответ из Пекина, пересланный 24 сентября Тушетуханом в Селенгинск: “о приеме этого господина, писалось в ответе, со означенным числом людей в Пекин, хотя, по указу царского величества, иркуцкого города Начальник писал, а от сибирской губернии от губернатора никакого письма нет; и что Измаилов увез от нас знаки на листах печатных⁵⁵, и того нет. Однакож се не причина. А (понеже) о наших мунгалских беглецах и о делах их против посланного письма отповеди и по ныне нет⁵⁶, и того для и этот господин пусть поумедлит ехать в Пекин. А когда об наших беглецах и об отдаче их будет именно розыск, тогда и о приеме помянутого господина будет совет и договор”⁵⁷. “Третье уже обрет певную оказию, доносил св. Синоду преосв. Иннокентий (8 марта 1723 г.)⁵⁸, со всякою покорностью о моем недостойнстве извещаю, что стою на границе ни в сих, ни в тех: в Китай бо, для означенной во втором моем ведении причины, не приемлют..., и не точию мене не приемлют, но и писем жадных (никаких) ниже сюды к нам, ниже к себе пропускают. А назад и мало без указу св. правления поступить не смею, хотя zde и не без

⁵⁵ Измаилову дано было в Пекин 100 сургучных печатей для прикладывания к паспортам о свободном пропуске в Пекин русских купцов. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 107; *О. Даниил*, четв. 38.

⁵⁶ В то время на русскую границу перебежало до 700 монголов, китайских подданных, виновных в разбоях, выдачи которых домогалось китайское правительство. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 107. *О. Даниил*, четв. 38.

⁵⁷ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 193.

⁵⁸ Там же. С. 194, 195.

нужды пребываю. И егда покорное сие ведение сподобится высокое св. Синода лице видите, — станет присить смиренно о том, дабы он заблагоразсудил милостивейшим своим указом мене уведомить, что мя хочет творить и куда обратить, ибо зело печален есмь, не ведая пути в онже пойду”. Желаемые святителем указы он получил в конце 1723 г. и начале следующего, с повелением “пребывание иметь в Селенгинску неотложно”⁵⁹.

В начале 1723 г. в Россию достиг слух о кончине семидесятилетнего богдыхана Канси (†9 декабря 1722 г.) и о вступлении на престол четвертого его сына, 45-летнего *Юн-Чжена*⁶⁰. С новым государем началась сильная реакция в Китае против западных пришельцев, католических миссионеров. Эта реакция отнеслась враждебно и к вопросу о посылке в Пекин православного епископа. Новый богдыхан разрешил критическое обследование системы действий католических миссионеров. Правительственные прокуроры в своих представлениях и докладах раскрыли массу злоупотреблений со стороны иезуитов, уронивших в глазах индифферентных китайцев достоинство христианства. Прежде всего, католические миссионеры прикрывали непрямоту своей проповеди науками, искусствами, торговлей, придворными услугами, благотворительностью⁶¹, подделывались под вкус своих слушателей и льстили их привычкам. Так, например, иезуит Вербье (†1678 г.),

⁵⁹ Там же. С. 195, 196: донесение преосв. Иннокентия в св. Синод от 18 ноября 1723 г. и 13 марта 1724 г.

⁶⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 106.

⁶¹ Католические миссионеры подбирали и воспитывали брошенных детей, делая их христианами, и подсылали женщин-христианок в те дома, где были больные дети, приказывая им возливать на них св. воду, после чего дети считались окрещенными. — *Рубинский Д.* Цит. соч. С. 175.

в сане священном, был в то же время артиллеристом, военачальником и аптекарем при китайском правительстве, — исполнял должность миссионера и в то же время служил у мандарина гастрономом, поваром, музыкантом, камердинером, парикмахером, ловчим, конюхом и т. п.⁶² Другие иезуиты, по свидетельству их же писателей, ездили в качестве китайских торгашей по ярмаркам и продавали вывозимые в большом количестве из Европы четки, образки и другие вещи, утверждая, что они имеют в себе таинственную силу исцелять болезни и приносить в дом обилие и счастье⁶³. Далее, приноровляясь к характеру китайцев⁶⁴, иезуиты не украшали алтарей иконами и крестами и даже вместо священных облачений употребляли при богослужении обыкновенные мантии китайских ученых⁶⁵. Для привлечения китайцев в христианство, ученики Лойолы учили, например, что между Конфуцием и Иисусом Христом нет различия, и потому под видом временного послабления (*jus indulgentiae temporalis*) позволяли новообращенным оставаться при прежнем образе жизни, при старых языческих нравах, обычаях и проч. Так, они позволяли китайцам, принявшим христианство, воздавать торжественное поклонение Конфуцию, произведенному ими во святые, и могилам предков, а христианам из маньчжуров — выполнять свои омовения, языческую присягу и т. п.⁶⁶

⁶² Очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 275. *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 166, 167.

⁶³ Очерк христианской проповеди в Китае. С. 279.

⁶⁴ По свидетельству папского легата Турнона, приехавшего в Китай в 1705 г. для решения спора между иезуитами и миссионерами других орденов. *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 167.

⁶⁵ Очерк христиан. проповеди в Китае. С. 273; *Сморжевский Ф.* Иезуиты в Китае // Сибирский Вестник. 1822, ч. XIX.

⁶⁶ *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 171, 172.

Наконец, проповедуя Христа, иезуиты показали вопиющую корыстность своих меркантильных и других целей: имели множество заводов, фабрик, лавок; брали разные подряды, добивались придворных чинов и почестей, жаждали власти над уверовавшими, развращали последних до крайней степени⁶⁷. По смерти прежнего богдыхана, возведенного на царство по их стараниям⁶⁸, иезуиты желали посадить на престоле девятого сына Канси, но это им не удалось. Вследствие этого, Юн-чжен с самого восшествия на престол круто повернул свои отношения с католическими миссионерами. Указом от 1724 г. он оставил при своем дворе только необходимых из них, а прочих приказал отправить на юг Китая, в Кантон и Макао⁶⁹ для высылки на родину, храмы же католиков, кроме пекинских, обратить в общественные дома и отправление христианского богослужения строжайшем образом воспретить⁷⁰.

Что касается личности нового богдыхана, то, по отзывам современников, Юн-чженом никто не был доволен “ибо пуще римского Нерона государство свое притеснял,

⁶⁷ Там же. С. 168; *Морошкин М.* Иезуиты в России. СПб., 1870, ч. II, гл. VI. С. 324, 356: “Пекинские иезуиты накупили себе множество земли, садов, огородов, лавок, рабов, вели торговлю, отдавали в рост деньги, входили в разные спекуляции, причем завалили все суды тяжбами с разными лицами по имущественным владениям, сеяли вражду в семействах, насилием или обманом приобретали слуг, закупали рабов, женили их с той именно целью, чтобы развратничать с их женами и дочерьми”. Ср. Сибирский Вестник. 1822, 1823.

⁶⁸ *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 237.

⁶⁹ Пекинские иезуиты в иерархическом отношении зависели от начальника иезуитов, пребывавшего в Макао. — *Морошкин. М.* С. 324.

⁷⁰ Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Прав. Собеседник. 1885, сент.; *Williams, The middle Kingdom*, II. P. 304. Перед изгнанием католических миссионеров Юн-чжен призвал их к себе и сказал им великолепную речь, где доказывал, что католики своей пропагандой возмущали народ и нарушали государственные законы. (См. текст речи: *Рудинский Д.* Цит. соч. С. 210 — 212). Несмотря на всю строгость, с какой выполня-

несколько тысяч людей уморил, а несколько миллионов несправедливо ограбил. При всем многолюдстве и чрезмерном богатстве двора, народ помирал (тогда) с голоду, и не видно было в нем ни крепости, ни разума, ниже храбрости: непостоянство, гордость, лукавство и трусость занимало все их упражнение”⁷¹. Опасаясь раздражать соседственную державу, Юн-чжен отправил в Россию посольство на другой же год своего вступления на престол⁷². “В сем настоящем 724 году, писал преосв. Иннокентий в св. Синод 14 августа⁷³, были из хинского государства в Селенгинску полномочные послы... для договору о выходах из мунгальской земли и иных ради претензий, которым г. агент

лось распоряжение богдыхана, многие из проповедников решились прямо или косвенно защищаться. Для этого они прибегали ко всевозможным средствам: обращались к защите друзей и ходатайству покровительствовавшего им тринадцатого брата императора, но все оставалось тщетным. Отсюда, с одной стороны, являлись преследования, с другой — жертвы упорства. Многие заключали в тюрьмы, других казнили, третьих жестоко наказывали позорной шейной колодкой (кангой). В это время были отобраны и разрушены церкви, построенные католиками, и отпала от христианства масса христиан (Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Православный Собеседник, 1885, сент.). Из частных католических миссий в Срединной империи интересна судьба миссии их в провинции Сычуань, основанной в 1704 г. о. Аппиани. Эта миссия должна была прекратить свою деятельность, несмотря на усилия иезуитов Больо (Buglio) и Магалэнса (Magalhaens). Управлявший провинцией чиновник Чжан Сянь “превратил ее в пустыню”, так что упомянутые миссионеры бегством едва спасли жизнь. После иезуитов пришли туда лазаристы, но и они были изгнаны богдыханским указом, а о. Аппиани умер в тюрьме. — Из дневника пионера торговли // Известия Имп. Русск. Геогр. Общества, т. VIII (1866), N 7. С. 7 — 9; Ср. свидетельство (от 1729 г.) бывшего в Пекине российского посланника Саввы Владиславича, графа Рагузинского. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 500.

⁷¹ Реляция графа Саввы Владиславича от 10 мая 1727 г. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 138.

⁷² Там же. С. 110. Посольство состояло из двух послов: первым был Гун Олондай, двоюродный брат богдыхана, тайный советник и сенатор, вторым — Ткут, советник и президент мунгальского трибунала.

⁷³ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 196, 197.

Ланг довольно изволил говорить о том, дабы приняли мене в Пекин, предлагая им тое, что от них было писано в российское империум, дабы был послан другой Начальник (Миссии) на место умершаго, такожде, что и их Сенату российского к ним есть великолюбовная грамота, и что духовное дело к беглецам не надлежит; аще же бы и за кормом, который прежде тамо бывшим от них даван был, или за домами дело стало, и того-де он не требует: имеет бо трактамент от императорскаго величества, а дома может нанять. И на то оные тако ответствовали: мы-де теперь не можем его принять, пока не доложимся богдыханова величества; а когда будет от самодержца всероссийского некая персона, таковую ж, яко и мы, полную мочь имеющая, и договор зделается о всем, за чим мы присланы были и паки будем: тогда и о этом господине, получив резон от нашего милостивейшаго государя, изъявится, принят ли будет, или нет”.

28 января 1725 г. скончался император Петр Великий. Извещая все иностранные державы об этом печальном событии, императрица Екатерина I рескриптом своим от 3 марта повелела агенту Лангу уведомить о том и китайский двор, с обещанием вскоре отправить в Пекин полномочного министра для принесения новому богдыхану поздравления “с восприятием наследственного китайского престола”⁷⁴. Вслед за тем, в указе от 18 июня⁷⁵ императрица выразила намерение через нового посланника разрешить несколько спорных статей Нерчинского трактата 1689 г. по разграничению некоторых пограничных пунктов и потом удовлетворить требованиям пекинского правительства на счет монгольских перебежчиков⁷⁶.

⁷⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 113.

⁷⁵ Там же. С. 114.

⁷⁶ *О. Даниил*, четв. 38 на об.

28 июля 1725 г. коллегия иностранных дел донесла св. Синоду об отправлении в Китай чрезвычайным посланником и полномочным министром действительного статского советника, Иллирийского графа Саввы Владиславича⁷⁷, который в доношении своем от 23 июля в Коллегию иностранных дел просил для отправления (церковной) службы в пути и в Китае священника и походную церковь с принадлежащим убором и церковною утварью⁷⁸. 4 августа св. Синод постановил следующее определение: "Ежели препятствия никакого от стороны китайской не воспоследствует, со оным графом ехать туда обретающемуся в сибирской губернии, в Иркутском монастыре, *Иннокентию*, епископу переяславскому. А ежели ево, архиерея, туда не допустят, то ехать с ним, графом, онаго Иркутскаго монастыря архимандриту *Антонию* Платковскому, и в бытность тамо годовое ему для пропитания и протчих потреб жалованье получать от иностранной коллегии, по рассмотрению, без оскудения, о чем в ту коллегию и указ августа 26-го послан"⁷⁹.

После этого, к свите графа Владиславича были присоединены двое студентов московской академии: Лука Воейков, сын тобольского воеводы⁸⁰, и Иван Шестопалов⁸¹ (он же Яблонцев). Несколько ранее, указами св. Синода от 14 февраля и 31 марта 1725 г. святителю Иннокентию повелено было переехать из Селенгинска в Иркутск, где

⁷⁷ Синодальный архив. Дело N 181.

⁷⁸ Ср. указ Сената от 10 сентября 1725 г. — Сборник Куницына, лист 103; *Сычевский*. Исторические записки о китайской границе. С. 76; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 120.

⁷⁹ Синодальный архив. Дело N 181.

⁸⁰ Полн. собр. постановлений по ведомству св. Синода, т. V, N 1627. С. 158; Иркут. еп. ведомости. 1876, N 20. С. 258.; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 120; *О. Даниил*, четв. 25, 29.

⁸¹ Полн. собр. постановлений, т. V, N 1627. С. 158; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 120.

он в Вознесенском монастыре стал кормиться определенным ему жалованием⁸². Недолго пришлось вздохнуть здесь многострадальному подвижнику. Указом св. Синода от 4 августа 1725 г. ему снова повелено было ехать в Китай с новым российским посланником⁸³, причем было предписано: "Поступать в бытность тамо о надлежащем до чина его (свят. Иннокентия) по его разсуждению, а в политических всяких делах, что ежели когда случаем позовется, обхождение чинить (ему) по совету его графскому и ничево без совету не делать"⁸⁴. Вследствие этого преосв. Иннокентий выехал из Иркутска в Селенгинск 7 апреля 1726 г.⁸⁵ Между тем Савва Владиславич по приезде своем в Сибирь, "посланными от себя в Пекин с нарочным к тамошнему министерству письмами предварительно уведомил их о назначении его к тамошнему двору в качестве чрезвычайного посланника..., дав знать в то же время и о помянутом епископе сими словами: как духовная особа, назначенная Его Величеством, императором, для пребывания в Пекине (о коей им уже небезизвестно) находится ныне на границе, то и просил, чтобы они исходатайствовали у его богдыханова величества позволение о пропуске его в Пекин с ним, Владиславичем, или же с караваном. После сего доносил он, что посланного от него с письмами к пекинскому министерству ургинский владетель не допустил"⁸⁶.

⁸² Донесение. преосв. Иннокентия св. Синоду от 28 мая 1725 г. — *Савваитов П.* Цит. соч. С. 198.

⁸³ Московский архив МИД. Китай, Духовной Миссии, дело N 524: выписка о посылаемых в Пекин архимандритах. Ср. *О. Даниил*, четв. 38 на об.

⁸⁴ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 199, 200; *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 120.

⁸⁵ *О. Даниил*, четв. 39.

⁸⁶ Московский архив МИД, дело N 524.

Гонец агента Ланга, писарь Давид Граве⁸⁷, был, однако, пропущен в Пекин, откуда возвратился с известием (25 мая 1726 г.), что для принятия и препровождения в Китай российского посланника были отправлены на границу две знатные особы. “И как он, чрезвычайный посланник.., из Селенгинска в Китай поднялся (21 августа 1726 г.), писал преосвященный св. Синоду, и я ездил к нему в Стрелку и, по приказу ево, вручил ему копию с писма Тушетуханова (от 24 сентября 1722 г.)... И он (граф) обещался, будучи при ханском дворе, о приеме моем тшаться, и приказал мне ожидать в Селенгинску от себе из границы известия, как его китайцы примут и что о моем пропуске ~~они учинят~~: буде пропустят, то б мне ехать немедленно, а буде того неучинят; то бы мне ожидать от него известия из Пекина”⁸⁸. После свидания с китайскими посланцами (24 августа 1726 г.) на пограничной речке Буре⁸⁹, российский посланник 31 августа донес в С.Петербург, что “китайские министры (Лонготу и Секи), которые ево на границе принимали, епископа Иннокентия Кулчицкаго.., с ним, графом, в Китай без указа ханского не пропустили”⁹⁰. И не чает он, чтобы ево (святого) китайцы приняли, для того, как он, Владиславич, слышал, что при дворе китайском персоне ево, епископа, в великом градусе почитается: понеже он из Сибири писан “великим господином”, из чего китайцы взяли суспицию, что будто он превеликая особа. И министры их агенту Лангу и посыланному к ним куриеру (Граве) говорили, что *богдыхан* такую превеликую особу *никогда принять не повелит*:

⁸⁷ Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 123 и 486.

⁸⁸ Донесение преосв. Иннокентия св. Синоду от 23 мая 1727 г. — Савваитов П. Цит. соч. С. 200.

⁸⁹ Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 124.

⁹⁰ Там же. С. 125.

понеже у них великой господин, называется их папа или кутухта⁹¹. И что по ево (Саввы) старанию в бытность при китайском дворе, куда уже он из Сибири поехал, может быть, паки *архимандрит* и священники в Пекин приняты будут, а епископ никогда не допустится. И ежели вместо ево, епископа Иннокентия, за далностию из Санкт-петербурха послать иную духовную особу трудно: то представляет он, граф Владиславич, Вознесенскаго архимандрита *Антония*, который при Иркутском (монастыре) живет и учит несколько детей языку мунгалскому, и бывал в Пекине, *и человек трезв, и не без ума*⁹².

Так разрешился вопрос о посылке православного епископа в Китай под влиянием обстоятельств, созданных или вызванных главным образом католическими миссионерами. Архим. Софроний Грибовский († 1814 г.), Начальник восьмой Духовной Миссии, ссылаясь на одну рукопись, бывшую в библиотеке Пекинской Миссии (вероятно, произведение Феодосия Сморжевского) говорит, что Антоний Платковский сам желал быть Начальником Миссии в Пекине и потому старался очернить честь святителя Иннокентия перед графом Рагузинским, в чем и успел⁹³. Эту же мысль повторяет и Словцов в своем "Историческом обозрении Сибири"⁹⁴. Положим, Антоний имел слабость

⁹¹ "Сие название дается ему, кутухте, для того только, что оный считается первым по богдыхане... Иезуиты, находящиеся в Китае, домогаются более 200 лет о приеме епископа их в Пекине, но и им в том отказано. Как же можно позволить оное россиянам, когда и прежних священников его богдыханово величество выслал из Пекина политично в Россию (sic!), по смерти бывшего там архимандрита, и о возвращении их никогда не приказывал". — Моск. Архив МИД, дело N 524. Все это было выдумкой иезуитов, переданной графу Владиславичу в 1726 г. через ургинского владельца.

⁹² Указ верховного тайного совета 30 декабря 1726 г. Саввантов П. Цит. соч. С. 206, 207. Ср. Синод. архив, дело N 181; *О. Даниил*, четв. 39 на об.

⁹³ *О. Даниил*, четв. 39 на об.

⁹⁴ *Словцов П. А.* Цит. соч. С. 367, 368.

довести себя до такого постыдного поступка в отношении к лицу благочестивого святителя. Но, как было показано выше, отказ в приеме русского епископа в Пекин произошел совсем от других посторонних причин, гораздо сильнее, чем честолюбивые домогательства Платковского, что признает и сам Словцов. Приведенные документы показывают, что Софроний Грибовский и другие⁹⁵ слишком большое значение придавали личности и действиям архим. Антония, который иногда волей-неволей подчинялся складывавшимся помимо его обстоятельств, что будет раскрыто ниже. Архим. Даниил в своем "Описании Пекинского Сретенского монастыря" видит в деле святителя Иннокентия руку божественного промысла, у которого дела человеческие положены на вес и меру. По его более основательному взгляду, тогда еще не наступило то вожденное время, в которое должен был воссиять свет православия для сидящих во тьме и сени смертной китайцев⁹⁶. Святитель Иннокентий оказался более нужным и полезным для простых и неиспорченных сердец сибирских инородцев. 16 января 1727 г. в протоколе св. Синода было постановлено⁹⁷: "Во исполнение Ея Императорского Величества именного указа, св. правительствующий Синод приказали: о бытии преосв. Иннокентию, епископу переславскому, ныне в Иркутску настоящим епископом и о титуловании себя по той епархии, как и прежде было". Показав в описанных странствованиях из места в место и тягостях тогдашней жизни высокую добродетель терпения

⁹⁵ Вопрос об отношениях архим. Антония к преосв. Иннокентию изложен очень субъективно и с излишней подробностью в ряде статей прот. И. Громова, помещенных в Иркутских епархиальных ведомостях за 1863, 1864, 1866 гг. Как не входящий в историю Миссии он опущен здесь.

⁹⁶ *О. Даниил*, четв. 40.

⁹⁷ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 209.

и послушания, слабый здоровьем святитель Иннокентий не мало еще потрудился после того для своей паствы и почил о Господе 26 ноября 1731 г. В вознаграждение за все скорби он был прославлен нетлением мощей, открытых 28 октября 1804 г.⁹⁸

VI

Кяхтинский трактат. — Организация и отправление в Пекин второй Духовной Миссии. Деятельность ее

2 сентября 1726 г. граф Савва Владиславич отправился в Китай и 10 октября “с превеликим трудом” прибыл к Калганской стене, откуда после некоторого отдыха, 21 октября въехал в столицу Срединной империи с барабанным боем и музыкой, встреченный ружейной пальбой расставленного шпалерами восьмитысячного китайского отряда¹. Целых 6 месяцев продолжались переговоры российского посланника с китайским правительством². Вместе с многочисленной свитой он помещался в том же подворье, где останавливались и прежние русские послы и агенты, и содержался за счет богдыхана. При этом китайские власти пользовались всяким удобным случаем, чтобы унижить представителя российского государства и на каждом шагу создавали ему массу затруднений³. Со стороны посланника потребовалось много энергии, ловкос-

⁹⁸ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 533, 534; *Семеновский*. Новейшие повествования о восточной Сибири. СПб., 1817. С. 73 — 78. Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви. СПб., 1862, изд. 2. С. 104.

VI ¹ *Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами (с 1619 по 1792 г.). Казань, 1882. С. 127, 128, 489.

² *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. С. 22.

³ Там же. С. 23. *Бантыш-Каменский*. С. 489, 490, 496: О карауле, о пресечении корреспонденции и т. п.

ти и хладнокровия, чтобы добиться каких-либо определенных результатов. В силу XLIII пункта инструкции от 14 сентября 1725 г.⁴, он неоднократно поднимал вопрос о бытии в Пекине российскому епископу и о разрешении свободного отправления православного богослужения⁵. Но “о духовной особе китайцы слышать не хотели и вовсе отказали”, доносил граф. “По многому его домогательству, обещали принять трех священников, когда прочие дела окончатся, а четвертаго, который в Пекине обретається, — для отправления службы Божией. А ежели б более требовать, писал граф в коллегию иностранных дел, то б и в тех отказали. И он, Владиславич, принужден был на то склониться, как то и в проекте (трактата) его написано, также, что упомянуто, в Пекине россиянам двор отдать и на оном церковь строить вольно, вспоможением китайских мини-

⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 118, 453—455.

⁵ Московский Архив МИД. Китай. Духовной Миссии дело N 524: выписка о посылаемых в Пекин архимандритах. — Ср. Изъяснение графа Владиславича от 1729 г. против XLIII пункта: “Двор китайский, прежде прибытия чрезвычайного посланника к границам, о преосв. епископе Кульчицком имел подлинное известие, что он — епископ, которого воевода Полуехтов, из Иркутска в Пекин когда требовал о пропуске, не только написал епископом, но и великим господином, за что китайцы во всех конференциях, на границе и в Пекине, отказали. Наипаче в нынешнем случае нового владения, что хан никакому закону не дает воли, кроме своего идолоторского. Римляне же более 200 лет, что трудятся при дворе китайском в Китае епископа иметь, но того китайцы не допустили. А ежели б чрезвычайный посланник вышеписанного Кульчицкого взял с собою тайно, по силе инструкции, то б обоих, несомнительно, без действия назад выслали”. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 501, 502. Что в этом деле иезуиты играли двойственную роль, служа и нашим, и вашим, видно из того же изъяснения графа Владиславича (к XIV пункту инструкции): “Иезуиты доброходатайствовали тайно и чрез тайную корреспонденцию уведомляли и предостерегали чрезвычайного посланника, а явно ничего не действовали... А наивящая их служба, что французенин, патер *Паренин*, сыскал тайного действительного советника, ханского Алегодумаса, который с чрезвычайным посланником чрез их иезуитов и своих посланных тайно корреспондовал”. Там же. С. 490, 491.

стров⁶. И в том словесно обещали с клятвою, что церковь будет построена их иждивением, хотя в трактат того внести не хотели”⁷.

После многих пререканий было решено переговоры о трактате покончить на российской границе, и граф Владиславич 23 апреля 1727 г. выехал из Пекина в Россию вместе с агентом Лангом⁸. На российской границе, при речке Буре (во 100 верстах от Селенгинска) с 14 июня (1727 г.) снова начались свидания и конференции российского посланника с китайскими мандаринами⁹, из которых один был дядя богдыхана, граф Лонготу, а другой — Тулишен, ведущий переговоры в Тобольске с князем Гагариным о первой Духовной Миссии. После многих споров о границе¹⁰,

⁶ Изъяснение посланника по пункту XLIII: “А в Пекине соглашались о строении церкви китайским иждивением, и при оной держать четырех священников, да шесть школьников на корму китайского хана, священников для отправления службы Божией с трапезником, как трактован прежде бывший архим. Иларион, — которым (священникам) наказано исправлять службу Божию по своей религии; школьникам же учиться маньчжурскому и китайскому языками для пользы корреспонденции между обоими государствами”. Там же. С. 502.

⁷ Московский архив МИД. Дело N 16: копия и донесение графа Саввы Владиславича от 10 мая 1727 г.

⁸ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 136, 137. Ср. С. 493, изъяснения по пункту XX: “Об оставлении в Пекине для порядочного купечества агента или консула чрезвычайный посланник во многих конференциях о том трудился; но китайские министры, на отрез отказали, что в их государстве чужестранных министров никогда не было и впредь быть не допустят, ибо де министры не за иное дело, но для внутреннего государственного досмотра остаются. А частная персона под именем агента для порядочного отправления купечества с караваном приезжать и отъезжать может.., и оному по достоинству отдастся честь и прерогативы”. Там же. С. 493; Ср. С. 501.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ “Гордый и безрассудный проект графа Лонготу, который границу описывал и обязался с двором пекинским письменно, что граница будет учинена с авантажем для китайской империи, — по тому его проекту был оный проект зело несправеден и российскому государству предосудителен, за что

20 августа 1727 г. был заключен буринский договор¹¹, а 21 октября того же года — кяхтинский генеральный трактат¹². При составлении его и редактировании в Пекине китайские министры прибегали к разным уловкам и изменениям. Так, граф Владиславич упрекал их за то, что в проекте трактата они упоминали о церкви, как уже построенной, тогда как она не была еще начата. Пекинские уполномоченные объясняли разности в китайской редакции тем обстоятельством, что они желали этим вызвать ханский указ, имеющий неизменную силу¹³. Наконец, генеральный трактат был торжественно подписан и разменен в Кяхте 14 июня 1728 г.¹⁴

Этот трактат составил эпоху в сношениях обеих держав и лег в основу более чем вековых коммерческих и дипломатических сношений России с Китаем¹⁵. Для Пекинской

чрезвычайный посланник с ним в конференциях многократно ссорился при границах и его недобрым человеком и между двумя государствами всякого зла возбудителем называл, чему и прочие китайские министры были рады, понеже он, Лонготу, всех уничтожал. И ежели б он, Лонготу, ханским указом за жестоким караулом не был взят в Пекин и там совсем ограблен, а некоторые сказывают и совсем казнен, то б граница благополучного конца воспрять не могла, которая сочинена, по его отбытии, по ханскому указу с Цырен-ваном, над мунгальским войском владетелем, с Асхан-ямою Тулешиним, с Дариамбою Бесыгою и с прочими министрами, которые при конгрессе обретались". Изъяснение графа Владиславича (от 1729 г.) по XXX пункту. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 497.

¹¹ Там же. С. 141, 341.

¹² Там же. С. 151, 154—156, 365—373. В пункте I этого договора значилось: "Сей новый договор нарочно сделан, чтоб между обеими империями мир крепчайший был и вечный. И от нынешняго дня каждое государство своими подданными имеет владеть и удерживать. И зело почитая мир, каждый имеет жестоко своих собирать и крепить, чтоб никакого противного дела не могли возбудить" — Там же. С. 365.

¹³ Донесение графа Владиславича 10 мая 1727 г. Материалы архива МИД. Дело N 16.

¹⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 154, 372.

¹⁵ *Мартенс*. Цит. соч. С. 21, 22. Трактат 1727/8 г. подвергся существенным изменениям только в 1851 г. вследствие заключения Кульджинского договора. — Там же. С. 25.

Духовной Миссии с этого времени (до 1858 г.) получила особенную силу статья V трактата. Этой статьей была разрешена посылка в Пекин русских священников и возобновлено обещание китайского правительства выдавать последним содержание по прежнему прецеденту. При этом пекинское правительство обязалось взять под свою охрану беспрепятственное отправление в Пекине религиозных обрядов православной церкви. В конце статьи была разрешена присылка из России, для изучения местных наречий, шести учеников, которые должны были помещаться в Пекине на посольском дворе, отданном в распоряжение русских¹⁶.

“Коеи (гуан) или дом, гласила V статья, который ныне для российских в Пекине обретается, будет для россиян и впредь приезжающих. Оные сами будут жить в сем доме. А что российский посол, иллирийский граф Савва Владиславич, представлял о строении церкви, *сделана* в сем доме вспоможением вельмож, которые имеют надсмотрение в делах российских. В сем доме будет жить один *лама* (священник), *ныне в Пекине обретающийся*, и прибавятся другие три ламы, которые прибудут, как решено. Когда прибудут, дастся им корм, как дается сему, который прежде приехал, и при той же церкви поставлены будут. Россиянам не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроме того, четыре мальчика ученика и два побольшого возраста, которые по-русски и по-латыни знают и которых посол российский, граф Савва Владиславич, хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут

¹⁶ Там же. С. 26. По статье IV того же трактата, русским караванам дозволено было посещать Пекин только один раз в три года, не заключать в себе более 200 человек и совершать путешествие за свой счет. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 367, 368.

жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения, а когда выучатся, по своей воле возмутся назад”¹⁷.

30 декабря 1726 г. состоялся именной указ императрицы Екатерины I, полученный св. Синодом из верховного тайного Совета, где повелевалось: “По представлению графа Владиславича, когда он о пропуске духовной особы позволение у хана китайского получит, отправить туды из иркуцкого Вознесенского монастыря архимандрита Антония с приличным числом священников и прочих церковных служителей, а имянно, от четырех до шести персон. С тем же архимандритом послать в Пекин и учеников, которых он в Иркутку обучает мунгальскому языку, дабы оное обучение им и в бытность в Пекине продолжать. И дать оному архимандриту и протчим с ним на дорожной проезд до Пекина и для тамошняго жития на первой год жалованья из доходов помянутого Вознесенского монастыря, по рассмотрению св. Синода. А впредь тому архи-

¹⁷ Там же. С. 368, 369; *Юзефович*. Договоры России с Востоком. СПб, 1869. С. 243. На основании V статьи кяхтинского трактата от пекинского двора, по прежнему примеру стала отпускаться ежемесячно столовая или кормовая сумма, самым чистым серебром в слитках на наличное число людей: архимандриту, двум иеромонахам и иеродиакону каждому по 4 $1\frac{1}{2}$ ланы (39 $\frac{3}{8}$ зол.), двум церковникам по 1 $1\frac{1}{2}$ ланы (13 $\frac{1}{8}$ зол.), четырем ученикам каждому по 3 ланы (26 $\frac{1}{4}$ зол.), а всем 33 ланы, или 3 фунта $\frac{3}{4}$ зол., в год 396 лан, или 36 фунт. 9 зол. Всем членам ежедневно должно было отпускаться по 1 фунту риса и потребное число воды из близ лежащего колодца, который принадлежал китайской палате внешних сношений (Ли-фань-юань). Наконец, через каждые три года от пекинского двора определено было на одежду: архимандриту 40 лан (3 фунт. 62 зол.), иеромонаху и иеродиакону по 20 лан (2 фунт. 7 зол.), т. е. всем 250 лан или 22 фунта с лишним или 500 руб. серебряной монетой. (*Семивский*. С. 99-102). Ср. *О. Даниил*, четв. 35. Позднее, по расчету Министерства Иностранных дел, этих пособий выдавалось 855 руб. 50 коп. серебром в переводе на русские деньги, да на платье 562 руб. 50 коп. серебром и 240 пудов риса. — *Тимковский*. Путешествие в Китай. СПб, 1824, т. I. С. 8, 9. Иностранному архим. Поликарпу от 6 апреля 1840 г., N 728, п. VIII; *О. Иакинф Бичурин* // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 270, 271. (Последний расчет вернее сделанного Семивским).

мандриту со обретающимися при нем церковными служителями и учениками давать погодное жалование из сибирской губернии, из нашего казенного каравана и из других тамошних доходов, а имянно: архимандриту от *пяти*сот до *шести*сот *рублев* на год, а прочим при нем по рассмотрению нашего сибирского губернатора, чем они могут себя без нужды содержать. И св. Синоду учинить об оном по сему нашему указу”¹⁸. Во исполнение его, св. Синод 9 января 1727 г. определил: “Помянутого иркуцкого Вознесенского монастыря архимандрита Антония Платковского и при нем церковных служителей и обучающихся мунгалского языка учеников отправление учинить преосвященному Антонию (1721 — 1740), митрополиту тобольскому и сибирскому, которому и на дорожной до Пекина проезд и для тамошняго жития на первой год оному архимандриту Антонию и церковнослужителем и ученикам надлежащую жалованья выдачу из обретающихся в том иркуцком Вознесенском монастыре доходов учинить по своему рассмотрению, купно с статским советником и сибирской губернии губернатором, господином князем Долгоруковым общим согласием”¹⁹.

17 февраля 1727 г. митр. Антоний отправил вышеприведенные указы преосв. Иннокентию с следующими своими предписаниями:

1) “Обождая возврату графа Владиславича, и ежели о приеме духовной персоны, а имянно архимандрита, а не

¹⁸ Указ заканчивался следующими словами: “А о даче помянутому архимандриту с прочими при нем впредь в Пекине нашего годового жалованья указы наши в Сенат и к сибирскому губернатору из нашего верховного тайного Совета посланы. Дан в нашем верховном тайном Совете, декабря 30 дня 1726 г. — *Савваитов П.* Неудавшееся посольство русского православного епископа в Китай // Странник. 1873, т. III. С. 206-208; Сборник Куницына под 1726 г., лист 147-149.

¹⁹ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 208. По поводу этого определения св.

иного кого (т.е. не епископа) позволение письменное от хана китайского будет, тогда ему, архимандриту, и указ объявивши вручить и отправление чинить следующим образом:

2) “Духовных персон дать ему коликое число указом повелено, и то, которая обретаются неимеющая послушания в правлении монастырском.

3) “Смотреть того, чтобы вместо служителей не набрал с собою, для своего обогащения, из купецких людей, от чего бы обители святой напраснаго раззорения не было. Но при отъезде его коликое число, и кто имяны, и какова звания по указу с ним людей взято будет, по тому и подводы дать, и на проезд денег или провианта до Пекина с запискою, по чему чего на каждого человека дано будет.

4) “И о даче на проезд денег или провианта до Пекина, коликое число дать, чтоб было не с преизлишеством, прежде уведомиться преосв. Иннокентию имянно с иркуцким управителем и з другими иркуцкими обыватели, которая суть подлинно известны о оном пути, по чему выйдет на человека и на корм лошадям, и по тому с разсуждением держать расход, не взирая на излишния прихоти, ежели чего будет требовать свыше, а напр. можно справиться об отправлении в Пекин архим. Илариона в прошлом 1715 г.

5) “А о подводах, нам здается, так лучше может быти: дать казенных монастырских коней, только б также не с преизлишеством, чтоб было на чем подняться, которых коней, доехав до Пекина, должен он, архимандрит, возвратить, или, продавши их, а цену за них в монастырь прислать.

Синода, 20 января 1727 г. были посланы указы преосв. Антонию, митр. сибирскому, князю Долгорукому, преосв. Иннокентию иркутскому и архим. Антонию. — Синодальный архив. Дело N 181: о возвращении Миссии и посылке новой.

6) “А о даче архимандриту жалованья должно иметь рассмотрение, прежде справясь с приходными и расходными книгами с прибытия его в монастырь: и ежели на него от казначеев тамошних никакова похищения монастырской казны показано не будет, то дать, по указу, также не с преизлишеством. А ежели похищение его какое монастырской казны явится, то в жалование зачесть, а достальное добавить по указу. А ежели по справке с книгами забрано им, архимандритом, будет большее определенного по указу жалованья, то ему и ничего не давать, и что на нем еще по счету донять надлежит, о том письменно б его преосвященство уведомить, чтоб оное потом возвратилось в дополнение из его ж жалования из впредь будущих годов, которое ему будет давано из казны Ея Императорского Величества”²⁰.

На основании указа св. Синода (от 18 января 1727 г.)²¹ и распоряжений митр. Антония и преосв. Иннокентия иркутского, состав второй Миссии был определен в таком виде:

1) Начальник Миссии архим. *Антоний* Платковский²².

При нем:

2) Священник *Иоанн* Филиппов *Филимонов*, настоятель забайкальской Тресковской Архангельской церкви²³.

3) Иеродиакон *Иоасаф* Ивановский²⁴.

²⁰ *Савваитов П.* Цит. соч. С. 203, 204.

²¹ Там же. С. 201. *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 127.

²² О нем см. в конце гл. V наст. изд.

²³ *Бантыш-Каменский.* Цит. соч. С. 127, 159, 218. О. Даниил, четв. 42. Иркутские епархиальные ведомости. 1863, N 27; 1866, N 16. С. 194, 195; 1876, N 20. С. 257.

²⁴ О. Даниил, четв. 42; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 16; 1869, N 25; 1876, N 20. С. 257, 259. Не назывался ли он до пострижения Филимоном и не был ли членом первой Миссии?

Ученики:

4) *Герасим Шульгин* (†28 февраля 1735 г. в Пекине), сирота Новодевичья монастыря; с 1725 г. ученик монгольской школы архим. Антония²⁵.

5) *Михаил Афанасьев Пономарев* (†18 октября 1738 г. в Пекине), по памятнику, рода иерейского, из Ялutorовского Рогатовского посада. Тоже ученик монгольской школы архим. Антония²⁶.

6) *Иларион Россохин* (†в 1761 г., в С-Петербурге), из г. Селенгинска, сын священника. С 1725 г. ученик школы архим. Антония²⁷.

Священник Лаврентий и три псаломщика оставлены были старые, состоявшие при албазинской церкви²⁸.

Жалованье новой Миссии, согласно вышеприведенным указам, было повышено, а именно: архимандриту 550 руб. в год и на церковные расходы 50 руб., священнослужителя по 130 руб.²⁹ Ученики получали тоже 130 руб. в год. Эта сумма потом увеличилась до 200 руб. и должна была высылаться им вперед при наступлении каждого года, по указу Сената, от иркутской провинциальной канцелярии из доходов сибирских³⁰. Такой оклад жалованья оставался неизменным до 1735 г. Граф Савва Владиславич по возвращении своем из Пекина доносил с Китайской границы из Селенгинска, что "отправления архим. Антонию с священники и ученики и определения оным жалованья

²⁵ Там же, четв. 42; Иркут. еп. ведомости. 1863, N 36. С. 573; 1876, N 20. С. 257, 258; 1878, N 35.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Распоряжения графа Владиславича от 14 июля 1728 г. — *Сычевский*. Исторические записки о китайской границе. С. 73.

²⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 159.

³⁰ Московский Архив МИД. Дело N 524: выписки об учениках.

в то время не было учинено". "А понеже он, посланник, по договору с китайскими министрами согласился о пропуске в Пекин с караваном трех священников, того ради он определил им жалованья: архимандриту, да двум священникам и трем ученикам и на церковные расходы 1250 руб. И представлял он, посланник, что ежели оной архимандрит или иные три священника доброго жития к тому определены будут, то он надеется их с тремя учениками прежде своего отсюда отлучения в Пекин отпустить, и чтоб об отправлении того архимандрита и священников с прочими и о даче им жалованья в св. Синоде решение учинить". На это предложение состоялось определение св. Синода, чтобы 1250 р. выдать из монастырских и из инквизиторских конфискованных денег, о чем и было сообщено митрополиту Антонию и коллегии иностранных дел³¹.

С 30 августа 1727 г. граф Савва Владиславич на Стрелке, в новой Петропавловской крепости, при реке Чикой, стал заниматься отправлением государственного каравана, который и был отпущен им в Пекин 13 сентября того же года с агентом Лангом и комиссаром Молоковым³². К каравану был прикомандирован иеромонах Иларион Трус, для отправления в пути богослужения и треб³³. С этим же караваном были посланы в Пекин трое учеников, назначенных еще в 1725 г. из московской славено-греко-латинской академии. Это были:

1) *Лука Воейков*, сын тобольского воеводы († 7 января 1734 г. в Пекине)³⁴.

³¹ Доношение Коллегии Иностранных Дел в св. Синод от 11 сентября 1728 г. Синодальный архив. Дело N 181.

³² *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 142; *Сычевский*. Цит. соч. С. 62.

³³ *О. Даниил*, четв. 42.

³⁴ Полное собрание постановлений по ведомству св. Синода. Т. V, N 1627. С. 158; Иркут. еп. ведомости. 1876, N 20. С. 258.

2) *Феодор Третьяков*³⁵.

3) *Иван Шестопалов* (он же Яблонцев)³⁶.

Получив на другой день после отпуска каравана известие о вступлении на престол императора Петра II³⁷, граф Владиславич в реляциях своих от 23 сентября и 6 октября 1727 г. из Селенгинска писал на счет положения второй Миссии следующее: "Как (Антоний Платковский) приехал в Селенгинск по отпуске уже каравана и с собою привез только одного попа, и того пьяницу, кому ж иркутский епископ Иннокентий жаловался на него в забрании им из монастырской казны больше 300 руб. и в раззорении им до конца монастыря, — архимандрит же слезно меня просил не посылать его ныне в Пекин, дабы в небытность его неприятели честь его не нарушили, поелику он монастырю ничем не виновен, а желает сам в монастырь возвратиться и противу присланных пунктов от епископа Иннокентия ответствовать, а когда оправдается, на весну с охотою в Пекин к порядком поедет, — в уважение сих причин оный архимандрит от поездки в Китай был уволен"³⁸.

После основания в 1727 г. слободы Кяхты³⁹, граф отправился в Иркутск, где с 13 июля 1728 г. занялся отправлением на границу архим. Антония Платковского,

³⁵ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 142.

³⁶ Полное собрание постановлений по ведомству св. Синода. Т. V, N 1627. С. 158.

³⁷ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 143.

³⁸ Там же. С. 144, 145. Вопрос об отношениях архим. Антония к преосв. Иннокентию не входит в историю Пекинской Миссии, и потому опускается здесь. Этот вопрос изложен в статьях прот. Громова, отличающихся крайнею субъективностью. — См. Иркут. еп. ведомости за 1863, 1864, 1866 гг.

³⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 156.

покончившего тогда с монастырем свою тяжбу⁴⁰. 14 июля граф писал пограничному комиссару Бухольцу следующее: "Архимандрит Антоний Платковский с двумя священники и с тремя школьники и с двумя челядники, всего 8 человек, от меня пашпорт получили и от здешнего коменданта отпуск и трактуют по указу до Пекина, по силе мирного трактата, и когда придут в Селенгинск, то о пропуске оных к ургинским владетелям пишите и чините по силе данной вам инструкции⁴¹. А в письме, каково будете писать ургинским владетелям, имени архимандричья не упоминайте, а упоминайте три священника, три школьника, да два служителя, восемь всего человек, таковым образом, как я упомянул в данном от меня ему, архимандриту, пашпорте, который от него, архимандрита, благородию вашему приобщен. И вы возьмите с онаго копию и по силе онаго ургинским владетелем о пропуске онаго архимандрита пишите, а пашпорт и паки за моею рукою и печатью ему, архимандриту, вручите, с которым бы мог он до Пекина марш свой продолжать, и что будет чинить, по случаю прошу меня уведомить.

"Который священник с причетники в пекинской старой церкви св. Чудотворца Николая, построенной от русских полоненников, обретаются, оным учинено жалованья по 50 рублей в год, и я оныя деньги, которые им довелось было взять за 11 лет (с 1717 г.), а именно 550 рублей, за вычетом обыкновенной дачи на гошпитали, я писал в государственный караван в Пекин благородному господину агенту Лоренцу Лангу, дабы из казны Его Императорского Величества караванной по расчету тамошним серебром

⁴⁰ Там же. С. 158, 159. О подсудности архим. Антония см. Иркут. еп. ведомости. 1863, N.20. С. 283—287; N.30. С. 469—475; N. 31. С. 488—499.

⁴¹ От 30 июня 1728 г. — *Сычевский*. Цит. соч. С. 62—64.

оныя деньги священнику и причетникам заплатить, а я тоlikое число в караван заплачу, вычтя из оной суммы 50 рублей, что я дал вышеписанному пекинскому священнику в моей бытности в Пекине, и затем в остатке церковных денег, на лице 494 рубля с полтиною, и оныя деньги я здесь запечатал в мешек и за печатью посылаю к вашему благородию с вышеписанным архимандритом Платковским и служителем ево Маноилом Константиновым. И когда оныя в Селенгинск придут, то благородие ваше вышеписанный мешек за мою печатью от них примите с роспискою и у себя держите в сохранности до возвращения, Богу извольшу, каравана из Пекина. А когда караван возвратится, то оныя деньги вручите караванному директору, вышеписанному агенту Лангу, от которого требуйте росписку, что деньги, от меня посланные, которые в Пекине по моему письму из каравана заплачены, в Селенгинску в караван обратно приняты и чрез меня переведены..."⁴²

При таких скрупулезных заботах со стороны начальства, посланник отпустил вторую Миссию из Иркутска в июле 1728 г., и она 9 августа прибыла в Селенгинск, где после представления пограничному управителю полковнику Бухольцу, должна была ожидать китайского чиновника для препровождения ее в Пекин⁴³. Пограничный комиссар Бухольц трижды обращался к ургинским владельцам по вопросу о свободном пропуске второй Миссии⁴⁴. За это время 4 октября 1728 г. вернулся из Пекина агент Ланг⁴⁵. Посланник приказал ему, "чтоб в Китаях жало-

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Прошение архим. Антония на имя императора Петра II от 31 октября 1728 г. Материалы архивов МИД, N 7 (IV/60 св. b/a).

⁴⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 164.

⁴⁵ Там же. С. 162.

ванье выдавалось Антонию китайским серебром впредь на 2 года: архимандриту в год 550 руб. на корм и всякое иждивенье, священнику, диакону и трем ученикам по 130 руб.” Всего из казны было принято в Селенгинске 2400 руб. Агент вначале не выдал этого жалованья, о чем архим. Антоний пожаловался в прошении (из 5 пунктов) от 31 октября 1728 г. на высочайшее имя императора Петра II⁴⁶. Между тем 25 декабря того же года прибыл в Ургу нарочный курьер из Пекина для сопровождения Миссии в Китай на собственном ее содержании⁴⁷. Агент Ланг выдал, наконец, архим. Антонию на два года жалование в количестве 2660 руб., так что Миссия 20 февраля 1729 г. могла выехать из Селенгинска в Кяхту, а 17 марта тронулась в дальнейший путь⁴⁸, и 16 июня того же года прибыла в Пекин⁴⁹. На основании V пункта кяхтинского трактата, Начальник второй Миссии поселился со свитой в новоотведенном для русских посольском дворе⁵⁰.

Российский посольский двор (Вэй-тун-гуань) с церковью лежал в самой оживленной части внутреннего города и расположен был на крайней поперечной улице Дун-цзяо-ми-сян⁵¹. На этом месте находилось прежде русское торговое подворье, и здесь останавливались прежние русские посланники, агенты и гонцы⁵². Как выгодное по

⁴⁶ Прощение архим. Антония... Материалы архивов МИД, N 7 (IV/60 св. b/a).

⁴⁷ *Бантыш-Каменский*. Цит.соч. С. 164.

⁴⁸ Там же. С. 159, 164; *О. Даниил*, четв. 41.

⁴⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит.соч. С. 164.

⁵⁰ Исторический очерк проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 306.

⁵¹ *О. Даниил*, четв. 11 на об. и 12. О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 249.

⁵² Донесение архим. Палладия Азиатскому Департаменту от 28 июня 1857 г., N 75.

местоположению, подворье это избрано было посланниками Измайловым и Владиславичем для посольского двора и монастыря⁵³. Оно находилось вблизи императорского дворца, присутственных мест и торгового китайского города⁵⁴. Русский посольский двор заслонялся с восточной стороны обывательскими строениями, тянувшимися вдоль набережной императорского канала (Чжун-юй-хэ)⁵⁵. С запада и отчасти севера место, уступленное русским, граничило с площадью, сборным пунктом монголов, приезжающих в Пекин. С другой части северной стороны русское место было окружено обывательскими домами и (на СВ.) большим садом маньчжурского князя третьей степени (Бэй-лэ)⁵⁶. Обширный посольский двор, отстроенный вполне к 1735 г.⁵⁷, мог свободно вместить в себя более 50 человек. Но в 1729 г., во время прибытия второй Миссии, для духовенства не имелось особенного помещения при церкви, и члены Духовной Миссии должны были расположиться в посольском дворе. Испытывая стеснение, архим. Антоний 11 февраля 1733 г. в письме своем к Лангу заявил, что для Миссии требовались три стоявшие близ церкви двора, которые продавались за 600 лан. Эти дома, купленные потом, по мысли Антония, должны были служить келлиями архимандриту и другим церковникам и причетникам⁵⁸. Впоследствии, в 1735 г., Антоний приобрел еще один

⁵³ О. Даниил, четв. 11 на об.

⁵⁴ Описание Пекина. С. 50; О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 249.

⁵⁵ Тимковский. Цит. соч. Т. II. С. 334.

⁵⁶ О. Даниил, четв. 12; О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 250. Теперь на этом месте расположено английское посольство, выходящее фасадом на императорский канал.

⁵⁷ Журнал Первушина от 1808 г., лист 65: Санкт-Петербургский Архив МИД. Т. IV. 4 (1805-1809).

⁵⁸ Московский архив МИД. Китайские дела, N 16.

дом (на запад от посольского двора) у маньчжура Хоу-мин-бия и заплатил за него 120 лан серебра (200 руб.)⁵⁹. К этой же эпохе относится приобретение русской албазинской церковью земельных участков⁶⁰. Первый участок земли *Гэ-цзюй* был приобретен в 1728 г. (Юн-чжена 5-го лета, 5-й луны) у вдовы по фамилии Фу, за 140 лан. Он находится в области Тун-чжоу, в деревне Гэцзюй и, вероятно, был приобретен у потомков албазинцев⁶¹. На владение этой земель была потом составлена крепость, утвержденная китайским Министерством финансов. Второй участок земли *Гао-ли-ин* был приобретен в 1733 г. (Юн-чжена 10-го лета 11 луны) у маньчжура Ши-дэ и заплачен 50 лан. Он находится в уезде Шунь-и, в деревне Бань-цю. И на эту землю, как на прочия, также была составлена крепость, утвержденная в присутственном месте. Третий участок земли *Пин-си-фу* был приобретен в 1736 г. (Юн-чжена 13 лета, 4 высокосной луны) у бошко (прапорщика) по имени Гань-гэ и заплачен 55 лан. Этот участок находился в уезде Цан-пин-чжоу, в деревне Вэй-Цзя-яо. Наконец, четвертый участок земли, *Най-цзы-фан*, был пожертвован и закреплен за Никольской церковью несколько позднее, в 1741 г. (Цян-луна 5-го лета 10 луны). Неизвестный по имени владелец этой земли (вероятно, потомок албазинцев или член Миссии) пожертвовал ее в собственность церковного имущества⁶².

⁵⁹ Находясь уже в России, Антоний домогался получить израсходованную на покупку этого дома сумму. — Синодальный архив, дело N 519 (1741 г.).

⁶⁰ Санкт-Петербургский Архив МИД. Т. I, 5 (1823—1840). Карт. 5: опись церковного имущества, сделанная иером. Даниилом 10 января 1831 г.

⁶¹ См. выше, в III главе замеч. о земельных участках албазинцев. Донесение архим. Палладия Азиат. Департаменту от 31 августа 1852 г., N 29.

⁶² Санкт-Петербургский Архив МИД. Т. I, 5 (1823—1840). Карт. 5: опись церковного имущества, сделанная 10 января 1831 г. Упомянутая в

К приезду в Пекин второй Миссии была отстроена вчерне и церковь при посольском дворе⁶³. По свидетельству агента Ланга, на русское подворье 28 декабря 1727 г. были привезены материалы для стройки церкви: дерево, камни и кирпич⁶⁴, “и уже января с 12 числа (1728 г.) начали люди приходить, которые дикие каменья на фундамент тесать стали, и плотники, и столяры, для изготовления, что к оному строению из дерева принадлежит, и можно надеяться, писал Ланг 11 марта 1728 г.⁶⁵, что помянутая церковь в два месяца, кроме того, что до внутренних уборов касается, в свое совершенство придет. Модель взята будет с французской (северной) церкви: наша о половину величиной против той будет”⁶⁶. Самая стройка производилась по китайскому способу таким образом: на кирпичном основании, обложенном сверху и по углам тесаными камнем, поставлен был деревянный остов из 12 столбов (по пяти в С. и Ю. стенах и два в З.). Столбы эти были утверждены на каменных кубических подстолбях (подножиях), а сверху были связаны брусьями, на которые

описи архим. Иоакима (от 1794—1795 гг.) земля *Чжан-су* (лист 56), вероятно, была приобретена позднее при V Миссии и, должно быть, продана архим. Иакинфом. Кроме того, в описи архим. Иоакима упоминаются “две крепости на землю иером. Лаврентия”. Не была ли это земля Най-цзы-фан, пожертвованная, по описи Иоакима, 20 января 1739 г. (лист 55 на об.), или это была другая земля?

⁶³ См. Московский архив МИД, N 213, чертеж пекинской новопостроенной церкви и меру оной из шерстяного снурка. Оригинальный чертеж был послан при доношении в Синод (архим. Антонием) в 1732 г. — *Пуцилло*. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири. М., 1879. С. 122.

⁶⁴ *Lange L., Tagebuch*. S. 48.

⁶⁵ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 502.

⁶⁶ Московский Архив МИД. Док. N 16. По описи 1794—1795 гг., посольская церковь — длиною 7 саж. 8 вершк., в ширину 3 саж. 2 арш. 13 вершк., в высоту 5 саж. и 1 арш. (лист 1). По описи 1830 г., внутри храм имел 6 саж. 9 верш. длины, 3 саж. 8 вершк. ширины и 3 саж. 1 верш. высоты. См. означенные документы в архиве Пекинской Миссии.

легли поперечные матицы, со стропилами на них. В пространстве между столбами были выведены стены из большого тесаного кирпича с одним рядом каменных плит между кирпичей⁶⁷. Снаружи столбы были заложены, а внутри до половины выдавались из стены. К стропилам был прибит решетник, устланный деревянными досками. Поверх этой настилки положен был толстый слой глины, смешанной с известью, и на нем из круглой черепицы — кровля, имеющая на все четыре стороны несколько вогнутые скаты. Ребра их выложены были из тесаного кирпича с украшениями в виде цветов. Карниз под крышею — также из тесаного кирпича. Западная фронтовая стена была украшена четырьмя до половины выдавшимися от стены круглыми колоннами из кирпича, на изсеченных кубических каменных пьедесталах. Над этими колоннами, имевшими высоту несколько менее половины всей западной стены храма, был сделан узорчатый карниз из тесаных кирпичей, а над ним устроен был еще ряд уже плоских небольших колонн, выдающихся из стены на $1\frac{1}{2}$ вершка и подпирающих общий карниз храма. Поверх него (карниза) обложена из тесаного кирпича фронтовая стенка, закрывающая на 1 арш. 10 верш. кровлю с западной стороны, а также отчасти с С. и Ю. Свет в храм проникал посредством 9 окон (по 4 с Ю. и С.), сделанных на подобие полукруглых итальянских (в виде разогнутого веера), и одного круглого с западной стороны над среднею дверью. Окна отстоят от пола на 2 саж. 1 верш. Пред входом в храм находилась возвышенная площадка (рундук), выстланная плитняком⁶⁸.

⁶⁷ О. Даниил, четв. 14 на об.: "Швы между кирпичами так плотны, что едва можно их видеть. Кладка производилась не на простой извештке, а на растворе риса, смешанного с перепущенной известью". Ср. О. Иакинф. Китай. 1848, ч. III. С. 143.

⁶⁸ Опись 1830 г. в архиве Пекинской Миссии. — Тимковский. Т. III, прилож. рисунок.

Такой способ постройки оказался настолько прочным, что при страшном землетрясении в Пекине 19 августа 1730 г., которое разрушило множество домов и повредило католические храмы, русский уцелел и дал лишь трещину в ЮВ стороне, не повредившую здание⁶⁹. В ноябре 1730 г. граф Владиславич сообщил коллегии иностранных дел, по письму архим. Антония, что “церковь тамо богдыханским коштом каменная построена, токмо внутри иконостасом и прочим по обыкновению не украшена. Також не имеется во оной и освященного одеяния антиминса для отправления службы Божией”. При этом Владиславич находил нужным послать архим. Платковскому 1000 руб., или отправить из Москвы в Пекин иконописца для письма⁷⁰. После того, в коллегии иностранных дел было получено доношение архим. Антония от 16 января 1731 г. через курьера А. Соловьева, в котором он высказывал ожиданье указа св. Синода, как наименовать новопостроенную в Пекине церковь и по какому образцу построить иконостас: по образцу ли синодального дома, или по церкви Спасского монастыря славяно-латинских школ⁷¹. На устройство царских врат, престола с принадлежностями, лампад, риз архимандриту и прочим церковникам, на отстройку колокольни и покупку ладона с воском требовалось по расчету архим. Антония 2000 лан ханского серебра (около 3500 руб. серебром), о чем он просил Ланга донести куда следует⁷².

⁶⁹ По свидетельству архим. Антония, в то время в Пекине погибло 74800 человек. — Донесение графу Владиславичу от 16 января 1731 г. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 173. Ср. *Gutzlaff, Gesch. des Chines. Reiches, Stuttgart, 1847. S. 690.*

⁷⁰ Синодальный архив. Дело N 298 (4 апреля 173 г.), по доношению обретающегося в Пекине архим. Платковского об освящении в Пекине церкви. Ср. доношение коллегии иностранных дел св. Синоду от 3 октября 1732 г.

⁷¹ Синод. архив. Дело N 298; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 172.

⁷² Московский Архив МИД. Док. N 16.

Ведением Сената от 31 мая 1731 г. было сообщено св. Синоду: “В новопостроенную в Пекине ханским коштом церковь антиминс послать из св. Синода, а для письма в той новопостроенной церкви иконостаса нанять иностр. коллегии в Москве иконописца доброго. И для посылки при караване в Пекин, отправить его в Тобольск немедленно. А на украшение помянутой церкви дать в Пекине из караванной суммы 1000 руб.” В 1732 г. агенту Лангу было приказано эти деньги, посланные из Сибирского приказа, выдать архим. Антонию⁷³. 31 июля 1732 г. последний доносил между прочим св. Синоду (пункт 6-й): “Церковь начал украшать г. Ланг с казны караванной; главу деревянную сделал и крест железный Ланг купил очень дорогою ценою., (но) главы на церкви не поставил. А церковный плотник Иван, его же караванный, на верху черепицу разломал, и от дошгов (дождей) сильных глава снята, и в церковь разломанною дирою от *дощов* вода течет. И казны по пустому Ланг издержал больше 100 лан серебра, а ничего не совершил, а денег сказывает нету, а на меня оное дело валит, чтоб я за свои деньги строил, а в мене казны церковной и келейных денег не имеется, и строить нечим”⁷⁴. С курьером Соловьевым Антоний писал (16 генваря 1731 г.) графу Владиславичу об исходатайствовании ему из какого-либо богатого московского монастыря в российскую церковь в Пекине одеяния, разной утвари и церковных книг, о чем он уже трижды писал в Синод⁷⁵. В доношении своем от 1732 г. Антоний снова просил у св. Синода прислать к нему антиминс для освящения новопостроенной церкви, иконостас, облачение, все книги церковные, а паче требник,

⁷³ Синодальный архив. Дело N 298.

⁷⁴ Там же. Дело N 298.

⁷⁵ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 172.

колокола и денежную сумму на содержание оной церкви⁷⁶. По свидетельству архим. Илариона Труса, Ланг, в виду неотступных просьб Антония, уступил для церкви европейской золотой материи, из которой Платковский сделал одне ризы⁷⁷. В одном из следующих своих донесений св. Синоду Антоний сообщал, что в 1733 г. он имел разговор с китайскими господами о новопостроенной церкви на посольском дворе. И те китайцы предъявили Антонию свое мнение, чтобы в 6-м белом китайском месяце, т. е. в феврале, был бы праздник в новопостроенной церкви. Также и новокрещенные китайцы советовали Антонию быть празднику в феврале месяце. Вследствие этого, он просил освятить церковь во имя Сретенья Господня⁷⁸. Этот и вышеприведенные вопросы были решены уже при третьей Миссии.

Что касается старой Никольской церкви албазинцев, то она просуществовала до 19 августа 1730 г. По донесению курьера Соловьева, в этом году от землетрясения она развалилась⁷⁹. Церковная утварь была перенесена из нее в новопостроенную ханским иждивением церковь⁸⁰. В промемории от 5 июля 1732 г. директор Ланг, находясь в Пекине⁸¹, писал следующее: "Пекинскому архимандриту, честнейшему о. Антонию Платковскому: сего 1732 года, мая 15 дня, в просительном доношении церкви свят. Николая старосты Дмитрия Нестерова, пятидесятника Козмы, перевод-

⁷⁶ Там же. С. 198, 199.

⁷⁷ Синодальный архив. Дело N 217, лист 149.

⁷⁸ Там же. Дело N 298.

⁷⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 173, 195; О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, март. С. 248. У Бантыш-Каменского неточно поставлено: "сентября" вместо августа.

⁸⁰ Синодальный архив. Дело N 298.

⁸¹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 198.

чика Якова (Савина)⁸² и всех прочих оной церкви прихожан написано: понеже-де тому назад третий год в 8-м месяце (т.е. августе), в 19 числе оная церковь от великаго землетрясения вся развалилася, и служить было невозможно, того-де ради они, староста с прихожаны, по желанию своему оную церковь своим иждивением из старых и новых материалов вновь построили и потом просили священников, чтобы оную церковь освятить и по христианскому закону службу отправить. Но оная церковь и по сие время стоит без освящения. И чтобы де повелено было ныне оную церковь освятить и по-прежнему в оной служить. Того ради, ваше преподобие, писал Ланг, да благоволите об священии вышепоказанной церкви приложить свое старание, дабы в оной служба Божия по-прежнему отправлялась, и о том учинить, как повелевают Ея Императорского Величества указы”⁸³. На эту промеморию Антоний отвечал, что без указа от св. Синода он не смеет освятить албазинский храм⁸⁴. Вероятно, по благословению преосв. Иннокентия Иркутского, церковь была освящена 5 августа 1732 г. во имя Успения Божией Матери (15 августа)⁸⁵, но по-прежнему именовалась Никольскою. По современному описанию (от 1736 г.), “церковь Никольская была каменная, одноглавая, глава малая позолочена, колокольня при церкви на 4-х деревянных столбах с 1 ко-

⁸² Этот Яков Савин состоял на китайской службе, вероятно, при Министерстве иностранных дел. — Сборник Куницына под 1731 г., лист 17.

⁸³ Синодальный архив. Дело N 298. У Семивского (гл. IX. С. 96) говорится, что и Софийская церковь поправлена иждивением богдыхана Юнчжена. Это едва ли верно.

⁸⁴ Доношение архим. Антония от 31 июля 1732 г. Синодальный архив. Дело N 298.

⁸⁵ Ведом. о церкви от 1837 г. в документах Миссии // Иркут. еп. ведомости. 1866, N 42. С. 474. Дата освящения значится на небольшом деревянном кресте, лежащем под престолом.

локолом, 2-мя китайскими чашами и 4-мя чугунными колоколечками". Царские двери были резные, ветхие (вероятно, из прежней церкви), находились и иконы с образом Николая чудотворца можайского типа⁸⁶.

Община албазинцев при второй Миссии состояла из почти 50 дворов⁸⁷. В дневнике агента Ланга обрисовывается нравственное состояние некоторых из албазинцев в таких чертах: в бытность Ланга с караваном в Пекине (в 1727 и 1728 гг.) при русских китайцы ставили шпионов, которые следили за каждым их шагом. Один из этих шпионов, потомок русских, открыл это священнику Лаврентию⁸⁸. Другой албазинец, Евфимий Гусев, за свое посредство в продаже товаров требовал 5% куртажу⁸⁹. Но к чести большей части албазинцев нужно сказать, что их община, во главе с церковным старостой Дмитрием Нестеровым, пятидесятником Козмою и переводчиком Яковом Савиным, показала усердие к своему храму чрез постройку его после землетрясения и, без сомнения, посещала его за возобновлением и освящением его в 1732 г.⁹⁰ 3 декабря того же года архим. Антоний доносил св. Синоду, что 25 марта 1731 г. девять китайцев приняли русскую православную веру, а всех крещенных китайцев мужеска пола было 25 человек, да готовилось ко крещению еще

⁸⁶ Синодальный архив. Дело N 516. Ср. опись архим. Иоакима от 1794 г., лист 48, ниже в гл. XI.

⁸⁷ Там же. Дело N 181.

⁸⁸ *Lange. Tagebuch. S. 49.*

⁸⁹ *Ibid. S. 54.*

⁹⁰ Синодальный архив. Дело N 298. См. выше отзыв архим. Антония (от 1721 г.) о поведении албазинцев, представленный им митр. тобольскому Иоанну: "В церковь Божию ходят и св. таинства и требы церковные соблюдают... Священнический чин в почтении имеют. Суеверию же не точию не прилепляются, но и жен своих, в язычестве сущих, к благочестию христианскому обращают". — Исторический очерк христианской проповеди в Китае: Труды Киев. Дух. Академии. 1860, кн. 4. С. 308.

8 человек. “И от того числа во вся месяцы приходят по одному и по два человека ко крещению и в том числе есть богатые и честные люди, а иные скудные. И богатые торговые сами себе ко крещению рубахи, чулки, башмаки сделав, приносят, только кресты сребренные он, архимандрит, от себя дает, которые он из России еще привез с собою (1½ десятка), а скудным рубахи, чулки, башмаки он, архимандрит, покупает за свои келейные деньги и кресты дает и все роздал. В Китае крестов не умеют делать, а нужда была в них. Поэтому Антоний просил выслать ему крестов с 500, также немного денег на покупку рубах, чулков, башмаков, вместо милостыни. “От такой милостыни лучшую охоту китайский народ иметь будет и приходиться ко крещению”. При этом он просил выслать и “с 500 икон Спасителя и Богоматери, мерою в 3 вершка, для раздачи в дома и богомоления новокрещенным”⁹¹.

В бытность второй Миссии в Пекине при албазинской церкви жили один священник (Лаврентий) и трое причетников, прибывших еще в 1715 г. с архим. Иларионом Лежайским, да еще новокрещенный китаец, служивший во псалмочтении без трактамента⁹². Причетники: Осип Дьяконов, Никанор Ключов и Петр (Максимов) Якутов получали в год российского жалования по 10 рублей⁹³ и дожили до начала третьей Миссии. В донесении своем от 16 января 1731 г. в коллегию иностранных дел Антоний писал о прежнем священнике Лаврентии, что он “ему чинит послушание, понеже от старой церкви к новой не переходит, и наустил китайского толмача (Якова Савина), чтоб ево

⁹¹ Московский Архив МИД. Китайские дела. N 16, лист 74.

⁹² Синодальный архив. Дело N 181 (1751 г.).

⁹³ Там же. Дело N 217 (1761 г.), лист 147.

архимандрита понуждать, дабы он перешел от новой церкви к старой, и чтоб о переходе к старой церкви подал он, Платковский, хану и министрам доношение. А он, Платковский, сохраняя честь государства и трактат, а наипаче без указа Ея Императорского Величества и благословения св. Синода переходить к старой церкви не смеет"⁹⁴. В 1732 г. архим. Антоний снова жаловался на свящ. Лаврентия: "В трактате с китайцами (1728 г.) положено было, чтоб на посольском дворе старому *попу* Лаврентию с нами вместе жить при новопостроенной церкви Ея Императорского Величества, и для того жалование большое по 130 рублей в год определено. А при старой церкви ему, попу, жалования давалось в год только по 20 рублей. А Лаврентий (Лоренц) Ланг, неведомо для какого случая, трактат уничтожил и *священнику* Лаврентию при старой церкви жить своим писмом заручным утвердил. И то сделал Ланг собою, без указа Ея Императорского Величества, и так на дворе посольском церковь (тогда еще не освященная) без пения и без священников и причетников осталась уничтожена"⁹⁵. Архим. Антоний в это время нуждался в помощнике вследствие своей ссоры с священником Иваном Филимоновым, поранившим руку Антонию в 1731 г. (22 июня)⁹⁶. За это Филимонов был выслан в Россию, Антоний же с больной рукой остался без помощника. Священ. Лаврентию трудно было переходить из насиженного гнезда к посольской церкви за 6 верст. При албазинском храме у Лаврентия был свой дом⁹⁷ и полное домохозяйство,

⁹⁴ Там же. Дело N 298. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 173.

⁹⁵ Синодальный архив. Дело N 298. О свящ. Лаврентие см. выше в главе IV. Ниже он иногда называется иеромонахом и, вероятно, смешивается с членом третьей Миссии, иером. Лаврентием (Уваровым).

⁹⁶ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 189.

⁹⁷ Опись 1794/5 г., лист 55: "купчая иером.(чит. священ.) Лаврентия 1734 г. апреля 27 дня на двор и письмо к сей купчей того-же года".

даже с рабами⁹⁸. Лаврентий же был и землевладельцем⁹⁹. Все это он получил от богдыхана как мандарин 7-й степени¹⁰⁰. В защиту его нужно прибавить, что он все свое имущество отдал потом в албазинскую церковь.

Учеников в Пекине при второй Миссии было 6 человек. При выезде своем из Пекина 8 сентября 1732 г., Ланг взял с собою в Россию Ивана Яблонцева и Феодора Третьякова, а на место их оставил двух московских дворян — Ивана Быкова и Алексея Владыкина¹⁰¹. Все ученики помещались в устроявшемся тогда русском подворье. От русского правительства они получали по 130 руб. в год, а от китайского — по три ланы в месяц (около 6 руб.)¹⁰² и одинаковое с прочими членами Духовной Миссии натуральное содержание. Этого жалования было недостаточно при дороговизне жизни в Пекине. По свидетельству курьера, капитана Петрова, ученики: Владыкин, Быков, Воейков, Рассохин, Шульгин и Пономарев просили раз в мунгальском приказе по 50 лан серебра взаймы (вероятно, в 1733 г.), но им было отказано с выговором за их дерзость¹⁰³. Впрочем, определенное от китайского правительства жалование и содержание выдавалось ученикам аккуратно, но из России приходило не всегда во время. 15 сентября 1730 г. Сенат в веднии своем св. Синоду известил, что, на основании доношения агента Ланга, “он распорядился жалование против прежних дачь (для всей Миссии) отправлять в Пекин из иркутских доходов при наступлении каждого

⁹⁸ Там же: “купчая на 3 человек иером. Лаврентия”.

⁹⁹ Там же, лист 55 на об. “две крепости на землю иеромонаха Лаврентия”.

¹⁰⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 85.

¹⁰¹ Там же. С. 198.

¹⁰² Там же. С. 211.

¹⁰³ Там же. С. 210.

года, дабы оныя (члены Миссии) в таком отдаленном краю без жалованья не претерпевали нужды”¹⁰⁴. В силу этого, жалованье было послано в 1731 г. из штатс-конторы в Селенгинск чрез тобольскую губернскую и иркутскую провинциальную канцелярию. На запрос со стороны селенгинского начальства об отправлении его чрез пограничного управителя в Пекин с русским курьером, из Урги был получен ответ, что курьер не имеет проезжаго листа с печатью сенатскою или града Тобольска, и что в Пекине члены Миссии и школьники кормом и прочим удовлетворены. Таким образом жалование и осталось в Селенгинске¹⁰⁵ до 1732 г., когда агент Ланг с караваном мог отвезти его в Пекин¹⁰⁶.

Для обучения учеников языкам, богдыхан 3 августа 1729 г. определил к ним учителей китайского и маньчжурского языков¹⁰⁷. 15 сентября 1730 г. ведением Сената св. Синоду было постановлено: “Чтобы школьники тамо праздны не были, надзирание над ними иметь архимандриту, и о науке их писать ему в Иностранную Коллегию, а за послушание и продерзости наказывать”¹⁰⁸. Эти “ребята добрые” явились непосредственными преемниками постепенно сходивших со сцены членов первой Миссии, преемниками в драгоманской службе при сношениях России с Китаем. По отзыву курьера Соловьева, из числа учившихся тогда школьников годны были к учению четыре¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Синодальный архив. Дело N 181.

¹⁰⁵ Сычевский. Цит. соч. С. 111.

¹⁰⁶ Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 195, 196.

¹⁰⁷ Там же. С. 161, 164.

¹⁰⁸ Синодальный архив. Дело N 181. Ср. указ св. Синода 10 февраля 1731 г. в сборнике Куницына, ad app., лист 17, 18. Указ 21 декабря 1733 г.; Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 213.

¹⁰⁹ Там же. С. 195.

Ученик Рассохин, скоро познакомившись с китайским языком, был определен в пекинскую Коллегию Иностранных Дел для перевода листов между российским и китайским правительствами, а также и для обучения молодых китайских учеников переводу и российской грамоте. По выезде его в Россию (в 1741 г.), место его заступил, по указу богдыхана, ученик Владыкин с ежегодным жалованием по 40 лан (около 80 руб.)¹¹⁰. Ко времени пребывания в Пекине этих первых учеников относится начало составления лексикона на 4 языках — русском, латинском, китайском и маньчжурском, что, вероятно, было потом коллективным трудом всех учеников. Архим. Антоний, вскоре по приезде своем в Пекин, представил в св. Синод китайский букварь, под названием *Дзе-луй*, в котором находилось тысяч с тридцать литер, и просил, чтобы писано было к богдыханову величеству, дабы оную книгу велел перевести тамошнему толмачу Якову Савину. Св. Синод определил книгу отослать в иностранную коллегию с просьбою, если не найдется переводчика в коллегии, то писать в Пекин. 10 февраля 1731 г. состоялся указ св. Синода насчет перевода в Пекине этого китайского букваря на русский язык¹¹¹. В доношении своем от 31 июля 1732 г. архим. Антоний отвечал между прочим на этот указ св. Синода, в котором ему было приказано иметь тщание о переводе книги *Дзе-луя*. При этом Антоний отговаривался невозможностью перевести этот лексикон потому-де, что китайские учителя без указа богдыхана не смели начинать подобной работы и отказались вести ее¹¹². Но перевод, вероятно, стали производить сами ученики, под руководством членов первой

¹¹⁰ О. Даниил, четв. 43; Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 240.

¹¹¹ Сборник Куницына под 1731 г., лист 17, 18.

¹¹² Синодальный архив. Дело N 298.

Миссии¹¹³. Из присланных в Пекин первых учеников Лука Воейков и Герасим Шульгин умерли в Пекине от невоздержной жизни, первый 7 генваря 1734 г., второй 28 февраля 1735 года¹¹⁴. По свидетельству Гервасия Линцевского¹¹⁵, Начальника четвертой Миссии, Лука Воейков купил у китайцев небольшой кусок земли на север от города (верстах в 2-х от албазинской церкви), за воротами Ан-дин-мынь, где построил дачу. По преданию, дошедшему до о. Даниила от архим. Петра, Начальника десятой Миссии, Воейков завещал это место во владение Духовной Миссии и здесь был погребен¹¹⁶. С того времени это место сделалось кладбищем российской Миссии, которая до того времени не имела собственного и хоронила своих членов на албазинском.

Вторая Духовная Миссия не оправдала стольких забот о ней российского начальства: своими промахами в нравственной жизни она испортили первое хорошее впечатление китайцев о представителях православия. Хотя задачи ее деятельности были в то время просты и несложны, тем не менее членам ее, которые не имели в себе прочного нравственного фундамента, был тяжел, а иногда и просто не по силам подвиг служения и пребывания среди замкнутых китайцев, презиравших европейцев, и между дичавшими потомками албазинцев. Оторванные от родины и отечества, страдая от нездорового климата, живя среди самой неблагоприятной азиатской обстановки в неустроенном еще русском подворье, в тяжкой борьбе с собою, они сами дичали и впадали в слабости, ведущие за

¹¹³ Ср. ниже.

¹¹⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 210.

¹¹⁵ Синодальный архив. Дело N 365: доношение от 15 февраля 1748 г. Ср. *О. Даниил*, четв. 25, 29.

¹¹⁶ *О. Даниил*, четв. 25.

собою как неминуемое следствие наказания от начальства или болезни и смерть¹¹⁷. При взаимных жалобах членов второй Миссии друг на друга трудно иногда разобрать, кто прав, кто виноват. Без сомнения, каждый из них совершал более или менее предосудительные проступки и заслуживал наказания главным образом за то, что блазил своими студодеяниями немощные сердца пасомых или горожан. Современные той эпохе документы указывают и на косвенное участие в делах православной Миссии католических миссионеров, вмешивавшихся в эту сторону, извлекавших из этого свои выгоды и радовавшихся, конечно, безобразиям, творимым русскими широкими натурами.

С первой поездки в Пекин (в 1720 г.) положение православной Миссии не понравилось архим. Антонию, “человеку трезвому и не без ума”, по определению его графом Владиславичем, но обладавшему крутым нравом. В своем прошении на имя императора Петра II от 31 октября 1728 г.¹¹⁸ (пункт IV) он поставил на вид, что “умерший архим. Иларион (Лежайский) и прочие церковные служители в Китаях для малаго от хана жалования все записаны с их подданными в службу, что зело зазорно пред иезуитами нам, великороссиянам”, прибавлял Антоний, причем просил жить по вольности, подобно католическим миссионерам. Это стремление к “житию по вольности” и служит характеристическою чертою поведения членов второй Миссии. Агент Ланг, иерод. Иоасаф и ученики Лука Воейков с Рассохиным показывали¹¹⁹, что архим. Антоний,

¹¹⁷ О. Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886, фев. С. 167.

¹¹⁸ Московский Архив МИД. Китайские дела. N 7 (1728 г.): отправление в Пекин архим. Антония Платковского с священниками и учениками.

¹¹⁹ Синодальный архив. Дела N 517 и 298.

по прибытии своем в Пекин 16 июня 1729 г., в тот же день в мунгальском приказе заявил свое желание вернуться в Россию. Подобную просьбу он повторял 9 июня 1730 г., 14 января 1731 г.¹²⁰, 20 и 31 июля 1732 г.¹²¹ и 11 мая 1733 г. Через курьера Соловьева, Антоний 16 января 1731 г. писал к графу Владиславичу¹²², что на его жалобу в мунгальском приказе велено его было выгнать оттуда в шею. Через агента Ланга Антоний писал и в св. Синод (30 июня 1731 г.)¹²³, что алегамба (председатель) мунгальского приказа ни в чем ему не помогает по прошениям, но паче допускает делать в новопостроенной церкви всякие воровства, *с совета иезуитов* причиняет поругание церкви и укоризну ему, архимандриту, а также не дает сторожей для охранения церкви. По отзыву курьера Петрова¹²⁴, “сия духовная особа, к стыду отечества, неоднократно подавая в мунгальском приказе прошения — или уволить его в Россию, или дать ему всю церковную утварь (поелику она взята из другого монастыря, а потому требуют с него ныне денег за оную, коих ему взять негде), наскучил домогательствами мандаринам, повелевшим, наконец, принести ему опись всей церковной утвари с показанием цены. Архимандрит, сообщая 11 мая (1733 г.) оную опись, требовал на издержки 20 000 руб. Тогда ему приказано было принести образцы церковного одеяния; облачили его в трибунале во все облачение; ризы и шапку (митру) заказали сделать, но отказали в бриллиантовом перстне, которого он, по сло-

¹²⁰ Там же.

¹²¹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 189; Синодальный архив. Дело N 298, пункт 3: желание рекомендоваться богдыхану и выехать в Россию “за болезнию резаной руки”, в чем без указу Ланг отказал.

¹²² *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 172.

¹²³ Там же. С. 199.

¹²⁴ Там же. С. 210.

вам Петрова, безстыдным образом домогался, уверяя министров, будто бы без онаго ему служить нельзя”.

В своих просьбах и доношениях св. Синоду, равно как в своем журнале, Антоний жаловался на придирки агента Ланга, на ослушание свящ. Лаврентия, обвиняя более или менее в тяжких проступках последнего¹²⁵ и других членов Миссии и сетуя на бесчинства учеников, которые показывали китайцам свою богатырскую силу в драках друг с другом¹²⁶. По журналу Антония, Лука Воейков 30 апреля 1730 г., в неделю св. Пасхи, посылал Ивана Пухорта (Шестопалова?) к *иезуитам*, чтобы его архимандрита выслать из Китая¹²⁷. Со своей стороны, ученики и курьеры (как, например, Соловьев) обвиняли Антония в том, что он с самого приезда своего жил во вражде и драках¹²⁸. “Слышал ли ты о деле, которое происходило между архим. Антонием и свящ. Филимоновым?” — спросил раз главный министр китайского трибунала директора Ланга. “Отчасти слышал, — ответил последний, — а кто из них прав, кто виноват, за недавним приездом в Пекин не знаю”. “Мне, — сказал китайский министр, — стыдно даже о таком деле и вспоминать”¹²⁹. В 1731 г. пекинское министерство внешних сношений отправило через иркутскую канцелярию лист в российский сенат на монгольском и латинском языках с русским переводом (вероятно, произведением

¹²⁵ Так, по журналу Антония, о непотребствах Лаврентия говорили ему (Антонию) албазинцы Козьма пятидесятник и Леонтий, а также староста Дмитрий Нестеров, обвинявший Лаврентия еще в растрате казны Никольской церкви во время каравана Истопникова (в 1721 г.). — Синодальный архив. Дело N 217.

¹²⁶ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 217.

¹²⁷ Синодальный архив. Дело N 217.

¹²⁸ Там же. Дело N 517 (1741 г.).

¹²⁹ *Панов*. Православное христианство в Китае: Курсовое сочинение. 1870, лист 32 на об. Ср. Иркут. еп. ведомости. 1864, N 20.

Якова Савина). Перевод этот гласил следующее: “Великаго Тайцын государства из посольскаго мунгальскаго приказа послано письмо в Российское государство, в Сенат вашего государства, на житье вашего государства попы и школьники подано на письме нашего. Поп именем Иван Антония попа поколол ножом. Мы однажды супостатно стали. Всем жить в одном месте быть никак невозможно, и Ивана назад в вашу сторону выслать бы, — так подано. Затем попа Ивана к вашему пограничному правителю отвезли. И школьники промежду себя не в совете супостатно. Того ради и послано прохладное письмо”¹³⁰.

За исключением этого прискорбного случая, китайцы во главе с богдыханом вообще благодушно относились к русским и большею частию спокойно смотрели на подбные аномалии в жизни представителей России, потому что их собственные подданные в Пекине вели себя гораздо хуже в этом отношении¹³¹, не говоря уже католиках. Доказательством внимания к русским богдыхана служит следующий факт: 31 января 1728 г. он расспрашивал одного члена Миссии о ходе русской торговли и удивлялся, что она шла плохо¹³². Благодушие китайцев всего рельефнее выразилось в следующем случае: 20 сентября 1730 г. иеродиакон Иоасаф как мандарин седьмой степени *навеселе забрался в богдыханский дворец*, нашумел там в палатах и был обвинен даже в том, что перебил министров, за что отделался суточным только арестом. 24 сентября 1734 г. Феофан, архиепископ Великоградский и Великолуцкий¹³³, расспрашивал в Петер-

¹³⁰ Там же, лист 32; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 17.

¹³¹ *Иером. Исайя*. Материальное состояние православных христиан в Пекине // Иркут. еп. ведомости. 1866, N 48. С. 536.

¹³² *Lange. Tagebuch*. S. 57.

¹³³ *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 180. В этом сочинении вовсе опущен вопрос об отношениях Феофана к Пекинской Миссии.

бурге агента Ланга об этом курьезном факте. Ланг защитил Иоасафа тем, что иеродиакон проник во дворец в состоянии невменяемости, но в палатах не был, а что он перебил министров, это на него затеяно напрасно¹³⁴. Ланг свидетельствовал, что “Иоасаф — обхождения хорошего и у китайцев пришел в нарочитую знаемость; токмо временно (а не всегда) придерживается хмельного напитку, но и от того воздержать его не безнадежно”. О других членах Миссии Ланг дал незавидный отзыв, представив при своей реляции подлинный журнал архим. Антония, не отличающийся впрочем беспристрастностью¹³⁵.

Духовное начальство отнеслось строго к поведению второй Миссии. Еще 4 декабря 1732 г. состоялся следующий указ св. Синода: вместо архим. Антония Платковского должна быть избрана особа достойная; также вместо обретавшихся в Пекине иером. (свящ.) Лаврентия, свящ. Ивана Филимонова и иерод. Иоасафа, непослушных и непотребно там живших, свары и драки там дежавших, было определено отправить новых членов Миссии¹³⁶. Приняв потом во внимание отзыв караванного директора Ланга, а с тем вместе и доношение об архим. Платковском коллегии иностранных дел, св. Синод 6 ноября 1734 г. снова определил: “Архимандрита и его товарищей (кроме Иоасафа), взяв из Китая, заменить более благонадежными”. Агенту Лангу поручено было вывезти из Пекина Антония¹³⁷, произведши предварительно над ним следствие. Последнее, в духе того времени, было очень жестоко. Ланг подверг архимандрита телесному наказанию и затем в цепях, под

¹³⁴ Синодальный архив. Дело N 217.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Дело N 181. Ср. Сборник Куницына под 1732 г., лист 169, 170.

¹³⁷ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 217.

стражей, на его коште провез Антония по всему пути от Пекина до Петербурга (в 1737 г.)¹³⁸. Последний был судим, лишен архимандричьяго сана¹³⁹ и послан под надзор в число братства Троице-Сергиевой лавры. В таком положении он оставался до 1744 г. В этом году Елисавета Петровна предприняла путешествие в означенную лавру. Вместе с прочею братиею Антоний был представлен Государыне, которая благоволила обратить на него особенное внимание и, узнав об его участии, повелела возвратить ему прежний сан. Согласно с такою Высочайшею волею, Антоний был назначен настоятелем Переяславль-Залесского Данилова монастыря, где и умер 15 июня 1746 г.¹⁴⁰

Что касается католических миссионеров, то после упомянутой выше первой проскрипции их в 1724 г. и второй в 1732 г. положение их несколько улучшилось, хотя было не особенно завидно. По свидетельству графа Саввы Владиславича, "хан поступал с их социететом зело гордо"¹⁴¹. В 1732 г. в Пекине оставалось только 23 миссионера, терпимых китайским правительством и причисленных к ученым учреждениям столицы: 2 из пропаганды, 8 иезуитов французов, 6 иезуитов португальцев и 3 иезуита нем-

¹³⁸ Имяной указ от 9 сентября 1741 г. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 217; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 26: предпоследнее слово о Платковском. С. 315—318.

¹³⁹ Протокол св. Синода от 9 января 1741 г., N 43: хотя за все продерзости и непристойные поступки Платковского надлежало лишить всякого сана и сослать на неисходное житье в монастырь в труды; но по случаю кончины императрицы Анны Иоанновны и восшествия на престол Елисаветы Петровны, по силе указа 23 октября 1740 г., решено было только лишить его свящ. сана и быть монахом. — Синодальный архив. Дело N 517 (1741 г.)

¹⁴⁰ *О. Даниил*, четв. 41, 42; Восточно-сибирский календарь на 1875 г. С. 60. Иркут. еп. ведомости. 1866, N 30. С. 360-364: последнее слово о Платковском.

¹⁴¹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 500.

цы с тремя братьями-коадьюторами¹⁴². До 1814 г. функции президента пекинского трибунала точных наук исполнялись католическими миссионерами, обыкновенно французами¹⁴³. Русские курьеры Соловьев и Петров в бытность свою в Пекине разведали от иезуитов, что они при Юн-чжене не в таком были почтении, как при его отце Канси. Однакож одному из них, усердствовавшему России, именно Пареннену (†1741 г.), противу других лучшая воздавалась честь: он имел чин алегамбы, и ему поручена была школа, в которой он обучал 24 китайца латинскому языку, кроме того, сочинял листы к российскому сенату на латинском языке, также получаемые из России латинские листы переводил на мунгальский язык. Прочие же иезуиты сочиняли только календари и жили при своих церквях, где дозволялось посещать их членам Миссии и русских караванов¹⁴⁴. Богдыхан не запрещал католикам строить церкви и обращать из подлого народа китайцев в римскую веру, чего сначала вступления своего на престол не делал. Некоторые из иезуитов получили от богдыхана дозволение вернуться в свое отечество. Но так как через Россию без указа Ее Величества отпуск иметь не уповали, то и просили капитана Петрова исходатайствовать им сию милость, о чем и венецианец, иезуит Пилоти письменное с ним к российским министрам послал прошение¹⁴⁵. Из этого факта видно, что католикам не особенно сладко жилось в Китае при Юн-чжене, как они разрисовывали свое положение доверчивым курьерам. В 1727 г., в бытность

¹⁴² Исторический очерк католической пропаганды в Китае // Прав. Собеседник. 1885, сент.

¹⁴³ Les missions catholiques en Chine // Revue des deux Mondes. 1886, 15 dec. P. 776.

¹⁴⁴ Батныш-Каменский. Цит. соч. С. 138, 197, 214.

¹⁴⁵ Там же. С. 194, 214.

Владиславича в Пекине, иезуиты не желали трактовать через Сибирь, хотя боялись ежедневно смерти и гибели от сурового владительства, и просили чрезвычайного посланника: 1) ежели письма из Рима или из Италии кто будет к ним писать, оных не принимать и к ним не отсылать; 2) каковы истории и ландкарты от езуитов о Китае сочинены, оныя с послами и посланниками в Китай не посылать для меньшей суспиции китайского владетеля¹⁴⁶. Тем не менее Пареннен переписывался со своим другом в Петербурге¹⁴⁷. Тоже делали и преемники его.

VII

Организация и отправление в Пекин третьей Миссии. Деятельность ее

В виду неоднократных просьб архим. Антония из Пекина, 31 мая 1731 г. св. Синод обратился ведением в правительственный Сенат насчет необходимости отправить в Пекин священника, диакона и двух причетников¹. 4 июня 1732 г. состоялось сообщение имевшегося в Москве св. Синода св. Синоду в С.-Петербурге о том, что на основании заявления последнего правительственный Сенат приказали в новопостроенную в Пекине церковь определить священника, диакона и причетника из св. Синода и для отправления их в Пекин отослать их в сибирский приказ. На проезд прогонные деньги дать, что надлежит из того приказа. А в бытность их в Пекине жалование им давать: священнику по 300 руб., диакону по 200 руб., причетни-

¹⁴⁶ Там же. С. 500.

¹⁴⁷ Исторический очерк пропаганды в Китае // Прав. Собеседник. 1885, сент.

VII ¹ Синодальные архив. Дело N 181.

кам по 60 руб. из караванной суммы². Ввиду жалоб на поведение второй Миссии, 4 декабря 1732 г. состоялся новый указ св. Синода насчет избрания в Начальники Миссии другой, достойнейшей особы, а также двоих иеромонахов, одного иеродиакона и двоих церковных причетников³. Вследствие этого, по определению св. Синода, были посланы в 1733 г. из Москвы ученики славяно-греко-латинской академии: два иеромонаха из Чудова монастыря, *Лаврентий Уваров* и *Антоний Льховский*, иеродиакон *Виктор*⁴ и два церковника, *Петр Иевлев*⁵ и *Петр Каменский*⁶. Доехав до границы Китая в 1734 г., эти миссионеры не были пропущены далее, потому что не имели при себе рекомендательного листа из иностранной коллегии⁷, и остались в Иркутске ждать удобного случая.

9 сентября 1734 г. Ее Императорское Величество, по докладу Феофана, архиеп. Великоновогородского, словесно указала произвести во архимандрита бывшего при сибирском караване в Пекине иером. *Илариона Трусова*, который тогда обретался в С.-Петербурге⁸. Он происходил

² Там же. Ср. Указ св. Синода от 14 августа 1732 г. об избрании и отправлении в Пекинскую Миссию священника, диакона и двух причетников и о жалованье им. — Сборник Куницына под 1732 г., лист 136, 137; Указ Сената от 13 декабря 1732 г. о прибавке отправляющимся в Пекин в новопостроенную церковь двум причетникам по 40 руб. жалованья. Полный Свод Законов, т. VIII, N 6281.

³ Синодальный архив. Дело N 181; Сборник Куницына под 1732 г., лист 169, 170.

⁴ *О. Даниил*, четв. 41 на об.

⁵ Он происходил из причетнических детей. С 1724 по 1733 г. был причетником при церкви Введения, что в Москве, в Китай-городе, за гостинным двором. — Синодальный архив. Дело N 364.

⁶ История славяно-греко-латинской академии. Творения. св. отцов. ч. XII. С. 428.

⁷ *О. Даниил*, четв. 41 на об.

⁸ Синодальный архив. Дело N 181.

из Малороссии и 12 лет служил на Камчатке в звании корабельного иеромонаха, а потом состоял при тобольском архиерейском доме⁹. В 1727 г. его назначали караванным священником. Состоя в Пекине при Миссии, он был обвинен архим. Антонием в том, что нарочно замарал чернилами “печатную о возношении в священнослужениях Императорской фамилии форму”. За это директору Лангу приказано было доставить его в Россию, вследствие чего он был привезен 14 сентября 1733 г. в Москву, где ему удалось оправдаться¹⁰. По произведении в архимандрита 14 сентября 1734 г., он был назначен настоятелем иркутского, что за Байкалом, Преображенского монастыря и “наказным” архимандритом пекинского Сретенского монастыря¹¹. Священнослужение ему дозволено было совершать в митре и палице, а посох настоятельский иметь простой, равно как и мантию употреблять обыкновенную монашескую. В служебном отношении ему велено было состоять под ведением иркутского архиерея как своего местного архипастыря. К последнему Начальник Пекинской Духовной Миссии должен был относиться во всех затруднительных делах, касавшихся управления Миссиею и принимавших веру китайцев, прося у него совета и наставления и донося ему о степени успехов в приобретении новых чад Христовой церкви¹².

При донесении от 19 февраля 1734 г. из коллегии иностранных дел св. Синоду была представлена выписка из реляции караванного директора Ланга о китайских обсто-

⁹ О. Даниил, четв. 42 на об.; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 18. С. 223, 224; 1876, N 20. С. 258.

¹⁰ Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 207.

¹¹ О. Даниил, четв. 42 на об. и 43.

¹² Там же, четв. 43.

ательствах¹³. На украшение новой церкви в Пекине из сибирского приказа было определено (в 1731 г.) 1000 рублей, которые и выдавались целовальником Василием Глазуновым, во все время пребывания в Пекине Ланга по востребованию архим. Антония. Сколько осталось денег из этой суммы, было вручено архимандриту с роспиской. Но этой суммы было еще мало на исправление церкви, а именно на украшение св. икон и золочение лакированных рам, что должно было обойтись более чем в 550 лан. “А те 1000 рублей меньше 600 лан *сочиняли*”. 30 сентября 1734 г. по требованию св. Синода высказать свое мнение, Ланг заявил, “что-де три двора тому архимандриту (Антонию) и священникам потребны для того, что на посольском дворе во время пребывания каравана, за умалением покоев, зело тесно бывает. А ежели-де хотя и те дворы не купить, то-де на посольском дворе несколько келий построить можно и буде места имеется довольно”¹⁴. Одновременно с заявлением Ланга, новопроизведенный архим. Иларион 30 сентября 1734 г. представил св. Синоду доношение¹⁵ о двух в Пекине церквях и необходимости быть при старой церкви одному иеромонаху со старыми причетниками, прибывшими еще с архим. Иларионом Лежайским. По статистике нового Начальника Миссии, албазинцев в то время было “дворовым числом до 50”, один новокрещеный китаец служил без трактамента во псалмочтении. Архим. Иларион просил в этом своем донесении определить к новой церкви причетником курильца Якова Иванова, восприемлемого его сына, которого он вывез из

¹³ Московский архив МИД. Дело N 16 (1766—1769 гг.): справка из предыдущих дел.

¹⁴ Там же. Дело кончилось покупкой домов. Ср. выше гл. VI.

¹⁵ Синодальный архив. Дело N 181.

“камчатской землицы”. Затем новый Начальник возобновил прежнюю просьбу архим. Антония об иконах и ризах. К новопостроенной церкви требовалось четыре перемены риз и стихарей, что можно было сделать в Пекине, а именно для воскресных, седмичных дней и панихид, а для праздников сделать было не из чего, потому что, кроме шелковых, приличных материй не находилось¹⁶. Точно также была нужда в митре¹⁷, круге церковных книг, регламенте, кадилах, паникадиле, двух подсвечниках. Для литья колоколов в Пекине были потребны люди. Не было крестов для новокрещенных¹⁸ и денег им на рубахи, порты, чулки и башмаки. В конце донесения Илариона Труса выражалась нужда в покупке двоих человек для караула церкви, не забыты были также расходы на воск, ладан, вино, просфоры, пшено и угли. На последнее требовалось до 60 руб. в новую церковь и до 40 руб. — в старую.

6 ноября 1734 г. состоялось определение св. Синода: 1) об отправлении в Россию Антония Платковского и из России архим. Илариона¹⁹. Последнему было предписано взять с собою в Пекин двоих, прежде посланных из Москвы, иеромонахов, которые находились в Иркутске, а иерод. Виктора оставить в иркутской епархии, заменив его иерод. Иоасафом, пребывавшим в Пекине²⁰. Далее новому Начальнику Миссии было приказано: 2) отобрать освященный антиминс у иеромонахов Лаврентия и Антония и по при-

¹⁶ Синодальный архив. Дело N 217, лист. 149: Ланг по просьбе Платковского уступил для церкви европейской золотой материи, из которой последний сделал ризу с епитрахилью.

¹⁷ В Пекине после Платковского осталась митра архим. Илариона Лежайского, которую Ланг отдал в Сретенскую церковь.

¹⁸ Синодальный архив. Дело N 217, листы 148, 149.

¹⁹ Там же. Дело N 181; *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 217, 218.

²⁰ Московский архив МИД. Дело N 16; *О. Даниил*, четв. 42 на об.

бытии в Пекин освятить новую церковь во имя Сретения Господня. 3) Из сибирского каравана, назначенного в Пекин, было определено выдать 2000 руб. для покупки дворов, или вместо них построить кельи с принадлежностями. 4) Выдать новой Миссии паспорт и лист к китайскому трибуналу. 5) Объявить российским ученикам, чтобы они “живучи в Пекине, не пьянствовали и без учения в праздности дней своих не теряли и никаких безчиний не делали, а к архимандриту были послушны без всякаго прекословия”. 6) При новой церкви на посольском дворе быть архимандриту, одному иеромонаху, иеродиакону, двоим причетникам (курильцу и китайцу, пребывавшему в псалмочтении прежде при Никольской церкви) и сторожу-трапезнику, который также состоял раньше при албазинской церкви. При старой же церкви (состоять): одному иеромонаху и двум старым причетникам. 7) В торжественные и викториальные дни служение совершать соборне в Сретенской церкви, куда призывать неотменно учеников и увещаниями — китайских российского благочестия обывателей. 8) Жалование архимандриту было определено в 600 руб., а другим — предположено было сначала оставить по старому штату и выдавать из суммы сибирского каравана на каждые три года вперед. Но Сенат увеличил этот штат, архимандрит должен был выдавать содержание членам Миссии по третям, с росписками²¹. Затем св. Синод определил отпустить новой Миссии церковный круг богослужбных книг: напрестольное евангелие, апостол, псалтирь с воследованием, толковое евангелие, воскресное, благовестник, устав церковный, триодион, минеи, октоих, требник, пролог, соборник, служебник, иромолог, букварей 20, псалтирей и часословов 20 и азбук 30²².

²¹ Синодальный архив. Дело N 181.

²² Там же. Дело N 217, лист 151; *О. Даниил*, четв. 43.

14 января 1735 г. Сенат ведением св. Синоду объявил определение и со своей стороны: 1) В Сретенскую церковь на церковную утварь и колокола отпустить из сибирского приказа 1000 руб., 2) на покупку имевшихся при той церкви трех дворов для архимандрита и прочих священнослужителей, или постройку вместо них новых келий, на церковное внутреннее и внешнее украшение, на приходящих ко крещению убогих, на покупку крестов и икон в их дому и проч. — до 2000 руб. отпустить из иркутской провинции товарами сверх караванной суммы; 3) в новопостроенную и прежнюю Николаевскую церковь на церковные потребности, воск, ладан, вино церковное, просфоры, на мед и пшено для панихид и на уголье отпускать ежегодно по 50 руб. из иркутской провинции²³; 4) жалование архимандриту — 600 руб., двоим иеромонахам по 300 руб., иеродиакону 200 руб., пяти причетникам по 60 руб., итого 1700 руб. на год из доходов иркутской провинции отдавать архим. Трусову с роспиской и велеть ему из того жалования раздавать каждому по третям. 5) Прогоны из С.-Петербурга и Москвы назначены были Начальнику Миссии и спутнику его по положению из сибирского приказа. 6) Наконец, Сенат определил выдать архим. Илариону жалование на год из статс-конторы²⁴.

Окончательное определение св. Синода насчет третьей Миссии гласило так: "О действительном по всему вышеписанному исполнении из св. правительственного Синода отправление как в правит. Сенат, так и к оставшему(ся) в Москве синодальному члену с заседающими ведение, так в коллегия иностранных дел, в сибирской приказ, в синодальный казенной приказ же, в московскую

²³ Синодальный архив. Дело N 181; Московский архив МИД. Дело N 16.

²⁴ Там же.

типографию, китайской экспедиции к агенту Лоренц-Лангу, к преосв. Иннокентию, епископу иркутскому и нерчинскому, и в иркутскую губернскую канцелярию, обретающемуся при пределах российской китайской границы пограничному управителю, в Пекин к архим. Платковскому, *о чем, куда надлежит указов учинить* в немедленном времени, а оному новопроизведенному архим. Трусову дать *инструкцию по обыкновению*”²⁵. Это обыкновение относилось не к одной Пекинской Миссии, а вообще ко всем православным Миссиям, как в Европе, так и в Азии. Инструкция, данная архим. Илариону Трису от 31 декабря 1734 г. за N 1983²⁶, может считаться *первой* по времени, за ненахождением доселе в документах более ранней. Эта инструкция состоит из XI пунктов или параграфов и повторялась неоднократно до самого начала XIX в. Заглавие ее гласило: “О должности и действе архимандрита в содержании себя и прочих ему подручных и вообще в управлении”²⁷.

I. “Будучи ему архимандриту китайскаго государства во означенном граде Пекине, жизнь свою препровождать по долгу священномонашескаго звания своего, со всяким благочинием, целомудрием же и трезвостию и править порученную ему тамо паству боголюбивым нравом, с подобающим тщанием же и усердием, без всякой лености, показуя самого себе образ всяких добродетелей действительно; одежды же употреблять и священная действовать елика по чину его определена суть, а чего не определено и не дано и еликаж свящ. писанием и св. правила и оте-

²⁵ Опред. св. Синода о 6 ноября 1734 г. Синодальный архив. Дело N 181.

²⁶ Сборник Куницына под 1734 г., листы 60—66; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 23.

²⁷ Иркут. еп. ведомости. 1866, N 23. С. 283.

ческим преданием отречена и духовным регламентом запрещена и возбранена суть, того чинить отнюдь не дерзать; церковная же и протчая званию его приличная и свойственная вся долженствует управлять по правилам же св. апостол и богоносных отец и по духовному регламенту во всем непременно, а в недоуменных духовных вещех разсуждения требовать от епархиального своего архиерея (преосвященного иркутского)²⁸.

II. “Из тамошняго китайскаго народа призывать (елико возможность допустит) ко благочестию и познанию в Троице святой славимаго Бога, и в том тщание свое полагать, по образу евангельския проповеди, со всяким усердием и увещаниями от доводов св. писания, пророк же и апостол благоразсмотрительно, и проходящих сподобляя св. крещения; обучати их благоверию и божественным заповедем и жительству христианскаго закона, преподавая всякое благое наставление; точию не отягощать совести их в обхождении гражданском противу обычаев их, а именно: в пище и во одеянии, кроме того, что закону есть противно; и притом увещевати их, чтобы в прежняя мольбища своя (ежели оныя имеют) не ходили, и моления и учения прежних своих учителей не слушали, и идолов бы не имели и не покланялись им, воспоминаая им от св. писания, как Господь Бог жестоко и многократно казнил род жидовский за то, что они, оставя Бога, спасающаго их, покланялись идолам²⁹.

²⁸ Преосв. Иннокентий иркутский хотя и не был пропущен в Китай, тем не менее был около двух лет Начальником православной Миссии в Пекине, по силе этого пункта инструкции, и таким образом мог нравственно влиять на членов Миссии своим направлением.

²⁹ Первый и второй пункты этой инструкции ясно и точно выражают взгляд православия на задачи истинного миссионерства. Это — не система принаровления (*systema accomodationis*) и не *jus indulgentiae temporalis* католических миссионеров; это и не субъективный произвол протестантов,

III. “Колико, когда и из каких тамошняго народа чинов св. крещение восприимут, о том в св. Синод и к епархиальному своему архиерею ему архимандриту репортовать обстоятельными доношениями, приобщая к тому тем новокрещенным имянные по их иноземческим именем и по чином их реестры, с показанием, колико кому лет от рождения имеется, повсягодно.

IV. “Что же при означенной в Пекине новопостроенной церкви днях февраля месяца имеет бывати церковное празднество во дни Господня Сретения и тезоименитства Ея Императорскаго Величества, и о том пребывающим тамо во благочестии российского народа людям и новокрещенным преподавать наставление, чтобы они не возъимели того, что то празднуется тому же, чему и китайцы того месяца по своему обыкновению и вере празднуют, с ясным, чего ради в тыя дни церковь российская торжествует, истолкованием, чего ради и они оное торжество провождали, а потому и настоящее торжество провождали б не в той силе и разуме, как прочии, не познавшии благочестия, отправляют, но с подражанием и последованием церкви святей российстей, яковаго благочестие святое требует, без всякой к первым своим заблуждениям склонности и подражания-ж.

V. “Во дни рождения и тезоименитства и восшествия на всероссийский императорский престол и благополучно совершившейся коронации Ея Императорскаго Величества, Всепресветлейшия, Державнейшия, Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссийския, и в протчие дни торжеств, рождения

что преследовали те и другие на китайской почве. Это — выражение евангельской любви к ближнему, ясной и твердой в своих началах и умеющей избегать послабления и потворства. Ср. пункт VI. Московский Архив МИД. Дело N 16.

же и тезоименитства всей Ея Императорскаго Величества превысочайшия фамилии и викториальныя о здравии ко всеблагому Богу по церковному чиноположению отправлять ему, архимандриту, всенощныя бдения и божественныя литургии с молебным пением неотменно. По усопших же высокославныя и вечнодостойныя памяти благоверных Великих Государех, Царех и великих Князех, Императорех российских и всей их Величества Высочайшей фамилии персонах в надлежащие дни чинить поминовение по церковному чиноположению, чего ради из св. Синода с имеющихся о торжественных и викториальных днях табели, о поминовениях же реестров, дать ему, архимандриту, копии с роспискою.

VI. “Как с тамошними, так и протчих наций с пребывающими тамо ж народы во всяких случаях поступать ему, архимандриту, учтиво, благочинно и при всецелой всегда трезвости, употребляя подобающие опасности (предосторожности), смотря же и применяясь по тамошнему их обыкновению; озлоблений же и никаких противных поступок никогда и никому отнюдь не чинить, дабы таким неблагочинием и дерзостию не подавать соблазна и преткновения, в благочестии же христианском народу российскому нареkania, но во всем содержать себя, как весьма честной и поверенной персоне принадлежит и благопристойно есть.

VII. “Оным же имеющимся при нем, архимандрите, иеромонахом и причетником, также и в Пекине обретающемуся иерод. Иоасафу и Николаевской церкви причетником же велеть к нему, архим. Илариону, быть во всяком послушании, и да вси чтут его, яко отца, наставника же и руководителя коегождо спасения их, чего ради и да покарятся ему во всем яко овцы пастыреви, отцу же чада и ученицы учителяви своему, без всякаго преслушания и

прекословия; также и в прочем, что до их звания принадлежит, поступали б со всяким благочинием и трезвостию, без всякаго зазора. С преступающими же долг звания своего и о благожитии своем нерадящими, и в пьянство и безчиния и прочия непорядки уклоняющимися поступать ему, архимандриту, с дерзновением, наказывая и смиряя их словом и делом, кто чего будет достоин, без упущения. Аще ли же во оном наказании явится ему кто противен, то в присутствии в Пекине каравана предлагать на таковых безчинников агенту Лоренц-Лангу, а ему, агенту, нещадно таковых при нем, архимандрите, наказывать и обязывать их, чтоб им впредь того не чинить под вышеизображенным же, как о иерод. Иоасафе определено, истязания страхом, а во отсутствии каравана писать на них, кто в чем противен и подозрен явится, св. правит. Синоду неотменно, против чего таковые безстрашники и преступники, как о том скоро св. Синоду донесено будет, взяты в св. правит. Синод и по правильному и градских законов суждению жестоко имеют быть наказаны, яко блазнителю и порочницы с лишением чести их и св. правит. Синода благословения и ссылкой в работы в дальние грады. И к тому бы и он, архимандрит, никакого нападения и обид им не токмо не чинил, но и всякаго б употреблял к снабдению их благовестия и правосудия.

VIII. "Оным иеромонахом и иеродиакону к имеющимся тамо российского народа людям на пиршества отнюдь не ходить и от того весьма их воздерживать, аще ли же по необходимости как у кого быть и случится, то б отнюдь никогда пьяни не были и для того б от хмельных напитков крайнее имели воздержание, воплю, драк, кощунств, безчинств между собою и никем отнюдь же не чинили и тем нареkania и безславия российскому народу не наносили; когда же случится выдти кому во град, то б по улицам трак-

товали чинно и благообразно, не зазираясь семо и овамо, и без причины не останавливаясь.

IX. “Означенному новоопределяемому архимандриту о состоянии тамошнем и поведении, сколько будет случая, писать св. Синоду со основательным объявлением неотложно.

X. “По вышепоказанному же Платковского требованию новокрещеных же китайцев, старолетных и нестаролетных, чрез толмача на исповедь не принимать и чинить того отнюдь не дерзать.

XI. “Аще когда какой-либо случай позовет ему, архимандриту, с иезуитами, тамо-ж в Пекине пребывающими, где видеться, или быть в компании, то ему поступать с ними благочинно, честно, трезвенно, постоянно и не велеречиво, а наипаче в прение о вере и законе ни по которому образу с ними не вступать”.

Архим. Иларион выехал из С.-Петербурга только вдвоем со своим крестником-курильцем, потому что члены его Миссии — два иеромонаха Лаврентий Уваров и Антоний Льховский с двумя причетниками, Петром Иевлевым и Петром Каменским, давно ожидали его в Иркутске. Новому Начальнику Миссии перед отъездом был вручен паспорт и лист или грамота в китайский трибунал от имени российского Сената, в которой писалось, что ввиду необходимости отозвать в Россию Антония Платковского и Лаврентия, по причине долговременного их пребывания в Пекине, посланы на место их трое духовных лиц с тремя при них служителями. После такой рекомендации Сенат “дружелюбно” просил пекинские власти дозволить вновь посланным священникам всякую свободу, благоволение, защиту и благодеяние; Лаврентия же и Антония отпустить в Россию со всякою свободностью и вспоможением. Новому архиман-

дritу велено было ехать в Китай с казенным третьим караваном, который, по силе пограничного трактата, отправлялся тогда в Пекин под начальством агента Ланга и комиссара Ерофея Фирсова³⁰. К этому каравану прикомандированы были священник Иван Гребешков с иеродиаконом Виктором, оставленным в Сибири. Они были живописцами и предназначались для художественных работ в пекинских церквях³¹. Вместо умерших в Пекине учеников, Воейкова и Шульгина, Ланг взял с собою нового, Ивана Шихарева, уроженца Переяславля Залесского³². Русский караван вступил в китайские владения 9 июня 1736 г. и лишь 10 ноября прибыл в Пекин³³. Русские путешественники разместились в вновь отстроенном в 1735 г.³⁴ российском посольском дворе.

В это время (27 сентября 1736 г.) в Пекине произошло важное событие: богдыхан Юн-чжен 27 сентября скончался после 13-летнего царствования и его место по завещанию занял четвертый сын его, 25-летний жестокий Цянь-лун, по-маньчжурски Абкай Вехехе (небом возведенный), царствовавший, как дед его Канси, 60 лет (до 1796 г.)³⁵. После представления китайским властям рекомендательного листа, новый Начальник Миссии занялся приготовлениями к освящению отстроенной церкви на посольском дворе. В донесении своем св. Синоду (от января 1737 г.) архим. Иларион писал, что освящение храма было совершено им 20 декабря 1736 г. с тремя иеромона-

³⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 218.

³¹ *О. Даниил*, четв. 15 на об.

³² *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 226, 234.

³³ Там же. С. 225, 226.

³⁴ Журнал Первушина от 1809 г., лист 65. Санкт-Петербургский Архив МИД. Дело IV. 4. N 1.

³⁵ *Бантыш - Каменский*. Цит. соч. С. 222; *Willams, The middle Kingdom*. Т. II. P. 186.

хами, одним священником (Иоанном Гребешковым) и двумя иеродиаконами (Иоасафом и Виктором)³⁶. Архим. Антоний, как подсудимый, не участвовал в служении. Новый храм был освящен во имя Сретения Господня, и при нем с того времени был основан Сретенский монастырь. Другое донесение от 21 июня 1737 г. было послано Иларионом к Феофану, архиепископу новгородскому³⁷. Оно начиналось так: "Аз, убогий, нижеименованный, последний послушник и раб вашего Святейшества, со всею о Христе братиею просим вашего святейшаго благословения и св. архипастырских молитв". Далее в донесении указывалось на плохое письмо церковных икон, вследствие чего живописцу, иерод. Виктору, прежде посланному от св. Синода, и караванному священнику Ивану (Гребешкову?) было поручено переправить образа, за что было заплачено 200 лан серебра (около 350 руб. сер.)³⁸. Эта работа была выполнена в течение полугода (с ноября 1736 до мая 1737 г.)³⁹

После освящения Сретенской церкви новый Начальник Миссии занялся приемом от архим. Антония и свящ. Лаврентия церковного имущества и составил подробную опись ризницы и утвари обеих церквей⁴⁰. В описи значится: "Церковь Никольская каменная, одноглавая, глава малая позолочена; колокольня при церкви на четырех дере-

³⁶ Синодальный архив. Дело N 281.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *О. Даниил*, четв. 15 на об. и 16. Ср. *О. Иакинф Бичурин*. Прав. Собеседник. 1886, май. С. 65, 66; *Тимковский*. Т. II. С. 29; Иркут. еп. ведомости. 1866, N 25. С. 307. По свидетельству о. Даниила (четв. 16), иеродиакон иркутского архиерейского дома Красовский приезжал в Пекин для поправки икон при четвертой Миссии архим. Гervasия и, как будто это было другое лицо, а не иерод. Виктор, упомянутый выше. Между тем, это, вероятно, одна личность.

⁴⁰ Синодальный архив. Дело N 516.

вянных столбах с одним колоколом, двумя китайскими чашами и четырьмя чугунными колоколечками. Царския двери резныя ветхия". Были в ней и местные иконы вместе с образом Николая Чудотворца. Без сомнения, русские живописцы написали несколько икон и для этой церкви, но больше работали для Сретенского храма. Для последнего, по доношениям архим. Антония и Илариона, были безденежно отпущены из московской типографии евангелие и круг богослужебных книг вместе с букварями, азбуками и духовным регламентом. На покупку церковных сосудов для Сретенской церкви было отпущено из сибирского приказа 1000 руб., которые были переданы агенту Лангу⁴¹. Церковная утварь была закуплена в Москве, Тобольске и Иркутске, и за нее было заплачено 770 руб. 94 коп. Кроме того, было отпущено товаров на 2000 руб. для прикупки около Сретенской церкви трех дворов или вместо них постройки новых келий. За эти товары, при мене их в Пекине, было выручено 2318 лан 12 фын (около 4000 руб. сер.) 5 мая 1737 г. Ланг заплатил китайскому живописцу (вероятно, католику) за иконописание 160 лан (около 220 руб.). Остальная сумма в 2157 лан 2 фына была отдана архим. Илариону⁴². Да на церковные потребы было дано ему же 50 руб. (за 1735 г.). За скарб архим. Илариона Лежайского было выручено на торгу 41 лана 8 чин (80 руб.) и отдано Трусову на церковный расход. Да у старосты Никольской церкви, Дмитрия Нестерова взято было Иларионом 158 лан 9 чин (300 руб.) и золота 6 фын и долговых 5 маньчжурских писем до 120 лан 6 чин (около 240 руб.). Таким образом, вся церковная сумма образовала 2355 лан

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

7 чин, 2 фына (около 4000 руб.). Кроме того, к ней было присоединено серебра на 2 ланы, 319 руб. 46 коп., золота 6 фын и росписок на 120 лан⁴³.

Устроив свои дела, агент Ланг, перед отъездом из Пекина в апреле 1737 г., обратился к китайскому трибуналу с разными запросами и между прочим поставил на вид, что, имея повеление взять с собою из Пекина старшего священника Антония Платковского, а на его место оставить Илариона Трусова, просить: “дабы как вышереченный главный священник Трусов, так и прочие под его властью при обеих церквах священники и причетники содержаны были в *покровительстве* онаго трибунала, а другим бы приказам до них не было дела, и чтобы они здесь (в Пекине) ни в каких других чинах не были поверстаны, ниже в сотне российской были ведомы: священникам и всякаго звания церковникам, по христанскому обыкновению, других чинов иметь никогда не дозволяется”⁴⁴. Последнее желание было выражено ввиду прошения архим. Антония от 1728 г. на имя императора Петра II, где, как было указано выше, Антоний жаловался, что духовные члены первой российской Миссии были награждены китайским богдыханом мандаринским достоинством, или записаны были в военную службу⁴⁵. Пекинский трибунал через двух мандаринов ответил словесно (26 апреля) согласием на эту просьбу, обещавшись, однако, выдавать членам Миссии кормовое серебро и крупу, причем дано было согласие и на принятие нового ученика, Ивана Шихарева⁴⁶. Простясь с министрами 9 мая, Ланг на

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 233.

⁴⁵ Московский Архив МИД. Дело N 7 (VI/60 св. б/а).

⁴⁶ *Бантыш-Каменский*. С. 233, 234.

другой день выехал из Пекина, взяв с собой под арестом архим. Антония, а также священников Лаврентия и Иоанна Гребешкова с иеродиаконом Виктором. 23 августа русский караван прибыл в Кяхту, а 1 сентября — в Селенгинск, откуда Ланг послал в коллегию иностранных дел дневную бытности своей в Китае записку и следственное дело о неистовых поступках бывшего в Пекине архим. Антония Платковского⁴⁷.

Оставшиеся в Пекине члены третьей Миссии занялись продолжением дела своих предшественников. В албазинской церкви, после выезда в Россию свящ. Лаврентия, служил иером. Лаврентий Уваров, а иером. Антоний Лховский состоял при посольской церкви⁴⁸. 7 июля 1740 г. первый послал прошение в Синод об увольнении его по болезни от занимаемой должности и о возвращении в Россию. В своем прошении Лаврентий жаловался, что от тяжелого пекинского воздуха впал в немалые болезни и пришел в беспамятство, отчего стал головою весьма худ. Протоколом св. Синода от 23 февраля 1741 г., N 99, было постановлено отпустить его в Россию и быть ему в послушании у иркутского епископа, а потом, если захочет, ехать в Москву на своем коште⁴⁹. В Россию он выехал в феврале 1742 г.⁵⁰ В этом году, 20 апреля, и второй член Миссии, иеромонах Антоний, послал донесение в иркутский архиерейский приказ; в этом донесении он также указывал на болезненное свое состояние от воздуха в летнее время и просил уволить его от должности, а на его место определить другого⁵¹. Решение на его просьбу пришло в Пекин

⁴⁷ Там же. С. 234.

⁴⁸ Синодальный архив. Дело N 530.

⁴⁹ Там же. Дело N 518 (1741 г.).

⁵⁰ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 244.

⁵¹ Синодальный архив. Дело N 530.

не раньше 1745 г. вместе с прибытием туда четвертой Миссии, а в Россию он мог выехать лишь в 1746 г.⁵² Что касается иерод. Иоасафа, то он, по свидетельству Ланга⁵³, находился у китайцев в знатной знаемости, потому что “о случавшихся церковных тако и учеников нуждах китайским министрам представления производил”. Умер он во время пребывания в Пекине четвертой Миссии, 13 октября 1747 г.⁵⁴

К 40-м годам XVIII в. в Пекине были живы еще трое старых церковников: дьячек, пономарь и трапезник, состоявшие при албазинской Николаевской церкви⁵⁵. Четвертый из них, Осип Дьяконов, умер, вероятно, пред 1736 годом. По указу св. Синода от 6 ноября 1734 г. велено было на посольском дворе состоять причетником курильцу Якову Иванову, а сторожем при Николаевской церкви — трапезнику. 5 мая 1737 г. архим. Иларион известил св. Синод о смерти причетников Петра Максимовича Якутова и Никанора Ключова⁵⁶. Другие же причетники, Петр Иевлев и Петр Каменский, состояли первый при Сретенской, второй при Никольской церкви. 6 февраля 1738 г. архим. Иларион донес св. Синоду о смерти Якова Иванова и об отправлении с караваном из России на место его причетника Косьмы Бобровкина⁵⁷. Со своей стороны и причетники не раз рвались в Россию. Петр Каменский был вывезен в отечество в 1745 г. Петр Иевлев подавал просьбу об увольнении его в Россию еще в 1742 г. В другом прошении

⁵² *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 248, 249.

⁵³ Синодальный архив. Дело N 530.

⁵⁴ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 254.

⁵⁵ Синодальный архив. Дело N 530: ответ на вопросные пункты архим. Гервасия с товарищи.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Ср. *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 244.

своем он писал, что служил при Сретенской церкви с 1736 по 1746 г. Терпя крайнюю нужду от малого жалованья, он в то же время часто болел от тяжелого воздуха, от чего, по его показанию, умерли многие церковнослужители. Св. Синод разрешил ему вернуться в отечество, куда он и отбыл в 1747 г.⁵⁸

Из находившихся в Пекине к 1730 г. шести учеников до 1740 г. трое умерло (Воейков, Шульгин и Пономарев). В 1740 г. был послан в Пекин кабинет-курьер Шокуров. В виду имевшейся в России надобности в переводчиках с китайского и маньчжурского языков, ему поручено было взять с собою успевших в этих диалектах, вследствие чего вывезен был в Россию ученик Иларион Рассохин⁵⁹. Затем в Пекине осталось только трое учеников (Алексей Владыкин, Быков и Шихарев). Последний из них умер в Пекине 16 июля 1742 г. Тогда российское Министерство иностранных дел нашло нужным отправить на убылые места еще троих учеников и назначило к тому взятых в 1739 г. из московской славяно-греко-латинской академии Алексея Леонтьева, Андрея Канаева и Никиту Чеканова⁶⁰. Первые два ученика отданы были еще в 1738 г. крещеному в Москве китайцу Федору Джогге в научение маньчжурскому языку. В награду за этот труд Джогга в 1742 г. получил чин прапорщика и был послан на службу в архангельский городской гарнизон⁶¹. Означенные же трое учеников были отправлены в Китай 1 декабря 1742 г. с курьером Шокуро-

⁵⁸ Синодальный архив. Дело NN 530, 364.

⁵⁹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 239, 240. Он вывез с собою не мало книг на китайском и маньчжурском языках и сделал несколько переводов. — Ежемесячное сочинение. 1764 г., июль. С. 3, 4. См. выше, в гл. IV.

⁶⁰ Там же. С. 245, 260.

⁶¹ Московский архив МИД. Выписки (от мая 1792 г.) об учениках Леонтьеве и прочих, посланных с майором Шокуровым.

вым, посланным вторично в Пекин для доставления китайскому правительству известия о восшествии на престол Императрицы Елисаветы Петровны⁶². На границе китайские власти задержали посланных учеников, потому что по силе трактата 1728 г. они должны были приезжать не с курьером, а с караваном. Однако по многократным просьбам Шокурова, богдыхан повелел (и то впредь не в пример), ради великой благосклонности своей, пропустить их и им по обыкновению дать корм и прочее⁶³. 4 января 1737 г. Иларион доносил св. Синоду о порядочном поведении в Пекине четырех российских школьников⁶⁴. Во время пребывания там третьей Миссии ученики московской академии открыли для китайцев школу, в которой стали учить их русскому языку, а вместе с тем и сами занимались изучением китайской литературы⁶⁵. Из этой Миссии вышло трое знатоков китайского и маньчжурского языков. Это были: Алексей Владыкин, Иван Быков и особенно Алексей Леонтьев. Последний зарекомендовал себя в русской литературе и многими переводами с китайского и маньчжурского языка, а также и сочинениями о Китае.

Что касается благоповедения третьей Миссии, то Начальник ее не оказался на высоте своего призвания. По инструкции (пункт 1) он должен был "жизнь свою препровождать по долгу священномонашеского звания со всяким благочинием, целомудрием же и трезвенностью и правити порученную ему паству боголюбивым нравом, с подобающим тщанием же и конечным усердием, без всякой

⁶² *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 245.

⁶³ Там же. С. 247.

⁶⁴ Синодальный архив. Дело N 281.

⁶⁵ История Московской славяно-греко-латинской академии: Творения св. отец. Ч. XII. С. 429.

лености, показуя себе самого образ всяких добродетелей”. 7 июля 1740 г. члены Миссии, иеромонахи Лаврентий и Антоний, иеродиакон Иоасаф и причетник Петр Иевлев отправили донесение в св. Синод⁶⁶, в котором писали, что архим. Илариону была поручена команда над ними, богомольцы. Между тем “в бытность свою в Пекине оный архимандрит, не храня должность звания своего, по данной ему инструкции, и забыв страх Божий, всегда обращается в безвременном пьянстве и священнослужения церковные отправляет мало... Чего ради мы о всем его неслужении... ему архимандриту неоднократно соборне при всех и объявляли... На то он оговаривался: я-де сюда прислан не для того... А иногда неоднократно отговаривался болезми”. Далее члены Миссии обвиняли Илариона в том, что он шатался пьяным и в женском платье по монастырю, чем возбуждал смех в китайцах, из казны Никольской церкви растратил 158 лан, 9 чин серебра и 6 фун золотa, а также — ветхия блюда, под окладом образки и проч. 22 октября 1740 г. караванный директор Ерофей Фирсов доносил в св. Синод о том, чтобы назначить караванного иером. Лаврентия (Бобровникова) на место архим. Илариона, “о котором Фирсов известился от ученика Илариона Рассохина, что житие его, по положенному на него сану не весьма добропорядочно и блазнит китайцев”⁶⁷.

Иером. Лаврентий Бобровников состоял в это время наместником посольского Спасопреображенского монастыря в иркутской епархии, настоятелем которого считался архим. Иларион Трусцов⁶⁸. В 1741 г. начальство назначило иером. Лаврентия караванным иеромонахом.

⁶⁶ Синодальный архив. Дело N 516.

⁶⁷ Там же. Дело N 516. Ср. указ св. Синода от 24 января 1743 г., N 71 архим. Геврасию; Синодальный архив. Дело N 530.

⁶⁸ О. Даниил, четв. 43 на об.

2 марта 1741 г. за N 15 св. Синод постановил указом: “Иером. Лаврентию, отправленному с директором Фирсовым, обоим допросить Илариона, дать очную ставку с доносителями⁶⁹, и если архимандрит окажется виновным, вывезти его из Пекина в Иркутск. А до определения в Пекин настоящего архимандрита настоятельную должность и смотрение над пребывавшими там священнослужителями иметь иером. Лаврентию, которому и быть в Пекине в звании и должности настоятеля впредь до указа безвыездно, держаться прежней инструкции и репортовать обо всем св. Синоду, а в недоумениях обращаться за советами к иркутскому преосвященному”, в ведение которого и отдавалось Пекинская Миссия⁷⁰. Караван Фирсова прибыл в Пекин 24 сентября 1741 г. и не застал в живых архим. Илариона, который умер 22 апреля того же года⁷¹. Судебное разбирательство, произведенное в Пекине Фирсовым, подтвердило обвинительные пункты членов Миссии и доказало благоповедение их самих, о чем Фирсов донес св. Синоду в 1742 г. по возвращении в Россию⁷². С ним вые-

⁶⁹ Возвратившийся (5 января 1741 г.) из Пекина в С.-Петербург ученик Рассохин подал в коллегии иностранных дел от товарища своего ученика Алексея Владыкина доношение, в котором прописал те же пункты обвинения на архим. Илариона, какие приведены выше. — *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 242, 243. Ср. *Трусович*. Посольские и торговые сношения России с Китаем. С. 229.

⁷⁰ Синодальный архив. Дело N 516. Ср. указ св. Синода о том же преосвящ. иркутскому от 12 марта 1741 г., N 936.

⁷¹ *Бантыш-Каменский*. Цит. соч. С. 243, где указывается иная дата смерти архим. Илариона, именно 21 апреля. См. Доношение государ. коллегии иностранных дел от 15 февраля 1742 г. св. Синоду: иркутский вице-губернатор Ланг получил 3 августа 1741 г. из китайского трибунала лист с извещением о смерти Илариона Труса. Трибунал же был извещен членами Миссии. — Синодальный архив. Дело N 530. Ср. Доношение иркут. провинц. канцелярии от 21 сентября 1741 г. в Архиве князя Воронцова. М. 1870, кн. 1. С. 146, 147, 208.

⁷² *О. Даниил*, четв. 44.

хал в отечество иером. Лаврентий Уваров, уволенный по болезни от должности члена Миссии. Он был оставлен в иркутской епархии⁷³. А иером. Лаврентий Бобровиков, живя в монастырских келиях без языка и без сношений с китайцами, не мог долго вынести своего уединения, учиться же китайскому языку чувствовал себя неспособным. Поэтому вскоре после отъезда Фирсова, он послал прошение в св. Синод об увольнении от пекинской службы, представляя, что там для проповеди слова Божия нужен настоятель из ученых, с такими же иеромонахами⁷⁴. Новая (четвертая) Миссия не застала в живых иером. Лаврентия, который скончался незадолго до ее прибытия в Пекин (24 апреля 1745 г.)⁷⁵. Подобно архим. Илариону, он был погребен на русском кладбище, которое было в то время мало и тесно. Половина могилы Илариона Трусова лежала на соседней земле китайца, и кладбище не было огорожено⁷⁶.



⁷³ Протокол св. Синода от 23 февраля 1741 г., N 99. Указ об иером. Лаврентии св. Синода преосв. Иннокентию (Неруновичу) Иркутск. 26 февраля 1741 г., N 750; Синодальный архив. Дело N 518.

⁷⁴ О. Данила, четв. 44 на об. Он был уволен св. Синодом от службы; Бантыш-Каменский. Цит. соч. С. 248.

⁷⁵ Там же. С. 250. Он также затратил из церковной казны 120 лан и не заплатил их; Синодальный архив. Дело N 217.

⁷⁶ Там же. Дело N 365.



С.Л.Тихвинский, Г.Н.Пескова*

**Выдающийся русский китаевед
о.Иакинф (Бичурин)
(к 220-летию со дня рождения) ¹**

9 октября 1997 г. исполнится 220 лет со дня рождения основоположника научного китаеведения в России о.Иакинфа (Бичурина). Талантливый ученый, обладающий огромными знаниями, он сыграл важную роль в изучении Китая. Широтой и разносторонностью научных интересов о.Иакинф значительно превосходил многих западноевропейских синологов своего времени и за долгие годы творческой деятельности внес в изучение стран Востока огромный вклад. Перу монаха Иакинфа принадлежит свыше 100 крупных исследований, статей, переводов ки-

* © С.Л.Тихвинский, Г.Н.Пескова

¹ Статья опубликована в журнале "Новая и новейшая история" (1977, N 5), а также в кн.: Восток и всемирная история" (1978); печатается с авторскими дополнениями и изменениями.

тайских исторических, географических и философских произведений.

О.Иакинф был китаеведом по призванию, однако круг проблем, которыми он занимался, далеко выходил за пределы китаеведения. Изучению собственно Китая, Маньчжурии, Монголии, Тибета, Восточного Туркестана и Средней Азии он посвятил более 40 лет. Объем его трудов по Китаю огромен, энциклопедически широк, тематика их разнообразна. Но главное внимание он уделял истории, географии, экономике и статистике Китая.

Имя о.Иакинфа стало широко известно еще при жизни, а его научный авторитет общепризнан в России и за рубежом. Труды монаха Иакинфа и поныне — важное пособие по истории Китая, Монголии, Центральной и Средней Азии. Отечественные историки посвятили ряд исследований жизни и творческой деятельности выдающегося китаеведа. Однако до сих пор, несмотря на наличие обширной литературы, не написана научная биография о.Иакинфа и не составлена полная библиография изданных его трудов и рукописей².

² О.Иакинфу (Бичурину) посвящен ряд исследований отечественных ученых: назовем лишь некоторые из них: *Погодин М.П.* Биография отца Иакинфа Бичурина // Беседы Общества любителей российской словесности при Московском университете. М. 1871. Вып. 3; *Иеромонах Николай (Адоратский)*. Отец Иакинф Бичурин (Исторический этюд) // Прав. Собеседник 1886; Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. Пекин, 1916; *Моллер Н.С.* Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки // Русская старина. 1888. № 8,9; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. IV. СПб., 1890; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. 2-е изд. Л., 1925; *Симоновская Л.В.* Бичурин как историк Китая // Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ. М. 1948. Вып. 7; *Бернштам А.Н.* Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // *Бичурин (Иакинф) Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950; *Думан Л.И.* Выдающийся русский ученый-востоковед. Сессия, посвященная памяти Н.Я.Бичурина // Вестник Акаде-

Настоящий очерк не претендует на исчерпывающее освещение роли монаха Иакинфа в развитии российского востоковедения. Цель его — проследить жизненный и творческий путь о. Иакинфа в хронологической последовательности с привлечением ряда неопубликованных материалов. Хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) документы дают возможность раскрыть некоторые аспекты деятельности о. Иакинфа, прежде всего относящиеся к допекинскому и пекинскому периодам его жизни, которые получили меньшее освещение в исторической литературе. Используемые в очерке материалы АВПРИ из фонда Санкт-Петербургского Главного архива, в частности доклады царю, инструкции, донесения, письма и т.п., характеризуют многие важные моменты жизни и деятельности русского ученого.

Выходец из семьи безвестного дьячка, чуваша по национальности, о. Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин) получил свою фамилию по названию села, где он родился в 1777 г. За время учебы в Казанской Духовной Семинарии, преобразованной в 1797 г. в Академию, он изучил латынь, греческий и французский языки. Его блестящие

мий наук, 1953. N 7; Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1954. Вып. 4. N 179; Горбачева З.И. Рукописное наследие Иакинфа Бичурина // Там же; Скачков П.Е. Письма из Валлаамской монастырской тюрьмы // НАА 1962. N 1; Он же. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; Белкин Д.И. А.С.Пушкин и китаевед о.Иакинф (Н.Я.Бичурин) // НАА. 1974. N 6; Кривцов В. Путь к великой стене (роман). Л., 1972; Он же. Отец Иакинф (роман). Л., 1978; Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции. М., 1977. Ч. 1—2; Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я.Бичурина // ПДВ. 1986. N 1, N 2; Скачков П.Е. Рукописное наследие русских китаеведов и его значение в истории русского китаеведения. // И не распалась связь времен...: К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. М., 1993.

способности, редкая память привлекли внимание высшего духовенства. По окончании Академии в 1799 г. Н. Я. Бичурин был оставлен в ней учителем грамматики и риторики. Через год он постригся в монахи и принял имя Иакинф. В 1802 г., получив сан архимандрита, о.Иакинф назначается в Иркутск настоятелем Вознесенского монастыря и ректором Иркутской Семинарии. Однако довольно скоро такая, казалось бы, многообещающая карьера неожиданно оборвалась. За нарушение монастырского устава и конфликт с семинаристами решением Синода в 1805 г. он был отстранен от управления монастырем и лишен архимандритского сана. Затем последовало указание перевести его в Тобольский монастырь учителем риторики в Семинарии без права церковного служения³.

В это время в Петербурге готовились направить посольство в цинский Китай, которое должно было известить маньчжурского императора о восшествии на престол Александра I. Однако главной задачей посольства было выяснить возможность установления дипломатических и постоянных торговых отношений между Россией и Китаем. В сентябре 1805 г. посольство во главе с графом Ю.А.Головкиным прибыло в Иркутск. Вместе с ним в Пекин следовала очередная, 9-я Духовная Миссия, возглавлявшаяся архимандритом Аполлосом.

Российская Духовная Миссия в Пекине, учрежденная в 1715 г., служила в то время для российского правительства единственным источником достоверной информации о Китае. Ее состав подбирался Синодом и Коллегией иностранных дел⁴, для каждой Миссии устанавливался определенный срок пребывания в Пекине.

³ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, IV-6, оп. 124, 1830, д. 1, л. 156.

⁴ Коллегия иностранных дел до 1832 г. существовала параллельно с Министерством иностранных дел.

Русские миссионеры посылались в Китай не только для поддержания православной веры среди сравнительно многочисленных албазинцев и русских купцов, занимавшихся караванной торговлей через Монголию, но и для изучения языка, истории, культуры, обычаев и нравов народов соседней страны. Российское правительство интересовало также перспективы развития отношений с Цинской империей. Выбор главы Миссии, таким образом, имел немаловажное значение. От его авторитета, образованности, наблюдательности, умения устанавливать отношения с иностранцами зависело многое.

Познакомившись в Иркутске с о.Иакинфом, Головкин пришел к выводу, что эрудированный и представительный отец Иакинф был бы более подходящей кандидатурой на пост Начальника очередной, 9-й Миссии, чем недалекий, малограмотный о. Аполлос, с которым к тому же у него не сложились отношения. Используя свое положение и личные связи, Головкин обратился к обер-прокурору Синода князю А.К.Голицыну с просьбой назначить вместо о. Аполлоса “по его неспособности” главой 9-й Миссии о. Иакинфа. В ожидании ответа о.Иакинф оставался в Иркутске. 8 января 1806 г. Голицын, однако, официально уведомил Головкина, что царь отказался отменить ранее состоявшееся решение Синода⁵. В марте того же года о.Иакинф отправился в Тобольск.

Цинский двор выдвинул унижительные условия приема российского посольства. Это вынудило последнее возвратиться из Урги в Петербург. Неудача, постигшая посольство Головкина, отразилась и на судьбе Духовной Миссии, которой в декабре 1805 г. пришлось вернуться в Иркутск и ждать ответа Палаты внешних сношений цинс-

⁵ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, IV-4, оп. 123, 1805, д. 1, л. 467.

кого Китая (Лифаньюаня) о пропуске Миссии в пределы империи. Лишь в мае 1807 г. цинские власти дали свое согласие на ее приезд в Пекин⁶. Незадолго до этого, 12 апреля 1807 г., по новому ходатайству Ю.А.Головкина был издан именной указ Александра I о назначении о.Иакинфа Начальником 9-й Духовной Миссии. В указе, в частности, говорилось: “Определенного в Пекинскую Духовную Миссию архимандрита Аполлоса, по неоднократным донесениям бывшего в Пекине посла графа Головкина о неспособности его к назначенной должности, также и по принесенной жалобе монашествующих, оставить в Иркутской епархии... находившегося на жительстве [в] Тобольском Знаменском монастыре и исправляющего должность по Семинарии учителя красноречия архимандрита Иакинфа отправить к Пекинской Духовной Миссии для занятия вакансии архимандрита”⁷.

В июне 1807 г. о.Иакинф вернулся из Тобольска в Иркутск. Иркутский губернатор Трескин уведомил цинских пограничных правителей в г.Урге о намерении отправить Миссию в Кяхту в сопровождении пристава Семена Первушина. 31 июля 1807 г. цинские власти ответили согласием принять Миссию⁸. В паспорте, выписанном на имя Иакинфа, говорилось, что вместе с ним в Пекин направляются священники “Серафим и Аркадий, иеродьякон Нектарий и при них церковники: Василий Яфицкий и Константин Пальмовский, да для обучения китайскому и маньчжурскому языкам ученики: Михайла Сипаков, Лев Зимайлов, Евграф Громов и Маркел Лавровский”⁹. Кол-

⁶ Там же, л. 254 об.—255.

⁷ Там же, 1—5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 246—246 об.

⁸ Там же, IV-4, оп. 123, 1805, д. 1, л. 478.

⁹ Там же, 1—5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 321.

легия иностранных дел снабдила пристава Миссии Первушина инструкцией, в которой ему предписывалось выяснить причины неудачи посольства Ю. А. Головкина, отношение китайцев к кяхтинской торговле, ознакомиться с внутренним положением страны, а также с состоянием торговли Китая с западными странами, и в частности с англичанами¹⁰. В инструкции Синода Начальнику 9-й Миссии определялся 10-летний срок ее пребывания в Пекине и выдача жалованья на пять лет вперед.

Выехав из Иркутска в июле 1807 г., Миссия в сентябре вступила в пределы Цинской империи. Ее путь из Кяхты проходил через Ургу, Калган, и лишь в январе 1808 г., после шести месяцев путешествия, она прибыла в Пекин¹¹. В течение всего этого времени о.Иакинф вел путевые записки, изучал монгольский язык.

В Пекине архимандрит Иакинф с увлечением занялся китайским языком, сначала разговорным, а затем и письменным. Этот факт отмечал позднее Начальник 10-й Миссии архимандрит Петр (Каменский) в записке Синоду: "Все духовные, и ученики, и сам отец архимандрит, с отменным рвением принялись обучаться китайскому языку, а ученики вместе с ним и манджурскому"¹². Сам о.Иакинф в письме обер-прокурору Синода А. Н. Салтыкову в феврале 1810 г. сообщал об изучении им языков: "Время позволяет мне учиться сверх китайского и манджурского еще понескольку мунгальскому (монгольскому), тибетскому и корейскому"¹³.

Овладев разговорным китайским языком, архимандрит Иакинф стал уделять большую часть времени пись-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 551—552, 565 об.

¹² Там же, 1—5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 358 об.

¹³ Там же, IV-4, оп. 123, 1810, д. 1, л. 81.

менным переводам с китайского. Так, в одном из донесений он писал: “Нынешним летом буду учиться садоводству и переводить с китайского. Труднее переводить, нежели говорить на этом языке. Слог письменный от разговорного очень различен”¹⁴. Считая важнейшей своей задачей изучение языка, он требовал того же и от своих подчиненных, однако не всегда достигал при этом поставленной цели. Так, в упоминавшемся выше письме в Синод о.Иакинф с сожалением отмечал: “Хотя духовные и все учатся языку китайскому, но приметно, что по мере трудностей, в оном находимых, со временем оставят они скучное сие упражнение и от праздности должны предаться или всегдашней скуке, или рассеянной жизни. Для предупреждения сего предварительно осмеливаюсь испрашивать от Святейшего Синода повеления без исключения всем нам учиться языку китайскому”. В дальнейшем он предлагал направлять в Пекин людей образованных, из числа “обучавшихся в Академии наук и художеств”, поскольку, по его мнению, “от настоящих при всем их прилежании трудно ожидать многого”¹⁵. Опасения Начальника Миссии в значительной степени оправдались. Впоследствии членов Миссии церковные власти обвиняли в том, что они “в течение года, выучив несколько слов для слабого понятия обыкновенных простых разговоров, оставили сие скучное для них занятие”¹⁶.

Основная трудность в изучении китайского языка заключалась в отсутствии учебных пособий, и прежде всего китайско-русского словаря. И о.Иакинф приступил к его составлению. Он писал в связи с этим: “По сие время не имеем мы порядоченого на китайском и манджурском язы-

¹⁴ Там же, л. 83.

¹⁵ Там же, л. 85 об.

¹⁶ Там же, 1—5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 358 об.

ках лексикона. Я предпринял написать словарь китайский следующим образом. Покупать все ископаемое, все произрастающее и все живущее, равно и все вещи неизвестные иметь в натуре и на моделях. После сего обучаться или поверхностно проходить разные художества и ремесла, дабы увидеть все собственными очами, точнее узнать значение одной и той же буквы в разных употреблении и купно иметь сведения о разных вещах. В минувшем году собрано довольно птиц, дерев, цветов, трав и заведен ботанический сад подле моих покоев. Сверх сего занимаюсь собранием лексикона и других нужных книг китайских. В лексиконе моем при переводе букв приобщены будут краткие описания произведений природы, отличных по виду и породе, всех религий и с обрядами, всех узаконений и с обычаями, всех художеств и с орудиями”¹⁷. Через четыре года небольшой китайско-русский словарь был составлен. Дополняя и совершенствуя его на протяжении последующих десяти лет своего пребывания в Пекине, сверив его с известным многотомным китайским энциклопедическим словарем “Канси цзыдянь”, Начальник Миссии создал словарь китайского языка, который в то время не имел себе равных за пределами Китая.

Стремясь глубоко познать Китай, о.Иакинф установил в Пекине контакты с католическими миссионерами, давно жившими в этой стране, с большим интересом изучал труды западных синологов А.Семедо, Ж.Майя, Ж.-Б.Грозье, Ж.-Б.Дюгальда и др. Приобретенные знания помогли ему в дальнейшей работе. Однако это не мешало о.Иакинфу критически оценивать написанное о Китае, стремление некоторых западных авторов высмеивать его обычаи и обряды. Позднее в своих сочинениях и рецензи-

¹⁷ Там же, IV-4, оп. 123, 1810, д. 1, л. 82.

ях он разоблачал католических миссионеров и некоторых западноевропейских ученых, стремившихся представить Китай варварской и невежественной страной и оправдать грабительскую политику западных держав в отношении Китая¹⁸, а также выступал против не критического отношения российских авторов к иностранным сочинениям. О.Иакинф уделял главное внимание китайским первоисточникам и, основываясь на личных наблюдениях, стремился показать подлинную историю Китая, его быт, нравы, познакомить читателя с политическими и философскими учениями этой страны, а не полагаться только на сведения, заимствованные у Запада.

Знание китайского языка помогло Начальнику Миссии установить хорошие связи с Палатой внешних сношений, где он пользовался авторитетом; его привлекали для перевода документов и писем, поступивших из различных стран Европы. Прекрасно зная язык, архимандрит Иакинф имел контакты со всеми слоями китайского общества, получал самые разнообразные сведения о Китае. По возвращении в Россию он писал в Коллегию иностранных дел в марте 1822 г.: “Я старался всеми возможными мерами собирать из самых источников точные сведения как о внутреннем состоянии Китайской империи, так и о политических связях ее с окрестными народами”¹⁹.

Изучение страны, научные занятия поглощали почти все время и энергию архимандрита Иакинфа. “Чтобы вернее достигнуть предположенной мною цели и приобрести не поверхностные, но основательные познания о сем

¹⁸ Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840. Предисловие. С. III—IV; *Иакинф (Н.Я.Бичурин)*. Замечания на статью Невелина // Москвитянин. 1844. N 9. С. 149-153.

¹⁹ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, IV-4, оп. 123, 1810, д. 1, п. 1, л. 176.

величайшем и многолюднейшем государстве, — писал он в том же донесении, — я признал нужным заняться со всевозможным старанием китайскою словесностию, дабы сим надежнейшим средством приближать себя как к ученым мужам тамошнего края, так и к самым источникам географии, статистики и истории Китайской империи”. Круг его интересов не ограничивался этим. “Кроме истории, географии и медицины, — отмечал он, — сколько других предметов, могущих обратить внимание иностранца и любителя древности... Сколько бы открылось новых явлений, если бы пройти здешнюю медицину и ботанику. Здесь давно прививают оспу... Поэзия китайская имеет свое стопосложение, по ударениям располагаемое... риторика содержит свои правила для сочинений, и сии правила имеют некоторое сходство с нашими”²⁰.

За 13 с лишним лет пребывания в Пекине Начальник Миссии прочитал, перевел на русский язык или законспектировал десятки томов “Тунцзянь ганму” — капитального труда по истории Китая, составленного в XII в., различные энциклопедии, статистические описания Китайской империи и ряд других сочинений, а также отобрал материалы для будущих своих трудов.

Работы о.Иакинфа, написанные им по возвращении в Россию, встретили широкое одобрение передовой русской общественности. Практическое их значение высоко оценивалось официальными представителями российского правительства. Министр иностранных дел К.В.Нессельроде по поводу двух рукописей о.Иакинфа “История первых четырех ханов из дома Чингисова” и “Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана” писал: “Рассмотрев сии рукописи с особым вниманием, я нашел, что в оных

²⁰Цит. по: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 95.

закljučаются сведения, важные для истории вообще, и не менее нужные для наших торговых и других соображений относительно к областям Средней Азии, издание же оных в свет послужило бы в пользу не только наших ученых, но и Западной Европы, потерявшей непосредственные связи, какие она прежде имела чрез римско-католических миссионеров”²¹.

Незадолго до истечения установленного 10-летнего срока пребывания 9-й Миссии в Пекине в ноябре 1816 г. Начальник Миссии попросил Синод оставить его в Китае на следующее десятилетие, мотивируя это необходимостью более глубокого изучения языка страны. Однако просьба его не была удовлетворена. Главой 10-й Миссии был назначен архимандрит Петр (П.И.Каменский), уже побывавший в Китае в составе 8-й миссии в качестве ученика.

Такое решение было вызвано рядом неблагоприятных для архимандрита Иакинфа обстоятельств. Выданные Миссии перед отъездом в Пекин на пятилетний срок деньги были давно израсходованы. Российское правительство, отвлеченное событиями Отечественной войны 1812 г., новых средств не присылало, китайского довольствия явно не хватало, хозяйство пришло в упадок, члены Миссии голодали и требовали полагавшихся на их содержание денег у своего Начальника. Стремясь найти выход из создавшегося положения, Начальник Миссии и с его ведома члены Миссии начали продавать и закладывать принадлежащие ей имущество и земли²². Сам архимандрит Иакинф, которого и раньше мало интересовали церковные дела, ослабил контроль над подчиненными и даже прекратил богослужение. В Синод поступали многочис-

²¹ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, 1-9, оп. 8, 1828, д. 10, л. 3—3 об.

²² Там же, 1—5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 429.

ленные “изветы” из Пекина. Жалобы на поведение Начальника Миссии содержались не только в доносах членов Миссии, но и в донесениях в Петербург иркутских губернаторов Трескина и Пестеля и даже директора Кяхтинской таможни.

Сменивший архимандрита Иакинфа весной 1821 г. Начальник 10-й Миссии в Пекине архимандрит Петр (П. И. Каменский) обвинил своего предшественника во всех непорядках. В записке, представленной им в Петербург, об о.Иакинфе и членах Миссии говорилось, что они пренебрегли своими обязанностями. Стремясь показать всю серьезность ошибок Начальника и членов 9-й Миссии, Каменский постарался перечеркнуть и всю научную деятельность Начальника Миссии, утверждая, что о.Иакинф “и языку китайскому, можно сказать, обучался для того, чтобы избавиться от скучного труда и изъясняться жестами и минами. Монахи последовали его примеру”²³.

По собственному признанию о.Иакинфа, сделанному им уже в поздние годы, “от двадцати до тридцатого года жизни” вел он себя “весьма рассеянно”, но уже с “35 лет избрал для себя известные правила, в которых малу-малу утвердившись”, придерживался и в дальнейшем. Рассказывая историю своих злоключений, о.Иакинф упоминает о “непростительной погрешности”, которую он совершил, подав жалобу канцлеру на иркутского губернатора Пестеля, о мести со стороны последнего, о доносах на него тех, кто был в Миссии, и Каменского²⁴.

15 мая 1821 г. 9-я Миссия в сопровождении пристава Е.Ф.Тимковского, впоследствии ставшего большим дру-

²³ Там же, л. 354, 358 об.

²⁴ Скачков П.Е. Письма Бичурина из Валаамской тюрьмы. С. 101—102.

гом о.Иакинфа, выехала из Пекина и в январе 1822 г. прибыла в Петербург. Помимо огромного количества личных научных записей и материалов Начальник Миссии привез с собой 400 пудов ценнейших китайских книг для Публичной библиотеки в Петербурге и училища азиатских языков в Иркутске²⁵. Творческие планы его были градиозны. Он предполагал не только опубликовать материалы по истории Китая, но хотел также познакомить читателя с историей соседних с Китаем народов. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо (январь 1823 г.) к директору Публичной библиотеки, действительному члену Академии наук А.Н.Оленину, которому он направил часть своих переводов²⁶.

Однако духовные власти, не оценив достоинство научных трудов архимандрита Иакинфа, за расстройство хозяйственных дел Миссии сурово наказали его. Петербургская духовная консистория, где рассматривалось дело архимандрита Иакинфа, обвинила его в недостаточно ревностном отношении к миссионерским обязанностям, непосещении им в течение 12 лет церкви и продаже церковного имущества.

Друзья и доброжелатели о.Иакинфа пытались помочь ему. Так, например, генерал-губернатор Восточной Сибири М.М.Сперанский, докладывая министру иностранных дел К.В.Нессельроде о результатах поездки Е.Ф. Тимковского в Китай в качестве пристава Духовной Миссии, просил принять во внимание заслуги архимандрита Иакинфа при решении его судьбы. "По многим обстоятельствам видно, — писал он, — что архимандрит Иакинф приобрел значительные познания в языках китайском и манджурском.

²⁵ Прав. Собеседник. 1886, май. С. 69.

²⁶ Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин. С. 282—283.

Желательно было бы, чтоб ученые труды его приняты были в беспристрастное рассмотрение при суждениях о его поступках”²⁷. В свою очередь, Нессельроде, заинтересованный в чиновнике, в совершенстве владевшем китайским языком, обратился к министру духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыну с ходатайством за о.Иакинфа, в котором отмечал, что тот “по отличнейшим успехам в языке китайском может быть употреблен с особенною пользою для преподавания первоначального учения духовным и светским кандидатам Пекинской Миссии”²⁸. Несмотря на эти ходатайства, церковный суд приговорил бывшего Начальника Миссии архимандрита Иакинфа к лишению сана и пожизненному определению в Валаамский монастырь простым монахом. Не помогло даже вмешательство влиятельного князя А.Н.Голицына. Выслушав его доклад о заслугах о.Иакинфа, Александр I отказался изменить решение Синода, “не признавая справедливым оказать снисхождение к трудам его в ослабление законов”²⁹. Суд приговорил к различным мерам наказания и других членов Миссии³⁰. Так, иеромонах Серафим был сослан в Валаамский монастырь на четыре года, иеромонах Аркадий — в Введенский монастырь на год.

4 сентября 1823 г. о.Иакинф был отправлен на остров Валаам, где пробыл до 1 ноября 1826 г. Находясь там, он, несмотря на строгий монастырский уклад, продолжал заниматься переводами и подготовкой рукописей к печати, обработкой накопленных в Китае материалов. Его личная библиотека, как видно из письма о.Иакинфа широко известному в научных и дипломатических кругах ученому

²⁷ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, I-5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, п. 3, л. 68 об.

²⁸ Там же, IV-4, оп. 123, 1810, д. 1, л. 186—187.

²⁹ Там же, л. 191.

³⁰ Там же, I-5, оп. 4, 1817—1840, д. 1, оп. 4, л. 2—2 об.

и изобретателю П.Л.Шиллингу, оставалась в Петербурге у некого Михаила Дмитриевича (возможно, Сипакова, бывшего студента 9-й Духовной Миссии, а затем переводчика Азиатского департамента Министерства иностранных дел России), который посылал на Валаам необходимые для работы книги. Многие исследования о.Иакинфа, вышедшие в свет после возвращения в Петербург, были подготовлены на Валааме. Этим он обязан прежде всего своей феноменальной памяти и упорному каждодневному труду.

В 1825 г., когда на царский престол вступил император Николай I, друг о.Иакинфа Е.Ф.Тимковский, ставший к тому времени начальником второго отделения Азиатского департамента Министерства иностранных дел России, при содействии П.Л.Шиллинга, также занимавшего в Министерстве (он числился на "особой должности"), вновь предпринял попытку вызволить о.Иакинфа из ссылки. И не безуспешно. По новому ходатайству Азиатского департамента об облегчении участи о.Иакинфа на этот раз состоялось решение о переводе его в Петербург, "дабы он по знаниям в китайском и манджурском языках мог быть полезен для государственной коллегии иностранных дел" (с предписанием, однако, постоянно проживать в Александро-Невской лавре)³¹. Резолюция Николая I гласила: "Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту".

После возвращения в Петербург о.Иакинф возобновил научную и литературную деятельность, поддерживал контакты с передовыми кругами петербургских литераторов и ученых, сотрудничал в петербургских и московских журналах. В 1828 г. вышел в свет его перевод с китайского

³¹ АВПРИ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 3226, л. 3; д. 3656, л. 1.

языка "Описание Тибета в нынешнем его состоянии", снабженный примечаниями и комментариями о.Иакинфа, а также картой. Книга получила широкое распространение и была переведена на французский язык. В том же году были изданы "Записки о Монголии", в основу которых положены путевые наблюдения, сделанные о.Иакинфом на обратном пути из Пекина в Кяхту в 1821 г. В них приведены статистические сведения о Монголии, дан обзор истории монгольского народа, а также приложен перевод законов маньчжурских императоров, использовавшихся цинским Китаем для управления монголами. "Записки о Монголии" вызвали широкие положительные отклики и вскоре были переведены на французский и немецкий языки. О.Иакинф был признан крупнейшим знатоком Китая и стран Центральной Азии. Академия наук высоко оценила вклад о.Иакинфа в отечественную науку, избрав его в декабре 1828 г. членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока³².

В 1829 г. появились еще четыре работы о.Иакинфа. В "Описании Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем его состоянии" содержалась характеристика положения в этих районах после насильственного присоединения их к Цинской империи в 1758 г. Книга снабжена алфавитным указателем древних географических названий, которые приведены в соответствии с названиями, принятыми в XIX в. Перевод о.Иакинфа с китайского языка "Описание Пекина" с приложением плана города, составленного самим переводчиком, вызвал большой интерес у читателей и в том же году был издан на французском языке. "История первых четырех ханов из дома Чингисова", составленная на основе китайских материалов по истории

³² Подробно об этом см.: ст. *Мясникова В.С.* в настоящем сборнике.

походов Чингисхана, существенно дополняла ранее опубликованные в России работы по истории монголов. И наконец, в переводе о.Иакинфа вышло на русском языке "Сань-цзы-цзин или троесловие с китайским текстом", т.е. поучения из трех слов, написанная в Китае в XIII в. своего рода энциклопедия для юношества, содержащая нравоучения официального конфуцианского толка. К нему прилагались предисловие и комментарии автора перевода и литографированный китайский текст, выполненный П.Л.Шиллингом. Труд о.Иакинфа был встречен с большим интересом в России. Его смелую попытку передать китайские стихи на русском языке высоко оценил А.С. Пушкин³³.

В 1830 г. по предложению П.Л.Шиллинга монах Иакинф (Бичурин) был включен в состав научной экспедиции, которая направлялась в район Кяхты, где находился основной центр русско-китайской торговли³⁴. Он предполагал составить на месте грамматику китайского языка, дополнить и переписать с помощью местных китайцев составленный им тематический китайско-русский словарь и, наконец, "по желанию кяхтинских комиссаров" заняться преподаванием китайского языка, по твердому убеждению о.Иакинфа, "столь нужного для ежедневных торговых сношений с китайцами". Он рассчитывал также собрать дополнительный материал для "Пространного описания Китайской империи", усовершенствовать знания монгольского языка. Свои планы о.Иакинф изложил в представленной в Азиатский департамент специальной записке³⁵.

³³ См.: Белкин Д.И. А.С.Пушкин и китаевед о.Иакинф (Н.Я.Бичурин). С. 127.

³⁴ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, IV-6, оп. 124, 1830, д. 1, л. 34.

³⁵ Там же, л. 20.

Экспедиция, с которой следовал о.Иакинф, часть пути проделала совместно с членами 11-й Духовной Миссии, направлявшейся в Китай. Состав новой Миссии нельзя было даже сравнить с тем, какой пришлось в свое время возглавлять архимандриту Иакинфу. Новые члены Миссии были воспитанниками Петербургской Академии. О.Иакинфу приятно было сознавать, что наконец возымели действие его настойчивые представления в Синод и Азиатский департамент посылать в Пекин людей образованных. На всем протяжении совместного пути он занимался со студентами китайским языком.

В Восточной Сибири о.Иакинф не прерывал научных занятий и вел большую работу по изучению состояния русско-китайской торговли. Из Иркутска и Кяхты он посылал корреспонденции в "Литературную газету" и в "Московский телеграф". В них он описывал природу Забайкалья, делился путевыми впечатлениями. Во время поездок по Забайкалью он встречался с ссыльными декабристами и близко познакомился с ними. Особенно тесная дружба связывала его с Н.А.Бестужевым. Декабрист написал акварельный портрет о.Иакинфа и подарил ему сделанные из своих кандалов четки, которые о.Иакинф хранил всю жизнь и лишь незадолго до смерти передал своей внучатой племяннице Н.С.Моллер³⁶.

В Кяхте о.Иакинф провел около двух лет. За это время он выполнил большую часть своей программы и оказал экспедиции, по словам П.Л.Шиллинга, неоценимые услуги в изучении возможностей развития русско-китайской торговли. Кроме того, он завершил перевод с китайского языка "Истории Тибета и Хухунора", а также "при упражнении в монгольском языке" перевел словарь "Сань хэ

³⁶ Моллер Н. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки. С. 285.

бяньлань", изданный на трех языках: маньчжурском, монгольском и китайском, и расположил его по монгольскому алфавиту.

В Кяхте им было основано училище китайского языка. "Двенадцать человек детей кяхтинских купцов, обучавшихся у него около десяти месяцев, — сообщал в Азиатский департамент Шиллинг, — на публичном испытании оказались довольно сведущими в китайских письменах, и даже двое из них несколько могли объясняться на сем языке, чему были свидетелями все члены возвратившейся тогда из Пекина Миссии, которые при сем случае единогласно сознались, что они в знании ученого китайского языка с монахом Иакинфом состязаться не могут"³⁷.

Во время пребывания в Кяхте о. Иакинф, по-видимому, под влиянием встречи с декабристами решил окончательно порвать с монашеством. В октябре 1831 г. он подает прошение в Синод о снятии с него духовного сана. П. Л. Шиллинг поддержал его просьбу. Хадатайствуя за Бичурина перед Министерством иностранных дел, он охарактеризовал его как человека, "отлично сведущего в делах Юго-Восточной Азии"³⁸.

В свою очередь, Нессельроде, докладывая Николаю I о прошении о. Иакинфа, отмечал его известность "не только в России, но и в Европе, его обширные познания китайской истории, этнологии и словесности". Зная, что правила о снятии духовного сана предусматривали одновременно высылку данного лица из столицы, министр просил не распространять их на о. Иакинфа, ибо, "подвергнув сему монаха Иакинфа, — писал он, — лишимся единствен-

³⁷ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, IV-6, оп. 124, 1830, д. 1, л. 295 об. — 296.

³⁸ Там же, л. 131—132, 297.

ного человека по совершенному знанию его китайского и манджурского языка, а наипаче нравов и обычаев много различных народов, Китайской империи подвластных”³⁹. Однако в мае 1832 г. царь отклонил прошение о.Иакинфа, предписав “оставить [его] на жительстве по-прежнему в Александровской лавре, не дозволяя оставлять монашество”⁴⁰.

По возвращении из Кяхты в Петербург о.Иакинф уже в 1833 г. издает “Историю Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. и до 1227 года по Р.Х. в 2-х частях” с приложением исторических карт северо-восточной части Тибета, алфавитного и географического указателей, а также статей о китайском летосчислении, китайских мерах, весах и монетах.

В следующем году вышла в свет его книга “Историческое обозрение ойротов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени” с приложенной к ней картой Монголии, комментариями и именным указателем. Эта работа представляет собой систематизированное собрание китайских и русских материалов по истории калмыцкого народа и является самостоятельным историческим исследованием о.Иакинфа, которое было отмечено в том же 1834 г. Демидовской премией, присуждаемой ежегодно Академией наук за лучшие отечественные научные труды⁴¹.

Сочинение о.Иакинфа было по достоинству оценено А.С.Пушкиным, использовавшим его при написании “Истории Пугачева”. “Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков, — писал Пушкин, — обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие

³⁹ Там же, I-1, оп. 781, 1832, д. 142, л. 4—5 об.

⁴⁰ Там же, IV-6, оп. 124, 1830, д. 1, л. 311.

⁴¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 105.

познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком”⁴². Нессельроде в феврале 1834 г. писал, что “обозрение истории калмыцкого народа... найдено во всех отношениях заслуживающим внимания и могущим даже служить важным пособием для отечественной истории”⁴³.

Успехи, достигнутые о.Иакинфом в преподавании китайского языка в кяхтинском училище, побудили директора Кяхтинской таможни обратиться в январе 1834 г. в Азиатский департамент Министерства иностранных дел с просьбой вновь направить “хотя года на два учителем китайского языка отца Иакинфа”, а также “напечатать составленную им китайского языка грамматику”⁴⁴. Просьба была удовлетворена⁴⁵, и в феврале 1835 г. о. Иакинф прибыл в Кяхту, привезя с собой изданную в том же году в Петербурге грамматику китайского языка.

Программа обучения в кяхтинском училище, разработанная о.Иакинфом и рассчитанная на четыре года, положила начало методике преподавания китайского языка в России. В первый год предусматривалось изучение китайской грамматики и сравнение ее правил с правилами русской грамматики, “дабы показать, в чем состоит различие китайского языка от русского”. В течение второго года помимо дальнейшего изучения грамматики “начиналась разговорная практика по темам, связанным с торговлей”. Третий год отводился под “пространные разговоры с разбором переводимых легких статей по правилам китайской грамматики”. Четвертый год “кроме упражнений в разговоре на китайском языке” учащиеся

⁴³ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, II-11, оп. 50, 1832, д. 6, л. 68—68 об.

⁴⁴ Там же, II-12, оп. 52, 1831, д. 1, л. 95.

⁴⁵ Там же, I-1, оп. 781, 1835, д. 145, л. 4.

совершенствовали свои знания в чтении книг и письменных переводах⁴⁶.

Подводя итоги двухлетней работы в кяхтинском училище, о.Иакинф сообщал в феврале 1837 г. в Азиатский департамент: "По открытии сего заведения я обратил главное внимание на то, чтобы снабдить училище нужными учебными пособиями; на сей конец, кроме изданной мною китайской грамматики, я сочинил 12 разговоров на китайском и русском языках, приспособленных по своему содержанию к здешнему месту; перевел на китайский язык названия всех ввозных и отвозных вещей, входящих в состав кяхтинского торгога; вновь сочинил вторую часть грамматики; перевел на русский язык китайский словарь, состоящий из четырех частей"⁴⁷.

Среди перечисленных работ, выполненных о.Иакинфом в Кяхте, особое место занимает китайская грамматика, сыгравшая большую роль в развитии русского китаеведения. В то время она служила практически единственным пособием по изучению китайского языка не только в кяхтинском училище. По ней велось преподавание и на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов. В переработанном виде грамматика китайского языка была опубликована в 1838 г. В многочисленных откликах на "Китайскую грамматику" по достоинству оценивалось ее значение. В 1839 г. за нее о.Иакинфу была вторично присуждена Демидовская премия. Нессельроде в докладе царю в апреле 1838 г. так характеризовал работу о.Иакинфа: "Состоящий при Азиатском департаменте монах Иакинф по возвращении своем из Кяхты окончил печатание второй части составленной им китайской грам-

⁴⁶ Там же, II-12, оп. 52, 1831, д. 1, л. 33.

⁴⁷ Там же.

матики. Польза сей книги, в которой давно был ощущаем недостаток, вполне оправдалась на опыте при преподавании китайского языка в учрежденном на Кяхте училище; и занимавшиеся при пособии оной молодые люди в несколько месяцев приобретали такие познания в языке, на которые без того нужны были бы целые годы”⁴⁸.

Директор Кяхтинской таможни летом 1838 г., уже после отъезда о.Иакинфа в Петербург, говоря о кяхтинском училище, отмечал, что оно “учреждено” для облегчения и распространения торговых сношений с Китайским государством и для вящего усиления дружеских отношений”⁴⁹. Преподавание языка по системе о.Иакинфа в Кяхте продолжалось до 1861 г., т.е. вплоть до конца существования училища. С установлением дипломатических отношений между Россией и Китаем появилась возможность изучать китайский язык непосредственно в Пекине⁵⁰.

Годом раньше о.Иакинф перевел с японского языка “Описание монет Китая”, дополнив его собственными исследованиями и рисунками китайских монет. В работе использованы материалы китайской энциклопедии “Тушу цзичэн”, а также другие китайские источники. Нессельроде сообщал министру просвещения С.С.Уварову в декабре 1838 г.: “Сие описание китайских монет есть самое подробное, какое существует в Китае и весьма уважается тамошними учеными; в Европе же перевода оному доселе не издано. Поэтому труд нашего почтенного синолога имеет для нас двоякую цену, а для занимающихся нумизматическими изысканиями... должен составлять важное

⁴⁸ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, II-11, оп. 50, 1832, д. 6, л. 104.

⁴⁹ Там же, II-12, оп. 52, 1831, д. 1, л. 8.

⁵⁰ Там же, II-12, оп. 52, 1862, д. 1, л. 3.

приобретение”⁵¹. К сожалению, эта рукопись осталась неизданной.

По возвращении в Петербург о.Иакинф продолжал начатую в Кяхте научную работу. Своей первоочередной задачей он считал теперь создание труда о Китае, о различных сторонах его жизни, с тем чтобы рассеять бытующее “благодаря европейцам” искаженное представление об этой стране. С этой целью он объединил ряд подготовленных им ранее статей и издал их в 1840 г. в виде книги под названием “Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение”. Работа давала довольно полное представление об административном делении Китая, культуре и быте китайского народа. Однако о.Иакинф не удовлетворился сделанным и позднее еще раз переработал это сочинение, дополнив его новыми сведениями. Капитальный труд, изданный в 1842 г., получил название “Статистическое описание Китайской империи”. В течение многих десятков лет он служил настольной книгой для китаеведов. Академия наук высоко оценила этот труд о.Иакинфа, в третий раз удостоив его Демидовской премии.

Одновременно с изданием главных переводных работ и научных сочинений в соответствии с задуманной программой — “предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая”, о.Иакинф писал много статей для различных журналов Петербурга и Москвы. Размах его публицистической деятельности поражал даже современников. Он печатался в “Северном архиве”, “Москвитяине”, “Сыне отечества”, “Отечественных записках”, в “Журнале Министерства народного просвещения”, “Русском вестнике”, “Телескопе”. Но особенно тесно он со-

⁵¹ Там же, I-1, 1838, д. 148, л. 8—9; II-11, 1832, д. 6, л. 142.

трудничал с М. П. Погодиным в "Московском вестнике" и Н. А. Полевым в "Московском телеграфе". О. Иакинфа охотно публиковали и в иностранных журналах.

В его статьях затрагивались самые разные вопросы китаеведения. Он писал о просвещении в Китае, о государственном строе, о китайской философии и религии, о земледелии и торговле, нравственности, о живописи. Среди его работ есть "Ежедневные упражнения китайского императора", "Земледельческий календарь китайцев", "Взгляд на просвещение Китая", "Статистические сведения о Китае", "Меры народного продовольствия в Китае". Главная их ценность заключается в том, чтобы они были основаны исключительно на китайских источниках.

В последние годы жизни О. Иакинф подготовил к публикации такие труды, как "Земледелие в Китае" (1844 г.), "Китай в гражданском и нравственном состоянии", "Религия ученых и ее обряды" (1848 г.). И конечно, нельзя не отметить достойную уважения титаническую работу О. Иакинфа по составлению семи китайско-русских словарей, к сожалению, оставшихся в рукописном виде. Свою научную деятельность он завершил изданием в 1851 г. многолетнего труда "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", который в том же году был удостоен Демидовской премии.

О. Иакинф уделял большое внимание рецензированию книг и журнальных статей по истории Китая. Разбирая ошибки отдельных авторов, проистекавшие главным образом из-за некритического отношения к иностранным источникам, он всегда сохранял объективность. Так, например, в одной из своих рецензий по поводу трудов о Китае, написанных католическими миссионерами, О. Иакинф отдавал им должное "за множество и за верность сообщенных ими сведений", однако предостерегал от того,

чтобы принимать на веру те их сочинения, которые написаны без глубокого знания предмета, например, "О нравственности и религиях китайцев"⁵².

Рецензенты трудов о.Иакинфа, как правило, давали им высокие оценки, подчеркивая их научное значение; журнал "Сын отечества" отзывался о монахе Иакинфе как о крупном "почетном синологе, известном всей учёной Европе, пролившем совершенно новый свет на изучение Китая"⁵³. О широком признании научных заслуг о.Иакинфа за границей свидетельствует, в частности, тот факт, что некоторые из его работ были переданы Министерством иностранных дел России "ученым азиатским обществам Парижскому и Лондонскому и вообще заслужили отличное одобрение как соотечественников, так и иностранцев"⁵⁴.

В 1831 г. о.Иакинф, по представлению французских востоковедов, был избран членом Парижского азиатского общества. Все его сколько-нибудь значительные труды полностью или частично переводились на иностранные языки и были хорошо известны западноевропейским синологам. Так, немецкий востоковед Клапрот, с которым о.Иакинф не раз полемизировал на страницах журналов, отмечал, что о.Иакинф один сделал столько, сколько может сделать лишь целое ученое общество. Французский синолог Станислав Жюльен называл о.Иакинф "одним из опытнейших синологов Европы". А английский писатель Джордж Барроу во время пребывания в Петербурге брал уроки китайского языка у монаха Иакинфа. Авторитет о. Иакинфа

⁵² Иакинф (Н.Я.Бичурин). Замечание на статью Неволлина. С. 149—153.

⁵³ Сын отечества. Т. V. Кн. 1. Отд. IV, прим. ред.

⁵⁴ АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, I-9, 1824, д. 7, л. 80—80 об.

в китайском языке был настолько высок, что никто не решался исправлять или уточнять его переводы⁵⁵.

Отстаивая приоритет русского востоковедения в изучении Китая, о.Иакинф выступал с резкой критикой тех, кто слепо преклонялся перед иностранной наукой и культурой. В одной из своих статей он писал по этому поводу: "Если бы мы, со времен Петра Первого и доныне, не увлекались постоянным и безразборчивым подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения. Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно, нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чем-либо"⁵⁶.

В другой статье, защищая авторитет русской науки, о.Иакинф резко высмеивал преклонение некоторых историков перед иностранщиной: "Привычка руководствоваться чужими, готовыми мнениями, неумение смотреть на вещи своими глазами, неохота справляться с источниками, особенно изданными на отечественном языке: своему-то как-то не верится, то ли дело сослаться на какой-нибудь европейский авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле"⁵⁷. Эти суровые суждения о.Иакинфа не были проявлением зазнайства и высокомерия. Прекрасно владея древними языками — греческим и латинским, хорошо зная немецкий и французский, изучив китайский, японский и другие вос-

⁵⁵ Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена". С. XVI.

⁵⁶ Москвитянин. 1844. N 3. С. 170.

⁵⁷ Финский вестник. 1847. N 5. Разд. IV. С. 3.

точные языки, он внимательно следил за работами современных ему зарубежных ученых.

Книги и статьи о.Иакинфа привлекали внимание общественных и литературных кругов России. Его имя становится широко известным. На литературных субботах В. Ф. Одоевского, где обсуждались злободневные общественно-литературные вопросы, о.Иакинф встречался с А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, И. И. Панаевым. С Пушкиным его связывала тесная дружба.

Он подарил поэту некоторые свои книги с посвящением и переписывался с ним, находясь в Забайкалье. Возможно, под влиянием монаха Иакинфа Пушкин хотел предпринять в 1830 г. путешествие в Китай. Но и после того, как планы, связанные с поездкой, отпали, Пушкин продолжал интересоваться Китаем, не прерывал общения с о.Иакинфом, читал его труды. В альманахе "Северные цветы" за 1832 г. Пушкин опубликовал ряд материалов, связанных с именем и трудами о.Иакинфа⁵⁸.

Конечно, было бы неправильным считать научные и литературные труды о.Иакинфа полностью свободными от ошибок. Отдавая дань его прекрасному знанию китайского языка и первоисточников, разнообразию исследованных им научных тем, богатству приведенных исторических сведений и фактов, нельзя не отметить и недостатки его работ. Увлеченность о.Иакинфа, впервые открывшего для русского читателя богатую и своеобразную культуру, обычаи и традиции Китая, сказалась на идеализации им в ряде работ отдельных сторон общественно-политической жизни Китая, государственного строя и законов маньчжурской монархии, а также в проведении им подчас необоснованных параллелей между Европой и Китаем.

⁵⁸ Белкин Д. И. А. С. Пушкин и китаевед о.Иакинф (Н. Я. Бичурин). С. 126.

В книге “Китай в гражданском и нравственном состоянии” о. Иакинф писал: “Обратим ли внимание на законы Китая — они сорок веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близко к истинным началам народоуправления, что даже образованнейшие государства могли кое-что заимствовать из них. Со всем тем некоторые злоупотребления столь сильно укоренились, что правительство, вместо истребления оных, только старается разными мерами облегчить зло — неотвратимое последствие тех злоупотреблений”⁵⁹. В другой работе о. Иакинф, рассматривая государственный строй в Китае, писал: “Правление в Китайской империи монархически самодержавное и вместе с тем ограничено законом”⁶⁰.

Эти ошибочные взгляды о. Иакинфа подвергались серьезной критике со стороны его современников. В. Г. Белинский, в целом высоко оценивший работы о. Иакинфа, указывал на приукрашивание им многих сторон китайской действительности, его стремление показать в идеальном виде “более Китай официальный, в мундире и с церемониями”. Белинский критиковал о. Иакинфа также за то, что он представил Китай таким, словно “в нем ничего нет оставленного на произвол судьбы и людей, все отношения определены, все юридические случайности предуготовлены и обсуждены, на все существуют положительные законы; машина администрации самая многочисленная и, вместе с тем, строго систематическая; законы нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести, благосостояния честных людей всех званий, от высших до низших”⁶¹.

⁵⁹ *Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. I. СПб. 1848. Предисловие. С. II-III.*

⁶⁰ *Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842. С. 220.*

⁶¹ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XI. Пгр., 1917. С. 155—157.*

Однако такого рода ошибочные положения, содержащиеся в работах о. Иакинфа, отнюдь не умаляют его вклада в изучение Китая. В. Г. Белинский отмечал огромную положительную работу, сделанную о. Иакинфом по сбору фактического материала, благодаря которому "истина так и бросается в глаза". Большую значимость трудов о. Иакинфа признавал даже постоянный оппонент его, востоковед консервативного направления О. И. Сенковский: "Число важных, капитальных фактов, извлеченных им из тьмы китайской грамоты, количество света, пролитого им на самые запутанные вопросы по части истории и законодательства этой любопытной страны, почти невероятно"⁶².

Наиболее полную и точную характеристику о. Иакинфу дал ученый-китаевед Д. И. Тихонов: "Нет нужды приукрашивать или умалять Иакинфа Бичурина: все его научное и литературное наследие следует рассматривать с учетом времени, в конкретный исторический период. Нельзя требовать от него правильного материалистического понимания всех вопросов истории, его заслуга заключалась в том, что он сделал доступными обширные китайские источники, ознакомил русского читателя с Китаем, своими статьями и трудами рассеял ошибочные представления о странах и народах Восточной Азии, решительно выступал против преклонения перед западноевропейскими учеными, отстаивал русскую науку"⁶³.

И действительно, благодаря о. Иакинфу передовые люди России получили более широкое представление о странах и народах Азии и особенно об истории, экономике и культуре Китая. Благодаря о. Иакинфу было положено начало российскому китаеведению как самостоятельной науке, свободной от преклонения перед западной синологией. Деятельность о. Иакинфа послужила на благо большего взаимопонимания и упрочения дружественных связей между народами России и Китая.

⁶² Библиотека для чтения. Т. 91. 1848. С. 1.

⁶³ Тихонов Д. И. Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин. С. 304.

В последние годы жизни о.Иакинф часто болел. В 1848 г. он передал Казанской Духовной Академии, в которой когда-то учился, все рукописи, карты и книги из своей личной библиотеки.

Незадолго до смерти о.Иакинф работал над двумя небольшими статьями, которые не успел опубликовать: "Первоначальное пришествие иезуитов в Китай" и "Дом Чингисханов в Китае", вынашивал мысль написать статью о приходе калмыков из Джунгарии в Европу. Однако его планам не суждено было сбыться. 11 мая 1853 г. в возрасте 76 лет он скончался в Александро-Невской лавре. Его хоронили на следующий день на Лаврском кладбище, где и по сей день стоит скромный памятник, на котором написано: "Иакинф Бичурин", а чуть ниже вертикальной строкой китайскими иероглифами: "Постоянно прилежно трудился над увековечившими [его] славу историческими трудами". Затем: "Род. 1777 — ум. 1853 мая 11 д."⁶⁴.

И в наши дни о.Иакинф по праву остается гордостью русской синологии. Его научное наследие чрезвычайно обширно. Многие труды и поныне не утратили своего научного значения, а его переводы китайских источников до сих пор используются отечественными исследователями при изучении истории Китая, Средней и Центральной Азии и Южной Сибири. Жизнь о. Иакинфа — это подвиг в науке, который не может быть ею забыт.



⁶⁴ Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена". С.XIV.



В. С. Мясников*

Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию Наук¹

17 декабря 1828 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук был избран выдающийся ученый востоковед, основоположник научного китаеведения в России монах Иакинф (Бичурин).

Избрание в Академию наук было признанием научных заслуг о.Иакинфа² и средством защиты его от чрезмерной строгости властей. О его оригинальных трудах и переводах китайских сочинений ученые круги Петербурга узнали еще в то время, когда он, лишенный сана, был в 1823 г. определен пожизненно в Валаамский монастырь.

* © В. С. Мясников

¹Статья опубликована в журнале "Проблемы Дальнего Востока". 1996. N 6; печатается с авторскими изменениями.

²Принимая в 1800 г. монашество, Никита Яковлевич взял весьма распространенное в духовной среде имя Иакинф, дававшееся в память одного из святых мучеников римских времен.

Ему в ту пору было 46 лет. Жизнь, доселе полная упорного стремления к знаниям, восхождение по ступеням церковной иерархии, открывшее возможность познать тайны соседней древнейшей цивилизации — все, казалось, рушилось. В монастырской ведомости он значился как “бывший Начальник Российской Духовной Миссии в Пекине”.

Родился Никита Яковлевич 29 августа 1777 г. в селе Бичурине (по-чувашски Шинях) Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Отец его, дьячок, не имел даже фамилии, так как был крестьянского происхождения и именовался “дьячок Иаков”.

Восьми лет Никита поступил в училище нотного пения в г. Свияжске. И 5 мая того же 1785 г. перешел в Казанскую Семинарию, где кроме обычных наук, преподаваемых в Семинарии, изучал языки латинский, греческий и французский.

В Семинарии он и получил фамилию Бичурин, по селу, в котором родился. В 1799 г. Никита Бичурин блестяще заканчивает Семинарию, но от сана священника отказывается. Учась в Семинарии, он обратил на себя внимание главы казанской епархии митрополита Амвросия (Подобедова). В 1800 г. Никита Бичурин принимает монашеский постриг с именем отца Иакинфа и становится учителем высшего красноречия в Казанской Духовной Академии, как стала теперь называться Семинария, в которой он учился. Два года спустя, в 1802 г., молодой монах назначается архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь и там же был определен ректором Семинарии. Но вскоре о. Иакинфа постигает неудача: у него возникает конфликт с семинаристами, в результате которого часть семинаристов была исключена из духовного звания, а сам

о. Иакинф был переведен в Тобольск преподавателем риторики в местной Семинарии.

Сибирская столица — г. Тобольск начиная с XVII века играл особую роль в связях России с Китаем: здесь впервые на российском рынке появились китайские товары, отсюда не раз направлялись официальные российские посольства и Миссии в Серединное государство, снаряжались торговые караваны в Пекин.

В 1805 г. в Китай отправляется очередная (9-я) Духовная Миссия. Синод долгое время не мог подобрать кандидатуру на пост ее главы. Наконец, остановились на архимандрите Аполлосе. Но он, доехав до Иркутска, отказался от поездки в Китай. Тогда Синод назначил о.Иакинфа Начальником Пекинской Духовной Миссии и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине. Отправление этой Миссии затянулось до 1807 г.³ И лишь 17 сентября 1807 г. архимандрит Иакинф отправляется из Кяхты через Монголию в Пекин, куда и прибыл в середине января 1808 г.⁴

С прибытием о.Иакинфа в Пекин начался новый этап его жизни. Свое 14-летнее пребывание в Миссии о.Иакинф целиком посвящает изучению Китая, его языка, истории, географии, нравов и обычаев страны. За это время им были написаны все основные труды, впоследствии изданные в России, или подготовлены исчерпывающие материалы для них.

Миссия и монастырь мало привлекали внимание их нового Начальника, хотя в начале, приняв Миссию от

³ Подробнее см.: Русско-китайские отношения в XIX в.: Материалы и документы. Т. I. 1803—1807. М., 1995.

⁴ О точной дате прибытия Бичурина в Пекин различные источники говорят по-разному: одни называют 10 января, другие — 14, третьи — 17 января, а остальные вообще не называют даты.

архимандрита Софрония (Грибовского), о. Иакинф занялся устройством ее дел, о чем в архиве Синода сохранились его донесения и рапорты, но затем целиком ушел в научную работу. Хозяйство Миссии, не получавшей материальной поддержки от Российского правительства во время Отечественной войны 1812 г., постепенно пришло в полный упадок. Жалования, которое получали члены Российской Миссии от цинского правительства, равного 855 руб. 50 коп. серебром на всех членов Миссии и по 24 пуда риса на каждого в год, не хватало. Члены Миссии требовали от Начальника постоянной уплаты жалованья; чтобы удовлетворить их требования, о. Иакинф вынужден был прибегнуть к распродаже части имущества Миссии и закладу принадлежавших ей домов и земель.

Но и этого хватало не надолго. Тогда члены Миссии стали изыскивать собственные средства для пропитания: одни из них, изучив разговорный китайский язык, довольно успешно занимались адвокатурой по частным делам, другие пустились в торговлю, а третьи — в азартные игры. Российское правительство вспомнило о Пекинской Миссии только лишь после Венского конгресса в 1815 г. А в 1818 г. начало подбирать членов для новой, 10-й Миссии, которую возглавил архимандрит Петр (Каменский), уже побывавший в Китае в составе 8-й Миссии в качестве ученика. Смена прибыла в Пекин в декабре 1820 г. и, передав ей дела, о. Иакинф вместе со старым составом Миссии выехал из Пекина 15 мая 1821 г. На 15 верблюдах он вез свыше 400 пудов книг, — китайской литературы, подобранной им для научных переводов и для различных библиотек России.

Архимандрит Петр по приезде в Пекин был поражен запустением церкви: несколько лет не отправлялись регулярные богослужения, церковная утварь была в закладе;

часы, стоявшие на колокольне, проданы, а сама колокольня сломана. Каменский отправляет в Петербург донесение, где так охарактеризовал деятельность о.Иакинфа в Миссии, что тот по возвращении в Россию был предан суду Синода.

С обвинениями против Начальника Миссии выступил также и иркутский генерал-губернатор, имевший сведения о его деятельности в Пекине, и даже директор Кяхтинской таможни.

Н.Я.Бичурин отказался давать Синоду какие-либо показания и объяснения своей деятельности в Пекине в качестве Начальника Миссии. И Синод, обвинив его еще и в "противлении власти", вынес постановление: "Архимандрита Иакинфа, как недостойного носить звание священнослужителя, лишив сана архимандрита, отправить под строжайшим надзором в Валаамском монастыре"⁵. Особое усердие в притеснении о.Иакинфа проявлял митрополит Серафим, пользовавшийся в Петербурге огромным влиянием. Он даже пытался лишить ученого его рукописей, чтобы истребить их "как языческие".

Это тем более побуждало о.Иакинфа не только целиком отдаваться занятиям наукой⁶, но и установить связи с коллегами-востоковедами из Академии наук. В Петербурге остались друзья, которые могли бы прийти на помощь. Буквально с первых дней ссылки (23 января 1824 г.) о.Иакинф пишет в столицу письмо для передачи некому "высокопоставленному лицу, которое могло бы благоприятно повлиять на судьбу о. Иакинфа"⁷. Может это была реакция на призыв "валаамского узника", но интерес к нему

⁵ См.: Русская старина. 1888 (июль-август-сентябрь). С. 301.

⁶ Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я.Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. No 1. С.115—121; No 2. С.131—138.

⁷ См.: Скачков П.Е. Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы // НАА. 1962. No 1. С.101.

проявили члены “румянцевского кружка”, которые предприняли усилия к тому, чтобы выдающийся ученый не был “по-забыт-позаброшен” на ладожском острове⁸.

Граф Николай Петрович Румянцев, будучи Министром коммерции (1802 — 1811), затем управляющим Министерством иностранных дел (с 30 авг. 1807) и, наконец, Министром иностранных дел (с февр. 1808, с 1809 — в звании канцлера) имел непосредственное отношение к отправлению о. Иакинфа в Пекин в качестве главы Русской Духовной Миссии. Увлеченный организацией широких научных исследований он, после ухода в отставку (1814), создал кружок, в который входили не только такие выдающиеся ученые как востоковед и нумизмат академик Х. Д. Френ, историк академик Ф. И. Круг, профессор востоковед О. И. Сенковский, тибетолог и монголовед Я. И. Шмидт, первый русский индолог Г. С. Лебедев, но с 1824 г. членом кружка стал Начальник учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД Ф. П. Аделунг. Активную роль играл член кружка Е. Ф. Тимковский, встретившийся с о. Иакинфом в Пекине, где он побывал в качестве пристава при смене состава Миссии, и проделавший с главой Миссии обратный путь по Монголии⁹.

⁸ На последнее обстоятельство обратил внимание В. П. Козлов, осветивший интерес к трудам Н. Я. Бичурина, со стороны членов “румянцевского кружка”. (См.: Козлов В. П. “Румянцевский кружок” и Н. Я. Бичурин // НАА. 1979. № 4. С. 122—127). Работающий в Хельсинкском университете известный финский востоковед Гарри Хаен в беседе со мной в 1980 г. также коснулся этой темы, а позднее любезно прислал мне копию письма о. Иакинфа академику М. Шегрену. Оригинал письма хранится в фонде Шегрена в Университетской библиотеке в Хельсинки.

⁹ В своем трехтомном труде “Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 годах” (СПб., 1825) Ф. Тимковский с восторгом отзываясь о Н. Я. Бичурине как исследователе Китая, о подготовленных им в Миссии трудах.

Известному этнологу, лингвисту и историку Андрею Михайловичу Шегрену, занимавшемуся в 20-х годах финским языком, предстояла экспедиция к финским народам. Один из маршрутов экспедиции проходил близ Валаамского монастыря. Н. П. Румянцев через Ф. П. Аделунга и поручил Шегрену столь деликатное дело, как связаться со ссыльным о. Иакинфом и поинтересоваться судьбой его рукописей, которые могли бы быть приобретены для румянцевской библиотеки¹⁰.

Прежде чем встретиться с монахом Иакинфом, который был определен на Валаам, А. М. Шегрен, живший в это время в Имбилаксе (финск. Импилахти), через Сердоболь, городок на северном берегу Ладоги, связался с о. Иакинфом, направив ему письмо. О. Иакинф с радостью откликнулся. Его письмо — это краткий отчет о научной деятельности, приведем его полностью:

Милостивый государь мой Андрей Михайлович!

Много благодарю Вас за письмо из Сердоболя. Участие, принимаемое Вами в моем положении, служит для меня доказательством Вашего истинного ко мне расположения. С удовольствием сообщаю Вам оглавление моим переводам с китайского языка — по крайней мере для сведения. Если астрологию почести наукою хоть несколько правдоподобною, то, думаю, напрасно будете силиться противу моего созвездия. Впрочем и теперь продолжаю работать, но не знаю, по привычке ли более нежели по действительной пользе моих упражнений. Вот мои переводы: 1. Летопись Китайской империи, называемая Цзы-чжи тхун-цзянь ган-му, в 8 томах; 2. История династии Мин, в одной книге; 3. География Китайской империи, заключающая землеписание Китая, Кореи, Маньчжурии, Монголии, Цзюньгарии, Вост. Туркестана,

¹⁰ Козлов В. П. Цит. соч. С. 126.

Хухунора и Тибета. 2 тома с большою картою на российском языке; 4. История первых четырех ханов из дома Чингис-ханова, в одной книге; 5. Сышу или Четырекнижие с простр[анным] толкованием, в двух томах; 6. Описание Тибета и Тангута, в одной книге; 7. Описание Тибета в настоящем состоянии, в одной книге; 8. Описание монголов за два века до Р. Х., в одной книге; 9. Описание Цзюнгари и Вост[очного] Туркестана (Малой Бухарии) за 150 лет до Р. Х., в одной книге; 10. Описание сих же земель в настоящем состоянии, в одной книжке; Описание Пекина, с большим планом; 11. Описание монголов до Р. Х., в одной книжке; 12. Трактат о прививке оспы, в одной кн.; 13. Китайская судебная медицина, в одной кн.; 14. Система мироздания, в од[ной] книжке; 15. Об укреплении Желтой реки, в одной книжке; 16. Монгольское уложение, в одной книжке; 17. Китайский словарь, переведенный на российский язык, в 6 томах.

Нужным считаю присовокупить, что большая часть сих переводов вчерне. По возвращении в Отечество я не имел еще времени, ни способов к окончательному изготовлению оных не было. Впрочем, не теряю надежды, быть некогда полезным Отечеству через свои труды. Прощайте. Не лишайте меня удовольствия знать по временам как о путешествии, так и о трудах Ваших. Остаюсь

Вашим покорнейшим и усерднейшим слугою
монах Иакинф
нояб[ря] 10, 1824, Валаам.

Очевидно, это письмо о. Иакинфа послужило основой для появившейся в начале 1825 г. заметки Ф. П. Адельунга и Я. И. Шмидта в петербургской газете "Journal de S-Petersbourg", где список рукописей излагается в том же порядке, что и у о. Иакинфа¹¹. Главное же было в том, что

¹¹ "Journal de S-Petersbourg politique et littérature", 1825. No 5. Перевод этой заметки см.: Козлов В. П. Цит. соч. С. 125.

газета привлекла внимание и российской, и зарубежной общественности к судьбе гонимого сильными мира сего монаха-востоковеда, показало, какой вклад в науку он может сделать, если дать ему возможность свободно работать. А. М. Шегрен, работавший у Н. П. Румянцева библиотекарем, решил все же сам взглянуть на рукописи и книги о. Иакинфа. Ему удалось получить свидание в монастыре с опальным китаеведом. Лишь после этого он направил подробное письмо-отчет Ф. П. Аделунгу, которое свидетельствовало, что он выполнил поручение Н. П. Румянцева¹².

Для о. Иакинфа появилась надежда выбраться с Валаама. Но ждать пришлось еще не один год. В Валаамском монастыре монах Иакинф провел 4 года. Несмотря на суровый устав монастыря, он занимался своим любимым трудом: переводил с китайского, дополнял свой словарь, оканчивал старые работы. В это время о. Иакинф решает при издании научных трудов, сначала ознакомить русскую общественность с сопредельными с Китаем странами (Тибетом, Монголией, Чжунгарией и Восточным Туркестаном), а потом перейти к собственно Китаю. В таком порядке он подготавливает к печати свои работы. "Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, т.е. те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и через которые самый Китай имеет связи с Индией, Среднею Азиею и Россиею", — писал сам о. Иакинф¹³.

Отъезду из Валаамского монастыря о. Иакинфу помогает блестящее знание им китайского языка. Человек,

¹² Публикацию этого интереснейшего письма см.: Козлов В. П. Цит. соч. С. 125—126.

¹³ О. Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842. Предисловие. С. III—IV.

обладающий такими знаниями, был нужен для работы в Министерстве иностранных дел¹⁴.

В 1826 г. на ходатайстве министра иностранных дел Нессельроде Николай I начертал резолюцию “причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту”.

Наряду с работой в Азиатском департаменте о. Иакинф целиком отдался реализации своих научных замыслов. Он так быстро писал свои сочинения, что цензоры едва успевали прочитать одно, как он предоставлял им следующее. “Но после просмотра цензурного эти произведения его иногда лежали по несколько лет без движения за неимением у автора собственных средств к напечатанию их”¹⁵.

Первым опубликованным произведением о. Иакинфа была брошюра, появившаяся в печати под заглавием “Ответы на вопросы о Китае” (СПб., 1827) Позднее “Ответы” вошли в качестве IX главы в книгу “Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение” (СПб., 1840). Уже в этой работе о. Иакинф показал себя исключительным знатоком Китая и обратил на себя внимание читателей.

Затем на протяжении 1828—1830 гг. о. Иакинф выпускает в свет 6 книг и многочисленные статьи в различных журналах. Работу в журналах о. Иакинф рассмат-

¹⁴ Существуют две версии отъезда о. Иакинфа из Валаамского монастыря. Согласно одной из них, за о. Иакинфа ходатайствовал влиятельный чиновник Министерства иностранных дел, знаток Востока барон Шиллинг фон Капштадт, о чем свидетельствуют биографы о. Иакинфа Щукин, Адоратский, Моллер. Согласно другой, о. Иакинфу помог упоминавшийся выше синолог Ф. Тимковский. Во время поездки в Китай Тимковский познакомился с Бичуриным и получил от него ряд материалов для своей работы. Вторая версия основывается на записках проф. А.В. Никитенко (Никитенко А. В. Записки и дневник 1826—1877. СПб., 1893. Т. 3. С. 36—38).

¹⁵ *Иеромонах Николай (Адоратский)* Отец Иакинф Бичурин // Прав. Собеседник. 1886. Ч. 2. С. 273.

ривал как важное дело, связанное с научными и общественными интересами, с развитием науки. Достаточно привести хотя бы названия журналов, в которых он печатался почти на протяжении 20 лет: "Журнал Министерства внутренних дел", "Журнал Министерства народного просвещения", "Московский вестник", "Москвитянин", "Московский телеграф", "Молва", "Отечественные записки", "Русская беседа", "Русский вестник", "Северный архив", "Сын Отечества", "Телескоп", "Финский вестник", альманах "Северные цветы". Его статьи печатались и в зарубежных журналах. Темы статей были очень разнообразны, но все они носили общественный характер и отражали насущные задачи науки. Широкая публицистическая и научная деятельность о. Иакинфа не могла не привлечь к нему внимания научной общественности и получила высокую оценку. Научные труды о. Иакинфа трижды были удостоены Демидовской премии.

Он был возвращен в Петербург, и ему предписывалось жить в Александро-Невской лавре. Для того чтобы "узаконить" его занятия наукой, в известной степени оградить от новых посягательств на принадлежавшие ему рукописи и книги, научное сообщество, учитывая его вклад в отечественное востоковедение, решило избрать о. Иакинфа в Академию наук.

Протокол избрания действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук от 17 декабря 1828 г. в параграфе 628 зафиксировал ¹⁶:

Проведены выборы нескольких почетных членов и членов-корреспондентов без голосования, имена которых будут объявлены в день публичного заседания.

Избраны: почетные члены г. граф Северин Потоцкий, д/ействительный/ т/айный/ с/оветник/, член Совета

¹⁶ Протоколы АН велись на французском яз.

Европы; г. Струве*, министр-резидент России в Гамбурге; г. Вюрст, д.ст.с.**. Члены-корреспонденты: г. барон Шиллинг Капштадт, д.ст.с.***; г. майор Хани****; г. надворный советник Сенковский^; г. барон Вильгельм Врангель^^; с. о. Иакинф^^^; г. Кнорре, астроном из Николаева; г. Хюмель, коллежский асессор^^^^.

* дейст/вительный/ст/атский/сов/етник/;

** служащий по Министерству финансов;

*** служащий по Министерству иностранных дел;

**** инженер по мостам и дорогам;

^ проф. восточных языков университета этого города;

^^ сотрудник по измерению градуса, проводимого г.

проф. Струве;

^^^ ранее представитель в Китайской империи;

^^^^ известен энтомологическими трудами¹⁷.

Среди лиц, избранных одновременно с о. Иакинфом, обращают на себя внимание двое: барон Шиллинг фон Капштадт, один из ближайших друзей о. Иакинфа, много помогавший ему при издании его произведений (им был отлит впервые в России китайский шрифт), и профессор О. Сенковский — идейный противник о. Иакинфа, остро полемизировавший с ним на протяжении многих лет.

Весной следующего года члены Академии наук представляли научному сообществу свои труды. Протокол от 27 мая 1829 г. в параграфе 296 следующим образом отразил это событие:

¹⁷ Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН), ф.1, оп.1-а, 17.XII.1828, п. 628, л.147 об. Здесь хранится значительное число документов, в которых отражена деятельность о. Иакинфа в Академии наук. В данной публикации мы затронули лишь ничтожно малую часть документов, освещающих вступление о. Иакинфа в члены Академии. Источники, требующие дальнейшей разработки, высвечивают множество интереснейших эпизодов из биографии основоположника отечественного китаеведения и из истории самой Академии.

Его превосходительство вице-президент представил от имени г. профессора Литтрова, директора обсерватории в Вене и члена-корреспондента Академии:

Анналы И/мператорско/ - К/оролевской/ обсерватории в Вене, изданные фон Литтровым, Вена, 1829 (2 экземпляра) и от имени отца Иакинфа, члена-корреспондента Академии: Описание Пекина с планом сей столицы, перевод с китайского на русский о. Иакинфа, перевод с русского Ферри де Пиньи, СПб., 1829. Описание Пекина (с планом сей столицы), переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829¹⁸. Первый из этих трудов передан г. вице-президенту г. тайным советником Дивовым и второй — самим автором, сопроводившим его письмом с выражением благодарности за честь, оказанную ему Академией, включившей его в число членов-корреспондентов¹⁹. Эти книги будут переданы в Библиотеку и их прием будет подтвержден благодарностью²⁰.

В 1830—1831 гг. о. Иакинф по заданию Министерства иностранных дел предпринимает поездку в Кяхту, где он с помощью монгольского переводчика перевел монголо-китайский словарь.

Здесь о. Иакинф знакомится с декабристом Н. А. Бестужевым, подарившим о. Иакинфу четки, сделанные из собственных кандалов. Этот подарок о. Иакинф бережно хранил всю жизнь и передал затем своей внучатой племяннице Н. С. Моллер По-видимому, под влиянием Бестужева о. Иакинф решил порвать со своим монашеским званием. В 1831 г. монах Иакинф подает в Синод прошение о снятии с

¹⁸ Название книги Литтрова дано на немецком яз. Описание Пекина приводится сначала на французском, а затем на русском яз.

¹⁹ Текст этого письма см.: Мясников В. С. Становление и развитие советского китаеведения // ПДВ. 1974. No 2. С. 41—62.

²⁰ ПФА РАН ф. 1, оп. 1-а, 1829, ед. хр. 41, 27.V. 1829, л. 57 об. п. 296.

него духовного сана. Это прошение было поддержано обер-прокурором Мещерским и Министерством иностранных дел. Синод дал согласие, но Николай I, видя в о. Иакинфе общественного деятеля и зная о его симпатиях к декабристам, “в 20 день сего мая (1832 года) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество”.

В 1835—1837 гг. о. Иакинф снова выезжает в Кяхту, чтобы открыть там училище китайского языка, для которого им была написана грамматика китайского языка. Здесь же он пишет труд по китайскому законодательству, составленный на основании извлечений из собрания китайских уложений.

В 1844 г. здоровье о. Иакинфа заметно ухудшается. Он теряет связь с кругами ученых, литераторов, чувствует большой упадок сил. Но, когда в 1848 г. Академия наук поручает о. Иакинфу создать труд по истории народов Средней Азии, он дает свое согласие. К этому периоду относится его новый творческий подъем. Работу, озаглавленную “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”, он заканчивает в 1848 г. и издает ее в 1851 г. Это был последний научный труд Бичурина.

Скончался о. Иакинф в своей келье в Александро-Невской лавре 11 мая 1853 г. в 5 часов утра, и 12 мая был похоронен в ограде лавры. Последние дни своей жизни он провел одиноким, забытым всеми больным стариком. Даже родственники узнали о его смерти только из газет. На могиле о. Иакинфа поставлен памятник, на котором написано “Иакинф Бичурин род. 1777 умер 1853. Мая 11 д.”, и по-китайски: “Постоянно прилежно трудился над увековечившими [его] славу историческими трудами”.

На основании дошедших до нас сведений можно попытаться воссоздать портрет о. Иакинфа, ознакомиться с наблюдениями о его характере. Один из биографов, Н. Щукин, лично знавший о. Иакинфа, пишет: "О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав; в лице у него было что-то азиатское; борода редкая, клином, волосы темно-русые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на О; характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Непрístupен был во время занятий; беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принялся за турецкий язык, но оставил потому, что сперва должно знать разговорный, а потом приниматься за письменный. Так по крайней мере он говорил. Любил общество и нередко ночи просиживал за картами, единственно потому, что игра занимала его. Долговременное пребывание за границей отучило его от соблюдения монастырских правил, да и монахом он сделался из видов, а не по призванию"²¹.

Эту характеристику можно дополнить и сведениями из других источников. О. Иакинф был человеком железного здоровья, если учесть, что он дожил до 76 лет, напряженно трудясь большую часть своей жизни и совершив три очень трудных по тогдашним условиям путешествия (в Пекин и два раза в Кяхту). Внучатая племянница о. Иакинфа Н. Моллер, в своих воспоминаниях о нем свидетельствует, что даже в преклонном возрасте о. Иакинф был очень живым и бодрым. "Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый

²¹ Журнал Министерства Народного Просвещения. 1857, сентябрь. С. 125.

большой лоб, между бровей глубокая морщина. Около рта также глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие, живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих”²².

И другой характерный штрих: “Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, О. Иакинф всегда был защитником перед отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущался до глубины души и приходил в большое негодование”²³.

О. Иакинф был человеком высоко образованным. Из современных западных языков он, по его собственному признанию, не был знаком только с английским, а классические языки были усвоены им в совершенстве, он свободно изъяснялся по латыни. О. Иакинф был, кроме того, художественно весьма одаренной натурой. По свидетельству той же Моллер, он очень любил музыку, в особенности игру на фортепиано. Способности к рисованию очень помогли ему в научных трудах, где все почти планы, карты и рисунки были сделаны им самим. О. Иакинф составил 49 цветных рисунков китайских, маньчжурских, корейских и туркестанских костюмов, мужских и женских. Это собрание было пожертвовано им в 1824 г. в Публичную библиотеку в Петербурге (ныне Российская национальная библиотека).

²² Моллер Н. С. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки. // Русская старина. 1888, август. СПб. С. 283.

²³ Там же. С. 535.

Одна из основных черт характера о. Иакинфа — страстная любовь к Китаю, его культуре, языку, народу. Уже по приезде из Пекина о. Иакинф любил носить китайское платье, разговоры о Китае его сильно волновали, и в беседах он больше всего любил именно эту тему. И. И. Панаев писал, что когда о. Иакинф приходил в гости, то “начинал ораторствовать о Китае, превозносил до небес все китайское”²⁴.

Известен такой эпизод. Накануне смерти о. Иакинфа к нему пришел один из бывших членов Миссии, как и он ставший затем чиновником Азиатского департамента. Сначала о. Иакинф молчал, но “посетитель заговорил с ним по-китайски. Вдруг старец как бы выздоровел, — заблестали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык, — и, безмолвный прежде, говорил беспрерывно на любимом языке своем”²⁵.

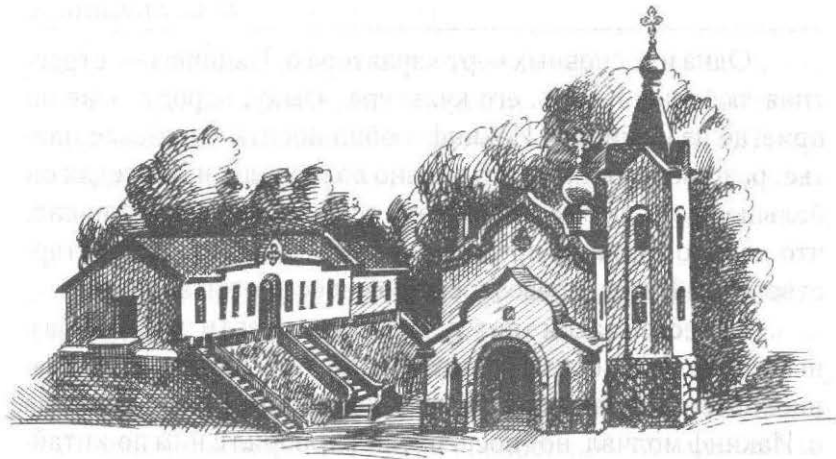
Друг Бичурина Е. Тимковский говорил, что “вообще он (о. Иакинф. — В. М.) питал какую-то страсть к Китаю и ко всему китайскому”²⁶. Очевидно, только такой ученый и смог стать основоположником научного китаеведения в России.



²⁴ Панаев И. И. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском. СПб., 1876, N 2. С. 117.

²⁵ О. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах... М., 1950. Предисловие. С. XV.

²⁶ Никитенко А. В. Записки и дневник (1826—1877). СПб., 1893. С. 38.



И. Т. Мороз*

Девятая Российская Духовная Миссия (К истории ее отправления в Пекин)

В мае 1805 г. из России в Китай пустилось в долгий путь необычно многочисленное (242 человека) посольство во главе с чрезвычайным и полномочным послом, действительным тайным советником, сенатором, президентом Коммерц-коллегии, обер-церемониймейстером, действительным камергером и кавалером различных орденов, графом Ю. А. Головкиным¹. В листе Сената (от 16 ноября 1803 г.), посланном в адрес Лифаньюаня, в качестве офи-

* © И. Т. Мороз

¹ Переписка Сената с Лифаньюанем (Трибунал иностранных дел, Трибунал, внешними провинциями управляющий) об отправлении в Китай российского посольства началась еще в ноябре 1803 г. Первоначально оно планировалось на конец 1804 г., но затем в связи с затянувшимися сборами срок прибытия был перенесен на осень 1805 г. Посольство отправилось в путь несколькими партиями (отделениями). Первая выехала 10-го мая 1805 г., последняя вместе с послом — 4 июля. (Подробнее о посольстве Ю. А. Головкина и краткий биографический очерк о нем см.: Русско-китайские отношения

циальной цели направления посольства указывалось желание поздравить цинского императора Юн Яня от имени российского императора со вступлением на китайский престол (1796 г.) и сообщить о вступлении на российский престол (1801 г.) императора Александра I².

Посольству Ю. А. Головкина придавалось в России большое значение. Поэтому в него были включены многие видные петербургские сановники, научная экспедиция (во главе с известным ученым, путешественником и писателем графом И. О. Потоцким), художники и специалисты других профессий. И так как ко времени отъезда посольства закончился срок пребывания в Пекине (в январе 1805 г.) 8-й Российской Духовной Миссии, то было решено отправить в Китай на смену ей вместе с посольством Ю. А. Головкина и 9-ю Российскую Духовную Миссию.

20 марта 1805 г. император Александр I издал рескрипт в адрес сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова, в котором последний уведомлялся о назначении (16 февраля 1805 г.) графа Ю. А. Головкина чрезвычайным и полномочным послом в Цинскую империю и предстоящем прибытии его на русско-китайскую границу в сентябре того же года (цинская сторона неоднократно присылала по поводу этого запросы). В рескрипте также сообщалось, что одновременно с посольством "отправ-

в XIX веке: Материалы и документы. Т. 1. 1803—1807 гг. М., 1995). Путь посольства от Санкт-Петербурга до Кяхты (дорожные впечатления, приключения), характеристика окружения посла и пр. красочно и талантливо запечатлены в воспоминаниях одного из членов посольства известного мемуариста Ф. Ф. Вигеля (там же. С. 765—834; использованные в статье архивные документы см. там же).

² Архив Внешней политики Российской империи, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805 г., д. 1-а, п. 1, л. 26 об. Далее АВПРИ. Утвержденный проект (он же отпуск).

ляются священники с церковнослужителями и учениками как для богослужения в пути, так и для смены находящейся в Пекине с 1794 г. Духовной Миссии. Обыкновенный о сей смене лист от имени Правительствующаго Сената в китайский Трибунал иностранных дел доставлен будет послом нашим". Император Александр I повелел известить о полученных сведениях ургинских пограничных правителей³.

Ургинские пограничные правители ван (князь) Юндендорж и амбань (генерал) Артасиди были проинформированы о назначении послом Ю. А. Головкина, времени его прибытия на границу с Цинской империей и отправлении вместе с посольством 9-й Российской Духовной Миссии письмом (от 27 апреля 1805 г.) иркутского вице-губернатора А. А. Шишкова. В этом письме затрагивались и другие вопросы, связанные с прибытием посольства⁴.

Правительствующий Сенат тем временем продолжал заниматься формированием личного состава очередной смены Российской Духовной Миссии, которое началось еще в начале марта, и другими делами, относящимися к ее отъезду в Пекин. 8 мая, когда часть посольства Ю. А. Головкина уже находилась в пути, Синод представил императору Александру I доклад (был утвержден императором 12 мая), в котором определялся статус архимандрита в Пекине, срок пребывания там Духовной Миссии, а также права и круг обязанностей всех ее членов.

Вновь назначенный для отправления в Пекин архимандрит получал степень "первоклассного архимандрита", однако во время пребывания в столице Цинской империи

³ Там же, п. 20, л. 123. Утвержденный проект (он же отпуск). Читая документы, надо принимать во внимание то обстоятельство, что почта от Санкт-Петербурга до Иркутска шла больше месяца.

⁴ Там же, п. 22, л. 79—81 об. Заверенная копия.

ему повелевалось именоваться, “как и ныне, старшим священником”⁵. После возвращения в Россию, если бы к этому времени не оказалось вакансии, ему полагалось жалованье настоятеля “первоклассного монастыря” “до помещения его в оной”. Двум иеромонахам и одному иеродиакону, которые ехали вместе с ним, после возвращения в Россию “за равномерное исполнение своих должностей” также предназначались “настоятельския места третьеклассных монастырей с таковыми же выгодами, каковыя архимандриту на случай небытия в то время ваканциев к безнужному содержанию предполагаются до определения их; надобно и двум церковникам по возвращении [до] помещения к местам производить жалованье, получаемое ими в Пекине из суммы на Духовной департамент положенной”⁶.

Указом Синода значительно увеличивалось жалованье всем членам 9-й Российской Духовной Миссии. Кроме этого, было позволено “получаемый с имеющихся в Пекине дворов, российской церкви принадлежащих, равно и с купленных духовными российскими и доставшихся по завещаниям пашен доход, простирающийся по ведомости 1792 года на российские деньги до 508 рублей, употреблять архимандриту с братиею на поддержание тех домов и на общую их пользу без всякаго в том отчота”⁷.

Срок пребывания 9-й Российской Духовной Миссии ограничивался десятью годами, жалованье должно было выдаваться серебром. Помимо этого, разрешалось дважды в год подавать в Синод рапорты о состоянии монасты-

⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. N 1, п. 15, ч. 1, л. 25 об. Заверенная копия.

⁶ Там же, л. 26.

⁷ Там же, л. 28 об.

ря и свиты, получив на это предварительное согласие “у правительства тамошняго”. Умерших или “зделавшихся почему-либо неспособными” членов Духовной Миссии можно было заменять новыми людьми из Иркутска, после получения соответствующего повеления из Синода⁸.

Вскоре был определен и поименный состав 9-й Российской Духовной Миссии. В указе Синода (от 19 мая 1805 г.) в адрес Коллегии иностранных дел говорилось, что в Духовную Миссию назначены: “во архимандрита второ-класнаго Тихвина монастыря иеромонах Аполлос⁹, которой в сей сан им преосвященным [членом Синода, преосвященным Амвросием, митрополитом Новгородским. — И. М.] сего месяца 17 числа и произведен, да и из находящихся в Александровской лавре иеромонахи Серафим и Аркадий, иеродиакон Нектарий, в церковники Александровской академии, ученики реторики Василий Яфицкий и поэзии Константин Пальмовский, в студенты из философии Ефим Ярославский и Маркел Лавровский”¹⁰. Что касается названных в списке учеников, то их состав впоследствии неоднократно изменялся (см. далее).

⁸ Там же, л. 28 об. — 29.

⁹ Архим. Аполлос (Алексеев) — сын малороссийского священника, окончил Черниговскую семинарию, принял постриг в 1803 г., посвящен в архимандриты в 1805 г. (*Геннадий Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX ст. и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876—1908. Т. 2. С. 38). После его замены архимандритом Иакинфом на посту главы 9-й Российской Духовной Миссии в Пекине был оставлен в Иркутске и в 1807 г. определен учителем богословия в семинарии. О дальнейшей судьбе о. Аполлоса см. там же. Умер архим. Аполлос в 1859 г. в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре на покое (там же).

¹⁰ Согласно заключительной части 5-й статьи Кяхтинского договора 1727 г. (см.: Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958 г. С. 19), в состав Миссий были включены четыре ученика. Двое из них — молодые сотрудники Коллегии иностранных дел к тому времени уже довольно хорошо знавшие маньчжурский язык. Поэтому А. А. Чарто-

В указе также было сказано, что возглавившему 9-ю Российскую Духовную Миссию архимандриту Аполлосу "по прежнему примеру" вручена из Синода инструкция относительно того, "каким образом ему и свите его в Пекине поступать". С прочих членов Духовной Миссии в канцелярии Синода была взята подписка о послушании и повиновении своему начальнику и соблюдении "порядочного" поведения. Все включенные в состав Духовной Миссии лица, передавались в распоряжение Коллегии иностранных дел вместе с их послужными списками и указом Синода¹¹.

Между тем, 9 мая в Урге было получено письмо иркутского вице-губернатора А. А. Шишкова (от 27 апреля) с извещением о прибытии посольства и вместе с ним очередной 9-й смены Российской Духовной Миссии. Ознакомившись с содержанием этого письма, ургинские пограничные правители немедленно направили императору Юн Яню "всепопданнейший доклад" (от 12 мая). Решение вопросов, затронутых ваном и амбанем в этом докладе, потребовало длительной переписки между российской и китайской сторонами (а также между Ургой и Пекином). В итоге российское посольство впоследствии было вынуждено возвратиться из Урги (из-за отказа посла исполнить в Урге придворную церемонию "коутоу" перед столом с курящимися благовониями, символизирующими личность императора), а 9-я Российская Духовная Миссия на длительное время задержаться на русско-китайской границе.

рынский именно им отдал предпочтение и направил в Китай для усовершенствования своих знаний (АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823, д. 1, п. 15, ч. 1, л. 37 об. Подлинник).

¹¹ Там же, л. 38 об. — 39.

В вышеупомянутом докладе ургинские пограничные правители, среди прочего, обратили внимание цинского императора на следующие моменты. Они писали: "Надо принять во внимание то обстоятельство, что великий посол Российского государства (Ю. А. Головкин, — И. М.) впервые прибывает ко двору, к тому же, люди, находящиеся в его свите, не знают ни маньчжурского, ни монгольского языков¹², велико также число сопровождающих лиц. В настоящее время мы, Ваши ничтожные слуги, хорошенько поразмыслили над тем, о чем сообщается в письме [вице-] губернатора и пришли к такому заключению. Хотя в письме и приводятся сведения о главе посольства, количестве требующегося скота и лошадей, однако не говорится, из каких предметов состоит дань¹³. К тому же, русские, воспользовавшись тем, что они будут представлять дань, захватили с собой учеников. Совершенно очевидно, что они хотят, без конца напоминая об отправлении в Трибунал просьбы по этому вопросу, добиться особой милости императора и получить для себя выгоду.

Из документов нашей Канцелярии следует, что со времени последней замены русских учеников прошло 11 лет, и что все расходы, связанные с заменой учеников, ранее производились за счет самих русских, а из Трибунала присылались только писарь и урядник, которые охраняли их по дороге в оба конца и при этом русским никогда не предоставлялся скот, имеющийся на наших почтовых

¹² Это не соответствовало действительности. В свите посла имелись переводчики маньчжурского и монгольского языков, но в Урге этого не могли знать, поскольку туда еще не был послан список состава российского посольства.

¹³ Так в маньчжурских и китайских документах в цинском Китае назывались подарки, привозимые посольствами из России и других государств. Это являлось отражением китаецентристских взглядов Китайской империи, не рассматривавшей своих соседей, как равных себе.

станциях. Мы, ваши ничтожные слуги, всеподданнейше ожидаем указа относительно того, как нам поступить на сей раз”¹⁴.

Ответ на представленный доклад был получен в Урге 10 июня. В указе императора Юн Яня (от 26 мая 1805 г.) говорилось следующее о том, как поступить с приездом в Пекин 9-й Российской Духовной Миссии: “... Это единственный случай, когда русские обратились с просьбой уведомить великий Трибунал о том, что они, воспользовавшись данным благоприятным обстоятельством, захватили с собой священников и учеников для замены прежнего состава [Российской Духовной Миссии]. Раньше подобного обычая не было, поэтому только решительным отказом можно будет пресечь намерение людей иностранного государства постепенно выведать [наши дела]”¹⁵. Таким образом, уже в этом указе цинское правительство проявило подозрительность ко всему, что хотя бы в какой-то мере нарушало прежде принятые порядок и традиции, а также страх, что какие-то государственные секреты станут достоянием членов Духовной Миссии.

Одновременно в Сенат был послан лист Лифаньюаня (от 26 мая 1805 г.) с отказом принять очередную смену Российской Духовной Миссии с посольством. В листе, который был получен в Санкт-Петербурге 24 июня, говорится, что “по введенному до сего обыкновению Российское государство как священников, так и учеников

¹⁴ ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. N 639, л. 96—97. Запись в журнале Канцелярии ургинских пограничных правителей на маньчжурском яз. Перев. И. Т. Мороз.

¹⁵ Там же, л. 124—125. Перев. с маньж. яз. И. Т. Мороз. Тексты указов цинского императора присылались в Ургу в Предписаниях из Военного совета Цинской империи (по-кит. : Цзюньцзинчу). Ургинским вану и амбаню также в обязательном порядке направлялись копии листов Сената и Лифаньюаня для ознакомления.

в столичный город Пекин доставляло на своем кочте (коште. — И. М.) и что при отправлении их предварительно сообщается было великому Трибуналу". И далее: "... И когда оне прибыли на своем кочте под охранением нашим в столичный город Пекин, то в Посольском дворе им определено жительство иметь, равным образом давано было по обыкновению и кормовое жалованье. Но того никогда не бывало, чтоб по почтовым станкам они доставляемы были". И далее: "А поелику наше великое Дайцинское государство обще с вашим Российским государством на нынешних годах все дела исправляют с наблюдением прежде утвержденного мирного договора, то и неудобно российских священников и учеников ныне с послом отправить. Но есть ли угодно будет переменить священников и учеников, то поступать таким же образом, как и прежде переменили"¹⁶. Заканчивается лист словами: "Но ныне с вашим послом отправленные чинить остановитесь"¹⁷.

Вслед за получением указа императора Юн Яня и копии листа Лифаньюаня в Сенат с отказом принять Российскую Духовную Миссию вместе с посольством из Урги был прислан ответ (от 14 июня) иркутскому вице-губернатору А. А. Шишкову на упомянутое выше его письмо (от 27 апреля). Однако в нем ван и амбань не упоминали о каких-либо нарушениях с российской стороны, связанных с прибытием в Пекин Духовной Миссии¹⁸.

¹⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 266—266 об. Перев. с подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева. Тексты листов Лифаньюаня обычно составлялись на трех языках: русском, маньчжурском и латинском. Здесь и далее мы цитируем переводы с маньчжурского, сделанные бывшим учеником 6-й Российской Духовной Миссии переводчиком Иркутской губернской канцелярии Алексеем Парышевым, поскольку тексты листов на русском языке малопонятны (отражают низкий уровень знания русского языка в Китае того времени).

¹⁷ Там же, л. 267.

¹⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805, д. 1-а, п. 22 л. 100—102. Перев. с подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

Лист Лифаньюаня в Сенат с отказом был получен в Санкт-Петербурге 24 июня. Но еще до этого в Лифаньюань из Сената был послан лист (от 18 июня 1805 г.), где сообщалось об отправлении в Пекин согласно Кяхтинскому договору 1727 г. чрезвычайного и полномочного посла и вместе с ним новой Духовной Миссии, чтобы “находящегося там для службы Божией грека российского исповедания старшаго священника Софрония с причетником Богородским и с учениками Павлом Каменским, Степаном Липовцовым, Иваном Малышевым и Василием Новоселовым в разсуждении долговременнаго их там пребывания возвратить в свое отечество”¹⁹.

В листе были названы имена и сан направлявшихся в Пекин членов очередного состава Духовной Миссии. Приведенный при этом список отличается от того, который был ранее в указе Синода от 19 мая 1805 г. В новом списке значатся: “Три священника: старший Аполлос и два младшие — Серафим и Аркадий, иеродиакон Нектарий, два церковнослужителя Василий Яфицкий и Константин Пальмовский, да для обучения китайскому и манджурскому языкам ученики Михайла Сипаков, Лев Зимайлов, Патрикий Политковский и Маркел Лавровский”²⁰. Сенат также обращался в Лифаньюань с просьбой “исходатайствовать у его богдыханова величества повеление,” чтобы прежний состав Российской Миссии был отправлен назад вместе с посольством Ю. А. Головкина “и до границ

¹⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 17. Подлинник.

²⁰ Изменения в приведенном Списке следующие: ученики Василий Яфицкий и Константин Пальмовский названы в новом списке церковнослужителями; в список учеников включены новые фамилии: Михаил Сипаков, Лев Зимайлов, Патрикий Политковский. В списке учеников оставлен Маркел Лавровский, исключен из списка Ефим Ярославский.

российских препровождены со всякою свободою и вспоможением, а чтобы назначенные вновь на их места священники, в числе коих старшим Аполлос со иеродиаконом, церковнослужителями и учениками дружелюбно были приняты", "благоволительно содержаны... и защищаемы по справедливости, как того требует существующая между обеими империями соседственная дружба и доброе согласие"²¹.

В рескрипте императора Александра I (от 24 июня 1805 г.) послу Ю. А. Головкину (получен им 27 июня) были названы те же, что и в вышеприведенном листе, имена лиц, включенных в состав 9-й Российской Духовной Миссии: архимандрит Аполлос именуемый старшим священником, два иеромонаха — Серафим и Аркадий, иеродиакон Нектарий и два церковника — Василий Яфицкий и Константин Пальмовский.

Из этого же рескрипта мы узнаем, что в качестве учеников в Пекин едут: переводчик Коллегии иностранных дел Михайло Сипаков, актуариусы Лев Зимайлов и Патрикий Политковский и семинарист Маркел Лавровский.

Здесь же сообщается, что всем членам Духовной Миссии выдано жалованье за год вперед вместе с путевыми и прогонными деньгами, а за остальные 4 года (что вместе составляло половину времени их пребывания в Пекине) они получают серебром по приезде в Иркутск. В рескрипте также давалось указание о выдаче жалованья членам 8-й Российской Духовной Миссии (с 30 января 1805 г. по 30 января 1807 г.), а также прогонных денег на обратную дорогу. Лист Сената в Лифаньюань (см. выше),

²¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 17 об. — 18. Подлинник.

который прилагался к рескрипту, Ю. А. Головкин должен был "обыкновенным порядком немедленно по прибытии в Пекин подать". При отъезде из столицы Цинской империи российскому послу повелевалось дать подробное наставление архимандриту Аполлосу "по местным" сведениям²².

В этот же день (24 июня) вышел указ Коллегии иностранных дел архимандриту Аполлосу в связи с назначением его главой 9-й Российской Духовной Миссии в Пекине. Указом ему предписывалось именовать себя в Китае не архимандритом, а старшим священником, и другим членам Духовной Миссии именовать себя так, как они названы в листе Сената. Здесь же определялась сумма на содержание всех членов Духовной Миссии. В указе говорилось также, что архимандрит Аполлос должен исполнять все указания Ю. А. Головкина во время следования Духовной Миссии в Пекин и во время пребывания там российского посла, а после его отъезда руководствоваться данными им наставлениями²³.

²² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 247—248. Подлинник.

²³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 63—66. Отпуск. В одном из пунктов инструкции императора Александра I (от 6 июля 1805 г.), врученной Ю. А. Головкину после назначения его послом в Китай, сказано: "... В Пекине из давних лет пребывает Духовная наша миссия, но пользы от оной никакой по сие время извлекаемо не было от нерадения ли самих миссионеров или от того, что по неимению прямого понятия о том крае инструкции, коими снабжали их, были весьма недостаточны; а потому имеете до отъезда вашего из Пекина снабдить архимандрита, которой туда отправляется, теми наставлениями, кои для пользы службы признаете вы нужными, сообразно с местными тамошними обстоятельствами". Головкину предписывалось также осмотреть принадлежащие Миссии здания и стараться исходатайствовать позволение прибывающему архимандриту присылать, по крайней мере 4 раза в год рапорты в Коллегию иностранных дел. Архимандриту разрешалось отсылать в Россию для наказания, если "кто-либо из составляющих сию Миссию сделался недостойным оставаться в Пекине", а на

19 июля 1805 г. Ю. А. Головкин, который уже находился в пути, прислал из Владимира товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому депешу, в которой он (после получения копии листа Лифаньюаня в Сенат) высказал свои соображения по составлению ответа цинской стороне в связи с отказом принять очередную смену Российской Духовной Миссии вместе с посольством, а также относительно требований ургинских пограничных правителей сократить свиту посла и предоставить им список подарков²⁴. К депеше была приложена записка посла с предложениями по составлению ответа цинской стороне²⁵.

2 августа 1805 года последовал рескрипт императора Александра I российскому послу в Китай Ю. А. Головкину. В нем говорилось, что в его адрес отослан вместо врученного ранее другой лист Сената в Лифаньюань (см. ниже) относительно отправления Духовной Миссии и учеников. Рескриптом повелевалось прежний лист Сената возвратить в Коллегию иностранных дел, сообщалось, что наем подвод для дальнейшего отправления с границы Духовной Миссии следует поручить генерал-губернатору Восточной Сибири И. О. Селифонтову. В конце рескрипта говорилось: "В рассуждении же денежных на то расходов дано уже предписание товарища министра финансов. Впрочем, Вы не оставите уведомить о том архимандрита Аполлоса, предписав ему, чтоб не ожидая приезда вашего, следовал далее за границу"²⁶.

место выбывшего — присылать из России замену (АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805 г., д. N 1-а, п. 20, л. 105 об. — 106 об. Подлинник).

²⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805 г., д. 1-а, п. 24, л. 18-20. Подлинник на фр. яз. Перев. с фр. яз. Н. Б. Зубкова.

²⁵ Там же, л. 24—27. Отпуск.

²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 282—282 об. Подлинник.

Приложенный к рескрипту лист Сената (от 2 августа 1805 г.) в Лифаньюань содержал просьбу принять очередную, 9-ю Российскую Духовную Миссию на обычных основаниях отдельно от посольства Ю. А. Головкина. В нем говорилось, что отправляя духовную свиту и учеников в одно время с посольством “никак не имели мы намерения удалиться от утвержденных между обоими государствами по сему предмету постановлений, коих сохранение и ненарушимость мы свято почитаем, но единственно желаем воспользоваться таковым удобным случаем для избежания двукратного с границы отправления и затруднения, от того последовать долженствующих, равномерно дабы заменить оным духовенством то число священников и церковнослужителей, которые непременно должны находиться в пути при толь знатном и многолюдном посольстве”²⁷. В листе вновь приводились списки членов 8-й и 9-й Духовных Миссий и содержалась просьба исходатайствовать у китайского императора повеление, чтобы “священник Софроний с церковником и учениками по прибытии новой [миссии] были отпущены и до границ российских препровождены со всякою свободою и вспоможением”, а вновь назначенные на их место члены Духовной Миссии были дружелюбно приняты и во все время их пребывания в Пекине “благоволительно содержаны”²⁸.

После двухмесячного путешествия Ю. А. Головкин (как уже говорилось, отправившийся в путь с последней партией) прибыл в Иркутск и начал подготовку к переезду в Кяхту, о чем и представил реляцию (от 13 сентября 1805 г.) императору Александру I²⁹. В этот же день он

²⁷ Там же, л. 417. Подлинник.

²⁸ Там же, л. 418.

²⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805 г., д. 1-а, п. 24, л. 87—92 об. Подлинник на фр. яз. Перев. с фр. яз. Н. Б. Зубкова.

послал извещение ургинским вану и амбаню о приостановлении отправления Духовной Миссии в Пекин до получения соответствующего предписания Лифаньюаня, разрешающего пропуск через границу. В связи с этим, писал далее Ю. А. Головкин, при нем будут находиться лишь три священнослужителя для совершения богослужений в пути. В письме шла речь и о невозможности исполнить требование ургинских пограничных правителей о сокращении числа сопровождающих посольство лиц без повеления на то российского императора, а также о других делах³⁰.

5 октября 1805 г. в 5 часов дня российский посол Ю. А. Головкин прибыл наконец в Троицкосавскую крепость, расположенную на русско-китайской границе в 3-х верстах севернее Кяхты. Здесь посольство было вынуждено задержаться на два с половиной месяца. Это было связано с перепиской и переговорами с ургинскими пограничными правителями, а также с перепиской Сената и Лифаньюаня по поводу требования цинской стороны значительно сократить свиту посольства, отказа принять вместе с посольством очередную смену Российской Духовной Миссии и по другим вопросам. Члены Духовной Миссии оставались в Иркутске.

Уже из Троицкосавска Ю. А. Головкин, предвидя, что пройдет немало времени до отправления Духовной Миссии, обратился к обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну с рекомендацией назначить главой 9-й Миссии архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря Иакинфа вместо архимандрита Аполлоса. По этому поводу он писал: "Назначение архимандрита в помянутую миссию весьма важно и по посту сему и по тем поручениям, кои на него

³⁰ Там же, л. 74—76 об.

возложены. Для исполнения оных обязанностей потребны великия дарования, коих в Аполлосе я не заметил. Сии причины побуждают меня представить вашему сиятельству, не признаете ли за полезное избрать на место его другого и при сем случае рекомендовать иркутского Воскресенского монастыря архимандрита Иакинфа, как человека достойного дарованиями своими”³¹.

Казалось бы, вопрос об отправке 9-й Российской Духовной Миссии был решен после того, как в Лифаньюань был направлен лист Сената (от 2 августа 1805 г.) с соглашением послать ее в Пекин по обычным правилам, отдельно от посольства. Однако 20 октября в Урге было получено предписание Военного совета с указом императора Юн Яня (от 17 октября 1805 г.) с повелением возвратить лист Сената обратно. В указе было сказано: “В листе, недавно присланном русскими, мой титул и слово “указ” расположены в тексте ниже титулатуры их хана”. Кроме того, указывалось, что якобы “в листе Сената совершенно определенно не сообщается, поедут ли на сей раз вместе с их посольством священники и ученики в Пекин для замены. Из опасения, что русские имеют какие-то тайные намерения, я повелел Лифаньюаню отправить данный лист обратно”³².

Одновременно в Ургу для дальнейшего препровождения в Сенат был доставлен лист Лифаньюаня (от 17 октября) относительно возвращения листа Сената (от 2 августа) под предлогом того, что в нем “весьма глухо и неясно написано” о том, посылается Духовная Миссия одновременно с послом или после, а также, что нарушено

³¹ Там же, л. 693. Запись в журнале посольской канцелярии. Подробнее об о. Иакинфе см. ст. С. Л. Тихвинского и Г. Н. Песковой, а также В. С. Мясникова в настоящем сборнике.

³² ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. 639, л. 365—367. Перев. с маньчж. яз. И. Т. Мороз.

принятое написание титулатуры цинского императора в тексте листа на маньчжурском языке³³.

В конце концов, 20 декабря 1805 г. после длительной переписки и переговоров (значительно сокращенное, без членов научной экспедиции и без Духовной Миссии) посольство вступило на территорию цинской империи. В Ургу оно прибыло 2 января 1806 г. Здесь Ю. А. Головкин вновь вел длительные и бесплодные переговоры с ургинскими пограничными правителями. Из-за его отказа исполнить придворную церемонию “коуту” (о чем говорилось выше) посольство было вынуждено покинуть Ургу. Посол с частью своей свиты возвратился в Троицкосавск 11 февраля 1806 г., а 23 числа того же месяца отбыл в Иркутск. Здесь он по повелению императора Александра I должен был остаться на некоторое время в звании полномочного и чрезвычайного посла до окончания переписки российского и цинского правительств о причинах срыва посольства, до отправления в Пекин 9-й Российской Духовной Миссии и окончания переговоров относительно кораблей И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, арестованных в китайском порту Гуанчжоу (Кантон).

Получив обратно свой лист от 2 августа 1805 г. (с просьбой принять Духовную Миссию на обычных основаниях, отдельно от посольства) и лист Лифаньюаня от 17 октября того же года (о возвращении вышеназванного листа Сената под предлогом нарушения принятого написания титулатуры богдыхана на маньчжурском языке), Сенат посылает в Лифаньюань два ответных листа относительно все еще находящейся в российских пределах Духовной Миссии. В первом из них (от 2 марта 1806 г.) Сенат (со

³³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 322. Перев. с подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

ссылкой на свои предыдущие листы, в которых были объяснены причины отправления Духовной Миссии с посольством) вновь просит исходатайствовать у цинского императора повеление на отъезд из Пекина 8-й Российской Духовной Миссии и препровождение ее до русско-китайской границы "со всякою свободою и вспоможением". Сенат также просит новую, 9-ю Российскую Духовную Миссию дружелюбно принять и "благоволительно" содержать во все время ее пребывания в Пекине. Приведенный в листе список учеников претерпел небольшое изменение. Что же касается нарушения в написании титулатуры богдыхана, то это, уверял сенатский лист, произошло "единственно от ошибки переводчика"³⁴. Второй лист Сената (от 2 июля 1806 г.) по содержанию практически идентичен листу от 2 марта 1806 г. и отличается единственно тем, что в нем приведена фамилия нового ученика, отправляемого в Пекин — Евграф Громов (вместо Политковского)³⁵.

К осени 1806 г. переписка между обеими сторонами, связанная с вынужденным возвращением российского посольства из Урги, в основном, закончилась, корабли И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского были отпущены цинскими властями из Гуанчжоу и уже прибыли в Кронштадт, а из Сената отправлены в Лифаньюань два новых листа с просьбой о замене старого состава Российской Духовной Миссии в Пекине. В связи с этим император Александр I издал рескрипт (от 20 августа 1806 г.), повелев отозвать Ю. А. Головкина и все посольство из Сибири в Санкт-Петербург³⁶. В ноябре посол вместе с частью сви-

³⁴ Там же, л. 420—422 об. Проект (он же отпуск); на л. 421 об. вместо фамилии Политковского оставлен пропуск.

³⁵ Там же, л. 361—362. Отпуск. Автограф А. Г. Владыкина.

³⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-7, оп. 6, 1805 г., д. 1-а, п. 27, л. 557 — 558 об. Подлинник.

ты (некоторые члены посольства уехали раньше) выехал из Иркутска.

После отъезда из Иркутска посольства Ю. А. Головкина переписка по поводу отправления в Пекин Духовной Миссии вновь возобновляется по инициативе цинской стороны. Император Юн Янь, ознакомившись с листом (от 2 марта), содержащим просьбу о замене “священников” и учеников, издает указ (от 28 сентября 1806 г.), который был получен в Урге 14 октября. В указе говорится, что необходимо вновь отправить лист Лифаньюаня в Сенат, “поскольку в [сенатском] листе очень много неясных мест”³⁷. В указе ургинским пограничным правителям не разъяснялось, что это за “неясные места”, но они уведомлялись, что в Сенат отправлен лист (от 28 сентября), где указано “все, что нам неясно”³⁸.

Этот лист Лифаньюаня содержал чисто формальные претензии, поскольку все, о чем там спрашивалось, было хорошо известно цинской стороне из предыдущих листов Сената и писем местной сибирской администрации. В листе говорилось: “[Вы] нисколько не упомянули о том, что ваших священников и учеников наступило время переменить, и не просили великаго и премудраго государя, чтоб, оказав милость, позволили переменить, притом не сказали и того, что где и в каком месте на границе те священники и ученики, которые на перемену следуют остаются, ожидая отправки. Ежели по прозбе вашей учинить позволение, но в вашем листе не изъяснено того, как, на своем ли кочте отправляете, или инако, о том весьма темно сказано”³⁹. Поэтому, утверждается в листе, Лифаньюань и не

³⁷ ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. 651, л. 277. Перев. с маньчж. яз. И. Т. Мороз.

³⁸ Там же.

³⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг. д. 1, л. 380—380 об. Перев. подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

отважился представить лист Сената цинскому императору. Далее в листе было написано: "Ежели и подлинно наступило время переменить ваших священников и учеников, и буде вы о перемене новых священников и учеников желаете просить, то изъяснив так, как и пред сим по утвержденному договору с испрашиванием перемены, лист пришлите. И когда вы лист доставите, то мы, Трибунал, великому премудрому государю с испрашиванием соизволения представим"⁴⁰.

В докладной записке министра иностранных дел А. Я. Будберга⁴¹ императору Александру I (декабрь 1806 г.) изложен ход переписки с цинской стороной по поводу очередной смены Российской Духовной Миссии в Пекине. В отношении последнего листа Лифаньюаня он отметил следующие указанные китайцами неясности в листе Сената и пункты, на которые они требуют пояснения: "1. Не упомянуто о причине перемены Духовной Миссии. 2. Не просили у богдыхана позволения переменить оную. 3. Не сказано, в каком месте на границе будет она ожидать разрешения. 4. Не объяснено, на своем ли коште поедут, или иначе"⁴².

В итоге Будберг делает такой вывод: "Хотя трудно определить истинную причину затруднений, оказываемых со стороны китайского правительства, в деле столь мало подверженном сомнению, или ложным толкованиям, но входя в рассмотрение неприятных обстоятельств, встретившихся при въезде посольства нашего в китайския границы, я побуждаюсь заключить, что взаимныя сии

⁴⁰ Там же, л. 381

⁴¹ Будберг Андрей Яковлевич — министр иностранных дел с 17 июня 1806 г. по 30 августа 1807 г.

⁴² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 407 об. — 408. Подлинник.

неприятности произвели некоторое охлаждение и недоверчивость, весьма свойственную китайцам, усугубили чрез опасение разрыва со стороны России.

А потому я почитаю нужным стараться благовидным образом прекратить сию недоверчивость китайцев чрез откровенное с нашей стороны с ними обхождение. Удовлетворив в полной мере любопытство пекинского Трибунала на все присланные от него вопросы, наконец, может быть узнаем мы точные к нам расположения китайского двора”⁴³.

Идя навстречу вышеупомянутым претензиям цинского правительства, Сенат отправил лист (от 8 февраля 1807 г.), где были скрупулезно разъяснены все вопросы поставленные Лифаньюанем, и опять (в который раз!) содержалась просьба “исходатайствовать у его богдыханова величества повеления” о возвращении 8-й и прибытии в Пекин 9-й Российской Духовной Миссии. В листе вновь был приведен список личного состава обеих Духовных Миссий⁴⁴.

⁴³ Там же, л. 411—412.

⁴⁴ Среди переписки секретаря Коллегии иностранных дел с начальником Азиатского департамента С. М. Броневским об оформлении указанных документов (там же, л. 162—174 об.) имеется письмо Иванова (его должность неизвестна) от 4 февраля 1807 г., в котором содержатся сведения о порядке вручения цинскому правительству представительных документов Начальником Российской Духовной Миссии: “Прежде сего рекомендательные от имени Правительствующаго Сената листы в китайской Трибунал об отправляемых в Пекин Духовных Миссиях наших обыкновенно архимандритам самим давались здесь в руки, с них посылались только копии для сведения в Иркутск к тамошним генерал-губернаторам при рескриптах...” (там же, л. 162). После назначения архимандрита Иакинфа вместо Аполлоса (см. ниже) аналогичный рекомендательный лист был вручен и ему для подачи в Лифаньюань. Лист в фонде не сохранился, он был отправлен из Коллегии иностранных дел при отношении к сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю от 30 июня 1807 г. (там же, л. 190).

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов следует, что при отъезде из Санкт-Петербурга в 1805 г. архимандрит Аполлос не был снабжен Коллегией иностранных дел необходимыми для прибытия в Китай документами. С просьбой о присылке нужных документов Аполлос вынужден был обращаться в Коллегию иностранных дел, уже находясь в Сибири (6 ноября 1806 г.)⁴⁵. И лишь весной следующего года в Иркутске был получен лист Сената в Лифаньюань (от 20 марта 1807 г.) с рекомендацией архимандрита Аполлоса в качестве главы 9-й Российской Духовной Миссии в Пекине⁴⁶. Он был доставлен при рескрипте императора Александра I (также от 20 марта 1807 г.) сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю. Одновременно прибыли и другие необходимые архимандриту Аполлосу документы, заготовленные Коллегией иностранных дел: паспорт Аполлосу как главе 9-й Российской Духовной Миссии и инструкция.

В инструкции, присланной архимандриту Аполлосу, Коллегия иностранных дел давала ряд рекомендаций о порядке выдачи жалованья членам бывшей и настоящей Духовной Миссии, о приеме имущества у Начальника прежней Миссии в Пекине, надзоре за учениками и пр.⁴⁷

С той же почтой было получено письмо министра иностранных дел А. Я. Будберга (от 15 февраля 1807 г.) сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю, посвященное выяснению причин проволочки с отправлением в Пекин 9-й Российской Духовной Миссии. В конце письма А. Я. Будберг пишет: "... остается обширное поле к догад-

⁴⁵ Там же, л. 132.

⁴⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 220—221 об. Отпуск.

⁴⁷ Там же, л. 228—240 об.

кам, которыя никем лучше пополнены быть не могут, как вашим пр[евосходительство]м по местным сведениям и слухам, до вас доходящим. А между тем при искреннем желании российского двора сохранить доброе согласие с китайцами, не менее нужно было заметить им неосновательность их требований, буде они руководствовались в сем случае всегдашним уважением их к святости и ненарушимости древних обрядов, чего, однако, в сем поступке не примечается. Напротив того, остается сомнение, едва ли обоюдныя неприятности, бывшия при встрече нашего посольства в Урге, не произвели в них охлаждения к России, от коей может быть они опасаются каких-либо тайных видов, в отмщение за худой прием посольства. В таком случае желательно бы было прекратить все причины и обстоятельства, могущия продлить взаимную недоверчивость, толико невыгодную для обеих держав. Я уже имел честь неоднократно сообщить вам, м[илостивому] г[осударю] моему, что в сем единственно состоит высочайшее желание его вел[ичества]..."⁴⁸

Следует подчеркнуть, что и китайская сторона, по видимому, не желая осложнения отношений с Россией, предприняла ряд шагов для сглаживания отношений в связи с возвратом из Урги посольства Головкина и волокитой со сменой состава Российской Духовной Миссии в Пекине.

Об этом, например, свидетельствует секретный рапорт курьера титулярного советника и переводчика с монгольского языка Ф. Санжихаева (от 25 апреля), обычно отвозившего ургинским пограничным правителям листы Сената, письма и другие документы по приказанию иркутского начальства и посла (курьер прибыл в Ургу 9 апреля,

⁴⁸ Там же, л. 183 об. — 185 об. Утвержденный проект (он же отпуск).

11 выехал и в Кяхту вернулся 14 апреля). В рапорте говорится, что, начиная от китайского кяхтинского царгучи, который курьеру, сверх обыкновения, для следования в Ургу дал коляску, и включая ургинских вана и амбаня, был принят "очень ласково". При вручении курьеру ответного письма ван и амбань "приказали свидетельствовать господину губернатору свое почтение и что они очень довольны, что господин губернатор соответственно существующему между обеими империями доброму согласию письмом своим извещает их о содержании сенатского листа, что принимают они знаком доброй дружбы"⁴⁹. Далее в рапорте говорится о недовольстве китайской стороны срывом посольства Головкина и что "ежели бы российский двор вздумал и еще повторить посольство, то уже китайцы примут, не делавши принуждения к национальным их обрядам, что многократно ими было повторяемо"⁵⁰.

Что касается Духовной Миссии, то курьер пишет, что "предпринимают они прежния положения, говорят, что уже дело сие обыкновенное, а не новое, продолжение же время по сему было единственно от разстройства посольства"⁵¹. Переписка между российскими и цинскими ведомствами приняла более оживленный и деловой характер. Тон отправляемых сторонами писем становился все более теплым и дружественным.

8 мая ургинские пограничные правители получили предписание Военного совета с указом императора Юн Яня (от 25 апреля 1807 г.). В нем говорилось: "С тех пор как русские священники и ученики прибыли в Пекин, прошло

⁴⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив. IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 439. Подлинник.

⁵⁰ Там же, л. 440.

⁵¹ Там же, л. 440 об.

много лет, и по закону их следует заменить. Поэтому уже издан указ императора, повелевающий исполнить просьбу и произвести замену”⁵². В указе говорилось об отправлении листа Лифаньюаня в Сенат с согласием произвести в Пекине замену Духовной Миссии и повелевалось представить срочное донесение после получения в Урге уведомления о времени отправления Духовной Миссии и времени ее прибытия в Кяхту. Помимо этого в указе было сказано: “Если на этот раз русские, воспользовавшись тем, что их просьба исполнена и им позволено произвести замену священников и учеников, вновь обратятся с просьбой одновременно с ним отправить послов для представления дани, [ван] Юндендорж должен будет дать на это решительный отказ. Ни в коем случае нельзя соглашаться на их совместное прибытие”⁵³.

В листе Лифаньюаня (от 25 апреля 1807 г. ; получен в Урге 8 мая) о согласии принять очередную смену Российской Духовной Миссии в Пекине, среди прочего говорилось, что “великий и премудрый” цинский император повелел следующее: “Поелику нынешние российские священники и ученики в Пекине находятся десять лет с прибавою, то милость им оказывая, по прозьбе их, позволить переменить”⁵⁴. Кроме этого Лифаньюань просил осведомить ургинских вана и амбана “какой степени человек для препровождения их будет назначен” и время отправления новой Духовной Миссии⁵⁵. Вместе с тем в листе подчер-

⁵² ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. 663, л. 59. Перев. с маньчж. яз. И. Т. Мороз.

⁵³ Там же, л. 60.

⁵⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 441. Перев. с подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

⁵⁵ Там же, л. 447 об.

нивалось, что новая смена Российской Духовной Миссии должна следовать в Пекин на своем коште⁵⁶.

Как уже говорилось ранее, Ю. А. Головкин еще 17 октября 1805 г. направил в Синод письмо с рекомендацией назначить вместо архимандрита Аполлоса архимандрита иркутского Вознесенского монастыря Иакинфа. Наконец, когда Ю. А. Головкин уже возвратился в Санкт-Петербург, последовал указ Синода в адрес Коллегии иностранных дел (от 12 апреля 1807 г.) со ссылкой на указ императора Александра I о назначении вместо архимандрита Аполлоса главой 9-й Российской Духовной Миссии архимандрита Иакинфа⁵⁷.

В качестве обоснования замены Синод указывает на неоднократные донесения графа Ю. А. Головкина и жалобу "монашествующих". Синод распорядился объявить Аполлосу о его смещении с должности, отобрать у него и возвратить обратно все полученные ранее документы. Напомним, что незадолго до этого все необходимые при назначении нового Начальника Российской Духовной Миссии документы были отосланы в Лифаньюань и архимандриту Аполлосу.

В отношении его дальнейшего местопребывания в указе говорилось: "А где ему, Аполлосу, в тамошней епархии иметь житительство и какую возложить на него должность, предоставить рассмотрению преосвященнаго иркутскаго [архиерея. — И. Т.] с тем, чтобы о поведении и о образе жизни его, архимандрита, репортовал по прошествии каждой трети года"⁵⁸.

⁵⁶ Там же, л. 448.

⁵⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 105, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 246—247 об. Подлинник.

⁵⁸ Там же, л. 246 об. — 247.

В указе Синода еще было сказано: “А таковое же высочайшее повеление архимандриту Иакинфу об отправлении его к Пекинской Духовной Миссии объявить, и объявлено ему указом из святейшаго Синода с приложением при оном на имя его, каким образом в отправлении ему возложенной на него при Пекинской Миссии должности поступать, апробованной святейшим Синодом инструкции и с упоминаемого доклада копии”. Этим же указом Синод повелел “предоставить распоряжению Коллегии иностранных дел” выдачу Иакинфу прогонных денег на семь лошадей от Тобольска, где в то время он находился, “а равно и отправление его, Иакинфа к Пекинской Миссии”⁵⁹.

7 мая 1807 г. в Лифаньюань был отослан лист Синода в котором сообщалось о замене ранее назначенного главы 9-й Российской Духовной Миссии: “Правительствующий Синод сообщил нам, что по болезненному состоянию Аполлоса [так в тексте. — *И. М.*], нужно бы определить его к другой, не столь трудной должности, ибо по донесениям иркутского губернатора он не в состоянии предпринять столь дальняго путешествия”. И далее: Мы “получили высочайшее повеление священника Аполлоса употребить к другой должности, а на место его назначить старшим священником к отправлению в Пекин с Духовною Миссиею тобольскаго Знаменскаго монастыря священника Иакинфа и, ни мало не медля, известить о сем пекинской Трибунал (Лифаньюань. — *И. М.*), внешняя провинция управляющий”⁶⁰. В конце листа Сенат просил дружелюбно принять “вышепомянутаго старшаго священника

⁵⁹ Там же, л. 247.

⁶⁰ Там же, л. 299 об. — 300. Отпуск.

Иакинфа", точно так, как об этом он просил "в разных листах" о священнике Аполлосе⁶¹.

В это же время шла оживленная переписка между иркутской администрацией и ургинскими пограничными правителями. Так, 11 мая ван и амбань (одновременно с листом Лифаньюаня в Сенат) послали иркутскому губернатору Н. И. Трескину письмо с просьбой известить их о составе новой Духовной Миссии, о времени ее прибытия на русско-китайскую границу и о других, связанных с Миссией вопросах⁶².

В ответном письме (от 24 мая) иркутский губернатор уведомил ургинских пограничных правителей, что назначенная в Пекин Духовная Миссия в прежнем составе во главе со старшим священником Аполлосом (всего 10 человек) уже давно находится в Иркутске, она снабжена рекомендательным листом из Сената в Лифаньюань, деньгами на проезд до Пекина и что они "отправлены отсель будут на границу в Кяхту непременно в будущем июне месяце"⁶³. О том же, кто будет сопровождать Духовную Миссию и сколько потребуется лошадей и рогатого скота на дорогу, Н. И. Трескин обещал уведомить Ургу некоторое время спустя. Иркутский губернатор в своем письме обратился с просьбой к вану и амбаню выслать на границу чиновника для сопровождения Духовной Миссии до Пекина "на собственном нашем коште"⁶⁴.

Примерно через месяц, отвечая на вопросы вана и амбаня, Н. И. Трескин посылает в Ургу еще одно письмо (от 27 июня), где приводит дополнительные, интересую-

⁶¹ Там же, л. 300 об.

⁶² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 444—444 об. Перев. с подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

⁶³ Там же, л. 457 об. Заверенная копия с отпуска.

⁶⁴ Там же, л. 457 об. — 458.

щие их сведения, связанные с отправлением Духовной Миссии. Он пишет, что “для препровождения сей Миссии определен мною приставом состоящий в ранге капитана Семен Первушин, при нем для исправления письменных дел в ранге офицера Михайло Попов, толмач Яков Бритюков, нижних служителей и работных 27 человек, лошадей и рогатого скота 275 голов”⁶⁵. Что же касается имен служителей и работников, то о них, пишет Трескин, будет сообщено через маймайчэнского царгучи позднее. В своем письме он также сообщил вану и амбаню о замене Аполлоса “по приключившейся ему жестокой неизлечимой болезни”, “старшим священником” Иакинфом, “который вместе с прочими отправлен отсель, будет в Кяхту непременно, как я вас и пред сим извещал, в нынешнем месяце, где исправясь они всем нужным, в дальнейший путь должны вступить в пределы вашего государства не прежде, как в течение августа месяца”⁶⁶. Иркутский губернатор в этом письме вновь повторил просьбу — принять и препроводить Миссию до Пекина и отдать своим людям соответствующие распоряжения.

В ответе вана и амбаня (от 10 июля) в адрес иркутского губернатора сообщалось, что “назначенные из Трибунала писцы” для сопровождения Духовной Миссии еще не прибыли в Ургу, но как только они прибудут, то их сразу же отправят на русско-китайскую границу в Кяхту. В своем письме ургинские пограничные правители успокоили Н. И. Трескина относительно дальнейшего продвижения Духовной Миссии по территории Цинской империи: “Во все места предписано, дабы они были охраняемы ис-

⁶⁵ Там же, л. 478. Заверенная копия с отпуска. В письме Трескина от 3 сентября эти цифры уточнены: всего отправляется 45 человек и 312 голов скота (там же, л. 523).

⁶⁶ Там же, л. 478 об.

правным порядком. И вы, господин губернатор, пребудете во всяком благонадежном расположении”⁶⁷.

27 июня 1807 г. из Сената посылается повторный лист в Лифаньюань с уведомлением об отправлении в Пекин очередной, 9-й Российской Духовной Миссии и с рекомендацией ее главы о. Иакинфа⁶⁸. Лист был составлен по распоряжению министра иностранных дел А. Я. Будберга дополнительно к листу Сената в Лифаньюань от 7 мая (получен в Иркутске 12 июня), поскольку, по мнению, высказанному сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем, последний являлся “известительным”, а не “рекомендательным и не годился для вручения Иакинфом цинскому правительству”⁶⁹. Вновь посылаемый лист содержал также просьбу “исходатайствовать у его богдыханова величества повеление” отпустить и препроводить до границы членов предыдущей, 8-й Российской Духовной Миссии “со всякою свободою и вспоможением”. Посылаемую же вместо нее Духовную Миссию дружелюбно принять⁷⁰.

17 сентября, то есть после двух с лишним лет, прошедших со времени отправления из Санкт-Петербурга, 9-я Российская Духовная Миссия отправилась в Китай.

⁶⁷ Там же, л. 480—481. Заверенная копия с перевода подлинника на маньчж. яз. Алексея Парышева.

⁶⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 280 — 281 об. Отпуск. В листе указан прежний (за исключением архимандрита Аполлоса) состав Духовной Миссии: “Старший священник Иакинф с двумя младшими, о коих прежде было писано, Серафимом и Аркадием, с иеродиаконом Нектарием и с двумя церковнослужителями — Василием Яфицким и Константином Пальмовским, да с ним же посланы для обучения китайскому и манджурскому языкам ученики: Михайло Сипаков, Лев Зимайлов, Евграф Громов и Маркел Лавровский (там же, л. 280 об.).

⁶⁹ Переписка по данному вопросу — АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 288 — 294.

⁷⁰ Там же, л. 280 об. — 281.

Миссию сопровождал назначенный сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем пристав Семен Первушин. В данной ему секретной инструкции (от 2 августа 1807 г.) предписывалось “сколько возможно входить в тонкое, но неприметное тамошнему жительству изведывание”. Далее следовал подробный перечень того, на что надо обратить особое внимание. Сюда входят такие вопросы, как отношение к русским местного населения, состоявшего из людей разных национальностей, деятельность в Пекине купцов “других наций”, особенно английских, наличие в Китае “каких прилипчивых болезней или заразительных поветрий, какого они рода”. Первушину также поручалось “познакомиться и жить в дружественном отношении с иезуитами..., но не веритьясь оным”, а также узнать каково положение оставшихся “для жительства в Пекине” некоторых лиц от посольства 1792 года. Мы не имеем возможности подробно изложить содержание этого весьма интересного документа. Ограничимся лишь тем, что он касается также перечня и качества ввозимых в Китай английских товаров, связей англичан с иезуитами в Пекине, положения на китайском рынке российских текстильных изделий, положения в Монголии, пребывания посольства Головкина в Урге, откликов на проблему посольства в Пекине⁷¹.

Миссию сопровождал также сотник Щукин — первый русский художник, побывавший в Китае. Ему была дана памятная “Записка”, в которой поручалось купить в Китае хороших красок, понаблюдать, как китайские художники составляют, разводят краски и рисуют и, проявляя

⁷¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 508—513. Заверенная копия.

осторожность, сделать зарисовки того, что ему покажется интересным и пр.⁷²

Провожали 9-ю Российскую Духовную Миссию из Троицкосавска торжественно. Вот как описывает эти проводы сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель⁷³. Он пишет: "... оная миссия 17-го сентября в провожании пограничных чиновников и конвоя из отборных казаков, выступив по полудни в 3 часу из Троицкосавска в Кяхтинской фарпост, при немалом стечении российского и китайского народа, шествовала в церковь, и по совершении установленных на путь литий, в 5 часов отправлена на границу, где присланным от китайского двора приставом и божком [урядником. — И. М.] принята благопристойно и препровождена до первого ночлега нашим же конвоем, состоявших из 10 человек при одном офицере, который по возвращении рапортовал, что на ночлеге китайским приставом в ставке его архимандрит Иакинф угощаем был ужином, а поутру архимандрит того пристава довольствовал закускою, и пристав сей объявлял, что на каждом станке для тепла будут ставлены по четыре войлочные мунгальския юрты"⁷⁴.

Через полчаса после отъезда Духовной Миссии в Троицкосавскую пограничную канцелярию был доставлен

⁷² [Инструкция] отправляющемуся при Духовной в Пекине Миссии казачьему сотнику Шукину. 1807 (Архив ПФ ИВ РАН, ф. 7, оп. 1, д. 38/1121, л. 20—21, 37—38 об. Копия; цит. по: Скачков П. Е. Очерки русского китаеведения. М., 1977, С. 371). К сожалению, результаты поездки Шукина в Китай пока неизвестны.

⁷³ Сведения получены И. Б. Пестелем из рапорта Иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, который, в свою очередь, написал рапорт на основании донесения, составленного Троицкосавской пограничной канцелярией. — АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 525.

⁷⁴ Там же, л. 525—525 об. Подлинник.

лист Сената в Лифаньюань (от 27 июля 1807 г.) об отправлении очередной смены Российской Духовной Миссии во главе с архимандритом Иакинфом, с просьбой исходатайствовать повеления цинского императора об отправлении 8-й и встрече 9-й смены Духовной Миссии (в листе приведены имена и фамилии лиц, находящихся в составе обеих миссий). С разрешения цинских пограничных начальников вдогонку был отправлен посыльный, который нагнал Духовную Миссию в 5 верстах от китайского пограничного города Маймайчэн и вручил лист лично о. Иакинфу⁷⁵.

29 сентября 9-я Российская Духовная Миссия благополучно добралась до Урги, и только 2 лошади "от повреждения" были проданы монголам. Пробыв в Урге 6 дней и оставив там часть ненужных вещей, как-то: пики, веревки, кожи крышечные, сухари, деготь, Миссия отправилась в дальнейший путь по избранной ургинскими пограничными правителями дороге Дархандзам. Монголы предупредили членов Духовной Миссии о том, что скоту предстоит нелегкий семидневный переход через пустыню Гоби из-за бывшей там в прошлом году засухи.

Вскоре после того, как Миссия выехала из Кяхты и находилась уже в пределах Цинской империи иркутский губернатор Н. И. Трескин обратился к ургинским вану и амбаню с несколько необычной просьбой (письмо от 19 сентября) — доставить Духовной Миссии предназначенное на жалованье, но не доставленное вовремя в Кяхту, серебро (18 пудов, 18 фунтов и 27 золотников)⁷⁶. Ургинские пограничные правители согласились исполнить просьбу Трескина, однако предупредили, чтобы впредь подобная передача серебра русскими не практиковалась.

⁷⁵ Там же, л. 525 об.

⁷⁶ Там же, л. 529 об. Заверенная копия.

В своем докладе императору Юн Яню (от 12 октября) ван и амбань так объяснили свое решение: "Русские священники и ученики уехали недалеко, и дело это весьма важное"⁷⁷. В этом же докладе они сообщали, что на сей раз Российская Духовная Миссия захватила с собой лишь на 5 человек сопровождающих больше чем обычно и что из Урги посланы предписания выставить на почтовых станциях, через которые проследует Миссия, необходимое число офицеров и солдат для охраны и сопровождения. К тому же, всем сопровождающим Духовную Миссию было дано следующее "строгое и поучительное указание: если у русских священников и учеников в дороге возникнут какие-либо вопросы, связанные со скотом, жильем, покупкой еды и так далее, то по введенному до сего обыкновению поступать справедливо"⁷⁸.

Иркутский губернатор Н. И. Трескин, получив донесение из Троицкосавска о том, что серебро для Миссии вручено присланным из Урги чиновникам, послал вану и амбаню письмо (от 16 октября) с выражением "усерднейшей" благодарности⁷⁹. В следующем письме (от 26 октября) он поблагодарил ургинских пограничных правителей за доставку серебра Духовной Миссии. При этом он выразил надежду на то, что возвращающейся из Пекина 8-й Миссии впредь также будет оказываться необходимая помощь⁸⁰.

⁷⁷ ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. 663, л. 187 об. Перев. с маньчж. яз. И. Т. Мороз.

⁷⁸ Там же, л. 188.

⁷⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. N 1, л. 531—531 об. Заверенная копия.

⁸⁰ ЦГИА Монголии, ф. М-1, д. N 663, л. 203—204 об. Перев. с маньчж. яз. И. Т. Мороз.

Как сообщалось в Записке Иркутской губернской канцелярии⁸¹ (составлена не позднее 5 сентября 1808 г.)⁸² управляющему Министерством иностранных дел Н. П. Румянцеву⁸³, 9-я Российская Духовная Миссия отправилась из Кяхты 17 сентября 1807 г., 29 числа того же месяца прибыла в Ургу и на другой же день была представлена вану и амбаню. Выехала она оттуда 5 октября и достигла Калгана 22 декабря. Во время продвижения по Монголии Миссии предоставлялись 3 юрты, аргал и по мере надобности вода. Помимо этого, в продолжении всего пути она находила на каждой станции приготовленный по-монгольски чай с молоком. Российская Духовная Миссия выехала из Калгана 30 сентября. После Калгана вплоть до Пекина ей для ночлега были приготовлены хорошие казенные дома, причем плата за постой не взималась, чего прежде никогда не бывало. Ежедневно члены Миссии получали обильный китайский стол⁸⁴. Прибыла в Пекин 9-я Российская Духовная Миссия во главе с будущим выдающимся российским синологом, архимандритом Иакинфом 10 января 1808 г.

Лифаньюань уведомил Сенат о прибытии Духовной Миссии своим листом от 22 апреля 1808 г. В листе сообщалось, что 9-я Миссия была хорошо принята в Пекине и

⁸¹ "Записка, извлеченная из донесений, полученных от иркутского гражданского губернатора и от директора Кяхтинской таможни, относительно проезда в Пекин Духовной Миссии и возвращения оттоль прежней" — АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 564—567. Подлинник.

⁸² Датируется по препроводительному письму сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля.

⁸³ Румянцев Николай Петрович — граф, управляющий Министерством иностранных дел (1807—1814).

⁸⁴ АВПРИ, ф. СПб, Главный архив, IV — 4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 566—566 об.

подтверждалось получение листа Сената, поданного приставом Семеном Первушиным. Лифаньюань уведомлял Сенат и о том, что Первушин представил записку с указанием числа российских подданных, приехавших вместе с ним, остающихся в Пекине, а также отправляющихся с ним обратно. По его данным, в столице Цинской империи оставались 10 человек: старший священник, 3 младших священника, 2 причетника и 4 ученика. В записке также говорилось, что в конце мая из Пекина уедут 25 человек: он сам, писарь, 2 толмача, 16 работников и находящиеся в Пекине 5 человек — членов 8-й Российской Духовной Миссии (старший священник, причетник и 3 ученика)⁸⁵. Кроме этих людей, приставу предстояло захватить на обратном пути из Пекина еще 16 работников, оставленных недалеко от Калгана “для сбережения скота”. В своем листе Лифаньюань извещал Сенат, что для препровождения 8-й Российской Духовной Миссии до границы выделен чиновник, а Первушину вручен лист Лифаньюаня для представления в Сенат⁸⁶.

Возвращавшаяся в Россию 8-я Миссия вместе с сопровождавшим ее приставом Первушиным выехала из Пекина 11 мая. Архимандрит Софроний в письме (от 17 августа) управляющему Министерством иностранных дел Н. П. Румянцеву, сообщая о прибытии в Кяхту, особо подчеркнул необычное внимание, которое цинские чиновни-

⁸⁵ Из Пекина с Первушиным выехали глава 8-й Российской Духовной Миссии архимандрит Софроний (Грибовский), причетник Василий (Богородский), три ученика: Павел (Каменский), Степан (Липовцов) и Василий (Новоселов). — СПб. Главный архив, IV-4, оп. 123, 1805—1809 гг., д. N 1, л. 585 об. Копия перевода с маньчж. яз. Алексея Парышева. Четвертый ученик Иван (Малышев) 30 сентября 1806 г. умер в Пекине от чахотки. — Там же, л. 572 об. Подлинник. Автограф архим. Софрония (Грибовского).

⁸⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-5, оп. 4, 1823 г., д. 1, п. 15, ч. 1, л. 257—257 об. Перев. подлинника на маньчж. яз. А. Г. Владыкина. Автограф.

ки оказывали им во все время пути. Так, он писал, что от Пекина до Калгана им был предоставлен хороший стол “котораго по заключении [Кяхтинского] трактата ни одной Духовной свите [так в тексте. — И. М.], приезжающей в Пекин и из онаго выезжающей, видеть не случилось, да и по всей Монголии определенный от двора офицер, пристав именем Фу оказывал мне всякую милость и дружбу, зделавшись для меня в пути хорошим приятелем, а для казенного обоза рачительным попечителем, делая в трудных обстоятельствах возможное вспоможение”⁸⁷.

О заботе и внимании, проявленных цинскими властями по отношению к возвращавшейся в Россию Духовной Миссии, говорится и в упоминавшейся выше записке Иркутской губернской канцелярии. В ней сообщается, что на всем пути от Пекина до Калгана члены Миссии (и все конвойные) помещались в постоянных домах бесплатно, а во время пребывания в Калгане (с 17 по 23 мая) им всем был предоставлен бесплатный стол. На границе с Халхой 8-ю Миссию встретили специально присланные ургинскими пограничными правителями три чиновника.

В Урге, куда Духовная Миссия прибыла 23 июня, ее доброжелательно приняли ван и амбань. После непродолжительного отдыха 26 июня Миссия отправилась в дальнейший путь. По распоряжению ургинских пограничных правителей, не доезжая до Урги 6 почтовых станций и по дороге далее вплоть до Кяхты 8-й Духовной Миссии на каждой почтовой станции предоставлялись “под тягости” 20 лошадей бесплатно и 35 за деньги. В продолжение всего пути до русско-китайской границы все приставы, про-

⁸⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, IV-4, о. 123, 1805—1809 гг., д. 1, л. 572 об. — 573. Подлинник. Автограф.

вожавшие Духовную Миссию, оказывали ей знаки особого внимания⁸⁸. Прибыла 8-я Миссия в Кяхту 6 августа 1808 г.

Накануне ее приезда к директору кяхтинской таможни П. Д. Ванифантьеву прибыл цинский пограничный начальник (так называемый цзаргучи из г. Маймайчэна) и сообщил о приближении возвращавшейся из Пекина Духовной Миссии, уведомив при этом его, что он сам будет встречать Миссию в 6 верстах от города и пригласил Ванифантьева отправиться вместе с ним. На другой день директор кяхтинской таможни вместе с российскими чиновниками, его сопровождавшими, прибыли в китайский г. Маймайчэн, а затем, получив разрешение, отправились дальше и в 5 верстах от города встретили Миссию.

При въезде в Кяхтинский форпост на русско-китайской границе Начальник 8-й Российской Духовной Миссии архимандрит Софроний под колокольный звон был встречен российским духовенством. После благодарственного молебна в церкви члены Миссия были препровождены в Троицкосавскую крепость⁸⁹.

История отправления в Пекин 9-й Российской Духовной Миссии и возвращения оттуда 8-й Миссии может быть завершена ссылкой на письмо (от 31 октября 1808 г.) иркутского губернатора Н. И. Трескина ургинским пограничным правителям вану Юндендоржу и амбаню Фухаю, в котором он благодарит их за помощь в благополучном прибытии 9-й Российской Духовной Миссии в Пекин и возвращении в Россию 8-й Миссии. В своем письме, помимо прочего, Трескин писал: "Я в полной мере чувствуя таковыя ваши одолжении, непременною долгом счел за сии знаки дружескаго вашего ко мне расположения, на самом

⁸⁸ Там же, л. 566 об. — 567.

⁸⁹ Там же, л. 564 об.

опыте доказанного, изъявить вам г[оспода] ван и амбань, всеусерднейшую мою благодарность, уверяя притом вас, что и я с моей стороны первым себе удовольствием поставляю всякое требование ваше, до обоюдной пользы относящееся, выполнять со всею моею готовностью и удовольствием, соответственно существующей между обеими империями соседственной дружбе и доброму согласию"⁹⁰.

В заключение считаем нужным подчеркнуть, что не все приведенные в статье документы точно отражают характер отношений между Россией и Китаем в рассматриваемое время. Эти отношения, скорее, были дружественными. Осторожность и подозрительность, проявленные цинской стороной в вопросах, связанных с прибытием в Пекин посольства Ю. А. Головкина и 9-й Российской Духовной Миссии, свидетельствуют скорее об особенностях эпохи, различиях в дипломатическом этикете, обычаях и специфическом характере делопроизводства в цинском Китае.



⁹⁰ Там же, л. 606 об. — 607. Заверенная копия.



П. М. Иванов*

Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века¹

Начало века стало временем многочисленных драматических событий в судьбах Православия в Китае. Летом 1900 г. Российская Духовная Миссия в Пекине была разгромлена ихэтуанями, более двухсот китайцев-православных приняли мученическую кончину, отказавшись предать свою веру по требованию повстанцев. Представители русского духовенства столкнулись с необходимостью заново отстроить Миссию, благо на это имелись средства, выплаченные китайским правительством в качестве ком-

* © П. М. Иванов

¹ Статья в основном базируется на материалах печатного органа Пекинской Духовной Миссии журнала "Китайский благовестник", автор рассматривает ее как первый шаг на пути исследования миссионерской деятельности Православной Церкви в глубинных районах Китая в начале XX в.

пенсации за понесенный ущерб. Кроме этого в трудах миссионеров появилось новое направление — распространение своей деятельности в глубь страны. Развитие этого направления связано с личностью Начальника 18-й Миссии архимандрита, с 1902 г. — Преосвященного епископа Переяславского, — Иннокентия (Иоанна Аполлоновича Фигуровского, 1863 — 1931).

Сын священника Енисейской епархии, архим. Иннокентий с детства участвовал в миссионерской работе своего отца среди малых народов Сибири. Он воспринимал задачу проповеди Евангелия среди народов Востока в качестве главной цели своей жизни. Сделав блестящую церковную карьеру, архим. Иннокентий в 1894 г. стал ректором Санкт-Петербургской Духовной Семинарии, в 1895 г. был назначен Настоятелем миссионерского Покровского “что на Убогих домах” миссионерского монастыря². В 1897 г. он возглавил Пекинскую Духовную Миссию, причем, отправляясь в Китай, планировал усилить проповедь Православия в Срединной империи, уже не ограничиваясь Пекином и еще несколькими крупными городами.

Рамки данной статьи не позволяют вдаваться в подробности дискуссий между российскими дипломатами и духовным ведомством относительно целесообразности и форм миссионерской работы русского духовенства в Китае. Суть же проблемы заключается в том, что начиная со времен Петра I правительство России требовало от Духовной Миссии в Китае подчинения интересов Церкви инте-

² Основан в 1635 г. царем Михаилом Федоровичем, находился у Покровской заставы, на Семеновской (ныне Таганской) улице (д. 58). Изуродованные стены и здания храмов сохранились до настоящего времени. (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., Изд. Сойкина, б.г., Т. 2. С. 1830; *Паламарчук П.* Сорок сороков. 1992, Т. 1. С. 312 — 317.

ресам государства, а также проявления всемерной осторожности, дабы проповедничество не вызвало озлобления богдыханских чиновников и тем самым не осложнило межгосударственные отношения.

Лишь после заключения в 1858 г. серии договоров цинского правительства с иностранными державами миссионеры получили свободу действий на территории Китая. Среди российского чиновничества появились сторонники развертывания православной проповеди. Немаловажную роль сыграло и то впечатление, которое произвел на наших дипломатов размах деятельности католиков и протестантов в Китае. Граф Е. Путятин доносил в столицу в ноябре 1857 г.: "Осмеливаюсь думать, что теперь настало время показать нам ревность большую прежней в деле Евангельской проповеди, которая главнейше должна состоять в приготовлении надлежащих миссионеров и в убеждении всех делать добровольные и обильные приношения соответственно достатку своему на этот важный предмет"³. Несмотря на одобрительное отношение трона к этому предложению, государственный аппарат по-прежнему ориентировал сотрудников Пекинской Миссии на сдержанность. Преобладали рекомендации такого рода: "в действиях своих руководиться полною осторожностью и благоразумием", "совершать это без шума и со всевозможным смирением... дабы... не привлечь... подозрительности и неблагоприятного внимания местного правительства"⁴.

Решением Государственного Совета от 5 ноября 1863 г. Пекинская Миссия была реформирована и передана духовному ведомству, то есть подчинена Святейшему Синоду и, перестав выполнять дипломатические функции,

³ Китайский благовестник. Пекин, Вып. 7 — 8, 1916. С. 12.

⁴ Там же. С. 16 — 17.

не подлежала более власти Министерства иностранных дел. Получив свободу миссионерской работы среди китайцев, Миссия, однако, практически не вышла за пределы Пекина. Правда, совершался важный подготовительный труд — переводы на китайский язык Св. Писания, богослужебных книг и богословской литературы. Без выполнения этой задачи невозможно было донести православное вероучение до китайцев⁵. Как указывает иером. Алексей Виноградов, библиотека Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1884 г. содержала следующие переводы, выполненные сотрудниками Пекинской Духовной Миссии: Четвероевангелие, Деяния и Послания Апостолов с Апокалипсисом, Толковое Евангелие, Псалтирь, Священная история Нового и Ветхого Завета, Указатель евангельских и апостольских чтений, Часослов, Октоих, Службы на двенадесятые праздники, страстную неделю и Св. Пасху, Введение в новозаветные книги Св. Писания, Изложение православной веры, краткое и по порядку символа веры, Катехизис пространный и краткий, Зерцало православного исповедания, Молитвослов краткий и полный, Последование к причащению и литургия для мирян, Панихида, Об обязанностях христианина, Указание пути в Царство Небесное, различные краткие поучения⁶. Под руководством и при самом активном участии архим. Иннокентия переводческая работа продолжалась.

Однако китайских текстов было недостаточно, нужны были люди, желающие и умеющие вести миссионерс-

⁵ На это указывал архим. Палладий (Кафаров) в своем донесении обер-прокурору Синода графу А.П. Толстому. *Архим. Палладий*. Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения православной проповеднической Миссии в Китае. // Там же. Вып. 9 — 12, 1915. С. 44.

⁶ *Иером. Алексей (Виноградов)*. История Библии на Востоке: с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению. СПб., 1889 — 1895. Т. 1, вып. 1. С. CCXLVI.

кую работу в условиях Китая. Получив назначение в Пекин, архим. Иннокентий по указанию обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева совершил поездку в Англию и Францию, где познакомился с протестантскими и католическими учреждениями, подготавливавшими миссионерские кадры, изучал их опыт. Далее он проследовал на Афон, но уехал оттуда разочарованным, не найдя желающих отправиться в Китай, что архим. Иннокентий объяснил упадком монашества и нехваткой подходящих людей⁷. Прибыв в Пекин, он направил все силы на укрепление Миссии и распространение ее влияния во внутренних районах Китая⁸. Восстание ихэтуаней и ставшие его следствием разрушения не только временно приостановили деятельность архимандрита и его сотрудников, но и поставили под вопрос само существование Миссии.

Взаимоотношения Миссии и ее Начальника с российскими дипломатами в Пекине отличались напряженностью, а подчас и враждебностью. Многие сотрудники Министерства иностранных дел полагали, что существование Православной Миссии в Китае является исключительно источником ненужных беспокойств и неприятностей. Такая точка зрения в значительной степени коренилась в весьма распространенных в то время в русском обществе антицерковных и антиправославных настроениях. Весьма показательны в этом смысле слова врача В.В.Корсакова, служившего в начале XX в. при Российской Дипломатической миссии в Пекине и опубликовавшего несколько книг о своей жизни в Китае: «Увы! Если

⁷ Китайский благовестник. Вып. 15 — 16, 1916. С. 16 — 17.

⁸ «...новая Миссия сознательно поставила своей целью распространение христианской веры в Китае и практически стремилась осуществить свое апостольское призвание...» — Пекинская Духовная Миссия в 1902 — 1913 гг. // Там же. Вып. 1 — 2, 1914. С. 11.

китайцы “изверились в пригодности наличных христианских учений”, то и православие в его современной чиновничьей иерархии и церковности не даст им ни душевного покоя, ни тем более “исцеления от нравственных недугов”... По справедливости китайцы могут сказать православным иерархам: “врачу, исцелился сам”»...⁹ Такого рода упреки в адрес Русской Церкви со стороны проживавших в Китае соотечественников были весьма частыми, тем более, что многие из них вовсе порвали связи с Православием. В отчете о состоянии Шанхайского отделения Миссии за 1916 г. архим. Симон (Виноградов) писал, что значительная часть русских в этом городе принадлежала к инославным исповеданиям. “Большое собрание русских (и инославных) в церкви бывало только в большие праздники, а обычно бывает несколько человек, иногда же совершенно никого из русских не бывает за службой”¹⁰. Во время ознакомительной поездки по Китаю Начальник Миссии столкнулся с тем, что многие семьи российских подданных оказались “в полном отчуждении не только от православия, но и от всего русского”: в одной семье в Фучжоу “дети не крещены, сам глава семьи не пожелал видеть епископа и принять от него благословение”¹¹.

Летом 1901 г. архим. Иннокентий был вызван в Россию для проведения консультаций в Синоде о будущей судьбе Миссии, которую планировалось было закрыть, а самого архимандрита отправить заведовать Миссией в Урмии (ныне

⁹ Корсаков В.В. В проснувшемся Китае. Дневник — хроника русской жизни перед русско-японской войной. М., 1911. С. 230.

¹⁰ Архим. Симон. Отчет о состоянии Шанхайского отделения Духовной Миссии за 1916 г. — Китайский благовестник. Вып. 1—2, 1917. С.6—7.

¹¹ Корсаков В.В. Цит. соч.. С.231.

Резайе, Иран). К счастью (видимо, благодаря хорошим связям архимандрита в столице), вопрос был решен положительно: отстроить подворье Миссии в Пекине заново, устроить там Успенский монастырь на началах общежития. Архим. Иннокентий был в 1902 г. хиротонисан во епископа Переяславского, что придало ему дополнительные полномочия в укреплении Православия в Китае¹². Самой главной трудностью епископа Иннокентия стал, как теперь принято выражаться, “подбор команды”.

Владыка имел четкие взгляды на то, каков наилучший путь для распространения веры Христовой в Китае. Наиболее подходящими для этой цели он считал “православные общежительные монастыри, откуда бы не только слышалась устная и печатная проповедь, но где бы неопиты православия учились бы христианскому благочестию, находили бы религиозно-нравственную поддержку в минуты смущений и скорбей и, даже, учились бы и способам улучшения своего земного благополучия”¹³. На пути созидания Успенского монастыря

¹² Китайский благовестник. Вып. 1 — 2, 1914. С. 11.

¹³ Апостол Китая. // Там же. Вып. 11, 1913. С. 10.

Примером того, какие требования предъявлялись к будущим насельникам пекинского Успенского монастыря может служить призыв *К русским инокам*, призывавший желающих поступать в братию пекинской обители: “Не смущайся брат тем, что не многоучен ты, что не владеешь искусными мастерствами, что не обладаешь физической силой, что, наконец, не чувствуешь особой склонности к подвигам поста и молитвы. Хорошо, если и все это будет в тебе, но главное не в этом. Испытай себя в другом. Бескорыстен ли ты, послушен ли, терпелив ли? Не ищешь ли славы мирской, скорого возвышения над братьями своими? Не ищешь ли перемены места, простого развлечения и беспечной жизни? Ревнуешь ли о приведении ко Христу язычников? Полюбил ты их заочно? Если полюбил, если ревнуешь, то легко тебе будет жить здесь, легко прощать некоторые недостатки ближних, легко терпеть одиночество среди людей другого языка и верований. — Там же. Вып. 5, 1911. С. 7.

владыке Иннокентию пришлось претерпеть немало скорбей и стеснений.

Он вернулся в Пекин в августе 1902 г. в сопровождении более чем тридцати человек "в одеянии послушников", многие из которых были по профессии слесарями, портными, сапожниками, столярами, а также иконописцами и певчими. Некоторые отправились в Китай не столько для спасения души, сколько ради заработка, и скоро возроптали, требуя возвращения домой (иногда даже угрожая Начальнику Миссии револьвером)¹⁴. Они пользовались поддержкой окружения российского посланника, поскольку чиновники использовали любую возможность, чтобы досадить Преосв. Иннокентию. Они "относились враждебно к личности епископа, будучи убеждены, что епископ будет держать себя в отношении светской власти независимо, как равный с равными, но не подчиненный"¹⁵. Следствием этого стало постоянное содействие дипломатов бродяжничеству монахов (таких беглецов за 1902—1917 гг. было 11 человек)¹⁶. И тем не менее, постепенно вокруг епископа сформировалась группа сторонников, бескорыстно преданных делу распространения Православия в Китае. Были среди них и опытные монахи, и молодые люди, только вступившие на духовное поприще¹⁷. Им-то, а также православным китайцам-выпускникам миссийской пекинской Семинарии и принадлежит заслуга откры-

¹⁴ Корсаков В. В. Цит. соч., С. 209 — 210.

¹⁵ Там же. С. 149.

¹⁶ *Епископ Иннокентий*. Ответ Начальника Пекинской Духовной Миссии Обер-прокурору Святейшего Синода от 8 мая 1915 года. № 229 // Китайский благовестник. Вып. 7 — 8, 1915. С. 30.

¹⁷ Примером могут служить двое сотрудников Миссии:
1. Архимандрит Авраамий (в миру Василий Васильевич Часов-

тия многочисленных миссионерских станов в различных провинциях Китая в начале XX в. Нужно отдать должное самоотверженности этих людей, которые малым числом и практически без средств достигли столь многого. Ведь на 1 января 1914 г. Российская Духовная Миссия в Китае включала всего лишь 85 человек, очень многие из которых вообще никак не были связаны с миссионерской деятельностью.

ников, 1864 — 1918), сын протоиерея, донской казак, выпускник Новочеркасского духовного училища, слушатель Московского училища зодчества и ваяния; в 1888 г. окончил Академию художеств, слушал лекции в Археологическом институте; вернувшись на родину в 1888 — 1896 гг. преподавал в Новочеркасском атаманском техническом училище; в 1896 г. поступил на миссионерские курсы Казанской Духовной Академии, которые и окончил по монгольскому отделению; в 1898 г. зачислен в состав Пекинской Миссии и отправился в Китай; многие годы редактировал журнал “Китайский благовестник”, занимался исследованием истории Пекинской Духовной Миссии; в 1911 г. определением Синода уволен за штат по состоянию здоровья; уехав в Россию в 1913 — 1914 гг., обустроил Московское подворье Миссии, после чего вновь вернулся в Китай, где и скончался в 1918 г. См. *Пантелеев Д. П.* Материалы по истории Российской Духовной Миссии в Китае. // *Китайский благовестник*. Вып. 12, 1938. С. 25—31; Вып. 9, 1911. С. 29.

2. Иеромонах Смарагд (в миру Федор Власов, род. в 1870 г.), из крестьян, уроженец Новгородской губернии, окончил народную школу, некоторое время помогал по дому отцу, после чего поступил рабочим на баржу и так добрался до Санкт-Петербурга. Поначалу работал учеником у гравера, потом стал учиться живописи, писал копии с картин в Эрмитаже. Через два года поступил в Школу Императорского Общества поощрения художеств (дошел до 4 класса). По предложению владельца иконной лавки стал писать образа на продажу. В 1902 г. присоединился к Епископу Иннокентию и, прибыв в Пекин, участвовал в строительстве и росписи храмов Миссии. С 1904 г. стал вести миссионерскую работу в глубинке в различных православных станах, выучил китайский язык. Принял постриг в 1907 г., рукоположен в иеродиакона, а потом и в иеромонаха в 1913 г. Там же. Вып. 5—6, 1914. С. 7.

Личный состав Пекинской Духовной Миссии в 1914 г.¹⁸

Епископ	1
Архимандрит	2
Игумен	2
Иеромонах	5
Иеродиакон	8
Монах	6
Рясофорный послушник	3
Послушник	2
Мантийная монахиня	2
Рясофорная послушница	3
Послушница	3
Священник	6
Диакон	2
Иподиакон	2
Псаломщик	4
Катехизатор	9
Учитель	20
ВСЕГО	85

Для сравнения укажем, что в эти годы в Китае действовали протестантские миссионерские общества из Германии (13), Швеции (7), Норвегии (8), Финляндии (2), Дании (1), Англии (29), Ирландии (1), Новой Зеландии (1), США (59), Канады (5)¹⁹. Римо-католики были не менее многочисленны: в 1916 г. в Китае работали 1668 священников этого вероисповедания²⁰.

¹⁸ Личный состав Пекинской Духовной Миссии. // Там же. Вып. 7—8, 1914. С. 25 — 26.

¹⁹ Ча Шицзе. Миньго цзидуцяюши луньвэньцзи (Сборник статей по истории христианства в период республики). Тайбэй, 1993. С. 20.

²⁰ Latourette K.S. A History of Christian Missions in China. L., Society for Promoting Christian Knowledge, 1929, (Reprint by Ch'eng-wen Publishing Co., Taipei, 1975). P. 724.

Прежде чем перейти к рассмотрению истории возникновения и развития миссионерских станов, описанию различных форм их деятельности, следует остановиться на вопросе о том, кому же в Китае была адресована православная проповедь. Как мы уже видели, представители “образованных классов” русского общества, находившиеся в Китае, крайне холодно относились к Православию. Среди “русского рабочего и служащего люда”, сотнями тысяч проживавшего в Маньчжурии и Монголии, потребность в церковном окормлении была несколько выше²¹, однако указом Синода от 8 августа 1907 г. маньчжурские приходы, как прилегавшие к русской границе и расположенные на территории, являвшейся российской сферой влияния, были переданы в юрисдикцию Владивостокской епархии²². Таким образом, Пекинская Духовная Миссия оказалась обращенной к собственно китайскому населению, включая так называемых албазинцев, отуземленных потомков русских.

Русское духовенство, учитывая печальный опыт католиков, всегда пессимистически смотрело на возможность обращения в Православие представителей образованных слоев китайского общества. Главным препятствием считалось конфуцианство, которое, по замечанию архим. Палладия, “в удовлетворение потребности умозрений создало для себя холодную, механическую теорию мироздания и материалистическую философию; лишено начал спиритуализма и вместе с тем впадает в грубое суеверие”²³. Поэтому русские миссионеры избегали обращаться

²¹ Корсаков В.В. Рассказ Архим. Авраамия о поездке в Маньчжурию и Монголию // Цит. соч. С. 150 — 151.

²² Китайский благовестник, Вып. 9 — 10, 1907. С. 1.

²³ Архим. Палладий. Цит. соч. С. 37.

к “языческой гордости” ученых китайцев и вели проповедь среди “верующих в простоте души”, то есть среди простонародья²⁴.

Для того чтобы усилить миссионерскую деятельность, необходимы были дополнительные средства, которыми Миссия, жестко финансируемая из государственного бюджета, не располагала. Преосвященный Иннокентий прибег к двум способам увеличения доходов: созданию подворий (к 1917 г. их было пять: в Петрограде, Москве²⁵, Харбине, Дальнем и на станции Маньчжурия КВЖД), а также к разворачиванию предпринимательства²⁶. Эти меры позволили получить дополнительные ресурсы для открытия новых миссионерских станов.

Преосв. Иннокентий неоднократно обращался в Синод с предложением открыть православные миссионерские станы во всех основных городах Китая, однако

²⁴ Чтения Архимандрита Авраамия о Китае // Китайский благовестник. Вып. 15 — 16, 1914. С. 21.

²⁵ При годовом бюджете Миссии в 32 тыс. руб. московское подворье давало от 17 до 19 тыс. руб. годового дохода. См. ЦИА (Центральный Исторический Архив) Москвы, ф. 203, оп. 486, д. 4, л. 30; Китайский благовестник. Вып. 10, 1913. С. 4.

²⁶ “...расширение землевладения и хозяйства Миссии тесно связано с развитием миссионерской деятельности”, говорилось в одном из отчетов. Китайский благовестник, Вып. 1 — 2, 1914. С. 20. Миссия постепенно развила ряд производств, которые не только делали ее самодостаточной, но и позволяли получать коммерческие доходы. Это были: гальванопластическая мастерская, словолитня, переплетная, живописная мастерская, механическая мастерская, литейная, паровая мельница, свечной завод, мыловарня, пасека, молочная ферма, ткацкая мастерская, промышленное бюро, кирпичный завод. Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в 1915 г. // Китайский благовестник. 1914, Вып. 1 — 2, 1916. С. 21. Миссия владела значительными участками земли, причем пригодные для земледелия сдавались в аренду (подробно см. Сведения о земельных владениях Пекинской Духовной Миссии // Там же. Вып. 5 — 6, 1914. С. 26 — 28).

эта инициатива не получила поддержки²⁷. Проповедническая же деятельность Миссии стала развиваться в пассивных формах: станы открывались там, где население само проявляло интерес к Православию и выражало готовность поддержать миссионеров, в том числе и материально.

Одним из первых был основан миссионерский стан в Фынкоу (примерно в 150 км от Ханькоу). Около 300 жителей этого городка в 1898 г. и вторично в 1901 г. выразили желание принять Православие. Мы не располагаем точными данными о том, каким образом народ в этой местности пришел к такому решению. Возможно, что сказалось влияние русской православной общины церкви во имя Св. Александра Невского в Ханькоу, насчитывавшей почти 700 человек. По сообщению журнала "Китайский благовестник", жители Фынкоу жаловались на притеснения властей и выражали недовольство поведением протестантских миссионеров, проявляя желание не только креститься, но и принять российское подданство (очевидно, надеясь приобрести определенные привилегии в отношениях с местными чиновниками)²⁸. О том, какой это был народ, один из миссионеров писал так: "...они люди небогатые, и им самим едва хватает на пропитание своего заработка"²⁹.

²⁷ Сожаление Начальника Миссии по этому поводу было, в частности, выражено в его докладе: "Для истинно верующих русских людей здесь широкое поле деятельности, наилучшая и самая благодарная почва для произрастания духовных плодов, здесь они могут с любовью послужить Христу и пред целым миром засвидетельствовать, — как жизненно и сильно учение православия. К сожалению, однако, никто не внимлет нашему гласу мольбы, когда мы ходатайствуем о расширении Миссии. Как будто никем не сознается, какое огромное значение представляет Китай для православия, и что только усиленное распространение православия в недрах Китая может в будущем спасти Россию от нового грозного монгольского нашествия". — Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в прошедшем 1907 г. // Китайский благовестник, Вып. 9 — 10, 1908. С. 3 — 4.

²⁸ Там же. Вып. 5 — 6, 1907. С. 1 — 2.

²⁹ Монах Антоний. Корреспонденция из Фынкоу. // Там же. Вып. 7 — 8, 1907. С. 28.

Епископ Иннокентий приехал в Фынкоу лишь в 1902 г., чтобы обнаружить, что к принятию крещения готово только несколько человек. Диякон из китайцев, Сергей Чан в 1903 г. начал катехизацию и основал часовню в близлежащем местечке Юаныцзякоу, однако по наущению протестантов, она была сожжена разъяренной толпой, а сам диякон вынужденно покинул Фынкоу (возможно, став жертвой развернутого им движения против опиекурения)³⁰. В 1907 г. открылась школа, в которой преподавали монах Антоний³¹ и воспитанник Миссии — учитель Иван Гао. В 1912 г. школа закрылась из-за постепенного охлаждения китайцев. Как отмечалось в отчете Миссии, “в начале возник большой интерес к православию и стремление к присоединению к православной Церкви, но это движение не нашло в свое время поддержки”³². Действительно, с 1902 по 1912 г. было крещено всего 62 человека. Здесь имеется в виду то, что из-за недостатка миссионеров и духовенства, Миссия не имела возможности поддерживать регулярные связи со многими станами, где православная жизнь часто начинала затухать, ибо изначально подпитывалась усилиями всего лишь нескольких энтузиастов. Это весьма живо описал в своих записках Архим. Симон: “...за долгим отсутствием здесь (г. Вэйхуэйфу, пров. Хэнань — П. И.) священника некоторые разучились полагать на себя крестное знамение, при всех усилиях рука не слушалась и производила неопределенные, нелов-

³⁰ Китайский благовестник. Вып. 3 — 4, 1914. С. 12.

³¹ В миру Сергей Савинов, родился в 1884 г., одиннадцати лет поступил послушником в Чудов монастырь в Москве, через пять лет перешел в Высокопетровский монастырь, с 1902 г. жил в Пекине, сначала в качестве иподиакона при Преосв. Иннокентии, пострижен в мантию в сентябре 1907 г. — Там же. Вып. 5 — 6, 1907. С. 25 — 26.

³² Миссионерская деятельность Пекинской Духовной Миссии за 1902 — 1913 годы. // Там же. Вып. 3 — 4, 1914. С. 14.

кие движения. Некоторые, вместо того, чтобы целовать крест, нюхали его”³³. Нередко инославные миссионеры проявляли большую активность, отвлекая желающих креститься от Православия. Например, летом 1907 г. поступило известие, что 400 человек в районе деревень Люцзяин, Тайин и Цяньнань пров. Чжили, не дождавшись русских миссионеров, приняли протестантство³⁴.

Нельзя обвинить православных миссионеров в нерадении, они просто не располагали достаточными средствами и человеческими ресурсами, чтобы немедленно послать людей в глубинные районы, откуда поступали просьбы прислать проповедников. Вот отрывок из отчета катехизатора Павла Таня, отправившегося в город Сянью провинции Фуцзянь в ответ на подобное прошение: “Обратный путь я совершил по той же дороге, по которой приехал. До Фынтин пятьдесят ли я ехал верхом, затем тридцать ли до Тоулянь шел пешком. В Тоулянь пришел я в четыре часа вечера и тут ночевал, так как продолжать путь вечером в этом месте опасно. Утром 24 числа (сентября — П. И.) я отправился далее, от Тоулянь до Лэян пятьдесят ли, этот путь я прошел пешком, только ли на десять нанимал носилки. В Лэян я три дня ждал пароходика. 27 числа в двенадцать часов ночи отправился я из Лэян на лодке, чтобы сесть на пароходик и ехать в Амой. В Амое пришлось пять дней ждать парохода, и я остался без денег, так что пришлось занять у одного знакомого человека. По недостатку денег билет на пароход я взял третьего класса. Более трех суток пришлось питаться только рисом, так как пассажирам третьего класса другой пищи не давали. 6 октяб-

³³ *Архим. Симон*. Отчет о миссионерской поездке, с 26 по 30 декабря 1907 г. // Китайский благовестник. Вып. 18 — 19, 1908. С. 19.

³⁴ Там же. Вып. 5 — 6, 1907. С. 5.

ря я приехал в Шанхай”³⁵. Путешествия были не только длительными, изнурительными, дорогими “не по средствам”, но и просто опасными для жизни. Так, в 1910 г. начальник уезда Цисянь пров. Хэнань предупреждал иерод. Антония против поездки в уезд Нинлинсянь, поскольку в летнее время в высоких хлебах могли скрываться жестокие разбойники³⁶.

Тщетно ожидая поддержки из России, руководство Миссии сетовало: “Дело Миссии вообще не есть дело только ее членов, это дело всей Церкви, всего православия. И, если инославные вероисповедания поставляют в Китай тысячные полки своих миссионеров и тратят миллионы рублей на внешнее представительство своих церквей, то русскому человеку, носителю заветов чистого православия, не только пастырю, но и простолюдину, должно всеми силами поддерживать интенсивную и материальную работоспособность нашей Миссии в Китае”³⁷. Русское общество не разделяло такой точки зрения, собирая угли себе на голову. В основном поступали лишь незначительные пожертвования³⁸.

Продолжим описание православных миссионерских станом. В пров. Хубэй, помимо Фынкоу, где имелся молитвенный дом, проповедь шла в деревнях Ваньфучжа (одно время был молитвенный дом), Дафуцзе (школа), Лобацзя, Лоуцзуй (с 1912 г. молитвенный дом и школа), Лугу-

³⁵ Записка Павла Тань о поездке в город Сянь-ю-сянь в провинции Фуцзянь // Там же. Вып. 1, 1909. С. 8.

³⁶ Иеродиакон Антоний. Летняя поездка // Там же. Вып. 1, 1911. С. 14.

³⁷ Там же. Вып. 20, 1908. С. 6.

³⁸ Исключение составляет лишь прачка, крестьянка Акилина Мельникова, пожертвовавшая на устройство петербургского подворья Миссии астрономическую для человека ее рода занятий сумму в размере 3972 руб. 29 коп. — Там же. Вып. 1, 1909. С. 26.

аньмяо (в 1912 г. молитвенный дом и школа), Лэйцзявань, Синькоу (школа с 1911 г.), Сяоцзякоу, Танцзявань (одно время молитвенный дом), Хуанлиньвань, Хэйлюду, Чжантанкоу, Юаньцзякоу (проповедь началась в 1903 г.), — к 1917 г. всего в 17 населенных пунктах³⁹. Как правило, наиболее жизнеспособными оказались станы, которые получали поддержку от местных жителей, как, например, школа в центре уезда Мяньян пров. Хубэй, торговом городке Сяньтяочжэнь, получавшая финансирование от православных торговцев, братьев Евгения и Капитона Чэнь. Важным обстоятельством являлось также присутствие проповедников-китайцев. В том же Сяньтаочжэне, молитвенный дом стал центром православной проповеди в округе, поскольку там с 1910 г. поселился выпускник миссийской семинарии, катехизатор Тарасий Го (впоследствии монах Тертый). О его участии в жизни общины писал член Миссии архим. Симон: "...проповедь монаха Третья убедительна и жизненна. Говорит он без всякой подготовки, применяясь к обстоятельствам. Христиане обращаются к посредничеству монаха Третья в своих раздорах, и он при помощи своих сотрудников из местных христиан примиряет их. Если же ссоры доходят до суда, то монах Тертый и перед властями старается выяснить действительное положение дела, чтобы защитить невинных..."⁴⁰. Китайцу-миссионеру было проще понять нужды местных жителей, не было языкового и культурного барьера, который приходилось преодолевать русским, нередко впадавшим в уныние⁴¹. Ведь, как

³⁹ Там же. Вып. 1 — 2, 1917. С. 9.

⁴⁰ *Архимандрит Симон*. Отчет о поездке в провинцию Ху-бэй для обозрения станов Духовной Миссии. // Там же. Вып. 15 — 16, 1914. С. 30.

⁴¹ Будущий иеромонах Смарагд, художник Федор Власов писал о своем опыте жизни в глуши: "Вот уж восьмой месяц, как я откомандирован сюда и

говорилось в отчете Миссии, “жизнь в станах среди китайцев в глуши не всегда бывает удобно обставлена, бывают и лишения, нужно немало претерпеть, пока освоишься с обстановкой” ...⁴²

Миссионеры использовали некоторые китайские традиции для того, чтобы укрепить общины, создать связи между православными из разных деревень и поселков округи. Так, в Сяньтаочжэнь после Божественной Литургии устраивались праздничные обеды для прихожан. Архим. Симон писал по этому поводу: “Эти собрания — не наша выдумка, обычай собираться на праздничный обед людям одинакового рода занятий или членам какого-либо общества создан самой жизнью китайского народа, и мы в данном случае ступаем, так сказать, на твердую почву”⁴³. Подобным же образом на севере, в пров. Чжили в стане Юнпинфу на Рождество после праздничного богослужения проводились “вечера знакомств” (*жэньши хуэй*)⁴⁴ для прихожан из разных деревень.

восьмой месяц не видал ни одной души русского народа; кажется не по мне бы была эта должность — грустная, тяжелая, среди буддизма дикого народа. Я, новоначальный послушник, недавно отстал от мира, где привык к разгульной жизни, а теперь сразу забит в самую глубь буддизма, не успев получить подготовки. Чувствую, что это дело не мое, это дело монаха-ревнителя, миссионера. Но, увы!... миссионеров здесь нет! — Миссионеры все в России, проповедуют среди христиан...при полных удобствах для жизни. Там и карета удобнее, и лошадь хорошая, и пища, и кров, все приличное; а здесь в Китае — вместо кареты — китайская карета и прихотливый мул, верховая езда — осел, главная пища — гаолян да чумиза, ночлег — закопченная фанза; вот все удобства жизни и проповеди. На такую тяжелую жизнь мы, должно быть, никогда не дождемся к нам на помощь дорогих гостей миссионеров из матушки России; должно быть не слышно там, что здесь у нас жатвы много, а делателей мало!”. — *Ф. Власов*. Пасха в глуши Китая. // Там же. Вып. 7 — 8, 1909. С. 16 — 17.

⁴²Там же. Вып. 9 — 10, 1908. С. 5.

⁴³ *Архимандрит Симон*. Обозрение станов Миссии в провинциях Хубэй, Цзян-си и Хэ-нань в 1912 г. — Там же. Вып. 7, 1912. С. 5.

⁴⁴ *Свящ. Михаил Тан*. Праздник в Юнпинфу. // Там же. Вып. 1 — 2, 1916. С. 19.

По мере распространения Православия вокруг Ханькоу в различных деревнях постоянно появлялись группы желающих креститься. Например, в селениях Дунхукоу, Бохукоу и Луцзякоу уезда Тяньмыньсянь пров. Хубэй во второй половине 1916 г. крестились 275 человек. Все они, за исключением стариков и младенцев, как отмечалось в отчете, прошли период оглашения и твердо знали тот минимум, который требовался от желающих принять Православие: Символ веры, Декалог, Заповеди блаженства, молитву Господню и молитву Богородице. Пекинская Миссия специально печатала листы с этими текстами. Конечно, заучивание наизусть не часто приводило к действительному усвоению истин веры новообращенными. "Всякую истину слова Божия они готовы принять с полной верой, но не скоро добьешься, чтобы они поняли, о чем идет речь", писал один из миссионеров⁴⁵. Священник Михаил Тан жаловался в своей статье на слушателей проповеди: "Жаль, что большинство из них неграмотны, трудно учить их"⁴⁶.

Местные жители часто ожидали от миссионеров не только проповеди, но и материальной помощи, особенно во время тяжелых испытаний, а Миссия не имела возможности такую поддержку оказывать даже в местах расположения станов. В 1910 г. из-за сильного наводнения в пров. Хубэй народ помирал с голоду, а в Хэнани свирепствовала эпидемия оспы. Пекинская Миссия чувствовала себя бессильной облегчить страдания своих духовных детей. Записки архим. Симона рассказывают о мире неиз-

⁴⁵ Там же. Вып. 19 — 20, 1916. С. 8; *Архим. Симон. Обстановка деятельности православной Миссии в провинциях Китая Хэ-нань и Ху-бэй* // Там же. Вып. 8, 1911. С. 5.

⁴⁶ *Свящ. Михаил Тан. Миссионеры туземцы в Китае* // Там же. Вып. 2, 1912. С. 8.

бывного страдания, в котором трудились русские миссионеры: "На улицах (Кайфына. — П. И.), как обычно, встречалось много нищих, почерневших от пыли, едва прикрытых грязным тряпьем. Они или сидят скорчившись где-нибудь в стороне, или стоят на коленях у входа какой-нибудь лавки, или медленно двигаются по узким улицам, сторонясь от занятых своим делом прохожих и проезжих; есть и калеки, — видел я ползающего лежа на спине; а на одной из улиц, где мы проезжали, лежал, кажется, мертвый" ...⁴⁷. В этой связи важно отметить, что большинство присоединявшихся к Православию были совершенно бескорыстны, не рассчитывая на какие-либо материальные выгоды и не получая их. Были, конечно, исключения, но, скорее, наивно-го свойства: одна старуха крестилась из опасения, что ее внука в противном случае исключат из миссионерской школы⁴⁸.

В пров. Хэнань миссионерская деятельность в основном разворачивалась в городах, расположенных на железной дороге Пекин — Ханькоу — Вэйхуэйфу, Кайфыне, Чжандэ (с 1909 г.), хотя были также станы в более отдаленных от путей сообщения местах — Цисяне (школа просуществовала с 1908 по 1913 г.), Нинлинсяне, Цзанчжуане и Даокоу. Любопытна история возникновения некоторых станов.

Чиновник 5 класса по фамилии Фань, сильно пострадавший от мятежников в 1900 г., решил поддержать православие и в 1905 г. построил в Вэйхуэйфу молитвенный дом и школу. Через шесть лет он сам крестился с именем Петра и продолжал поддерживать стан. Однако со време-

⁴⁷ Архим. Симон. Цит. соч.

⁴⁸ Там же. Вып. 5 — 6, 1914. С. 11.

нем выяснилось, что на обеспечение учеников требуются дополнительные средства. Заведующий станом иеромонах Смарагд основал тогда литографию, переплетную, живописную и конвертную мастерские, которые давали работу подросткам, но доход приносили не всегда. Например, в 1911 г. страшный голод в Хэнани привел к застою в торговле. Наблюдая за бедственным развитием событий в послереволюционном Китае, заведующий станом провидчески писал из Вэйхуэйфу: "...революция, пожалуй, воспитает такие типы, которых нам придется крестить потом. Мы их будем крестить в воде, а они нас в горячем масле"⁴⁹.

В Нинлинсяне основателем православной школы стал местный учитель Се Юйчэн. До сорока лет он не имел детей, от чего безмерно страдал. По совету знакомых стал молиться христианскому Богу и вскоре у него родился сын. Под влиянием произошедшего учитель обратился в Православие и основал школу, просуществовавшую с 1909 по 1912 г.⁵⁰

Основатель стана в Кайфыне, Матфей Хуан, еще в бытность свою учителем китайской традиционной школы через протестантов ознакомился с Библией. Оказавшись без работы, некоторое время посещал православные проповеди в Вэйхуэйфу. Потом решил вместе с сыном, оставившим службу писца в губернской канцелярии, открыть стан в Кайфыне в 1907 г.⁵¹ Отец и сын Хуаны не только проповедовали, но и организовали общество по борьбе против опиекурения, во время эпидемии оспы оказывали посильную помощь больным. Миссионерский отчет донес

⁴⁹ *Иером. Смарагд. На родине Юан-Ши-кая. // Там же. Вып. 12, 1913. С. 28.*

⁵⁰ Там же. Вып. 2, 1909. С. 29.

⁵¹ Там же. Вып. 23 — 24, 1908. С. 30.

до нас описание кайфынского скромного молитвенного дома, картину вполне характерную и для остальных станов. "Обстановка молитвенной комнаты очень проста: на стене две иконы — Спасителя и Божией Матери, украшенные гирляндой хвойных ветвей, у окна стоит маленький аналой, прямо против входной двери — квадратный стол, на котором стоит зеркальце, часы и два фонаря из красной и зеленой материи. Вверху на стене, на белом большом листе бумаги написаны четко большими китайскими иероглифами Десять заповедей. Помост комнаты кирпичный, покрыт пятью циновками, потолки рогожные, сильно прокопченные дымом, оклеены по карнизам и углам белой бумагой. Двери широкие, двойные, двухстворчатые, деревянные, снаружи решетчатые, оклеенные корейской бумагой"⁵². Помещение это было очень холодное, поэтому в сильные морозы ежедневные службы прекращались. Фанзы для молитвенных домов и под школы либо находились в собственности Миссии, либо принадлежали местным православным, либо в большинстве случаев арендовались на средства, пожертвованные верующими.

В кайфынском стане работала школа, где учительствовал Федор Хуан, сын основателя стана. Занятия в школе начинались в семь утра и продолжались до пяти вечера. Основными предметами были Молитвослов, Закон Божий, китайский язык и каллиграфия. В некоторых других школах преподавали еще и Катехизис, Священную историю, церковное пение, арифметику, рисование. Несколько раз в год проводились экзамены, как правило, приурочивавшиеся к двенадцатым праздникам, когда станы посещали священнослужители из Пекина. Программа поз-

⁵² Архим. Симон. Отчет о миссионерской поездке, с 26 по 30 декабря 1907 г. // Там же. Вып. 23 — 24. С. 31.

воляла детям из бедных семей обучиться грамоте и постичь основы Православия⁵³. В некоторых школах изучали также и русский язык, что, по признанию миссионеров, давалось детям с большим трудом. Часть учащихся находились на полном пансионе, другие только получали питание. Архим. Симон писал о школе под руководством выпускника пекинской семинарии Арефы Цзана в деревне Цзанцзячжуан: "Эта школа, как и прежде, производит приятное впечатление не какими-либо большими успехами, а простотой и самоуверенностью учителя и учеников в распоряжении тем учебным материалом, которым они обладают"⁵⁴. В 1915 г. во всех школах на станах учились 423 ученика, в отдельных школах их численность колебалась от 9 до 24, за исключением трех учебных заведений: в Даокоу пров. Хэнань (основана в 1909 г.) — 50 человек, в Линдяньчжэнь пров. Цзянсу — 36 человек, в Шипу пров. Чжэцзян — 32 человека. Подавляющее большинство преподавателей составляли китайцы⁵⁵.

Православным миссионерам приходилось сталкиваться с различными китайскими суевериями, противоречившими православному вероучению. Например, многие китайцы-православные сохраняли в домах изображения божеств синкретического пантеона. Иером. Смарагд, славивший Христа на Рождество в Вэйхуэйфу, в течение нескольких лет уходил ни с чем от наглухо запертых ворот

⁵³ Хотя последнее не считалось обязательным. Например, в г. Юнпинфу пров. Чжили был ученик, не посещавший богослужения, поскольку был из протестантской семьи. — Там же. Вып. 11 — 12, 1908. С. 20.

⁵⁴ Архим. Симон. Отчет о поездке в провинцию Хэ-нань для обозрения станов Миссии (сентябрь 1914 года). // Там же. Вып. 17 — 18, 1914. С. 25.

⁵⁵ Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в 1915 году. // Вып. 1 — 2, 1916. С. 21.

своих духовных чад, стеснявшихся “домашних идолов”. Лишь по прошествии нескольких лет прихожане окончательно отказались от идолопоклонства⁵⁶. Приходилось объяснять, что не следует курить перед иконами буддийскими благовониями.

Возникали сложности с крещением женщин. Несмотря на то, что купель устраивалась за специальной перегородкой, их смущало то, что священник увидит их при миропомазании. Они выражали сожаление о том, что не бывает женщин священников, ибо тогда многие китайки решились бы принять Православие⁵⁷. В некоторых станах женщины отказывались стоять вместе с мужчинами на богослужении⁵⁸.

Не удалось избежать и проблемы почитания Конфуция. Ведя проповедь в Хэнани, иерод. Иннокентий положительно отзывался о древнем философе, чем вызвал похвалу жителей г. Цисянь пров. Хэнань, которые “при этом заметили, что давно бы крестились от протестантов или от католиков, но те заставляют забыть Конфуция, и поэтому они не крестились”⁵⁹. В кайфынском стане были довольно часты случаи обращения даосских и буддийских монахов, один из которых даже намеревался поступить в пекинский Успенский монастырь⁶⁰.

Хотя выше и указывалось, что первоначально православные миссионеры потеряли некоторых неофитов, принявших протестантизм, однако в последующие годы

⁵⁶ Китайский благовестник, Вып. 5 — 6, 1914. С. 16.

⁵⁷ Там же. Вып. 2, 1909. С. 28 — 29.

⁵⁸ Там же. Вып. 86 1911. С. 3.

⁵⁹ Власов Ф. Миссионерский стан в Цисяне провинции Хэ-нань. // Там же. Вып. 1, 1909. С. 24.

⁶⁰ Там же. Вып. 20, 1908. с. 15, Вып. 23 — 24, 1908. С. 30.

ситуация изменилась. Началось движение в обратную сторону. Как заметил в своем интервью петроградскому "Колоколу" владыка Иннокентий, протестанты сначала попытались достичь с Миссией соглашения о разграничении сфер влияния, а потом повели враждебную пропаганду против православных, безосновательно обвиняя их в том, что они якобы преследовали в Китае не религиозные, а политические цели⁶¹.

В некоторых провинциях было всего по несколько станов, например, д. Шэньцзячжуан уезда Пинъинь пров. Шаньдун, или в пров. Цзянси — горный участок для строительства дач в Люлине, где трудились с 1898 по 1912 — монах Фавст, а после его смерти монах Иона, или расположенная неподалёку д. Сяочикуо, где стараниями Софрония Вана, окончившего православную школу в Шанхае, в 1912 г. крестились 60 человек.

Шанхаю суждено было со временем стать центром православия для пров. Цзянсу и Чжэцзян. В 1902 — 1908 гг. здесь трудились иерод. Евстафий и катехизатор Александр Чэн. В 1908 г. в Шанхай прибыл брат Начальника Миссии — свящ. Павел Фигуровский, усилиями которого вера стала распространяться в городах и селах по близости от Шанхая. Открылись школы на северном берегу Янцзы в Хаймэне, Хуэйтунчжэне, Саньянчжэне, Линдяньчжэне. После 1910 г. образовались православные общины в пров. Чжэцзян в г. Тайчжоу (в его округе имелись станы в Линхайсяне, Хуаняньсяне, Луцяо, Вэньлинсяне, Синьхэ, Цяньцзе), Ханчжоу, Нинбо и Шипу (в округе станы в Яньцанцяне и Тяньяньху). В 1916 г. численность православных в округе превысила 1000 человек, и было

⁶¹ С. В. А.-в. Русская миссия в Китае. // Там же. Вып. 9, 1913. С. 16.

решено направить в Шанхай архим. Симона для заведования миссионерскими станами в южных провинциях⁶². Очевидно, что не будь трагических событий в России, проповедническая деятельность на юге Китая продолжала бы успешно развиваться. В одном только 1916 г. в пров. Хубэй, Чжэцзян и Цзянси было крещено 578 человек⁶³.

В Монголии имелись два стана — в Калгане (с 1898 г.) и Бадаханьгоу (с 1913 г.).

В пров. Чжили из-за непосредственной близости Пекина миссионерских станов было особенно много. Их можно разделить на две группы с центрами соответственно в Юнпинфу и Тунчжоу.

Летом 1898 г. Начальник Миссии начал строительство церкви и дачи в Цзиньшаньцзуе неподалеку от Бэйдайхэ, на берегу Желтого моря. Через год туда приехал учитель и открылась школа. Из-за обилия обращающихся их часто крестили в море. В д. Люцзяин, Тайин (впоследствии организована школа) и Цяньнань появилось много православных.

При усадьбе Миссии служил сторож Тан-хэ, переживший бедствия ихэтуаньского восстания и продолжавший охранять восстановленную в 1901 г. церковь Преображения Господня. Его сыновья Михаил и Павел учились в миссийской школе в Пекине. Одному из братьев было суждено посвятить себя Церкви. Михаил Тан стал диаконом, а в январе 1908 г. был рукоположен во священника для служения в храме в Юнпинфу. Преосв. Иннокентий специально приобрел здесь дом и участок земли для миссионерского стана (соответственно в 1904 и 1906 гг.), где вскоре был построен храм во имя Св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (освящена в 1905 г.) и открыта школа, которая, однако, время от времени закрывалась из-за отсутствия учеников.

⁶² Там же. Вып. 15 — 16, 1916. С. 26.

⁶³ Там же. Вып. 1 — 2, 1917. С. 9.

Трудности миссионерской работы объяснялись не столько неопытностью молодого священника, сколько мощным присутствием в городе римо-католиков, резиденция их епископа находилась как раз в Юнпинфу. О. Михаил Тан, тем не менее, усердно проповедовал и основал в 1910 г. православные общины в Луаньчжоу, Бэйцзявопу, Ванцзечжуане, Чанминчжуане, Кайпине и Таньшане. Всего о. Михаил Тан опекал около 600 православных в 40 пунктах. У священника вскоре появились помощники, катехизаторы-китайцы. В 1912 г. православный Мефодий Бао предоставил дом для проповедей в д. Чангэчжуан, а в 1913 г. Петр Чжан подарил землю и построил на ней небольшую церковь в д. Лувэйшань. Оба они активно миссионерствовали и способствовали крещению своих односельчан⁶⁴.

Миссионерский стан в Тунчжоу (с 1910 г. имелся молитвенный дом) возглавлял свящ. Михаил Мин, также рукоположенный в январе 1908 г. К его ведению относились православные общины в населенных пунктах Сицзи, Ванцзячжуан, Паодисянь, Цюйкоучжэнь, Сянхэсянь, Чжайлоцунь, Жэньсиньчжуан, а также стан в д. Дундинань. Жители этой деревни еще в 1861 г. обратились к иером. Исае (Поликину) с просьбой о крещении. Первоначально там был оборудован походный храм во имя Свят. Иннокентия Иркутского, уничтоженный впоследствии ихэтуанями. Вновь построенная церковь была освящена во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. На стане работала школа. Руководил станом послушник Георгий Солуданов⁶⁵.

Наконец, последний стан — это скит в горах Сишань под Пекином в полутора километрах от д. Мынтоуцунь. Преосв. Иннокентий в 1910 г. купил здесь кумирню с прилегающими землями, которая была переоборудована под Крестовоздвиженский скит, заведовать которым был назначен послушник

⁶⁴ Миссионерская деятельность Пекинской Духовной Миссии за 1902—1913 годы // Там же. Вып. 3 — 4, 1914. с. 5.

⁶⁵ Георгий Яковлевич Солуданов, в монашестве Евангел (с 1912 г.),

Георгий Федосеев⁶⁶. Территория скита расширялась в 1912 и 1913 гг., вскоре там были возведены многочисленные постройки, в том числе церковь, школа и зал для проповедей.

Обладая более чем ограниченными возможностями, Российская Духовная Миссия в Китае тем не менее добилась в предреволюционные годы XX в. действительно поразительных результатов в деле распространения Православия в китайской глубинке. По данным на конец 1915 г., в Пекине и шести провинциях Китая, где шла миссионерская работа, насчитывалось 5587 крещеных китайцев⁶⁷. Эти люди не получили от Православной Церкви никаких привилегий или материальных выгод, многие из них сами искали возможности креститься или перейти из инославия в Православие, посильным участием поддерживали существование миссионерских станов — этих островков Православного просвещения, начавших было зарождаться на просторах Китая. Исторические события жестоко вмешались в этот процесс, прекратив его. Может быть не навсегда?



род. в 1874 г., крестьянин Пензенской губернии, агроном, служил в армии, был вдов, приехал в Китай в 1907 г. вместе с сыном, быстро освоил китайский язык и проповедовал. — Там же. Вып. 4, 1912, с. 4.

⁶⁶ В монашестве Орентий (с 1912 г.), род. в 1886 г., крестьянин Рязанской губернии, кузнец, с юности испытывая склонность к монашеству поступил в общежительный монастырь в Малоярославце (видимо, Черноостровский Николаевский) Калужской губернии, прибыл в Пекин в 1911 г. — Там же. Вып. 4, 1912, с. 4.

⁶⁷ Там же. Вып. 1—2, 1916, с. 22.



А. С. Ипатова*

Российская Духовная Миссия в Китае: век двадцатый

Стоял июнь 1935 г. Прекрасная летняя погода, какая бывает только в Пекине и только в июне, в преддверии изнурительного футяня. Умиротворяющий покой, чистое почти синее небо, лишь издалека из ламаистского монастыря Юнхэгун время от времени доносятся мерные звуки барабана, да торговец-разносчик лениво, нараспев выкрикивает что-то, предлагая свой нехитрый товар. И снова тишина...

А здесь, в Северном подворье (Бэйгуань), резиденции Российской Духовной Миссии царит торжественно-праздничная атмосфера. Небывалое скопление людей, словно "весь Пекин" съехался сюда. Над разноликой, разноязычной нарядной людской толпой, заполнившей тени-

* © А. С. Ипатова

стые аллеи старинного парка, над белым маревом цветущих акаций, устремляясь ввысь, плывет колокольный звон. Ему вторит торжественное песнопение архиерейского хора. Пекинская Миссия празднует свое 250-летие.

Словно эхо минувших столетий, вобравшее в себя все созданное, пережитое и выстраданное в стенах Пекинской Миссии, звучат под сводами Успенского собора благодарные слова Начальника Миссии архиепископа Пекинского и Китайского Виктора, произнесенные им при открытии торжественного акта 23 июня:

“Трудами многих поколений строилась Миссия, молитвами святых подвижников освящено ее прошлое; Святитель Иоанн, митрополит Тобольский, Святитель Иннокентий, епископ Иркутский, принимали непосредственное участие в ее возникновении и развитии; много знаменитых ученых, много выдающихся политиков воспитала она в тиши своих стен; свидетельницей великих событий в истории Китая была она и не только свидетельницей. О многом рассказывает ее 250-летняя история...”¹

Пекинская Миссия была не единственной, но самой ранней по времени основания из зарубежных миссий Русской Православной Церкви². Вместе с тем Российская Духовная Миссия в Пекине была уникальным российским учреждением за рубежом, не только представлявшим в цинском Китае Русскую Православную Церковь, но и на протяжении 150 лет — с 1715 по 1864 г. — выступавшим в качестве неофициального дипломатического представительства России в Китае.

¹ Китайский благовестник. 1685—1935. Юбилейный сборник, посвященный 250-летию со дня основания Российской Православной Миссии в Китае. Пекин, 1935. С. 13.

² Кроме Пекинской Миссии, у Русской Православной Церкви было еще четыре миссии: в Иерусалиме (1847), Урмии (Персия, 1898), Японии (1871) и Сеуле (Корея, 1897).

В те годы, особенно в XIX в., дипломатические функции составляли главное содержание ее деятельности. Неоценим вклад Пекинской Миссии и в развитие отечественного китаеведения, которое зародилось и сформировалось как комплексное изучение Китая именно в ее стенах. Созданная для духовного окормления пленных албазинских казаков, уведенных цинскими войсками в 1685 г. в Пекин, Миссия в тот период, следуя инструкциям Петербурга, крайне мало уделяла внимания распространению православия среди китайцев, как правило, ограничиваясь паствой из албазинцев и их потомков.

Положение кардинальным образом изменилось после подписания в 1858 г. серии Тяньцзиньских договоров Китая с западными странами, согласно которым в Пекине открывались дипломатические представительства различных государств, в том числе и России³. С учреждением в столице Китая Российской Дипломатической Миссии от Духовной Миссии отошла ее важнейшая функция — дипломатическая. Однако полное разграничение сфер деятельности состоялось лишь в 1864 г., когда произошла очередная смена состава Пекинской Миссии.

Вопросы разграничения сфер деятельности Духовной и Дипломатической миссий, равно как и реорганизации первой из них, обсуждались и решались на самом высоком государственном уровне: Министерством иностранных дел и Министерством юстиции России, Синодом,

³ Текст русско-китайского Тяньцзиньского договора от 1 июня 1858 г. см. : Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 30—34. Текст англо-китайского Тяньцзиньского договора от 26 июня 1858 г., во 2-й и 3-й статьях которого содержится подробное разъяснение относительно возможности назначения дипломатических представителей Англии в Китае и условия их пребывания там, см. : *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 58—61.

Государственным Советом, императором. В основу были положены Предположения, разработанные Азиатским департаментом МИД от 24 июля 1863 г. за N 2306 "О преобразовании Пекинской Духовной Миссии и назначении в состав Миссии Дипломатической врача и трех студентов (*jeunes de langues*)"⁴.

Кратко осветив историю Российской Духовной Миссии в Пекине, ее деятельность на протяжении 150 лет, Азиатский департамент сосредоточился на детальной разработке ее нового статуса, функций, состава, финансов. Этот документ, составленный по предварительному согласованию с Синодом, был представлен на рассмотрение в Государственный Совет.

В 16 пунктах Предположений было подробно расписано все, что касалось организации жизнедеятельности этих двух миссий.

Согласно пункту 1-му Предположений, "Духовная Миссия, утрачивая свое прежнее учено-политическое значение и состоя только из духовных лиц, принимает характер исключительно духовный и представляется потому в полное заведование и распоряжение духовного ведомства, и все духовные члены ее отчисляются от состава Миссии Дипломатической". Таким образом, согласно документу, от Духовной Миссии отходили две функции, которые на протяжении 150 лет ее существования составляли важнейшее содержание всей деятельности Миссии.

Пункт 2-й сохранял за Духовной Миссией лишь ее Северное подворье (Бэйгуань), Южное (Наньгуань) отходило к Дипломатической Миссии⁵. В соответствии с этим

⁴ Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 2—15. Далее РГИА.

⁵ По соседству с российской Дипломатической Миссией расположились также дипломатические представительства других государств, и это место вскоре стал называться Посольским кварталом на ул. Дунцзяоминаньян.

“Храм Сретения Господня — при Южном подворье — из первоклассного Ставропигиального монастыря переименовывается в церковь при Посольстве, храм же Успения Божией Матери — при Северном подворье, — в первоклассный монастырь”. Этот пункт фактически закреплял уже сложившуюся ситуацию: в июне 1861 г. архимандрит Гурий переехал в Бэйгуань.

Отныне штат Миссии определялся численностью в 6 человек: начальник, три иеромонаха, священник и катехизатор, причем двое последних могли быть из числа китайцев⁶. Врач и трое студентов из Духовной Миссии переводились в Дипломатическую, должности художника и еще одного студента упразднялись. В обязанности врача входило и лечение членов Духовной Миссии. Выказывалась вполне аргументированно мысль о назначении Начальником Миссии не архимандрита, а епископа, чтобы для посвящения в сан священников лиц из числа потомков албазинцев или китайцев, не отправлять их в Россию, а совершать рукоположение на месте, в Пекине. Хотя это предложение серьезно обсуждалось, но в то время не было реализовано, так как с повышением уровня представительства требовалось увеличение штата и размеров финансирования до 14560 руб. ежегодно, плюс дополнительное ассигнование на постройку ризницы и пополнения церковной утвари.

Вдвое сократилось по сравнению с прежним финансирование Миссии — с 17750 руб. до 8875 руб. в год.

Русская православная церковь, остававшаяся в Посольском квартале, — памятник архитектуры и зодчества XVIII в. — самое раннее из иностранных зданий в Пекине. Построенная в 1728 г., она выдержала не одно землетрясение, в том числе и очень сильное в 1730 г. Разрушена в 1991 г.

⁶Прежде численность членов Миссии колебалась от 10 до 13 человек вместе со светскими лицами и прикомандированными учеными.

Сверх того, согласно ст. 10 русско-китайского Тяньцзиньского договора, китайское правительство освобождалось от содержания Миссии⁷.

В ведении Начальника Духовной Миссии оставались все земли, дома и другая недвижимость. Доход от этой собственности шел на нужды самой Миссии.

Изменялся и порядок смены состава Духовной Миссии в соответствии с той же ст. 10 договора: прежний срок пребывания в Китае общий и единовременный для всех членов Миссии (10 лет, а затем 6 лет) отменялся.

Теперь, по усмотрению Синода, священнослужители могли оставаться в Китае на неопределенное время. Не возбранялось и желание остаться в Китае в качестве миссионеров на всю жизнь. Отменялось и существовавшее ранее право членов Миссии на получение пенсий по возвращении в Россию. Вместе с тем Синоду предоставлялось право "ходатайствовать о награждении пожизненным пособием из сумм Государственного Казначейства тех из миссионеров, которые, возвратившись в Отечество по истечении не менее десяти лет, при болезненном состоянии или старости, за примерную жизнь и полезные труды будут признаны достойными"⁸.

Особого внимания заслуживает пункт 11, определявший взаимоотношения и субординацию двух Российских

⁷ На содержание Российской Духовной Миссии поначалу отпускались из Иркутска меха, поступавшие от сбора ясака. Члены Миссии сами должны были продавать их в Пекине китайским купцам. Лишь с 1819 г. Миссия стала получать ежегодное содержание в размере 17750 руб. Эта сумма оставалась неизменной вплоть до 1864 г. По возвращении в Россию члены Миссии получали пожизненную пенсию, если представляли полноценные научные труды (РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 3 об. — 4). Сверх того еще с XVIII в. Миссия получала содержание от китайского правительства, равное 855 руб. 50 коп. серебром на всех ее членов и по 24 пуда риса на каждого из них в год. Размеры содержания также оставались неизменными.

⁸ РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 8 об.

Миссий в Китае — Духовной и Дипломатической: “11. Духовная Миссия во всех тех случаях, где действия и распоряжения Начальника оной будут соприкасаться с Государственными постановлениями страны или политическими отношениями России и Китая, должна обращаться к Министру-Резиденту, как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с Китайским Правительством. Отношения Начальника Миссии к Министру-Резиденту будут в подробности определены инструкцией от Святейшего Синода”⁹.

В письме на имя государственного секретаря от того же 24 июля 1863 г. Министерство иностранных дел сообщало, что по предложению Синода, размер пожизненного пособия для наиболее достойных членов Миссии по их возвращении должен составить $\frac{1}{3}$ от назначенного им нового жалования.

Предложения МИД рассматривались в Государственном Совете. В результате обсуждения было принято “Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, предложенное Правительствующему Сенату Управляющим Министерством Юстиции от 21 ноября. — О преобразовании Пекинской Миссии и назначении в состав Миссии Дипломатической врача и трех студентов”. Этот документ практически повторил все основные положения, сформулированные МИД, с некоторыми дополнениями. Так, на одного из членов Духовной Миссии возлагалась обязанность “исправлять церковную службу при Миссии Дипломатической”. Согласно мнению Госсовета, Начальником Миссии оставался архимандрит. В связи с этим был включен специальный пункт, предоставлявший МИД по соглашению с Синодом по мере необходимости запраши-

⁹ Там же, л. 8 об. — 9.

вать дополнительные к смете средства для отправки в Россию для посвящения в сан албазинцев или китайцев-христиан.

Государственный Совет предложил следующий состав Духовной Миссии и размеры ее содержания по отдельным статьям расходов.

Штат Духовной Миссии в Пекине¹⁰

	Числен- ность	Одному в год	Всего <i>рубли серебром</i>
Начальник Миссии (Архимандрит)	1	2,500	2,500
Иеромонахов	3	1,300	3,900
Священник	1	250	250
Катихизатор	1	200	200
Учителей китайского языка	3	150	450
Церкви	—	—	250
Подворья (наем привратника, дворников и ремонт зданий)	—	—	500
На содержание Библиотеки (покупки книг и других учебных пособий)	—	—	250
Училища для детей Албазинцев и Китайцев	—	—	1,000
Экипажа при монастыре	—	—	500
На экстраординарные расходы, в том числе на подарки	—	—	500
—разъезды Миссионеров вне Пекина по делам проповедования	—	—	300
Итого, руб.	—	—	10,600

¹⁰ Там же, л. 35 об.

1 января 1864 г. последовал указ Государя Александра II завершивший официальное закрепление нового статуса Пекинской Миссии.

В 1875 г. по представлению российского посланника в Китае штат Духовной Миссии был увеличен, увеличены и ассигнования на ее деятельность. В конце 1876 г. Государственный Совет утвердил сумму ежегодного содержания Миссии в размере 15000 руб, выделив также единовременное ассигнование на ремонт зданий в сумме 16500 руб.¹¹

В столь ответственный момент реорганизации Духовной Миссии в высшей степени было важно сделать правильный выбор при назначении Начальника новой, 15-й Миссии. Выбор пал на архимандрита Палладия (Кафарова), который был вызван из Рима, где служил настоятелем церкви Российского посольства¹². И он согласился вторично возглавить Пекинскую Миссию. Лучшей кандидатуры трудно было бы найти. Это был представитель православного духовенства, за плечами которого 15 лет, проведенных в Пекине в составе 12-й и Начальником 13-й миссий, признанный в мировой науке ученый-китаевед, дипломат-практик.

¹¹ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. С. 157—158.

¹² Архимандрит Палладий (Кафаров), (1817—1878), — известный русский востоковед, провел в Китае в общей сложности около 30 лет. Происходил он из духовного сословия, окончил Духовное училище, затем Казанскую Семинарию и Петербургскую Духовную Академию. В 1839 г. был включен в состав 12-й Миссии и пробыл в Пекине с 1840 по 1847 гг. Затем по рекомендации Начальника Миссии архимандрита Поликарпа (Тугаринова) был отозван в Петербург как кандидат на должность Начальника следующей Миссии. В 1848 г. возведен в сан архимандрита и назначен Начальником 13-й Миссии (1850—1858). Вторично возглавил Миссию (15-ю) в 1865—1878 гг. В 1878 г. серьезно заболел в Пекине и по совету врачей срочно выехал в Россию морским путем через Европу. Но, не доехав до России, 6 декабря 1878 г. скончался в Марселе от разрыва сердца. Похоронен в Ницце.

О. Палладий оправдал возложенные на него надежды. Плавно, с минимальными издержками осуществил он перестройку жизнедеятельности Миссии, сохраняя вместе с тем лучшие ее традиции, прежде всего, продолжение и развитие научного изучения Китая.

За неполных 14 лет пребывания в Пекине в качестве главы 15-й Миссии архим. Палладию удалось усилиями малочисленного штата сохранить старейшую школу русского китаеведения. Именно в это время в стенах Пекинской Миссии создавался его "Китайско-русский словарь".

Энциклопедические знания и научный авторитет влад. Палладия — ученого — и в эти годы были востребованы Отечеством, о чем говорит его участие в научной экспедиции Русского географического общества в Южно-Уссурийском крае в 1869—1870 гг. в качестве ее руководителя.

Не менее полезным был и дипломатический опыт архим. Палладия, накопленный им в бытность Начальника 13-й Миссии (1850—1858), его блестящее знание восточных языков и самого Китая. Все это особенно важно было в самом начале деятельности официального дипломатического представительства России в Китае.

Но за всеми этими делами Начальник 15-й Миссии не забывал о новом главном направлении ее деятельности — миссионерстве. Первоочередное внимание было обращено на перевод богословских сочинений и богослужебных текстов на китайский язык, так как церковная служба, по-прежнему, совершалась только на старославянском языке, почти непонятном для потомков албазинцев и тем более для китайцев. Члены Миссии занялись уточнением и редактированием переводов, которые были сделаны их предшественниками, начиная с первых миссий. Им помо-

гали китайцы, в их числе учитель-конфуцианец Лун Юань, имевший ученую степень "цзюйжэнь" (эта степень давалась в цинском Китае лицам, выдержавшим экзамен в провинциальном центре), который уже в течение многих лет занимался вместе с членами Миссии сверкой переводов.

Архимандрит Палладий, заботясь о подготовке священнослужителей из местного населения, обратил внимание на способного мальчика по имени Цзи Чунь. Воспитание и обучение его о. Палладий доверил Лун Юаню. Покидая Миссию, он поручил своему преемнику архимандриту Флавиану подготовить юношу к принятию сана священнослужителя. В 20 лет Цзи Чунь стал катехизатором, а в 1882 г. в возрасте 27 лет принял посвящение в сан священника от рук Начальника Японской Миссии, равноапостольного Николая (Касаткина) в 1882 г. Митрофан Цзи стал первым православным священником из китайцев и в том же году начал богослужение на китайском языке.

Научная деятельность двух последующих миссий не была столь яркой и плодотворной. Наиболее заметный вклад в науку внесли два члена 16-й и 17-й миссий — иеромонахи Николай (Адоратский), автор публикуемой в настоящем сборнике книги, и Алексей (Виноградов)¹³.

Все усилия крайне малочисленного состава этих двух миссий (иногда она сокращался до двух человек) были направлены на создание базы для миссионерской деятельности, перевод на китайский язык богословских и богослужебных книг, организацию китайского церковного хора. В эти годы при Миссии наряду с мужской была открыта и женская школа. Однако не только малочисленность Мис-

¹³ О жизни и деятельности иеромонаха Алексея см.: *Чигринский М. Ф.* Иеромонах Алексей (Виноградов) в Отпиной пустыне // *Православие на Дальнем Востоке.* С. 54—62.

сии, но отсутствие необходимых средств мешали активизации миссионерской деятельности.

Наибольшего размаха миссионерская деятельность достигла во время 18-й Миссии и связана с именем ее Начальника архимандрита, а затем епископа и митрополита Иннокентия (Фигуровского). С его именем связана целая эпоха в истории Пекинской Миссии: он возглавлял ее на протяжении 35-ти предельно насыщенных бурными событиями лет в истории России и Китая — с октября 1896 по июнь 1931 г.

Архимандрит Иннокентий, в миру Иоанн Аполлонович Фигуровский родился 23 февраля 1863 г. в семье священника Енисейской епархии. Учился в Томской Духовной Семинарии, но в 1882 г. уволился, служил в течение двух лет псаломщиком, а в 1884 г. был рукоположен в сан священника и двумя годами позже поступил в Петербургскую Духовную Семинарию. В 1888—1892 гг. — студент Петербургской Духовной Академии. В 1890 г. был пострижен в монахи с именем Иннокентий. В 1892 г. по окончании Академии получил степень кандидата богословия и назначение смотрителем Александро-Невского Духовного училища. В 1894 г. был возведен в сан архимандрита и переведен на должность ректора Петербургской духовной Семинарии. В 1895 г. получил назначение в миссионерский Покровский монастырь в Москве. Но вскоре, 3 октября 1896 г. был назначен Начальником 18-й Миссии в Пекине.

По признанию многих современников, вл. Иннокентий во всех отношениях был фигурой колоритной. “Трибун по умению внушать свои мысли, ученый по знаниям и богатырь по внешнему виду он сразу же умел располагать к себе слушателей”, — писал о нем вскоре после его смерти один из выпускников Владивостокского Восточного ин-

ститута, проходивший в 1916 г. стажировку в Пекинской Миссии¹⁴.

В 1896 г., получив назначение, архим. Иннокентий посетил бывшего Начальника 16-й Миссии архиепископа Флавиана, чтобы воспользоваться его советами и опытом. Затем, по указанию обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, отправился в Пекин не накатанным почти за 200 лет предыдущими миссиями маршрутом — через Сибирь и монгольские степи, — а выехал сначала в Западную Европу, чтобы там на месте познакомиться с постановкой миссионерского дела у своих западных коллег. Он посетил Лондон, Оксфорд, Париж, Рим. Побывал на Афоне, где безуспешно пытался найти среди монахов желающих служить в Пекинской Миссии. Дальнейший путь его лежал через Суэц, Аден, Коломбо, Индию и далее на восток к берегам Китая. В Пекин глава 18-й Миссии прибыл 1 марта 1897 г.

Человек деятельный, полный всевозможных планов и проектов о. Иннокентий, не покушаясь на научные традиции Миссии, сразу же приступил к преобразованиям, расширению и упорядочению ее деятельности, к перестройке Бэйгуаня. Всем этим ему пришлось заниматься до конца своих дней.

Выгодно обменяв в Русско-китайском банке русские серебряные рубли на местную валюту, он открыл типографию с наборным шрифтом. В школах Миссии ввел преподавание русского языка. Сам же занялся изучением китайского и английского языков. И весьма успешно.

Много времени и сил уделял о. Иннокентий миссионерству. Обозначились два направления в этой деятельности.

¹⁴ Китайский благовестник. 1685—1935. С. 60.

Все предшествующие годы духовное окормление Миссии распространялось главным образом на потомков албазинцев. Теперь, в конце XIX в., в Китае уже сложились центры компактного проживания российских подданных, занятых, в частности, на строительстве железных дорог. Глава Миссии сам выезжал в эти места и был потрясен ужасающими условиями жизни своих соотечественников. Улучшение их жизни и духовное окормление их стали важнейшими задачами Миссии на этом этапе.

Наряду с этим расширилась проповедь православия среди китайцев. По данным отчета Начальника Миссии за 1898 г., к концу этого года она имела 5 церквей (и 5 священнослужителей), ее паства состояла из 120 русских, живших в Пекине, Тяньцзине и Калгане, и 458 китайцев. Православие вышло за пределы городских стен Пекина.

Волна антимиссионерских выступлений, прокатившаяся по Китаю в последней трети XIX в., не коснулась Российской Духовной Миссии. К ней китайцы сохраняли традиционно доброжелательное отношение. И лишь восстание ихэтуаней ("боксерское восстание") не обошло ее стороной. Когда в начале июня 1900 г. отряды повстанцев стали приближаться к Пекину, китайские власти, заверив членов Миссии, что им нечего опасаться, взяли охрану Бэйгуаня на себя, выделив для этого с десятков вооруженных копьями стражников. Тем не менее, по настоянию русского посланника М. Н. Гирса, все члены Миссии 9 июня (27 мая) покинули Северное подворье и перебрались в Посольский квартал, взяв с собой только самое ценное из церковной утвари, уместившееся на четырех подводах, да главную реликвию Миссии — икону Святителя Николая Мирликийского из албазинской церкви, принесенную в 1685 г. пленными казаками с собою в Китай.

Вступив в Пекин 11 июня, повстанцы все накопившееся у них недовольство, протест, как и в других местах, выплеснули против всего иностранного и, в первую очередь, против иностранных духовных миссий, миссионеров и китайцев-христиан. 13 июня, спустя 2 дня после занятия столицы отрядами ихэтуаней были сожжены 8 христианских храмов, поджоги продолжались и в последующее время¹⁵.

Трагическая судьба постигла и Бэйгуань, за одну ночь превратив его в руины и дымящиеся развалины, что не сгорело, было разграблено и порушено.

Никто из членов Миссии не пострадал. Но и укрывшись за высокими стенами Посольского квартала, они вместе с дипломатическим корпусом и другими иностранцами подверглись 56-дневной осаде.

1 августа 1900, на второй день после снятия осады, когда еще на улицах Пекина гремели выстрелы, вл. Иннокентий отправился в Бэйгуань, на месте которого обнаружил лишь развалины. В пламени пожара погибла уникальнейшая библиотека, терпеливо и целенаправленно собиравшаяся стараниями и энтузиазмом членов 18 миссий. Сгорел ценнейший архив, хранивший свидетельства почти 200-летней деятельности Миссии. Погибла новая типография с уже готовыми к напечатанию книгами, среди которых было немало трудов архим. Палладия.

Побывав на пепелище, вл. Иннокентий не вернулся в Посольский квартал, а нашел приют в расположенном поблизости от Северного подворья ламаистском монастыре Юнхэгун, одна из кумирен которого была превращена в православную церковь. Китайские монахи отвели ему

¹⁵ Подробно об этом см.: *Калужная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898—1901). М., 1978. С. 199—206.*

императорские апартаменты. Сюда же стали стекаться и уцелевшие семьи китайцев-христиан.

По словам очевидцев, в те дни вл. Иннокентий спас китайскую святыню Юнхэгун от разграбления, преградив дорогу в монастырь отряду германских войск. Выйдя на встречу к непрошенным гостям, архимандрит заявил, что он — глава Российской Духовной Миссии в Китае, что временно живет здесь и что не позволит кому бы то ни было причинить вред монастырю и его обитателям. Внушительный вид, решительная речь, да и просто присутствие европейца сыграли свою роль. Любители легкой наживы быстро ретировались.

Китайские власти высоко оценили этот благородный поступок русского священника и в знак благодарности подарили Российской Духовной Миссии дворец опального гуна (князя) с принадлежавшими ему постройками и весьма обширной территорией, прилегавшей к Северному подворью¹⁶. И впоследствии здесь располагались апартаменты Начальника Миссии. Этот комплекс домов традиционной китайской постройки сохранился по сей день на территории нашего Посольства и вошел в обиход под названием “красная фанза” (“красный дом”).

Приближалась осень, члены Миссии стали обустриваться. Начальник Миссии купил несколько десятков полуразрушенных домишек вблизи Северного подворья для семей китайцев-христиан, оставшихся без крова. Вскоре, разбирая завалы, обнаружили зверски убитых 222 православных китайца; их тела были сброшены в колодезь Миссии. Погибших похоронили на территории подворья.

¹⁶ *Архиепископ Мелетий*. Великий путь Пекинской Духовной Миссии // Китайский благовестник. 1685—1935. С. 46. Другие авторы считают, что дворец был куплен Миссией.

Вскоре на этом месте выстроили храм Всех святых мучеников в память об убиенных.

Разрушениям подверглись православные храмы и в других городах. Ущерб, понесенный Миссией, был настолько велик, что под вопросом было ее дальнейшее существование. Однако в 1902 г. Синод принял постановление об учреждении для Китая самостоятельной епископии, возложив на нее задачу активизации миссионерской деятельности. Архимандрит Иннокентий был возведен в сан епископа Переяславского (а затем и митрополита).

По возвращении из России епископ Иннокентий с удвоенной энергией взялся за восстановление и расширение Миссии. На средства, полученные из России, а также за счет компенсации китайских властей за ущерб, причиненный Миссии в 1900 г., ему удалось существенно расширить территорию Северного подворья и построить заново, либо отремонтировать: дворец опального гуна с прилежавшими к нему постройками, в одной половине которого была устроена домовая церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского (освящена в 1902 г.), в другой размещены архиерейские покои; выстроены Успенская церковь (1903), братский корпус для братии мужского монастыря с необходимыми службами, колокольня, храм Всех святых мучеников, а над ним в верхнем этаже вновь отстроена церковь Свт. Николая, корпус для женской общины, типография, канцелярия, живописная мастерская, мыловарня, жилые помещения для белого духовенства, школы, склады, кирпичный завод, пасека, устроен скотный двор, территория Миссии обнесена каменной оградой. Было восстановлено русское кладбище за воротами Аньдинмэнь, расширено и обнесено оградой, там построен храм во имя преп. Серафима Саровского и устроена богадельня для убогих и нищих, причем не только православ-

ных, но и для всех нуждавшихся. За воротами Дунчжизмэнь было построено здание для школы и проповеднического зала. В 1915 г. на территории Миссии было выстроено новое здание библиотеки (см. план).

Строительство велось постоянно. Именно для этих целей и понадобился кирпичный завод, который не только обеспечивал все миссийское строительство, но и сверх того приносил некоторый доход от продажи кирпича. В окрестностях Пекина располагалась метеорологическая станция Миссии. В те же годы были построены литография, механическая, гальванопластическая мастерские, переплетная, мастерская рукодельных изделий, ткацкая мастерская, промышленное бюро¹⁷.

Были заложены, восстановлены или построены православные храмы, церкви и часовни в других городах Китая, в том числе в Шанхае, Порт-Артуре, Тяньцзине, Юнпинфу, дер. Дундинъань. Подлинным украшением Харбина стал Свято-Николаевский собор, отстроенный вместо деревянной церкви Свт. Николая — первой православной церкви в Харбине, и видимо, во всем Северо-Восточном Китае. “Жемчужиной Харбина” называли его местные жители, считали самой дорогой достопримечательностью города. Храм был разрушен в годы так называемой культурной революции, но о нем вспоминают харбинцы и по сей день¹⁸.

¹⁷ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 8—9.

¹⁸ Об этом свидетельствуют публикации в харбинской прессе и научных журналах. См. напр.: Гао Я. Харбин дунчжэнцзяо хуэй (Харбинское православное общество) // Сюэси юй тансо. 1982. № 9. С. 33—34; Шэ Цзюэ. Хадунчжэнцзяо тан (Харбинский православный храм) // Хабао. 1985. 02. 11; Лю Сунфу. Шэн Никэла цзяотан (Свято-Николаевский храм) // Синь вань бао. 1985. 03. 18; Чжао Сиган. Хаэрбин шэн Никэла дацзяо тан (Харбинский Свято-Николаевский собор) // Хаэрбин ши чжи. 1986. № 4. С. 78—79, 37.

А в Санкт-Петербурге тем временем в течение года трудились писцы, восстанавливая в столичных архивах сгоревший архив Миссии, копируя документы Пекинской Миссии, а также все, имевшее к ней отношение.

Вместе с вернувшимся из России в августе 1902 г. епископом Иннокентием прибыло и пополнение Миссии: 5 иеромонахов, 1 священник, 1 иеродиакон, 1 диакон, 11 послушников, 2 техника и 2 художника и еще 11 мастеровых. Это было существенное пополнение. Монашеские и послушники составили братию Успенского мужского монастыря, настоятелем которого стал сам Начальник Миссии; наместником — возведенный в сан архимандрита о. Авраамий, служивший в Миссии с 1898 г.

С течением времени состав Миссии постоянно менялся, одни выбывали, другие вливались. Так, по данным на 1 января 1914 г., Миссия состояла из Начальника, 2 архимандритов, 1 игумена, 2 иеромонахов, 5 священников, 8 иеродиаконов, 1 диакона, 6 монахов, 7 послушников, 3 псаломщиков — всего 19 священнослужителей и 16 человек, не имевших священного сана. Кроме того, в Миссии работали 33 китайца, 24 из них в качестве учителей и катехизаторов (в том числе 1 албазинец) и 9 — служащих.

В 1903 г. приехали из России 5 монахинь во главе с монахиней Евпраксией, которая стала настоятельницей женской общины, а затем монастыря. К ним вскоре присоединилось несколько сестер. К 1914 г. в состав Миссии входило более 80 человек: 35 русских и 46 китайцев¹⁹.

За первые десять лет возрождения Миссии удалось многого достичь на миссионерской ниве, чему способствовал как новый статус ее Начальника, так и его несомнен-

¹⁹ Пекинская Духовная Миссия в 1902—1913 гг. // Китайский благовестник. 1914. Вып. 1-2. С. 13—14.

ный талант организатора, руководителя, обладавшего к тому же и неиссякаемой энергией, упорством в достижении поставленной цели, а главная цель заключалась для него в распространении православия в китайском обществе. Этому способствовало и расширение состава священнослужителей Миссии, хотя он ни в какое сравнение не шел с численностью западных христианских проповедников, хлынувших в те годы в Китай.

Но даже располагая такими немногочисленными силами и скромными финансовыми средствами, владыка Иннокентий сумел значительно расширить географию православных храмов, церквей, станов, которые несли православие населению Китая.

По данным "Отчета о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1914 год", в ее ведении состояли: Первоклассный Успенский мужской монастырь в Пекине, Крестовоздвиженский скит близ Пекина в горах Сишань (Западные горы), женский монастырь в Пекине, 5 подворий (в Петербурге, Москве, Харбине, Дальнем, на станции Маньчжурия КВЖД); 19 церквей (в Пекине, Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине, Юнпинфу, Бэйдайхэ, Лувэйшань, Дундиньань, Харбине, Дальнем, станции Маньчжурия, а также в Петербурге в поселке Отрадное под Петербургом и в Москве; 3 часовни и 5 кладбищ; миссионерские станы — в провинции Чжили — 14, в Хубэе — 12, в Хэнани — 4, Цзянсу — 1, в Монголии — 1, а всего в 32 пунктах, 1 семинария в Пекине, 17 мужских и 3 женские школы, богадельня близ Пекина за воротами Аньдинмэнь, где жили постоянно 16 человек и выдавалась еда для 67 человек²⁰.

Продолжала расширяться просветительская деятельность Миссии. В 1914 г. общая численность учащихся в

²⁰ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 8—9.

школах Миссии (учеников и учениц) превышало 500 человек. Школы — мужские и женские, средние и начальные — функционировали в Пекине (несколько школ), Тяньцзине, в городах и сельской местности, провинций Чжили, Хубэй, Хэнань. Только в 1913 г. были открыты 4 новые школы. Большинство преподавателей составляли китайцы, прошедшие курс обучения в школах Миссии и семинарии. Из 24 преподавателей только трое были русскими. 72 ученика и 22 ученицы полностью находились на иждивении Миссии и еще 11 учениц получали питание от Миссии. Среди учащихся немалый процент составляли взрослые рабочие и работницы²¹.

Начальник Миссии, стремясь к экономической самостоятельности, старался сделать ее материально независимой. С этой целью он открыл несколько магазинов, где работали в основном православные китайцы. В условиях хронического перепроизводства рабочих рук в Китае это было мерой и гуманной и дальновидной. Старожилы Пекина, да и наши дипломаты, находившиеся в китайской столице в конце 40-х — начале 50-х годов, хорошо помнят торговые лавочки Миссии в Центре Пекина и в других частях города.

Доход от этих предприятий шел на расширение религиозно-просветительской деятельности. С 1903 по 1917 г. Миссия приобрела и частично получила в дар от китайцев участки земли в разных районах Китая. Открывала там станы, школы, благотворительные заведения.

Возобновилось издание научных трудов прежних членов Миссии, прежде всего о. Иакинфа (Бичурина), а также иеромонахов Исаяи (Поликина) и Александра, занимавшихся изучением религиозных вероучений в Китае

²¹ Там же. С. 9.

и др. Были вновь напечатаны 4 тома "Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине". Изданные в 1852, 1853, 1857 и 1866 гг. они в начале XX в., став библиографической редкостью, не утратили своего научного значения.

В 1909 г. в типографии Успенского монастыря был отпечатан "Полный китайско-русский словарь" под редакцией епископа Иннокентия в 2-х томах очень большого формата. Словарь содержит 16845 иероглифов и 150 тыс. их сочетаний из произведений китайских классиков и разговорной речи²². Однако, по общему мнению китаеведов, этот словарь не только не превзошел знаменитый словарь Палладия, но и серьезно уступает ему прежде всего из-за недостаточной эрудиции и добросовестности помощников вл. Иннокентия, которым тот доверял составление карточек. Сам же он был постоянно и предельно занят.

Однако размах хозяйственной и миссионерской работы не заслонял собою не только научно-издательскую, но и благотворительно-патриотическую деятельность, особенно в трудные, драматические для Отечества периоды.

Так было во время русско-японской войны 1904—1905 гг. В Харбине 23 февраля 1904 г. по инициативе Начальника Миссии епископа Иннокентия на его квартире состоялось совещание. Обсуждался вопрос о тяжелом положении раненых и их семей, оставшихся без поддержки. Для организации такой помощи было решено учредить "Братство Православной Церкви в Китае", при нем Комитет "для попечения о больных и раненых и нуждающихся воинах и их семей". Возглавил "Братство" сам Начальник Миссии. Тут же был избран строительный комитет для

²² Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архим. Палладия (и П. С. Попова) и другим, под ред. епископа Иннокентия. Пекин, 1909. Т. 1-2.

строительства барака для больницы. Затем 11 марта был утвержден устав "Братства". Помимо благотворительной деятельности, которая не ограничивалась лишь помощью русским воинам, а распространялась и на местное население, особенно православных китайцев, в задачи "Братства" входили: организация жизнедеятельности православной общины в Китае, объединение всех православных христиан, живущих в пределах этой страны и борьба с нравственными пороками, прежде всего курением опиума, что было особенно актуальным для китайского общества.

На тех же уставных началах вскоре было открыто Пекинское отделение "Братства", однако его деятельность довольно быстро заглохла.

Одновременно было решено издавать печатный орган "Братства" — журнал "Известия Братства Православной Церкви в Китае". Это был самый ранний по времени основания русский журнал, издававшийся в Китае. Первый номер вышел 25 марта 1904 г. Журнал открывался "Воззванием епископа Иннокентия", в котором были сформулированы задачи "Братства".

В 1907 г. в связи с переходом православных церквей, расположенных на территории Маньчжурии, в ведение Владивостокской епархии (в ведении Пекинской Миссии там остались лишь подворья в Харбине, Дальнем и на станции Маньчжурия на КВЖД), указом Синода Миссия получила разрешение выпускать журнал в Пекине, переименовав его в "Китайский благовестник". Помимо текущей информации в журнале публиковались и серьезные научные статьи по миссионерству в Китае, по истории страны, истории ее религий и философии и т. п. "Китайский благовестник" печатался в типографии Успенского монастыря²³.

²³ Тридцатипятилетие Китайского благовестника // Китайский благовестник. 1939. Вып. 3-4. С. 1—3; Пекинская Духовная Миссия за 1902—1913 гг. // Там же. 1914. Вып. 1-2. С. 16, 22.

Узнав о вступлении России в первую мировую войну, члены Миссии приняли решение отчислять с 1 сентября 1914 г. на больных и раненых российских воинов и сирот погибших воинов по 5% своего содержания, а из содержания китайцев — по 3%²⁴.

Это был период наивысшего расцвета Миссии, ее благополучия. Годовой бюджет ее вырос до 100 тыс. рублей золотом. К 1917 г. капитал Миссии приближался к 1 млн. рублей и весь был помещен в русские военные займы.

К этому времени Миссия имела 2 монастыря (мужской и женский), 22 стана, 21 школу, 1 семинарию и богадельню²⁵, а также храмы и церкви в разных городах Китая. Открытые в России подворья приносили Миссии ощутимый доход.

Наступил 1917 г., год двух революций в России, повлекших за собою кардинальные перемены в стране, которые не могли не откликнуться в далеком Пекине на судьбе Российской Духовной Миссии, радикально изменив статус, направление, задачи и цели ее деятельности. Это — особая страница в истории Пекинской Миссии.

Разрушились связи с Отечеством, прекратилось поступление средств из России. С падением курса рубля и аннулированием военных займов Миссия лишилась значительной части своих доходов. Вместе с тем широкий размах ее разносторонней деятельности невозможно было быстро и безболезненно остановить. Миссия была обременена огромными долгами, для погашения которых пришлось продать имущество в Дальнем. Ценой огромных усилий епископу Иннокентию удалось избежать банкрот-

²⁴ Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 9.

²⁵ Китайский благовестник. 1685—1935. С. 29.

ства, значительно сократив деятельность Миссии и перейдя на самоокупаемость. Десять лет, вплоть до 1927 г., шла борьба за выживание Миссии.

В 1919—1921 гг. на Миссию обрушилось новое испытание — мощный поток беженцев и эмигрантов из Советской России. Поток был, действительно, мощным. Численность российской эмиграции в Китае, по данным различных источников, колебалась от 300 тыс. до 500 тыс. человек²⁶. Многие из них голодные и больные, все потерявшие, искали и находили кров и приют в Миссии. Сама крайне нуждавшаяся, она не отказывала им в посильной помощи.

Хотя российская диаспора в Китае отличалась социальной пестротой, но все же было очевидным преобладание военных, научной и творческой интеллигенции, не имевших ни крупных вкладов в иностранных банках, ни какой-либо недвижимости или иной собственности в Китае, равно как и иных источников доходов. Единственным средством их выживания был труд. Поэтому помощь Миссии, особенно в первое время была крайне важна и необходима для них. И Миссия по мере своих сил и возможностей заботилась о своих соотечественниках.

В эти годы Российской Духовной Миссии в Пекине довелось приютить не только беженцев из России, но и гробы, с останками восьми “алапаевских узников”, шестеро из которых были родственниками царской семьи. Это: великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, трое сыновей великого князя Константина

²⁶ Существуют и другие данные о численности российской эмиграции в Китае. Так, в монографии П. Е. Ковалевского речь идет о 200 тыс. русских в полосе отчуждения КВЖД (Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. С. 13).

Константиновича (Иоанн, Константин, Игорь), а также Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака, великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра жены Николая II, ее келейница инокиня Варвара и секретарь великого князя Сергея Михайловича Федор Ремиз. Все они были заживо погребены в заброшенной шахте рудника под Алопаевском 18 июля 1918 г. С приходом белых их тела были извлечены из шахты и захоронены, но при отступлении войск Колчака гробы с их останками были вывезены в Китай. В апреле 1920 г. они прибыли в Пекин и были временно помещены в склепе храма Всех святых мучеников; после сооружения склепа при храме прп. Серафима Саровского на русском кладбище были перенесены туда. Но прежде, в ноябре 1920 г. останки преподобномучениц Елизаветы и Варвары по желанию родственников великой княгини были отправлены через Тяньцзинь в Иерусалим, где установлены в православном храме.

Еще сложнее оказалась участь остальных шести останков, которые в 1938 г. в разгар японской агрессии в Китае и в связи с антирусской кампанией, развернутой японскими властями, вероятно, в целях большей безопасности снова были помещены в склепе храма Всех святых мучеников, где и находились до середины 50-х годов. Когда на территории Бэйгуаня началось строительство комплекса зданий Посольства СССР в КНР, останки "алопаевцев" снова были возвращены на русское кладбище.

Начальник Российской Духовной Миссии в Пекине не принял Октябрьской революции. Он, а вместе с ним и другие церковные иерархи, волею судьбы оказавшиеся в Китае (преимущественно на территории Маньчжурии), в начале 1921 г. признали себя подчиненными незадолго до этого образованному Церковному Управлению Заграницы.

цей. Пекинская Миссия вошла в состав Русской Зарубежной Церкви²⁷.

А вскоре Российская Духовная Миссия в Пекине чуть было не лишилась всей своей собственности. Дело в том, что одной из Деклараций, подписанной одновременно с советско-китайским 31 мая 1924 г. "Соглашением об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой" и посвященной Миссии, было заявлено обеими сторонами, что "в отношении сооружений и земельной собственности русских православных миссий подразумевается, что таковые принадлежат правительству Союза ССР". Судьба их решалась следующим образом: "Что касается сооружений и имуществ русской православной миссии, принадлежащих правительству Союза ССР и находящихся в Пекине и Поташу, то Китайское правительство примет меры для возможно немедленной передачи их, в соответствии с законами и правилами, существующими в Китае в отношении имуществ, находящихся в нем, как только правительство Союза ССР укажет лицо китайской национальности или соответствующую организацию.

До того же правительство Китайской Республики примет меры к охране указанных выше сооружений и имуществ и освобождению их от всех лиц, ныне в них проживающих". Далее в Декларации говорилось, что она "будет иметь ту же самую силу и значение, как и Генеральная декларация, включенная в Соглашение об общих принципах"²⁸. Но владыке Иннокентию удалось доказать, что вся собственность Миссии, как переданная ей или приобретен-

²⁷ Подробнее об этом см. статью: Свящ. Дионисий Поздняев. Российская Духовная Миссия в Китае в 1920—1930 гг. в наст. сборнике.

²⁸ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. документов. М., 1959. С. 86.

ная ею, принадлежит церкви, а не является собственностью Российского государства²⁹.

Непросто складывались отношения и с эмигрантами, которые считали, что Миссия должна прекратить проповедническую деятельность среди местного населения, а всецело сосредоточиться на их интересах. Владыке Иннокентию трудно было отказаться от дела своей жизни — миссионерства, размах которого и без того был уже существенно сокращен из-за критического финансового положения самой Миссии (в 1919 г. были закрыты православные станы на территории Китая).

После смерти в 1931 г. Начальника 18-й и краткой, всего двухлетней деятельности главы 19-й Миссии, владыки Симона (1931—1933), наступает особый период в истории Миссии. На смену хаотической, полной неопределенности и ощущения непродолжительности, временности зарубежной жизни для российской эмиграции приходит осознание невозможности их скорого возвращения на Родину.

Этот период в истории Миссии связан с именем владыки Виктора — первого Начальника Миссии из среды эмигрантов³⁰. Он вступил в должность Начальника 20-й Миссии в 1933 г. Синтезировав опыт своих предшественников с собственным, новый Начальник очень тактично провел реорганизацию, ориентируясь на эмигрантские кадры. Работа с эмигрантами остается важнейшим направ-

²⁹ Китайский благовестник. 1685—1935. С. 30.

³⁰ Подробно о владыке Викторе см.: *Кепинг О. В.* Последний Начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1933. С. 91—99; *Академик С. Л. Тихвинский.* Начальник 20-й Миссии — владыка Виктор (Воспоминания Генерального консула СССР в Пекине) // Там же, С. 84—91, а также в наст. сборнике.

лением деятельности Миссии. Постепенно — этот процесс начался еще при Иннокентии и Симоне — Пекинская Миссия становится цементирующим центром жизнедеятельности обширной русской колонии в Китае, центром церковно-общественного строительства.

Жизнь российских эмигрантов в Китае совпала с периодом революционных бурь и национально-освободительной войны против японских завоевателей, что не могло не сказаться и на их судьбе. Так, в начале 30-х годов после японской оккупации Северо-Востока Китая и образования там государства Маньчжоу-го значительная часть русских вынуждена была подняться с уже обжитых мест и перебраться в центральные районы, преимущественно в Шанхай.

Случилось так, что в Шанхае ко времени массового приезда туда русских (около 50 тыс. человек) не было ни одной православной церкви. Построенная в начале века церковь была разрушена в 1927 г., а новой так и не успели выстроить. Еще Владыка Симон был крайне озабочен этим, но денег в скудном бюджете Миссии на строительство нового храма не было.

Поначалу русские устроили церкви во временных бараках, но затем постепенно, буквально по крохам собрали необходимые средства. Так в Шанхае, на территории французской концессии, где поселились русские, они выстроили два великолепных храма, памятника русского церковного зодчества, созданных по проектам русских архитекторов. Один из них Свято-Николаевский храм-памятник был сооружен по проекту архитектора А. И. Ярона, другой — кафедральный собор во имя иконы Божьей Матери "Споручницы грешных" — по чертежам и проекту архитектора Я. Л. Лихоноса³¹. После назначения владыки Симона Начальни-

³¹ Петров В. Русский Шанхай // Проблемы Дальнего Востока. 1992. N 1-2-3. С. 168.

ком 19-й Миссии, Шанхайским викарием стал епископ Иоанн (Максимович).

Владыка Виктор, как и его авторитетнейшие предшественники — митрополит Иннокентий и архиепископ Симон — стремился к сохранению и приумножению лучших традиций Российской Духовной Миссии в Китае.

К числу наиболее торжественных и массовых мероприятий такого рода, организованных Миссией в те годы, следует отнести упоминавшееся выше празднование 250-летнего юбилея Пекинской Миссии.

Для подготовки и проведения торжеств, был создан юбилейный комитет во главе с почетным председателем епископом Виктором. 15 мая 1935 г. в преддверии и в связи с празднованием юбилея он обратился с посланием к верующим православным сынам великого китайского народа: "Чистая и мирная деятельность православной миссии никогда не нарушала законов и интересов Китайского государства; это много способствовало тому, что на протяжении многовековой истории мир между двумя великими соседними народами не нарушался", — писал вл. Виктор.

В духе традиций добрососедства и доброжелательности он обратился с призывом к китайцам, своим современникам, со следующими словами: "Наряду с русскими детьми в наших школах могут учиться и ваши дети; двери госпиталей открыты и для ваших больных; приюты — для ваших детей; убежища — для ваших старцев"³².

Торжества состоялись 21—23 июня 1935 г., кульминацией которых стал торжественный акт в Успенском соборе.

Ровно в 5 час. вечера под колокольный звон в сопровождении многочисленного духовенства из покоев Началь-

³² Китайский благовестник. 1685—1935. С. 10, 12.

ника Миссии вышли владыка Виктор и епископ Ювений в лиловых епископских мантиях, в дорогах, имеющих большую историческую ценность митрах и проследовали в Успенский собор, где отслужили благодарственный молебен. Затем здесь же, в соборе, под председательством владыки Виктора было открыто торжественное заседание, посвященное 250-летию Российской Духовной Миссии в Пекине. Председательствующий обратился со вступительным словом к участникам заседания, в котором проследил историю Миссии с момента ее основания, оттенив наиболее важные события и аспекты ее деятельности: “И в мирные спокойные времена, — подчеркнул он, — не много таких учреждений, которые переживают не только поколения, но и целые эпохи, которые могут праздновать двухсотпятидесятилетний юбилей”³³.

Докладчик выделил пять периодов в истории Миссии. Первый период — 1685—1728 гг., от прибытия албазинцев в Пекин до принятия Кяхтинского договора, официально закрепившим статус Российской Миссии в Пекине, — вл. Виктор охарактеризовал как время внедрения “пришедших албазинцев в китайский быт”. Следующий период 1728—1861 гг. он определил как период установления и развития традиций научной и дипломатической деятельности Миссии. Учреждение в 1861 г. в Пекине Российской Дипломатической Миссии и отделение дипломатических функций от Духовной Миссии явилось еще одной рубежной вехой в ее истории. Деятельность Миссии в 1861—1900 гг. сконцентрировалась на научном изучении Китая. По словам владыки Виктора, малый штат

³³ Подробнее об этом см.: *Ипатова А. С. Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.) // Православие на Дальнем Востоке. С. 74—84.*

и весьма незначительный бюджет не позволяли ей расширить миссионерскую деятельность. Разрушение в 1900 г. Бэйгуаня послужило своего рода водоразделом в деятельности Миссии. Ее возрождение в 1902 г. началось с учреждения православной епископии в Китае. Четвертый период охватывает всего 15 лет — с 1902 по 1917 гг. — и отмечен небывалым расширением миссионерской и торгово-экономической сфер деятельности Миссии. И, наконец, пятый — эмигрантский период, начавшийся после 1917 г., характерен превращением Миссии в церковно-общественный центр многочисленной русской колонии в Китае и на Дальнем Востоке.

Владыка Виктор отдал должное начальникам всех 19-ти предшествовавших миссий, отметив индивидуальный вклад каждого из них.

После вступительного слова Начальника Миссии были зачитаны многочисленные приветствия и поздравления.

Юбилейные мероприятия прошли в те дни и в других городах Китая, где действовали православные церкви: Шанхае, Тяньцзине, Харбине, Хайларе и др. Все они, как и в Пекине, завершались торжественными заседаниями, на которых выступило немало докладчиков. При всем разнообразии тематики докладов их объединяло стремление дать оценку историческому опыту деятельности Миссии, как обобщенному, так и отдельным ее аспектам.

К 250-летию Миссии харбинское подворье приурочило издание юбилейного сборника "Сияние православия". В том же, 1935 г., по завершении торжеств Миссия выпустила еще один юбилейный сборник "Китайский благовестник. 1685—1935", куда вошли многие юбилейные доклады, статьи, воспоминания, информация о праздновании юбилея в Пекине, Хайларе, Тяньцзяне, Харбине, при-

ветствия и поздравления, поступившие в адрес Миссии, лист о награждениях и повышениях по службе, многочисленные портреты, иллюстрации. Оба сборника уже давно представляют собой библиографическую редкость. Материалы, содержащиеся в них, можно в значительной части приравнять к источникам. Помимо научного, информативного значения они живо, в прямом смысле по горячим следам, воспроизводят атмосферу юбилейных торжеств, атмосферу жизни многоликой и многочисленной русской колонии в Китае и подводят к пониманию той роли, которую играла Миссия в общественной и частной судьбе русских эмигрантов на Дальнем Востоке.

И еще один вывод, к которому подводит знакомство с этими публикациями: столь торжественное и широкое празднование 250-летия Миссии было устроено не только во имя исторической памяти, но в неменьшей степени для самих участников торжеств, для их самоутверждения, осознания ими своей причастности к одной из уникальных страниц истории России, для ощущения своей связи с Родиной. Видимо, с учетом этого психологического фактора владыка Виктор задумал и провел юбилейные торжества, еще раз подтвердив тем самым роль Миссии как цементирующего центра в церковно-общественном строительстве русской диаспоры в Китае.

Несомненно, что в 20—40-х годах XX в. главной заботой Российской Духовной Миссии в Китае были русские. Но как бы не была она занята делами своих соотечественников, как бы последние не требовали от Миссии прекращения миссионерской деятельности среди местного населения, владыка Виктор, подобно начальникам 18-й и 19-й миссий, не отказался от проповеди православия в Китае.

Так, в юбилейном сборнике "Китайский благовестник. 1685—1935" в разделе "Миссионерская деятельность Миссии" говорится о том, что она ведется интенсивно, преимущественно силами китайских священнослужителей, в частности в Тунчжоу, в провинциях Жэхэ, Чжэцзян, где снова открылись православные станы, что в Шанхае "Китайское Православное Братство" ведет большую миссионерскую и культурно-просветительскую работу. В основу устава "Братства" было положено: "соблюдение вероучения, увеличение православия и устройство школ для сего". "Братство" ратовало за единство русских и китайцев "под сенью Православной Церкви"³⁴. В 40-х годах происходит дальнейшее развитие и расширение миссионерской деятельности Пекинской Миссии.

При архиепископе Викторе миссионерская деятельность, действительно, расширилась, были "открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом священника в Маниле, женский монастырь и храм при нем в Какакаши около Дайрена, Св. Пантелеймоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально городской храм и выстроен дом для священника в Циндао, построен большой дом на миссийском участке в Хайларе и Св. Покровский храм в Тяньцзине, закончена постройка и освящена Св. Благовещенская церковь на миссийском подворье в Харбине, не так давно открыт молитвенный дом на Вэйсайде в Шанхае, земля под собором и архиерейским домом и столовой для неимущих приобретена и записана на Начальника и других членов Миссии, все имущество Православного Братства в

³⁴ Китайский благовестник. 1685—1935. С. 119—120.

Шанхае передано в полную собственность Российской Духовной Миссии в Китае”³⁵.

Вместе с тем конец 30-х — 40-е годы были очень трудными и крайне сложными для самой Миссии, и особенно для ее Начальника. Общее напряжение, вызванное накалившейся до предела международной обстановкой, перешедшей вскоре во вторую мировую войну, в которую были втянуты Советский Союз и Китай и на территории которых разворачивались военные действия, тяжелое внутреннее положение в Китае не могли не сказаться негативно и на судьбе Миссии.

Все это дополнялось и осложнением собственных проблем. С началом Великой Отечественной войны в среде российской эмиграции произошел раскол на два противостоявших друг другу лагеря: тех, кто молился за победу родного Отечества, и тех, кто желал поражения советскому государству. Миссия как центр церковно-общественной жизни русской диаспоры не могла быть в стороне от этого. Владыка Виктор, как настоящий патриот, ратовал за победоносный для Советского Союза исход войны. Но вместе с тем, как известно, и японские власти, зная, каким авторитетом Начальник Миссии пользовался у русской колонии и православных китайцев, склоняли его к сотрудничеству с ними и даже записали владыку Виктора вопреки его желанию председателем Антикоминтерновского союза Северного Китая.

Сложно, а порою драматически складывались отношения Начальника 20-й Миссии с японскими и гоминьдановскими властями, которых привлекало солидное иму-

³⁵ М. И. М. Российская Духовная Миссия в Китае (краткий исторический очерк) // Китайский благовестник. 1946, ноябрь. С. 22. Приводится по тексту, опубликованному в воспоминаниях. Кепинг О. В. Цит. соч. С. 94.

щество Миссии, недвижимость, в том числе и земельная собственность в разных районах Китая. Согласно рапорту владыки Виктора на имя Патриарха Алексия I, датированному "канун праздника Введение во Храм Пресвятой Богородицы 1949 года", один перечень недвижимого имущества Миссии в различных районах Китая и за его пределами занял несколько страниц текста. Только в Пекине и его окрестностях Миссия имела: 17 га земли, на которых располагалась резиденция Миссии — Бэйгуань, 3-этажный дом на ул. Хадамэнь (д. N 185), православное кладбище за воротами Аньдинмэнь, близ Пекина в горах Сишань, Крестовоздвиженский скит, в 200 верстах от Пекина в дер. Дундинань участок земли, на котором размещались храм и жилые помещения, в местечке Бадаханьгоу также в 200 верстах от Пекина Миссии принадлежал обширный участок богатой лесом и полезными ископаемыми земли. Миссия также владела имуществом в других городах страны: Тяньцзине, Калгане, Циндао, Ханькоу, Шанхае, Бэйдайхэ, а также вне Китая — в Маниле, Гонконге, Корее³⁶.

Владыка Виктор даже побывал в гоминьдановских застенках по ложному обвинению в сотрудничестве с японскими оккупационными властями, откуда его вызволили советские дипломаты³⁷.

Отстаивая и приумножая собственность Миссии, владыка Виктор иногда был вынужден понемногу ее продавать, так как в довершение ко всем трудностям и невзго-

³⁶ Приводится по воспоминаниям: *Кепинг О. В.* Цит. соч. С. 96—97.

³⁷ Подробно об этом периоде жизни владыки Виктора см. воспоминания о нем С. Л. Тихвинского в настоящем сборнике и воспоминания младшей сестры владыки: *О. В. Кепинг.* Цит. соч. С. 91—92.

дам тех лет Миссия испытывала временами ощутимую нехватку финансов.

В результате японской оккупации были нарушены связи Миссии с Харбинской епархией и другими очагами православия на обширной территории Китая.

Во второй половине 40-х годов ко всем этим бедам добавился и церковный раскол: часть духовенства пошла за Начальником Миссии и вернулась под власть Московской Патриархии, другая, во главе с епископом Шанхайским Иоанном продолжала подчиняться Русской Зарубежной Церкви.

Наступил 1949 год, год победы народной революции в Китае и образования Китайской Народной Республики. Решением народных властей нового Китая в 1954 г. Пекинская Миссия в числе всех других иностранных духовных учреждений на территории Китая была закрыта, а в 1956 г. владыка Виктор покинул Пекин. Дописана последняя страница в истории Российской Духовной Миссии в Пекине. Многое в ней хорошо и подробно исследовано. Это прежде всего относится к научной деятельности членов Миссии³⁸. Но многое еще только предстоит изучить. И это в первую очередь касается XX века.



³⁸ Больше всего в этой области сделано П. Е. Скачковым, особенно в его энциклопедическом труде "Очерки истории русского китаеведения" (М., 1977), изданном уже после его смерти В. С. Мясниковым.



С. Л. Тихвинский*

Начальник 20-й Миссии владыка Виктор¹

Воспоминания

Генерального консула СССР в Пекине

Мое знакомство с Начальником Российской Духовной Миссии в Китае архиепископом Пекинским и Китайским Виктором состоялось в октябре 1945 г. вскоре после церемонии капитуляции японского гарнизона Бэйпина (так тогда называли Пекин).

Автор настоящих строк — в то время второй секретарь Посольства СССР в Китае — был направлен представителем Посольства в Северном Китае и прилетел в Бэйпин вечером 10 октября.

*© С. Л. Тихвинский

¹ Статья опубликована в кн.: Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993; печатается с авторскими изменениями.

При содействии председателя бэйпинского Общества советских граждан адвоката Рябрина я познакомился с членами местной советской колонии, подвергавшейся в годы японской оккупации строжайшему полицейскому контролю и всевозможным притеснениям со стороны японских властей, впрочем как и проживавшие в Бэйпине русские эмигранты, не имевшие советского гражданства. Среди русского населения Бэйпина и соседнего Тяньцзиня, насчитывавшего ко времени японской капитуляции свыше тысячи человек, большим авторитетом пользовался Начальник Российской Духовной Миссии в Китае влад. Виктор.

В годы японского присутствия в Китае оккупационные власти, вынужденные считаться с тем влиянием, которое имел Начальник Миссии среди русского населения, а также среди проживавших в Северном Китае иностранцев и православных китайцев, пытались всячески склонить архиепископа Виктора к тесному сотрудничеству с японскими властями и даже назначили его, вопреки его желанию, председателем Антикоминтерновского союза Северного Китая.

От местных советских граждан я узнал биографию архиепископа Виктора (в миру Леонид Святин). Он был сыном священнослужителя из оренбургских казаков и стремился пойти по стопам своего отца. Однако в годы первой мировой войны был мобилизован на действительную военную службу, окончил курсы прапорщиков военного времени, а в период гражданской войны вместе с отступавшими под натиском Красной Армии белогвардейскими частями Дутова, Бакича и Белова перешел границу западной китайской провинции Синьцзян. В Китае молодой офицер в 1921 г. в возрасте 27 лет принял монашеский постриг при Российской Духовной Миссии в Пе-

кине, с которой он связал всю свою дальнейшую судьбу, постепенно продвигаясь по ступеням церковной иерархии.

Учитывая влияние, которым пользовался архиепископ, я решил нанести ему визит вежливости, предварительно неофициально прозондировав его возможное отношение к этому шагу официального советского дипломатического представителя. Получив благоприятный ответ, посетил архиепископа в сопровождении председателя Общества советских граждан Бэйпина Рябина.

Архиепископ весьма приветливо принял нас в своих архиерейских покоях — одноэтажном здании типичной китайской дворцовой архитектуры с массивными красными деревянными колоннами, в свое время принадлежавшем одному из маньчжурских принцев крови, но за какие-то его провинности конфискованного в казну и переданного по повелению императора в собственность Российской Духовной Миссии в Пекине.

Архиепископ, уже не молодой мужчина выше среднего роста, плотного телосложения, с крупными чертами типично русского лица, обрамленного окладистой, кое-где уже подернутой сединой бородой, с крупным “толстовским” носом и пронизательными, но добрыми глазами, рассказал, что еще до окончания войны на западном фронте и капитуляции фашистской Германии он принял твердое решение о признании юрисдикции Московской Патриархии и известил об этом Патриарха. Как истинный русский патриот он в годы войны молился за победу русского оружия, чем вызвал к себе неприязненное отношение со стороны японских оккупационных властей.

Владыка Виктор подробно расспрашивал меня о жизни на Родине, о последних международных событиях. Попутно он сообщил, что вскоре после высадки американских войск в Северном Китае Миссию посети-

ли несколько американских офицеров, владевших русским языком и интересовавшихся жизнью Миссии.

Архиепископ распорядился, чтобы мне показали обширный парк на территории Миссии и здание библиотеки. Прежде чем расстаться с гостеприимным хозяином, я пригласил его к себе. Приглашение было принято и в согласованный день, уже под вечер, к зданию бывшего Генерального Консульства Советского Союза в Бэйпине, в котором я расположился (официальное открытие Генерального Консульства состоялось лишь в начале 1946 г.), подъехали на трехколесных велорикшах Владыка Виктор и его помощник — священник Гавриил.

После того как мы обменялись приветствиями, и я пригласил гостей пройти в столовую, где был накрыт стол, Владыка неожиданно попросил разрешения сначала посетить здание бывшей посольской церкви. В сопровождении нескольких китайских слуг, несших канделябры с зажженными свечами, мы отправились к зданию небольшой церкви, расположенной в полустах шагах от главного здания, с 1924 г. бездействовавшей и использовавшейся под склад ненужной мебели.

Незадолго до встречи с архиепископом Виктором я дал указание очистить помещение церкви от хранившегося там хлама, однако не проверил исполнение и был изрядно сконфужен, когда Владыка Виктор, войдя в церковь, поцеловал престол и своей бородой поднял столб пыли, накопившейся на нем за долгие годы бездействия церкви.

Приведя себя в порядок, гость за ужином продолжил свой рассказ о судьбе Российской Духовной Миссии при японцах и подтвердил свое намерение полностью подчинить ее деятельность церковной юрисдикции Московской Патриархии. Вскоре из Москвы на имя архиепископа Виктора пришло указание Святейшего Патриарха о приня-

тии Духовной Миссии под юрисдикцию Московской Патриархии.

После окончания второй мировой войны советские дипломатические представительства за границей получили указание о проведении работы по осуществлению положений Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 г., предусматривавшего, что гражданство СССР имеют все, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными Российской империи. Одним из первых русских эмигрантов в Северном Китае, подавших заявление о восстановлении в гражданстве СССР, был архиепископ Виктор.

Во время одного из моих посещений Бэйгуаня (дословно "Северное подворье", так называлась территория Миссии, располагавшейся в северо-восточном углу городской стены Бэйпина) Владыка Виктор познакомил меня с двумя китайскими православными священниками — потомками албазинцев — о. Василием Дэ и отцом Федором Ли, возглавлявшими соответственно 2 крупные группы православных китайских жителей Бэйпина.

Наиболее сильное впечатление на меня произвел отец Василий, которого владыка Виктор представил под его русской фамилией Дубинин. Это был полного телосложения, седой как лунь, старик среднего роста, с большим массивным носом, необычайно пышной для китайца растительностью на лице, с миндалевидными глазами, какие обычно бывают у китайцев-северян, однако в отличие от них голубого цвета. Весь внешний облик Василия Дэ свидетельствовал о сохранении в его могучем организме генов его предков — русских землепроходцев. Он, как и многие другие китайцы — потомки албазинцев, проживавшие в окрестностях Бэйгуаня, обладал хорошим звучным голосом и музыкальным слухом и, несмотря на свой преклонный возраст, продолжал петь в церковном хоре,

послушать который на Пасху в Бэйгуань собирались не только православные жители Бэйпина, но и многие представители других вероисповеданий.

Владыка Виктор, знавший китайский язык, пользовался непререкаемым авторитетом как у православных китайских священнослужителей, так и у китайских прихожан, единодушно выступивших перед гоминьдановскими властями в защиту Начальника Миссии, когда начались нападки на последнего.

По мере ухудшения советско-американских отношений представители американских спецслужб в Китае стали проявлять повышенный интерес к местному русскому населению и, в частности, к представителям православного духовенства, которых американцы склоняли к отказу от признания Московской Патриархии. Им удалось привлечь на свою сторону шанхайского епископа Иоанна. Сильный нажим был оказан и на владыку Виктора; гоминьдановские власти арестовали архиепископа во время его поездки в Шанхай. Лишь благодаря решительному вмешательству советских дипломатических органов владыка Виктор был освобожден из тюрьмы и вернулся в Пекин.

Во время 40-дневной осады Бэйпина Народно-освободительной армией Китая в конце 1948 — начале 1949 гг., когда окруженные в городе гоминьдановские войска занимались грабежом и вымогательством, владыка Виктор проявил большое личное мужество, противодействуя попыткам гоминьдановских властей конфисковать запасы фуража, заготовленного на зиму Российской Духовной Миссией для своей молочной фермы, на доходы от которой она существовала.

Мои встречи с архиепископом Виктором в Бэйпине, с 1 октября 1949 г. после провозглашения Китайской Народной Республикой получившем свое старое наименова-

ние Пекин (Бэйцзин — северная столица), продолжались вплоть до моего отъезда на Родину летом 1950 г. По соглашению между правительствами СССР и КНР Российская Духовная Миссия в Китае прекратила в 1954 г. свое существование, а территория Бэйгуаня была передана в собственность Советского Союза для размещения на ней Посольства СССР в Китае. Последний, 20-й Начальник Миссии архиепископ Виктор вернулся на Родину, где одно время возглавлял Вологодскую епархию, а затем был хиротонисан в митрополиты и возглавил Кубанскую и Краснодарскую епархию.

Архиерейские покои в старом Бэйгуане бережно сохраняются и по сей день на территории Посольства Российской Федерации в Пекине. Летом 1957 г. я вернулся в Москву из Японии, где после восстановления дипломатических отношений между нашими странами был поверенным в делах Посольства СССР в Токио. Сразу по возвращении был назначен заведующим Отделом стран Азии во вновь созданном Комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. Вскоре после того как я приступил к работе в этом качестве, получил следующее письмо от митрополита Виктора:

15 августа 1957 года.

Город Краснодар.

Дорогой и глубоко чтимый Сергей Леонидович!

На днях из газет узнал о Вашем славном возвращении из пределов Восточной Азии и, как говорили церемонные предки, взял на себя смелость написать Вам свое скромное письмо и сообщить несколько слов о себе.

Вы, конечно, хорошо знаете, что бытие нашего исторического Бэйгуаня определилось в плане разрешения

международных проблем, и я — последний из 20-ти Начальников Российской Духовной Миссии в Китае — отозван на Родину и занимаю место Управляющего Краснодарской и Кубанской епархией.

Отношение со стороны высоких государственных властей ко мне доброе, предупредительное; священнослужители и верующие не чувствуют во мне стародавнего “азиата”, особенно радуют меня “белые платочки” — русские православные женщины, ревностно посещающие наши храмы. Наши бабушки и мамы, все крепкие патриотки — сила мощная, стихийная.

Кубань — богатейший край. Здесь действительно “изобилие плодов земных”: и овощи и фрукты, черная икра, и севрюги, и осетры, мясо всех сортов и всевозможная дичь и еще имеется особо вкусная рыба, которую здесь называют “шамайка”. Эта рыбка, по признанию старых грешников-гурманов, стоит согрешения, если к тому же она на столе окажется с “водой жизни”.

В Краснодар я прибыл десятого июня прошлого года и вот почти все это время болею, никак не могу акклиматизироваться.

Все мои болезни уже старческие: неправильный обмен веществ и гипертония, так что “шамайка” с “водой жизни” — это только мечты(!) Хотя в сознании крепко засела грешная мысль — пожелание нашего милого пекинского доктора Михаила Федоровича Матвеева, что при всяком возрасте, состоянии и положении допустимы “зигзаги в жизни”, хотя бы раз в два-три месяца или полгода.

В Краснодар я прибыл вместе с своими родственниками. Ольга Викторовна с мужем Борисом Михайловичем Кепинг и моей младшей племянницей Ксенией живут в Вологде, где Борис Михайлович служит в Епархиальном Управлении у епископа Гавриила, моего бывшего намест-

ника в Пекине, а со мной живет семейство Толкачевых. Моя старшая племянница Марина вышла замуж за Петра Феоктистовича Толкачева. Вы, возможно что, его знаете и помните. Он окончил Чанчуньский университет по синологическому факультету, хорошо знает японский и китайский языки, человек культурный, трезвый и энергичный и, вот, пока растрчивает свои драгоценные знания восточных языков, так как здесь эти знания не имеют никакого применения. Он мечтал получить заочную аспирантуру в Московском университете — отказали, ответили, что требуется педагогический стаж. Петя продолжает свои хлопоты, подает заявления...

Не так давно я был в Москве на хиротонии архимандрита Василия Яо Фуаня во епископа Пекинского. Он должен возглавлять Автономную Китайскую Православную Церковь, и после утверждения в должности главы Китайской Православной Церкви Китайским Правительством и Московской Патриархией он будет иметь титул Пекинского и Китайского. В Москву его сопровождали протоиерей о. Леонид Лю (он при Вас заведовал бэйгуаньской молочной фермой) и протоиерей Аникита Ван — образованный экономист, блестящий оратор.

Москва приняла всех, что называется, “на славу”, богато одарила и вернула в Пекин к их тихой, скромной и незаметной жизни.

Готовимся к достойной встрече сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. Осенью предстоят и церковные торжества: сорокалетие восстановления Патриаршества и 80-летие со дня рождения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия. На светлом фоне этих великих и радостных событий и торжеств и я проведу свой скромный день 25-летия пребывания в сане епископа.

О Вас часто вспоминаю и много и искренно радуюсь, когда узнаю о Ваших дипломатических и ученых успехах.

Прошу засвидетельствовать мое искреннее почтение Вашей уважаемой супруге, привет милым деткам.

В заключение моего нескромного многословия разрешите от всего сердца высказать Вам и Вашему уважаемому семейству древнее и всегда новое китайское пожелание: постоянно растущего благополучия и всевозрастающего счастья.

Ваш А. Виктор. — Святин.

В 1958 г., в один из рабочих дней, в Москве, в Комитете по культурным связям с зарубежными странами, меня без предупреждения посетил митрополит Виктор. Встреча была приятной и радостной — нам обоим было о чем вспомнить.

Владыка Виктор, 20-й и последний Начальник Российской Духовной Миссии, как и многие его предшественники на этом посту, внес неоценимый вклад в дело духовного сближения народов России и Китая, которые навсегда сохраняют память об этом добром человеке, прожившем нелегкую жизнь в нелегкое время.





Священник Дионисий Поздняев*

Российская Духовная Миссия в Китае в 1920—1930 гг.

После разгрома белых армий Колчака на Дальнем Востоке и атамана Дутова в Туркестане в 1919 — 1920 гг. в Китай хлынул поток русских, бежавших через Дальний Восток и Среднюю Азию (некоторые источники называют цифру более 500 тыс. человек)¹. Были закрыты Посольство и Консульства Российской Империи.

Прервалась связь с церковным центром — Московской Патриархией. Российская Духовная Миссия в Китае, как и другие зарубежные учреждения Русской Православной Церкви, на основании постановления Святителя Патриарха Тихона и Высшего Церковного Совета от 7(20) нояб-

* © Священник Дионисий Поздняев

¹ Воронин О. Л. Российская белая эмиграция в Китае 20 — 30-х гг.: военный аспект ее деятельности: XXI научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов, ч. 3. М., 1990. С. 132—133.

ря 1920 г. перешла во временное подчинение Зарубежному Архиерейскому Синоду. Определением Зарубежного Синода в 1922 г. была образована новая епархия — Пекинская и Китайская. Ее возглавил Начальник 18-й Российской Духовной Миссии владыка Иннокентий (Фигуровский) в сане архиепископа, а позднее — митрополита. Таким образом, сохранив старое название, Миссия стала первой православной епархией на территории Китая и ее административным центром. В пределах Пекинской епархии были в том же году образованы викариатства в Шанхае — во главе с епископом Симоном (Виноградовым) и Тяньцзине (позднее перенесено в Ханькоу) — во главе с епископом Ионой (Покровским).

На территории Маньчжурии была образована непосредственно подчинявшаяся Зарубежному Синоду Харбинская епархия, управлявшаяся митрополитом Харбинским Мефодием. В ее пределах оказались бежавшие из России архиепископ Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий.

Забота о беженцах из России стала главной задачей Российской Духовной Миссии в Китае, существенно изменив приоритеты в ее деятельности. В 1919 г. на территории Китая были закрыты все православные миссионерские станы.

Чтобы хоть как-то улучшить материальное положение русских беженцев архиепископ Иннокентий отдал им в долгосрочное пользование большую часть имущества Миссии. Эмигранты основали два паевых товарищества: "Восточное Просвещение" и "Восточное хозяйство". Товарищества эти не имели успеха. Для ликвидации неудачных предприятий Миссии пришлось уплатить 30000 ам. долл.

К сожалению, русская эмиграция, раздираемая внутренними распрями, часто вместо благодарности Миссии за помощь отвечала ей враждебностью. Монастырское имущество в Пекине было захвачено и расхищалось преемниками упомянутых выше "товариществ". Владыка Иннокентий вынужден был вести множество тяжб по вопросам о собственности Миссии. Самое прискорбное, что противниками его были русские эмигранты. Впоследствии Начальник 20-й Миссии, архиепископ Виктор (Святин), писал: "... эмиграция не оправдала доверия Начальника Миссии. Она в лице генерала Карамышева, министра Вологодского, гр. Якова Зверева и г-на Георга неосторожно распорядилась данным в пользование имуществом и предприятиями Миссии и привела Миссию к оскудению. Положение Миссии осложнилось еще и тем, что, лишившись государственной защиты и помощи, она часто стала подвергаться недобрым поползновениям со стороны нехороших людей и учреждений, которые принимали все меры к захвату имущества Миссии"².

Так, во время подписания советско-китайского договора от 31 мая 1924 г. Миссия была поставлена под угрозу лишиться всего имущества как якобы собственности советского государства. Но Начальнику Миссии удалось доказать китайским властям, что законным владельцем имущества являлась Церковь в лице Российской Духовной Миссии в Китае.

Самоотверженная помощь беженцам из России усугубила и без того тяжелое материальное положение Миссии. Лишенная денежных средств и помощи из России, доходов от своих подворий в Москве и Петрограде, обре-

² *Архиепископ Виктор (Святин)*. Рапорт Святейшему Патриарху Алексию I от 15 января 1947 г. — Архив Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (далее — Архив ОВЦС МП), д. 39.

мененная долгами, она пришла почти к полному упадку. Столь плачевное положение омрачали и козни неприятелей владыки Иннокентия (их было немало). Многие не любили его за непримиримость к демократизму всякого рода. В годовщину революции в России владыка Иннокентий писал: "Нам стараются внушить, что Церковь не должна вмешиваться в политику. Это самая наглая ложь. Церковь не должна принимать участия в политических дразгах, должна быть выше всякой политической партии: это они ниспровергают престолы, колеблют государственные устои. В их руках правительства-марионетки... Да и о какой лояльности можно говорить, когда за послушание сегодняшней власти завтра каждый может быть расстрелян новой властью?... Если мы — христиане, то в ответ на насилие большевиков над Церковью мы должны прервать с ними всякое общение... Гнев Божий не отвернется от нас, пока мы не покаемся"³. Гневный тон проповедей владыки, обличавшего грехи и пороки нецерковной части русской эмиграции, раздражал недругов архиепископа Иннокентия.

Религиозная жизнь Харбина, населенного мастерами и рабочими Главных Мастерских и Депо КВЖД, находилась в упадке. Процветало сектантство — такое положение утвердилось по причине отторжения приходов Маньчжурии от Миссии в 1907 г. и подчинения их Владивостокской епархии. Достаточно сказать лишь, что в 1922 г. из 250 домов района Затон в Харбине на Рождество Христово лишь 6 семей приняли священника, обходившего район с крестным ходом. Впоследствии, правда, положение изменилось в связи с тем, что в Харбине нашли прибежище многие русские клирики — мо-

³ Бэй-Гуань. Тяньцзинь. 1938 г. С. 52-53.

нашествующие, диаконы, священники и архиереи. Обличая увлечение части эмигрантов теософией, Начальник 18-й Миссии писал: "Многие из православных прельщаются теософским учением. Одни по неведению, другие — для достижения злых целей, которые тщательно ими скрываются от непосвященных... Основательница теософского учения писала: "Наша цель — смести христианство с лица земли"... теософы не верят в Господа Иисуса Христа как в Бога... Таковых Св. Церковь отмечает и анафематствует"⁴.

Не было единомыслия и среди клириков Миссии и Харбинской епархии. 7 декабря 1928 г. прот. Александр Пиняев, ушедший за штат Пекинской епархии, писал в Париж одному из виднейших иерархов русского зарубежья, митрополиту Евлогию (Георгиевскому): "... Не прекращающиеся судебные тяжбы архиепископа Иннокентия со многими русскими резидентами в Пекине, Шанхае и других городах Китая, особенно за последние 8 лет, довели Российскую Духовную Миссию в Пекине до полного разорения и нищеты... Пекинская Миссия — это фикция. Никаких просветительных и благотворительных учреждений здесь не имеется, здания полуразрушены, вид печальный". В конце этого письма прот. Александр Пиняев просит благословения владыки Евлогия на образования прихода, который непосредственно подчинялся бы последнему. Митрополит Евлогий по этому поводу советовал обратиться в Москву к митрополиту Сергию (Страгородскому), сам начав переписку с Местоблюстителем. Дошло до того, что, видя охлаждение русских к церковной жизни, Папа Римский в 1928 г. даже прислал в Харбин униатского епископа для "проповеди" среди русских.

⁴ Там же. С. 47.

Вынужденное ослабление миссионерской деятельности среди местного населения стало использоваться противниками митрополита Иннокентия в качестве повода к реформированию церковного управления в Китае и возбуждению недовольства среди китайцев — священников и мирян. Но Начальник Миссии не был сторонником каких-либо демократических реформ в вопросах церковного управления. Его действия далеко не всегда были согласованы даже с Архиерейским Синодом: фактически Пекинская епархия была самоуправляемой. Все это и явилось причиной нестроений, которые, однако, благодаря хорошим “администраторским” качествам Начальника Миссии проявились только в одном инциденте.

В протоколе от 5 ноября 1928 г. Приходского собрания членов Русского Церковного Прихода-Общины в г. Шанхае за подписью генерала Глебова говорится: “... Мы, верующие, остро переживающие все это церковное нестроение, лишенные какой-либо возможности путем церковного общения и общей молитвы удовлетворить наши религиозные потребности... постановили: 1) Образовать в Шанхае Русский Православный Приход-общину, не подчиненный ни юридически, ни духовно ни Российской Духовной Миссии в Китае в лице ее Начальника Архиепископа Иннокентия, ни его наместника епископа Симона (Шанхайский викарий. — *св.яц. Д. П.*), а подчиняющийся всецело Местоблюстителю Всероссийского Патриаршего Престола Митрополиту Петру Крутицкому... 2) Пригласить сочувствующих нам правомочных православных священников и просить их начать немедленно совершать церковные богослужения...”⁵ Во исполнение пункта 2 Приходской

⁵ Протокол Приходского собрания членов русского церковного Прихода-общины в Шанхае. — Архив ОВЦС МП, д. 29.

Совет обратился к заштатному протоиерею Пекинской епархии о. Александру Пиняеву. Последний дважды, 26 января и 12 марта 1929 г. писал в Москву Местоблюстителю митрополиту Сергию с просьбой о принятии в его юрисдикцию, но ответа не получил и 18 марта 1929 г. повторно обратился к митрополиту Евлогию уже с просьбой не от себя лично, а от шанхайского прихода. Митрополит Евлогий в результате переписки по этому вопросу с митрополитом Сергием принял шанхайский приход в свою юрисдикцию и, таким образом, классический церковный раскол — образование прихода без ведома правящего архиерея в пределах его епархии, в Шанхае, оказался оформленным.

Конечно, церковная жизнь состояла не из одних только нестроений. В Тяньцзине, во многом стараниями тогда еще иеромонаха Виктора (Святина) в 1921 г. было основано Братство Православной Церкви, а при нем — больница, прогимназия и библиотека. В 1928 г. здесь на пожертвования крупного местного благотворителя И. В. Кулаева был пристроен к маленькой часовне каменный храм, освященный архиепископом Иннокентием в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. В 1928 г. усердием А. Ф. Рублева и Б. В. Бобрищева-Пушкина был открыт Дом милосердия преп. Серафима Саровского. В 1931 г. при нем был сооружен молитвенный дом. Русский Тяньцзинь славился своей благотворительностью.

В пределах Харбинской епархии — основной территории, в пределах которой селились эмигранты — открывались храмы, строились учебные заведения, в том числе и семинария, издавались православные книги, развивалась благотворительность.

Деятельность иерархов, оказавшихся на территории Маньчжурии, проявлялась в неустанных делах милосер-

дия и заботах о страждущих. Так, по инициативе епископа Димитрия Хайларского были созданы "Серафимовский приют" для мальчиков-сирот с целью дать им кров, пищу и "Серафимовская столовая", которая должна была служить беднякам — давать малоимущим обеды за символическую плату, а неимущим — бесплатно.

На земельном участке Спасо-Преображенской церкви Корпусного городка в Харбине прот. М. Филологов создал "Дом-убежище митрополита Мефодия" для вдов, сирот и престарелых из духовного звания. Средства собирались путем концертов, лотерей и сбора пожертвований. Заботы по изысканию средств падали на долю Дамского Комитета при приюте.

Во время китайско-советского вооруженного конфликта в 1929 г. на КВЖД волна русских беженцев хлынула в Харбин, где все они получили кров, пищу, внимательное отношение в "Доме-убежище" и лишь к 1930 г. они стали возвращаться в Трехречье. Богородице-Владимирская женская обитель также приняла участие в их судьбе. При Обители был создан приют для девочек во имя Св. Равноап. Княгини Ольги.

Около 1925 г. в Модягоу на довольно большом земельном участке был построен Скорбященский храм Камчатского подворья, более известный как "Дом милосердия". Создателем храма был архиепископ Камчатский Нестор. При Доме милосердия имелись приют для девочек-сирот и престарелых женщин, иконописная мастерская. У самого входа была воздвигнута часовня в память покойных Императора Николая II и сербского короля Александра.

Второй викарий Пекинской епархии, епископ Иона (Покровский), с 19 октября 1922 г. жил на ст. Маньчжурия. Его подвиг — апостольское служение. Епископ

Мелетий так писал о нем: "Население г. Маньчжурии, как пришлое из разных мест России, в религиозном отношении не было воспитано надлежащим образом. Новый обширный и благолепный храм Миссии был посещаем богомольцами в малом количестве, церковная проповедь была в очень слабом виде..."⁶. Прибывший владыка Иона своей образованностью, духовной настроенностью, благотворительной и общественной деятельностью снискал всеобщую любовь паствы и соединил всех воедино. Святитель Иона, принимая прямое участие в жизни и воспитании детей, основал приют на ст. Маньчжурия. Там же были созданы низшее и высшее начальные училища с бесплатным обучением, бесплатная столовая, амбулатория и библиотека для духовного просвещения местного населения.

Преосвященный Иона также издавал листки духовно-нравственного содержания и читал курс лекций на Харбинских богословских курсах.

Русская Православная Церковь Заграницей прославила святителя Иону в лике святых в 1996 г. В Акте о канонизации Святителя Ионы Ханькоуского говорится: "Все 3-летнее служение епископа Ионы оказалось таким исполнением главной заповеди Христовой о милосердии, что для исполнения подобного, другому, хотя бы и доброму труженику, понадобились бы десятилетия. Размеры и силы этого служения запомнились в Маньчжурии как православными, так и язычниками. Точно подводит итог деятельности святителя Преосвященный Мелетий, тогда еще епископ Забайкальский, писавший о святителе Ионе, что он, исполняя главную заповедь Христову: голодного накормил, жаждущего напоил, стран-

⁶Православная Русь. Джорданвилль. 14 ноября 1996 г. N 21 (1570).

ствующего принял, убогого одел, больного посетил... Исполнение этой заповеди, подготовленной всежизненным подвигом, было содержанием всей жизни епископа Ионы — тем добрым делом, которого епископу заповедано желать... Теперь уже более 60 лет сознание церковное почитает святителя Иону как угодника Божия, стяжавшего благодать молиться за призывающих имя его”⁷. 13 сентября 1996 г. Зарубежный Синод определил святителя Иону считать угодником Божиим в лике святых в Земле Российской просиявших.

Обширной была и церковная издательская деятельность. Монастырской типографией Казанско-Богородицкой обители в Новом Модягоу (Харбин) издавался духовный журнал “Хлеб небесный”, а также приложения к журналу: “Детское чтение”, сборник “Рождественский благовест”, сборник “Надежда”, “Жития святых”, “Христианская жизнь по Добротолочию”, “Церковный энциклопедический словарь”, “Путь православного христианина в Царство Небесное”, “Краткий Очерк возникновения, устройства и жизни Обители”.

В 1930 г. началось строительство величественного Софийского храма — украшения всего Харбина. Вообще же в Харбине с 1918 по 1931 г. были построены следующие храмы: Свято-Николаевский при городской тюрьме, Свято-Петропавловский в Пунгарийском городке, Свято-Преображенский в корпусном городке, Камчатское подворье, Богородицко-Владимирская женская обитель⁸, Казанско-Богородицкий мужской монастырь в Гондательевке, Борисоглебская церковь в Цинхэ, Свято-Николаевская церковь в Частном Затоне, Иоанно-Бого-

⁷ Там же.

⁸ Обитель основана в 1924 г. игуменьей Руфиной. При обители существовал пещерный храм вмч. Димитрия Солунского.

словская при приюте-училище "Русский дом", Иоанно-Предтеченская при Московских казармах, Пророко-Ильинская на Пристани, Покровская на Старом кладбище. Строили церкви и на железнодорожной линии — Св.-Троицкая на ст. Шитоухэцзы, Свято-Николаевская на ст. Эхо, Свято-Георгиевская на ст. Хайлин, Свято-Владимирская на ст. Яомынь, Спасо-Преображенская на ст. Лаошагоу⁹.

В 1922 г. по благословению архиепископа Харбинского Мефодия архимандрит Ювеналий (впоследствии епископ Синьцзянский, а затем — Цицикарский) основал мужской монастырь на Крестовом острове Харбина, но в том же году уехал в Сербию. Во время его отъезда монастырь был перенесен в Новый Модягоу. Вернувшись в 1924 г. в Харбин, архим. Ювеналий вновь был назначен строителем Казанско-Богородицкой обители. Его трудами был воздвигнут трехпрестольный храм в честь Казанской иконы Божией Матери с приделами вмч. Пантелеимона и Архистратига Михаила. Монастырь славился и своими подвижниками. Наиболее известные из них — схимонах Михаил и иеросхимонах Игнатий, принявшие от Бога дары прозорливости и непрестанной молитвы. При этой обители также была создана больница имени Казем-Бека¹⁰.

Главной особенностью этого периода стала оторванность Российской Духовной Миссии и Харбинской епар-

⁹ На Западной линии КВЖД было построено 15 храмов, на Восточной — 13, на Южной — 9.

¹⁰ Благодаря трудам архимандрита Ювеналия, братии и прихожан монастырь немало сделал в области просвещения и благотворительности. Его просветительская деятельность заключалась в издании листков религиозно-нравственного содержания, книг, журнала "Хлеб небесный". Все издания осуществлялись типографией монастыря. С 1936 по 1939 г. настоятелем монастыря был Венский епископ Василий (Павловский).

хии от России — это стало причиной перехода в управление Зарубежным Синодом. Собственно миссионерская деятельность, развивавшаяся успешно до 1918 г., стала почти невозможна — в Пекине Миссия столкнулась с неразрешимыми финансовыми трудностями, а в Харбине и на всем Северо-Востоке, да и в Синьцзяне прихожанами в основном оказались русские эмигранты. Часто они и не помышляли о том, что их долг апостольского служения, если бы был исполнен, явился бы камнем, на котором утвердилось бы Православие в Китае. В основном эмиграция жила ностальгическими воспоминаниями о Родине и не старалась найти путь в духовном смысле к сердцам гостеприимно приютивших их китайцев. В этом плане русская эмиграция оказалась несостоятельной — полмиллиона человек, которых Господь на три десятилетия извел из России в Китай, не смогли широко познакомить Китай с Православием. Часто и священники не интересовались китайским народом, считая, что их паства — российские эмигранты. Пожалуй, миссионерскую роль играла благотворительность — в помощи не отказывали всем проходящим, независимо от того, православными были страждущие или нет. И в этом было исполнение заповедей Христовых о милосердии, в благотворительности проявлялась вера в то, что в лице каждого страждущего перед нами — Сам Спаситель. Строительство храмов, почитание кладбищ¹¹ также сви-

¹¹ В Харбинской епархии было немало кладбищ. В Харбине Старое кладбище существовало еще с конца XIX в. На 1923 г. на его территории было 1743 могилы. На Новом кладбище начали хоронить с 1902 г. На этом кладбище покоились десятки тысяч русских. (На территории Нового кладбища располагался епархиальный свечной завод). Оба кладбища были закрыты в 1958 г. Вне Харбина немало гражданских кладбищ было на Западной и Восточной линиях КВЖД. На Южной линии КВЖД было 19 военных кладбищ. В 1925 г. епископ Ювеналий принял на себя попечение о военных

детельствовали о благочестии православных и вызывали уважение у китайцев¹².

Задача сохранения Православия среди российских эмигрантов в Китае была исполнена: пожалуй, ни в одной другой стране мира не сохранились в такой полноте традиции, культура, старый уклад дореволюционной России и вера. Так, в Харбине, Циндао, Саньхэ и иных городах Китая Пасха, Рождество и другие церковные праздники были не только праздниками православных эмигрантов, но и праздниками всех местных жителей.

Владыка Иннокентий (Фигуровский) был удостоен сана митрополита в 1928 г. Он подошел к пределу земной жизни, ревнуя о Божественной правде, увещевая и борясь с пороками в среде русской эмиграции. Грозно обличая неверие, беззаконие и распущенность, он призывал всех к объединению под сенью Церкви, защищал нерушимость церковных канонов и хранил единство Церкви.

Митрополит Иннокентий знал не только о том, что приблизился конец его жизни, но знал и день своей кончины. Накануне смерти владыка видел во сне, как в комнату к нему вошло много народа, священнослужители в облачении, с образами. Владыка спросил: "По какому поводу пришли с образами?" Кто-то ответил: "Отпевать..." Владыке Симону, будущему Начальнику Миссии, перед тем как навестить умиравшего митрополита также был сон: видит он себя сидящего на площадке перед покоем митрополита. И вот поднялась птица с

захоронениях на Северо-Востоке Китая. Был создан "Попечительный совет" по охране военных кладбищ Маньчжурии. На кладбищах регулярно совершались заупокойные богослужения.

¹² На 1 января 1940 г. в Харбине насчитывалась 21 церковь (См. Политехник. Юбилейный сборник. Сидней, 1979, N 10. С. 135).

цветущей ветвью, затем вид ее изменился в образ ангела с цветущими ветвями в руках. Владыка Симон сказал кому-то: "Вот это ангел..." И кто-то ответил: "Да, это один из двенадцати". Сны эти митрополит понял как указание на смерть. Он преставился 28 июня 1931 г.

В годовщину смерти митрополита Иннокентия архиепископ Симон в своем поучении говорил: "Покойный владыка митрополит Иннокентий особенно чтит день своей хиротонии во епископа, как день основания Церкви Христовой в Китае, но не день 3 июня, а день Святого Духа, второй день праздника Пятидесятницы, который в тот год приходился на это число... По чину Православной Церкви, когда строится новый храм, под Престол руками архиерейскими полагаются мощи святых мучеников. Так руками покойного владыки Иннокентия в основание Китайской Церкви собраны и погребены на участке Миссии в Пекине останки мученически пострадавших за православную веру китайцев"¹³.

Все храмы, дома, строения Миссии в Пекине созданы были митрополитом Иннокентием, жили памятью о нем и воодушевлялись его заветами. Он был погребен в склепе церкви Всех Святых Мучеников на территории Миссии, сооруженной им на братской могиле святых мучеников-китайцев¹⁴.

¹³ Бэй-Гуань. Тяньцзинь, 1938. С. 42. Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. в Пекине были замучены за Христа 222 православных китайца во главе с первым православным священником-китайцем о. Митрофаном Цзи. Ходатайством Начальника 18-й Российской Духовной Миссии в Китае Святейший Синод указом N 2874 от 22 апреля 1902 г. причислил их к лику святых мучеников. Их нетленные мощи были погребены на территории Миссии, в склепе храма Всех Святых Мучеников. В 1957 г. в связи с передачей территории Миссии Советскому посольству их мощи были перезахоронены на русском кладбище Пекина за воротами Аньдинмэнь.

¹⁴ В этом же храме с 1938 по 1957 г. покоились останки пяти Великих Князей дома Романовых и барона Феодора Ремеза, убиенных в Алапаевске

Со смертью митрополита Иннокентия завершилась целая эпоха жизни Миссии в Китае. Ушел непримиримый противник демократических начал в Церкви, и еще у его гроба проявилось стремление русских реформаторов воплотить в жизнь свой "революционный" замысел. Они пытались преобразовать церковный строй, существовавший в пределах Духовной Миссии, причем вопросу этому был придан националистический характер.

На место владыки Иннокентия назначен был преосвященный Симон с возведением его в сан архиепископа 26 июня 1931 г.

Владыка Симон (в миру Сергей) родился в 1876 г. в семье настоятеля Сретенского храма во Владимире на Клязьме, прот. Андрея Виноградова. С отроческих лет он мечтал о монашестве и стремился к уединенной аскетической жизни. Окончив духовное училище и семинарию во Владимире, он поступил в Казанскую Духовную Академию. Он, еще будучи студентом Академии, был пострижен в монашество 7 мая 1899 г. епископом Антонием (Храповицким) и наречен Симоном, а через два дня возведен в диаконский сан. В 1901 г. он стал иеромонахом. Окончив Академию в 1902 г. со степенью кандидата богословия, иеромонах Симон был назначен в Российскую Духовную Миссию в Китае. Прибыв в Пекин он занялся усердно миссионерским служением и восстановлением разрушенной во время восстания ихэтуаней Миссии. Некоторое время он служил на подво-

в 1918 г. Прежде они были погребены у Свято-Серафимовского храма на русском кладбище за воротами Аньдинмэнь. После 1957 г. их останки вновь были перенесены на кладбище. В настоящее время на месте кладбища разбит парк Цинняньху. Третью часть парка занимает Озеро Молодежи, вырытое в конце 50-х годов. На дне этого озера оказалось немало захоронений прежнего кладбища.

рье Миссии в Харбине, затем был назначен помощником Начальника Миссии. В праздник Успения Пресвятой Богородицы в 1907 г. его возвели в сан архимандрита, а 17 сентября 1922 г. в Харбине совершилась его хиротония во епископа Шанхайского, первого викария Пекинской епархии. С появлением в Китае русских эмигрантов владыка Симон проявлял особую заботу о страждущих соотечественниках.

Преосвященный Симон являл собою образец смирения и послушания. Усердный молитвенник, он был и аскетом, старающимся всю жизнь быть незаметным. Отличительной его чертой, помимо аскетизма и совершенного смирения, была строгость к себе в исполнении обязанностей. К ближним он всегда относился с любовью и добросердечностью. Он обладал даром слова. Многие помнят его как старца, стяжавшего мир духовный и украшенного добродетелью прозорливости.

Краткое время правления 19-й Миссией не было спокойным. Оно было омрачено попыткой раскола со стороны китайского духовенства, возглавляемого старейшим священником-китайцем, сыном священномученика Митрофана Цзи (первого православного священника из китайцев), прот. Сергием Чан. Последний по кончине вл. Иннокентия обратился к Нанкинскому правительству с просьбой о назначении его Начальником Духовной Миссии как старейшего священнослужителя Китая. В этих своих стремлениях он руководствовался тем, что вл. Иннокентий не оставил письменного завещания Китайской пастве. Основным мотивом, конечно, было желание завладеть имуществом Миссии. При вл. Иннокентии прот. Сергей помогал ему вести все судебные тяжбы, имел связи в китайской суде, знал многих влиятельных лиц и был хорошо осведомлен во всех юридических вопросах. Прот. Сергей Чан счи-

тал, что основная задача Миссии — проповедь православия среди китайцев — была заменена несправедливой, на его взгляд, заботой о российских эмигрантах. Нанкинское правительство, рассмотрев просьбу прот. Сергия, утвердило его на посту Начальника Миссии — формально он стал хозяином имущества Миссии. Но фактически Миссией владел архиепископ Симон.

Позднее преемник архиепископа Симона, Начальник 20-й Миссии владыка Виктор (Святин), вспоминал о том беспокойном времени: “Еще при покойном Начальнике Миссии архиепископе Симоне... китайское православное духовенство, поддержанное партией Гоминьдан, принимало все меры к захвату Миссии. Было уже почти договорено все дело Начальника свести к должности Почетного Председателя Совета Миссии, в то время как административная власть, хозяйство и имущество Миссии должны были быть переданы и находиться в руках китайского духовенства. В то время я был уже викарием Архиепископа Симона, своевременно пришел ему на помощь и общими усилиями было предотвращено злое дело”¹⁵. Преосвященный Симон проявил неожиданную твердость, заявив о несвоевременности перемен в области церковного строя, чего требовали сторонники прот. Сергия Чан, а затем и вовсе отклонил реформы.

И все-таки владыка Симон должен был уступить в вопросах о расторжении браков. Он с большим трудом пошел по пути пророка Моисея, разрешившего давать разводное письмо “по жестокосердию народа израильского”. Но, учредив Совет Миссии по бракоразводным

¹⁵ *Архиепископ Виктор (Святин)*. Рапорт Святейшему Патриарху Алексию I от 15 января 1947 г. — Архив ОБЦС МП, д. 29.

делам, он удалил его из Пекина в Шанхай и передал в ведение шанхайского викария.

В виду настояний Высшего Церковного Управления осуществить в Китае демократические реформы в церкви вл. Симон поручил архимандриту Виктору (Святину) разработать Положение об управлении Российской Духовной Миссией в Китае как Китайской епархии Православной Церкви. Убедившись, что в Европе священноначалие не вполне ясно представляет себе особые условия существования Миссии в Китае, он в 1932 г. командировал архимандрита Виктора как своего представителя на Архиерейский Собор в Сремские Карловцы (Югославия). Результатом этой командировки стало более правильное осведомление Синодом о делах Миссии. Российская Духовная Миссия была организована как епархия из пяти благочиннических округов.

Особую заботу вл. Симона составляло возведение постоянного храма в Шанхае. После поражения революции 1925—27 гг. в Китае правительство партии гоминьдан объявило себя Центральным правительством Китайской Республики и перенесло столицу из Пекина в Нанкин. В том же году постоянный храм Миссии в Шанхае был сожжен и разрушен. Сооружение нового Собора в честь иконы Божией Матери Споручницы грешных было последней волей архиепископа Симона.

Он говорил: «В прошлом году мы лишились бывшего у нас освященного храма. Господь попустил, что наш храм разрушен. Ожидая нашего покаяния, Господь допустил нам устроить Молитвенные дома, но если мы подумаем, что можно обойтись и без храма, то не замедлит на нас прийти гнев Божий и мы в один день лишимся и молитвенных домов, и оставлены будем блуждать во тьме, которую возлюбили больше, чем свет... шанхайское русское общество,

если с верою и единомыслием приступит к построению храма, будет благословенно перед Богом. Афонская икона Божией Матери прислана в Китай в 1903 г. В 1926 г. она дана была мне в благословение при моем отъезде в Шанхай. Эта икона называется "Споручница грешных", как написано на самой иконе. Пресвятая Дева Мария поручается перед Богом за грешников, за их исправление, и обещает Свою помощь всем, кто эту помощь будет искать..."¹⁶ Архиепископу Симону не суждено было закончить сооружение Собора. В середине февраля 1933 г., совершая освящение места для кафедрального собора в Шанхае, архиепископ Симон простудился. Болезнь прогрессировала, и 24 февраля он тихо скончался. Тело его было перевезено в Пекин и погребено в склепе правой галереи храма Всех святых мучеников, рядом с местом погребения митрополита Иннокентия. При перенесении гроба с его останками в 1940 г. было замечено, что они были нетленными. Он был одним из подвижников благочестия, воистину "правилом веры и образом кротости".

Начальником 20-й Миссии Зарубежный Архиерейский Синод назначил епископа Виктора. Он родился в семье диакона — Виктора Святина — в г. Верхнеуральске Оренбургской губернии 2 августа 1893 г. и был назван Леонидом. Окончив Семинарию в Оренбурге, поступил в Казанскую Духовную Академию. Через два года Леонид Святин — горячий патриот — отправился в действующую армию на Кавказский фронт. Там застала его революция. После неудачных попыток восстановить нарушенную дисциплину в частях и после окончательного развала боевого фронта, он прибыл в Челябинск,

¹⁶Бэй-Гуань. С. 70.

где был назначен Начальником Организационного отдела Оренбургской Белой Армии. После долгой и упорной борьбы с красноармейскими отрядами в тургайских и семиреченских степях, он в составе отряда генерала Бакича отошел к границе Китайского Туркестана. Вместе со многими безнадежно больными тифом, штабс-капитан Леонид Святин был вывезен в Китай. Оправившись от болезни, он в составе группы под начальством генерала Г. П. Жукова добрался через Ханькоу до Пекина, где в стенах Российской Духовной Миссии нашел приют и духовного наставника — будущего начальника 19-й Миссии, архимандрита Симона. Здесь вскоре он был рукоположен во пресвитеры и в 1921 г. распоряжением Начальника Миссии епископа Иннокентия был командирован во Владивосток, в Восточный институт — для изучения китайского языка. До 1922 г. последние остатки белой армии сражались в Приморье, но к октябрю были вынуждены покинуть его пределы.

Волна беженцев снова принесла иеромонаха Виктора в Пекин. Он в том же году был назначен Настоятелем Тяньцзиньского храма. В Тяньцзине о. Виктор всецело отдался служению ближним. Он старался всех приютить, одеть, накормить, помочь, устроить на службу. В сущности его квартиру в те годы можно было бы назвать Домом милосердия отца Виктора. Эмигранты называли ее “Отель Виктор”. В 1929 г. во время великого освящения Покровского храма в Тяньцзине отец Виктор был возведен в сан архимандрита. Во время командировки на Собор в Сремские Карловцы председательствовавший на Соборе митрополит Антоний (Храповицкий) предложил возвести архимандрита Виктора в сан епископа и назначить викарием Пекинской епархии в Шанхай. Решение это было неожиданностью для архимандрита, и он упро-

сил отложить его исполнение, поскольку не было формального согласия Начальника Миссии вл. Симона. Архимандрит Виктор выехал в Китай, но был возвращен с пути митрополитом Антонием, получившим по телеграфу необходимое согласие архиепископа Симона. 6 ноября 1932 г. в Белградском Соборе состоялось рукоположение отца Виктора во епископа Шанхайского.

Возглавив Российскую Духовную Миссию в Китае, вл. Виктор, как и его предшественник, столкнулся с неприятием со стороны китайского духовенства.

9 февраля 1934 г. старейший китайский священник Миссии прот. Сергей Чан обратился с письмом к Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Сергию (Страгородскому) в Москву с жалобой на нового Начальника Миссии, епископа Виктора, утвержденного Зарубежным Синодом по смерти архиепископа Симона якобы без ведома миссийского духовенства в должности и в управлении Пекинской епархией. Прот. Сергей Чан также сообщал о том, что именно он, прот. Сергей, утвержден Нанкинским Правительством в правах законного преемника митрополита Иннокентия на посту Начальника Российской Духовной Миссии в Китае и обладает юридическими правами на недвижимость Миссии. В этом же письме прот. Сергей Чан просил митрополита Сергия принять его и вернуть ему паству под свой омофор. В разгоравшийся внутримиссийский конфликт прот. Сергей попытался втянуть московских иерархов.

11 апреля 1934 г. Тяньцзиньская русская газета "Новая заря" опубликовала текст ответной телеграммы митрополита Сергия прот. Сергию Чану: "Принимаю Вас в ведение Московской Патриархии. Временно поручаю Вам заведывание православными приходами в Китае. Жду под-

робного доклада. Митрополит Сергей". Местоблюститель в нарушение церковных канонов принял в свою юрисдикцию не принадлежавшие ему приходы. На Пасху 1934 г. прот. Сергей за богослужением возносил молитвы о здравии митрополита Сергия, не признанного ни одной поместной православной Церковью.

В письме митрополиту Сергию от 29 ноября 1935 г. прот. Сергей Чан писал: "Главные священнослужители не имеют духовного образования. Одни были боксеры-убийцы православных христиан во время боксерского восстания, другие — отступники веры и Матери-Церкви и захватчики духовной власти, третьи — лишенные сана или уволенные за преступность — все эти люди теперь живут сообща и пользуются благами Миссии. Я со своими последователями много терпел от них"¹⁷. Далее в этом письме прот. Сергей Чан предлагал создать Дальневосточный Экзархат во главе с владыкой Сергием Японским. По поводу того, что юрисдикционно епархии на территории Китая подчинились Карловацкому Синоду, прот. Сергей писал: "Виноградари убивают виноградарей, наблюдатели — наблюдателей не из-за плодов, а из-за ненависти друг ко другу... Владыко, не беспокойтесь обо мне, раз я не признал митрополита Антония и не буду признавать, а только по просьбе православных китайцев и русских я позволил епископу Виктору приютиться временно в Миссии до решения конференции с условием возможности будущего признания Вас главой Церкви... Конечно, Вы, Владыко, не хотите выбирать плевелы с пшеницей. Терпите, пусть оба растут до свое-

¹⁷ Протоиерей Сергей Чан. Письмо митрополиту Сергию (Страгородскому) от 29 ноября 1935 г. — Архив ОБЦС МП, д. 29.

го времени... Моя главная просьба... избавить невинных православных китайцев от произвола беглецов — русских священнослужителей и от незаконных захватчиков Миссии”¹⁸.

К этому письму, сообщая о своем священноначалии, автор приложил характеристики всего духовенства Миссии, составленные в самых нелестных красках. Интересно, что все последующие письма в Москву прот. Сергей посылал на бланке с надписью: “Китайская епархия, Заведующий Православными приходами” и подписывал их как “Администратор Китайской епархии”. На печати его было вырезано “Китайская Православная Церковь”. В Пасхальном поздравлении 25 марта 1936 г. он писал: “Умиленно молюсь Богу о даровании Вам доброго здоровья и сил для исправления бывшей русской Церкви, утратившей каноническую силу, и возвращения заблудившихся пастырей, воспитанных в раболепстве и носящих академический значок, а не апостольский дух. Да даст Господь Бог Вам премудрость и разум для блага Вашей Родины — СССР”¹⁹.

С канонической стороны это была попытка церковного раскола, причем нарушались все правила и церковные каноны — прот. Сергей не известил о письме в Москву владыку Виктора, лживо говоря ему, что признает его главой Миссии и при этом добивался разрешения в Нанкине на получение для себя юридических прав Начальника Миссии. Как мог прот. Сергей не подчиниться митрополиту Антонию и, хотя бы временно, признать Начальником Миссии владыку Виктора? В своих

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Протоиерей Сергей Чан*. Письмо митрополиту Сергию (Страгородскому) от 25 марта 1936 г. — Архив ОВЦС МП, д. 29.

стремлениях захватить Миссию прот. Сергей Чан опирался на националистически настроенное китайское духовенство, желавшее безраздельно властвовать в Миссии, еще не созрев для этого.

Отметим, однако, что в цитированном выше письме прот. Сергей упомянул о том, что владыка Виктор уже в 1935 г. думал о возможных путях воссоединения с Московской церковной властью при наступлении благоприятных обстоятельств.

В Церкви ничто не совершается без законного благословения епископа. И ни один священник не вправе своевольно решать вопрос о “канонической силе” или благодатности той или иной Церкви помимо законного Собора, решающего подобные вопросы. Кроме того, священник может прекратить подчиняться своему архиерею лишь в случае, если последний открыто еретичествует и упорствует в заблуждении. Но все знали владыку Виктора как ревностного пастыря, любили и помнили его благотворительность. К счастью для Миссии, прот. Сергей Чан немногих склонил на свою сторону. В основном это были клирики его прихода в Тяньцзине. Большая часть китайского духовенства, и особенно мирян, была благодарна русским пастырям за их подвижнические миссионерские труды в сложных условиях и за ту любовь к Китаю, которую имели священники, промыслом Божиим оказавшиеся в этой стране. Однако попытка раскола в 1935 г. с целью подчинения церковной власти в Москве неожиданно обнаружила разномыслие среди клириков Миссии²⁰. Владыке Виктору и его пастве уда-

²⁰ Интересно, что в годы наиболее жестоких гонений на Церковь в СССР все письма прот. Сергея Чана регулярно вручались его московскому адресату — митрополиту Сергию.

лось убедить Нанкинское правительство в своей правоте, и раскол сам собою затих.

Владыка Виктор в силу сложности внутривосточной обстановки в Китае оказался перед необходимостью проведения полной централизации управления Миссией. Прежде всего указом от 3 мая 1938 г. он перенес местопребывание Совета Миссии из Шанхая в Пекин и учредил Управление Духовной Миссии, состоящее из Совета Миссии, Хозяйственного Управления Миссии и Канцелярии Миссии. В основу Управления Российской Духовной Миссией как епархией было положено следующее:

1. Возведение Начальника Духовной Миссии в сан епископа явилось основанием Китайской Православной Церкви, что подтверждено Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви, установившим тогда титул Начальника Миссии — “Епископ Пекинский и Китайский”.

2. Российская Духовная Миссия в Китае являлась правящим центром этой епархии, Духовная Миссия и епархия были неотделимы.

3. Признан неприменимым церковный строй по Уставу Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917 — 1918 гг. в силу предполагаемой временности эмиграции. Ввиду этого в соответствии с указами Зарубежного Архиерейского Синода (№ 1917 от 20 июля 1930 г.) о назначении вл. Виктора возглавить Управление Миссии, последнее сосредоточено было в месте пребывания Начальника Миссии для действительного руководства им Управлением Миссии. Совет и Хозяйственное управление признаны были органами совещательными, канцелярия — исполнительным.

Совет Миссии состоял из Заступающего место Председателя Совета Миссии (лицо в пресвитерском сане), трех членов Совета Миссии в пресвитерском сане и двух

мирян. Секретарь Совета входил в его состав по должности. Для замещения членов Совета Миссии назначались два заместителя — мирянин и пресвитер. Совет Миссии подразделялся на отделы: миссионерский, просветительный и учебно-воспитательный, церковно-приходских и благотворительных организаций, церковно-административный и судебный, бракоразводный.

Упорядочен был учет церквей, духовенства, заведены клировые ведомости, усилено было наблюдение за положением церквей епархии, заведены были приходно-расходные книги, отчетные ведомости, печатались приходские книги и книги для описи имущества. Введены были программы по Закону Божию для преподавания в школах. Миссионерская деятельность заключалась в разработке и осуществлении проекта открытия катехизаторских курсов для китайского населения, предполагалось открытие закрытых в 1919 г. миссионерских станов. Намечено было открытие на больших приходах противосектантских миссионерских курсов и проведение бесед, издание противосектантских листовок. Продолжал издаваться журнал "Китайский благовестник".

Хозяйственное управление состояло из Председателя в лице Наместника, Заступающего место Председателя Совета Миссии, казначея, бухгалтера, 12 заведующих отделами Хозяйственного управления и контролера Хозяйственного управления. Хозяйственное управление ведало вопросами материального характера. Прежде всего необходимо было упорядочение отчетности и улучшение отдельных отраслей хозяйства.

Канцелярия Миссии ведала делопроизводством по всем делам управления и действовала под непосредственным руководством Начальника Миссии.

Все предпринятые вл. Виктором меры привели к улучшению финансового положения Миссии. Этому способствовало и упрочение материального положения всей русской эмиграции на Дальнем Востоке. За время управления Миссией владыкой Виктором были открыты молитвенные дома и храмы в Пекине, Калгане, Чифу, Цзилине (Гирине), на Дамбе, в Сянгане (Гонконге), Гуанчжоу (Кантоне), Аомыне (Макао) и даже Маниле, построен монастырь близ Даляня (Дальний), храм в Лаошани другие храмы. Завершено было строительство многих храмов, начавшееся ранее, приобретено несколько новых земельных участков.

28 мая 1934 г. в Белграде состоялось посвящение во епископы Иоанна (Максимовича). Владыка Иоанн был последним из тех архиереев, которых рукополагал митрополит Антоний (Храповицкий), возглавлявший Русскую Православную Церковь за границей. Митрополит Антоний, отказываясь от предложения архиепископа Хайларского Димитрия уйти на покой в Китай, писал ему в ответ: "Друг мой, я уже настолько стар и слаб, что не могу думать ни о каком путешествии, кроме путешествия на кладбище... Но вместо себя самого я, как мою душу, как мое сердце, посылаю к Вам Владыку епископа Иоанна. Этот маленький, слабый человек, почти ребенок с виду, является каким-то чудом аскетической стойкости и строгости в наше время всеобщего духовного расслабления"²¹. Преосвященный Иоанн был назначен епископом в Шанхай, куда прибыл на праздник Введения Божией Матери в Храм 4 декабря 1934 г.

Владыка Иоанн восстановил в шанхайской пастве церковное единство, нарушенное расколом прот. А. Пиня-

²¹ Русский паломник. 1994, N 9. С. 16.

ева, установил дружественные связи с православными греками и сербами Шанхая и занялся постройкой величественного Собора в честь иконы Божией Матери Споручница грешных. Владыка Иоанн был вдохновителем постройки многих храмов в Шанхае.

Его любили за особую благотворительность. Все общественные начинания русского Шанхая — постройка госпиталя, приюта, гимназии, домов для престарелых, общественной столовой, коммерческого училища — все это совершалось по его благословению и с его личным участием. Однако особую любовь владыка Иоанн снискал за свою святость — она была очевидна для всех. Он, принимая участие во многих светских делах, жил совсем иным миром — миром горним. Сегодня опубликованы многие свидетельства чудес святителя Иоанна — случаи исцелений, прозорливости, помощи в опасностях... Зарубежная Церковь прославила его в лике святых в 1994 г.

18 сентября 1931 г. командование японской Квантунской армии отдало приказ о наступлении на северо-восточные провинции Китая и к утру 19 сентября ввело войска в города Шэньян(Мукден), Чанчунь, Аньдун и другие. В начале 1932 г. японские власти, установив контроль над всей территорией Маньчжурии, создали государство Маньчжоу-го, правителем которого стал последний китайский император — Пу И. Было узаконено военное, политическое и экономическое присутствие Японии в Маньчжоу-го. Фактически установился колониальный режим. В таких условиях русская эмиграция оказалась в тяжелейшем положении.

В рукописи "Аматерасу" о пережитом в Трехречье во время владычества Японии И. А. Дьяков — инспектор русских училищ в Южно-Аргуньской губернии —

писал: "Цель японцев — покорить все азиатские народы, завоевать территорию России до Урала, и это хотят они сделать под видом взаимного процветания азиатских наций под лидерством Ниппон (Япония. — *свящ. Д. П.*) в свете богини Аматерасу Оомиками...". Дьяков вспоминал о торжественном открытии Общества молодежи Трехречья: "Церемония открытия Общества молодежи началась, как это бывало всегда на церемониях, гимнами Японии и Маньчжудиго (так в тексте рукописи. — *свящ. Д. П.*), поклонами государственным флагам и в сторону резиденции императоров этих стран, а также в сторону храма Кенкоку-симбио, посвященного богине Аматерасу и выступлением представителя молодежи, который после глубокого поклона в сторону начальствующих лиц прочитал только что полученные из Синьцзина, столицы Маньчжудиго, "наставления верноподданным". В первом пункте этого "Наставления", между прочим, говорится: "...мы, верноподданные, должны благоговейно почитать богиню Аматерасу Оомиками". Тот же представитель после чтения "Наставления" прочитал от имени молодежи клятвенное обещание членов Общества следовать указаниям, изложенным в "Наставлении", следовательно, и благоговейно почитать богиню Аматерасу. Я невольно взглянул на о. благочинного, стараясь определить впечатление, произведенное на него этими словами, но о. Прокопий, к сожалению, сидел с опущенной головой, и тогда я перевел свой взгляд на атамана и молодежь. На их лицах была написана безнадежная покорность, безразличие и скука"²².

В июле 1937 г. Япония начала военные действия в Китае с целью подчинить себе всю Китайскую Респуб-

²² Дьяков И. А. Аматерасу. Рукопись. Личный архив свящ. Д. Поздняяева.

лику. 28 июля был взят Пекин, 29 — Тяньцзинь. Началась оккупация Японией Китая. Русские эмигранты в те годы подвергались строгому полицейскому контролю и притеснениям со стороны японских властей. Японцы желали подчинить себе Начальника Миссии и священнослужителей Миссии и Харбинской епархии, завладеть церковным имуществом. Они часто действовали прямо против Церкви. Так, оккупационными властями Японии был разрушен храм-памятник в Тяньцзине, в Чжалайноре был убит иеромонах Павел, до смерти был замучен настоятель храма в Калгане — о. Александр Жуч, убит священник Федор Боголюбов. Японцы захватили часть церковного имущества — в Тяньцзине были отобраны школа, больница, Дом милосердия и библиотека.

После создания Маньчжоу-го владыка Виктор был принудительно вызван японскими военными властями в Харбин, где под страхом объявления его военным преступником было предложено ему передать священнослужителей церквей и подворий Российской Духовной Миссии на территории Маньчжурии в ведение Харбинской епархии. Доверенность на управление имуществом была дана митрополиту Мелетию, проживавшему на миссийском подворье в Харбине. Начальник Миссии в Пекине не пользовался ни доверием, ни уважением оккупационных властей. Однако в силу того, что Начальник Миссии имел большой авторитет среди российских эмигрантов в Пекинской епархии, оккупационные власти были вынуждены считаться с его влиянием. Вопреки его собственному желанию владыку Виктора даже назначили Председателем Антикоминтерновского союза Северного Китая, что впоследствии использовалось гомиьндановскими властями как повод для ареста по обвинению в сотрудничестве с оккупантами.

Российская Духовная Миссия в Китае в 30 — 40-х годах не прекращала своей миссионерской деятельности, хотя последняя и была серьезно затруднена. Ввиду военного времени и подозрительного отношения японских военных властей ко всякой миссионерской работе это было почти невозможно. Другой важной причиной была скудость средств Миссии. И все-таки работа эта велась. Прежде всего приходилось противостоять униатам, образовавшим в Китае “Русскую католическую Церковь”. Особенно сильным было их влияние в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Целью их было подчинить, по возможности, русские храмы в Китае Папскому Престолу. Занимались этим преимущественно монашеские ордена Базилиан и иезуитов. Католики для обращения православных использовали многочисленные социальные благотворительные программы, основывали школы и институты, издавали немало периодики и иной литературы.

Развивалась также деятельность протестантов — методистов, баптистов, адвентистов. Из иных христианских конфессий стоит упомянуть старообрядчество. Старообрядцы “австрийского согласия” в Харбине имели храм и своего епископа. Миссионерская противосектантская деятельность Миссии была успешной — русские католики и протестанты часто возвращались в ограду Православной Церкви.

Распространение Православия среди китайского населения шло медленно. В основном китайцы принимали крещение через обучение в школах Миссии или через браки с православными. Много помогали и китайцы-священники. Богослужение часто совершалось на китайском языке.

Традиционной для православной церковной жизни оставалась благотворительная деятельность. В Пекине

Миссия со всеми ее подворьями была убежищем для всех нуждающихся. Все свободные помещения были заняты ищущими приюта русскими и китайцами. На территории Миссии в конце 30-х годов проживало 130 человек русских и примерно столько же китайцев. В миссийской школе бесплатно обучались до 150 детей из бедных семей. Для православных китайцев, помимо жалованья, обычно выдавались пособия на лечение, погребение, при крещении, бракосочетании. Если кто-либо оказывался в нужде, то всегда мог надеяться на поддержку Миссии.

В Тяньцзине в ведении Настоятеля Покровского храма и Церковного Православного братства находились школа, больница, дом милосердия, библиотека, ясли, кладбище. В Циндао также существовали церковная школа и больница.

Харбинская епархия и находившиеся в ее пределах архиереи по-прежнему оставались независимыми от Миссии и составляли самостоятельную церковно-административную единицу.

На полном иждивении Харбинского Церковного Управления находились следующие приюты:

1. Приют Дома Милосердия при Митрополичьем Подворье на 147 человек.
2. Приют-убежище для престарелых на 92 человека.
3. Серафимовский приют на 107 человек при Св. Иверской Церкви.
4. Ольгинский приют на 56 человек при женском монастыре.

Общая численность призреваемых в приютах была около 400 человек. Всех нужно было обогреть, одеть, накормить, и Церковь в Харбинской епархии успешно справлялась со всеми непростыми задачами благотворительности.

Однако осуществлять эту благотворительную деятельность было неимоверно трудно — связь с Начальником Миссии в Пекине была прервана и Харбинская епархия не имела возможности совещаться с владыкой Виктором по многим вопросам, в решении которых необходимо было единство во взглядах и действиях. Некоторые священнослужители Харбинской епархии из-за отказа поклоняться богине Аматерасу были принудительно переведены из Харбинской епархии в Пекин. Другие вынуждены были часто бежать из Маньчжурии, бросая свои дома и семьи.

В своих воспоминаниях о владыке Викторе сестра Начальника 20-й Миссии О. В. Кепинг писала: "Жизнь русских в условиях оккупации была тяжела. Ситуация осложнилась после нападения фашистской Германии на СССР. Война с Германией вызвала патриотический подъем среди русских... Тоска по оставленной Родине, мысль о возвращении в Россию не оставляли его (вл. Виктора. — *Прим. авт.*) никогда... Он был уверен, что рано или поздно русские люди вернутся на Родину"²³.

В условиях гражданской войны в Китае и сложной политической обстановки русская эмиграция вскоре оказалась перед выбором: вернуться на Родину — в неведомый СССР, или продолжить свое изгнаничество, храня в сердцах любовь к той России, которую уже невозможно вернуть. Перед этим же выбором оказалась и Церковь в Китае. Ее голос во многом определял выбор ее паствы. Речь шла о признании юрисдикции Московского Патриарха или о пребывании в подчинении Зарубежному Архиерейскому Синоду. И, вслед за своими иерархами, многие

²³ Кепинг О. В. Последний Начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь // Православие на Дальнем Востоке. Сб. статей. СПб., 1993. С. 95.

из русских эмигрантов, признав своим главой новоизбранного в Москве Патриарха, вернулась в Россию. Значительная часть эмигрантов уехала из Китая в Австралию или США. Судьбы и тех, и других во многом сложились трагично. Однако их утверждала вера, начало которой было положено православными пастырями в Китае.

Их же трудами строилась и Китайская Автономная Православная Церковь, чадами которой стали немногие оставшиеся в Китае русские и более многочисленные православные китайцы. Статус Автономии был дарован Китайской Православной Церкви в 1957 г. Ее предстоятелем стал епископ Пекинский Василий (Шуан).





Священник Дионисий Поздняев*

История Православной Церкви в Синьцзяне

Долго путь от столицы Китая, Пекина, до главного города Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, Урумчи, — начального пункта знаменитого Великого шелкового пути, пролежавшего в давние времена из Китая в страны Центральной Азии и далее на запад. Синьцзян — в переводе на русский это слово звучит как “новая граница” — один из наиболее многонациональных районов Китая. Сегодня официальная статистика КНР говорит о 30% уйгурского населения среди 13 млн жителей Синьцзяна. На севере в пределах Китайского Алтая живут алтайские народы, на востоке, на границе с Монголией — монголы, на западе — казахи, таджики, узбеки.

Часа через два полета над Северным Китаем и МНР самолет вновь пересекает воздушную границу КНР, но

* © Священник Дионисий Поздняев, 1997

уже в пределах Синьцзяна. Из иллюминатора видна огромная песчаная пустыня. Зимой ее пески часто бывают перемешаны со снегом. В январе нередки 30-градусные морозы с ветрами. Летом — 40-градусная жара. Всегда сухо. Через три часа полета от Пекина с самолета виден Китайский Алтай. Весь путь от Пекина до Урумчи — почти 3 тыс. километров — занимает около 4 часов. Поезд же преодолевает бескрайние просторы Китая в направлении с Востока на Запад за три с половиной дня.

Столица Синьцзяна — Урумчи — двухмиллионный город, который, как и весь Китай, строится сегодня с невероятной быстротой. Огромные здания офисов компаний и гостиницы, современные многоярусные шоссе с удобными развязками — все это мало чем напоминает прежний Синьцзян, каким его можно было видеть еще лет пять назад. Тогда здесь почти не было машин и современных дорог, не было и высотных зданий. За годы реформ в Китае весь Синьцзян был застроен мечетями. С минаретов Урумчи по пять раз в день муэдзины прославляют Аллаха. Построены или восстановлены и буддийские монастыри — сказывается относительная близость Тибета.

И лишь на одной из улочек Урумчи, в уйгурском квартале, почти в центре города, неожиданно можно заметить православный крест на куполе храма — сейчас этот храм зримо свидетельствует об истории Православия в Синьцзяне.

История Православной Церкви в Синьцзяне совпадает с историей возникновения русской колонии, начало которой положил Кульджинский договор 1851 г. между Россией и Китаем, установивший постоянные деловые связи между Россией и Синьцзяном. В Кульдже и Чугучаке были открыты русские консульства, представитель-

ства русских фирм. Первыми российскими консулами в Синьцзяне стали члены 12-й Духовной Миссии — И.И.Захаров (в Кульдже) и А.А.Татаринов (в Чугучаке).

Историю пребывания русских в Синьцзяне можно разделить на четыре этапа: I — с появления здесь русских и до 1920 г., II — с 1920 г. — времени прихода в Синьцзян вытесненных с территории России белогвардейских войск, III — с 1932 г., когда в Синьцзян бежали недовольные коллективизацией в СССР и IV — с 1954 г. и по настоящий день — время выезда русских из Синьцзяна в Австралию и Россию.

При каких обстоятельствах и в каких формах тогда протекала в Кульдже церковная жизнь, сейчас за неимением источников сказать невозможно. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в статье “Кульджа” есть указание о существовании русской церкви. Был ли это храм, где постоянно служили, или только здание, где совершалось богослужение приезжим духовенством, свидетельств нет. Православное население Синьцзяна составляли исключительно русские: сотрудники российских консульств и бывших при них охранных воинских частей, служащие русских фирм, частные предприниматели.

Кроме Кульджи и Чугучака, русские также появились в Урумчи, где было открыто консульство. Из метрических книг Урумчинской церкви видно, что в 1905 г. служил о. Николай, назначенный, вероятно, из Пекина. Прослужил он неполный 1905 год. Где проходили богослужения и почему о.Николай служил так недолго — неизвестно. В Чугучак для совершения богослужений и треб приезжали священники из расположенных близ русско-китайской границы русских селений. К 1915 г. при русском консульстве в Кульдже имелся уже храм, куда назначен был иеромо-

нах Серафим. По инициативе консула Дьякова была устроена церковь и при консульстве в Урумчи, но постоянно-го священника туда не назначали. Богослужение совершал приезжавший из Кульджи иеромонах Серафим.

До 1920 г. русские в Синьцзяне были немногочисленны, перемены в их жизни были редкостью. В 1920 г. в Синьцзян вступили белогвардейские части атаманов Б. В. Анненкова и А. И. Дутова. В их составе были и священнослужители: архимандрит Иона (Покровский), занимавший должность старшего священника дутовских частей, и служившие при отдельных частях священники Феодосий Солошенко и Григорий Штокалко. Первоначально белые части сохраняли свою военную организацию и священники были на положении служивших при воинских частях. Архимандрит Иона и о. Г. Штокалко служили в Суйдуне, где расположился атаман А. И. Дутов со своим штабом, о. Феодосий Солошенко состоял при своей части.

После смерти атамана А. И. Дутова в феврале 1921 г. военная организация быстро распалась. Архимандрит Иона с другими старшими чинами армии выехал в Пекин (среди них был и будущий начальник 20-й Миссии, — белый офицер Леонид Святин), где поступил на службу в Российскую Духовную Миссию. В 1922 г. он был рукоположен в сан епископа на положении викария архиепископа Пекинского и назначен в г. Маньчжурию, где скончался в 1925 г., оставив по себе память ревностного архипастыря, большого благотворителя и общественно-го деятеля.

Отец Г. Штокалко остался служить в Суйдуне, о. Ф. Солошенко выехал в Чугучак, где был построен православный храм. Игумен Серафим в 1921 г. по неизвестным причинам переехал на службу в Урумчи, в Кульдже остался служить приехавший из России свящ. Василий Фе-

дюшин. Все церкви в Синьцзяне стали приходскими. В Суйдуне осталась принесенная дутовцами чтимая в Оренбуржье Табынская икона Божией Матери.

В 1925 г. свящ. Василий Федюшин уехал в СССР, его место занял о. Г. Штокалко, в Суйдуне стал служить свящ. Ф. Солошенко, в Чугучаке в это время или несколько позже начал служить свящ. Акимов. В 1930 г. туда приехал свящ. Е. Тимаков. Примерно к 1925 г. определилась картина русского расселения в Синьцзяне, остававшаяся неизменной до второй половины 50-х годов. Центром русской диаспоры стала Кульджа, затем по численности населения шел Чугучак с прилегающими районами и затем — Урумчи. Возглавлявший в то время Пекинскую и Китайскую епархию архиепископ Иннокентий (Фигуровский) умер в Пекине в сане митрополита в 1931 г. Его трудами церковная жизнь Синьцзяна во второй половине 20-х годов начала устраиваться. Приходы были объединены в Благодичиние, благочинным был назначен иеромонах Серафим, возведенный в сан игумена, с оставлением настоятелем Урумчинского прихода. Им был предпринят объезд Благодичиния, посланы доклады в Пекин. Деятельность о. Серафима продолжалась до 1931 г., когда он выехал в Палестину, поступив в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Новый благочинный назначен не был, объединяющего Синьцзян церковного центра не стало. Многие умерли, часть русского населения выехала. В 1931 г. — начало III этапа истории русской жизни в Синьцзяне. 1932 — 1933 гг. связаны с новым притоком населения за счет недовольных коллективизацией в Туркестане и Казахстане. Русское население Синьцзяна резко возросло. В числе прибывших были священнослужители: прот. Павел Кочуновский, прот. Михаил Маляровский, свящ. Иоанн Филонский, свящ. Дмитрий Любов, свящ. Кудрявцев. Кульджа, Чугучак и

Урумчи по-прежнему оставались церковными центрами, однако стали появляться приходы и в других местах. Они возникали и закрывались главным образом из-за переезда священников. В одних местах строились молитвенные дома, в других — служба шла во временных помещениях. Порядка и плановости не было.

Во время дунганского восстания 1944 — 1945 гг. священники служили при созданных тогда в Синьцзяне русских военных частях. К этому времени относится и начало разделения Кульджинского прихода, продолжавшееся затем много лет. Между священниками Г. Штокалко и П. Кочуновским возникли трения. Причины их установить сейчас трудно. В 1933 г. о. Г. Штокалко умер, его сменил приехавший из Урумчи свящ. Ф. Солошенко. Разделение прихода завершилось. Прот. П. Кочуновский устроил небольшую церковь, вокруг него объединились прихожане. В остальных местах Синьцзяна церковная жизнь продолжалась. В Урумчи служил свящ. Д. Любов, его сменил позднее свящ. И. Филонский, о. Д. Любов служил в разных местах. Прот. М. Маляровский служил в Суйдуне, позднее обосновался в Лоуцоугоу. В Чугучаке и его районах оставались священники Акимов и Е. Тимаков.

В 1934 г. Начальник 20-й Миссии архиепископ Пекинский и Китайский Виктор решил провести мероприятия по приведению в порядок церковной жизни Синьцзяна. В русле общих реформ, осуществленных им в Российской Духовной Миссии, было решено создать в Синьцзяне викариатство с пребыванием епископа в Урумчи, на эту кафедру предполагалось возвести настоятеля Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине архимандрита Ювеналия (Килина). 10 февраля 1935 г. архимандрит Ювеналий был рукоположен в сан епископа с титулом Синьцзянского, до своего отъезда на место служения он

управлял монастырем. Осложнившаяся вследствие военных действий Японии обстановка не дала возможности епископу Ювеналию проехать в Синьцзян. В 1936 г. он выехал в Пекин и до 1940 г. исполнял различные поручения Миссии в Пекине. В 1940 г. он вернулся в Харбин и был назначен вторым викарием Харбинской епархии с титулом Цицикарского, снова возглавил мужской монастырь. Там он прослужил до 1947 г., выехав в СССР, где стал во главе Ижевской епархии.

Внутриполитические события 20 — 40-х годов в Китае, национально-освободительная война против Японии не могли не сказаться и на деятельности Российской Духовной Миссии, затруднив или ослабив ее связи с особенно отдаленными районами. Фактически прервалась связь с Синьцзяном, отсутствовал в благочинии и объединяющий центр — церковная жизнь, таким образом, шла самотеком. Крупным событием этого периода в жизни русской диаспоры Синьцзяна стала постройка постоянного храма в Кульдже. В 1925 г. церковь из помещения при консульстве была перенесена в наемное. Примерно к 1937 — 1938 гг. относится постройка в Кульдже на пожертвования православного населения церкви, существовавшей до 60-х годов, куда была перенесена из Суйдуна Табынская икона Божией Матери. Кульджа к концу 30-х годов окончательно стала церковным центром Синьцзяна.

Некоторые перемены в церковной жизни произошли в 1946 г. после смерти настоятеля Кульджинского прихода свящ. Ф. Солошенко. Прихожане возбудили ходатайство перед Московской Патриархией о назначении священника из СССР. Временно был приглашен для служения проживавший в одном из местных поселков свящ. Д. Любов. Осенью прибыл назначенный на долж-

ность благочинного православных церквей Синьцзяна и настоятеля храма свт. Николая в Кульдже прот. Д. Млодзяновский. Из-за отсутствия в это время связи с Пекином он находился в непосредственном ведении Московской Патриархии. Восстановленное Синьцзянское благочиние состояло из следующих приходов: в Кульдже, кроме большого храма, был малый, возглавляемый прот. В. Кочуновским, в Чугучаке служили о. Акимов и Е. Тимаков, в Урумчи — свящ. И. Филонский, в Лоуцоугоу — прот. М. Маляровский.

Во всех округах Синьцзяна православное население насчитывало около 10 тыс. человек. Прот. Д. Млодзяновский произвел большой ремонт и перестройку Кульджинской церкви и церковного дома, была выстроена колокольня. Большая доходность церкви позволила провести на церковные средства значительную часть работ, недостающее было восполнено пожертвованиями.

Спокойно протекала сначала церковная жизнь и в других приходах Синьцзяна, но в течение 1948 — 1949 гг. скончались настоятель храма в Лоуцоугоу прот. М. Маляровский и настоятель церкви в Урумчи свящ. И. Филонский. Заместителей им не нашлось. Приход в Лоуцоугоу был приписан к Кульдже, урумчинский приход остался вакантным.

Освобождение Синьцзяна Народно-освободительной армией Китая открыло возможности для восстановления прерванных связей Российской Духовной Миссии в Пекине с православными приходами Синьцзяна. В Пекине тогда не знали о назначении прот. Млодзяновского, и архиепископ Виктор направил на должность настоятеля храма в Урумчи служившего в Пекине прот. Геннадия Карасова. Из-за отсутствия должной информации о положении дел в Синьцзяне в Пекине считали, что рус-

ским центром Синьцзяна является Урумчи. Прот. Г. Карасову было поручено обследовать положение православной церкви в Синьцзяне. Прибыв в Урумчи весной 1950 г., он летом совершил поездку в Кульджу и Чугучак. Несогласованность в действиях Пекина и Москвы привела к некоторым недоразумениям: приход в Урумчи непосредственно подчинялся Пекину. Служение прот. Г. Карасова продолжалось недолго — в ночь с 9 на 10 января 1951 г. он погиб, сгорев во время пожара в своей квартире. Приход в Урумчи снова оказался вакантным.

В 1952 г. был отозван в Советский Союз прот. Д. Млодзяновский и его место занял прот. П. Кочуновский. Период с 1952 по 1954 г. был тяжелым в жизни кульджинского прихода. Старые распри возобновились, часть прихожан составила оппозицию прот. П. Кочуновскому. Обе стороны постоянно жаловались в Пекин, стали писать и в Московскую Патриархию.

Митрополит Крутицкий Николай направил письмо Экзарху Восточной Азии архиепископу Пекинскому и Китайскому Виктору с просьбой определить кандидата на служение в Синьцзяне. В Пекине подходящих не было, а попытки Экзарха связаться с духовенством, находящимся в Харбине, первоначально успеха не имели, так как переписка вл. Виктора с харбинским духовенством шла в течение двух лет, но никто не соглашался ехать в Синьцзян.

В 1954 г. архиепископ Виктор обратился к епископу Харбинскому Никандру с просьбой дать ему нужного для Синьцзяна священнослужителя. Епископ Никандр сделал предложение ехать в Синьцзян иеромонаху Софронию (Иогелю), служившему в Казанско-Богородицком монастыре в Харбине. Получив его согласие, архиепископ Виктор назначил о. Софрония настоятелем Кульджинского

прихода, а затем и благочинным Синьцзяна. 6 июня 1954 г. о. Софроний был возведен в сан игумена, а 9 июня выехал из Харбина к месту своего служения. 29 июня он прибыл в Урумчи, где провел пять дней для совершения богослужений и треб и ознакомления с церковной жизнью; 8 июля он прибыл в Кульджу. Приезд о. Софрония совпал с началом IV этапа в истории русского населения Синьцзяна, его массовым отъездом в Австралию и репатриацией в СССР.

В июле 1954 г. начался выезд на целину, тогда захвативший в не очень больших масштабах только Илийский округ, увеличился и отъезд по визам. В следующем году выезд на целину охватил весь Синьцзян, приходы в Урумчи и Чугучаке совсем обезлюдели. Служивший зиму 1954 — 1955 гг. в Урумчи свящ. Д. Любов вернулся в Кульджу, где жил на положении заштатного священника, настоятель Чугучакской церкви свящ. Е. Тимаков выехал на целину. Отъезд русского населения продолжался, и летом 1956 г. в Синьцзяне остался служащим один о. Софроний.

В 1957 г. Синод Русской Православной Церкви принял решение о даровании автономии Китайской Православной Церкви. В Москве был рукоположен во епископа архимандрит Успенского монастыря в Пекине Василий (Шуан). Он возглавил Пекинскую епархию и по утверждении Собором Китайской Православной Церкви должен был стать ее предстоятелем с титулом епископа Пекинского и Китайского. Синьцзянское благочиние формально было подчинено Пекинской епархии. Однако удаленность от Пекина и многолетнее подчинение непосредственно Москве ставили благочиние в сложное положение. Кроме того, епископ Василий сам испытывал определенные сложности в управлении вверенной ему епархией. Даже известие о его хиротонии в Синьцзяне было получено не из Пекина, а из Москвы, с "Журналом Московской Патриар-

хии". Церковная жизнь в Синьцзяне пришла в расстройство: тяжелое финансовое положение синьцзянских приходов, прошения игумена Софрония отправить его по состоянию здоровья в Россию и его предполагаемый отъезд обозначили возможное прекращение православной жизни в Синьцзяне. Игумен Софроний писал рапорт в Пекин с просьбой прислать вместо него в Синьцзян священника-китайца. Ответ гласил, что ни средств, ни кандидатуры священника для замены о. Софрония в Пекине нет. Архимандрит Василий, будущий епископ Пекинский, рекомендовал о. Софронию самостоятельно вести переговоры с местными отделениями культов и с Московской Патриархией по всем вопросам церковной жизни Синьцзяна. Позднее он не отвечал на письма о. Софрония. Вероятно, в Пекине были мало знакомы с церковной ситуацией Синьцзяна и считали, что о. Софроний и сам управится с возникающими вопросами.

В результате переговоров о. Софрония с местными чиновниками правительство Синьцзян-уйгурского автономного района согласилось оказать материальную помощь, однако вопрос о назначении нового священника-китайца рассматривало как внутрицерковный и средств на его приезд не обещало, таким образом вопрос о преемнике о. Софрония отпал. Правительство Синьцзяна высказывалось о возможном закрытии православных храмов как о нежелательном событии. В дни проведения этих переговоров, состоявшихся в Урумчи, о. Софроний служил в Свято-Духовском храме этого города, располагавшемся в бывшем магазине.

В конце осени 1957 г. состояние здоровья о. Софрония ухудшилось, и он просил в рапорте на имя митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) об освобождении от служения в Синьцзяне и разрешении на

выезд в СССР. В ответе ему сообщалось, что Московская Патриархия готова принять его, если епископ Василий (Шуан) освободит его от занимаемой должности благочинного Синьцзяна. В ответ на телеграмму о. Софрония вл. Василий заявил, что он по закону не может вмешиваться в церковные дела Синьцзяна, но против отъезда о. Софрония не возражает. Этот ответ вл. Василия и стал основанием для разрешения на выезд в СССР, которое о. Софроний получил в советском Консульстве в Кульдже.

21 декабря 1957 г. в возрасте 81 года в Кульдже скончался священник Д. Любов. 23 декабря состоялось его погребение. За два года — с августа 1958 по август 1960 гг. — о. Софроний 9 раз был госпитализирован. Отъезд он откладывал только по причине того, что к 1960 г. в Синьцзяне еще оставались до 500 человек православных.

В Чугучаке продолжали собираться на молитву, петь часы. Храм сохранялся в хорошем состоянии. В Урумчи церковная жизнь была значительно менее активной — без священника народ редко собирался в храм. В конце концов церковное имущество урумчинского прихода было сложено на правительственный склад.

Самая чтимая святыня — чудотворный образ Табынской Божией Матери — сохранялась у левого клироса Кульджинского храма. Икона высотой почти с метр была одета в позолоченную серебряную ризу.

Половина из оставшихся русских проживала компактно в Кульдже, а остальные были разбросаны небольшими группами по разным районам.

1 сентября 1960 г. игумен Софроний выехал в СССР, где стал служить в Троице-Сергиевой Лавре, а позднее — в Успенском Псково-Печерском монастыре.

Многие представители русского этнического меньшинства в Синьцзяне пострадали во времена "культурной

революции" в КНР, когда, помимо прочего, преследовался любой вид религиозной деятельности. Но причина заключалась не только в религиозности, но и в том, что русское меньшинство считалось "фактором политической ненадежности", то есть в них подозревали потенциальных шпионов Москвы. А веру их просто отвергали. Так, еще в справочнике национальных меньшинств Китая, изданном в 1978 г., о русских сказано: "До освобождения они исповедовали православную веру, а после освобождения все шире стал распространяться атеизм". По этим причинам многие русские хотели уехать, и власти практически не препятствовали их отъезду (в основном в СССР, Австралию и Канаду). В течение времени оставшееся русское население смешалось с китайским и уйгурским, однако сохранило православие, в чем автор статьи мог лично убедиться. Уцелели до сего дня и казачьи станицы в пределах Китайского Алтая. До сих пор считается, что этническое русское население Синьцзяна насчитывает до 2000 человек. Потомки русских — уже граждане КНР, но они сохранили традиционный казачий быт и уклад жизни.

После смягчения политического климата в Китае с начала 80-х годов вновь изменилось отношение государства к русскому национальному меньшинству. Вера в рамках свободы религии вновь находится под охраной Конституции КНР. 25 апреля 1984 г. главная газета КНР "Жэньминь жибао" сообщила о том, что государственная Комиссия по делам национальностей устроила для 600 русских официальный пасхальный прием в г. Урумчи, а правительство Синьцзяна еще в 1983 г. официально признало за русскими право праздновать Рождество и Пасху. В эти дни им разрешено не выходить на работу.

Церковный центр Синьцзяна переместился в Урумчи. В 1991 г. по ходатайству православного населения Урумчи

правительство СУАР построило взамен разрушенного храма новый, именующийся Никольским. На нем установлена табличка с надписью на трех языках — уйгурском, китайском и русском “Урумчинская Православная Церковь”. Храм этот, правда, еще не был освящен, так как православные священники не появлялись в Синьцзяне почти 40 лет. Народ, однако, не потерял веру до сего дня, собираясь по воскресеньям и праздникам для совместной молитвы. Выехавшие из Синьцзяна русские также хранят память о своей второй родине — в алтаре Урумчинского храма на горнем месте сегодня можно видеть на престольный Крест, переданный верующим Урумчи из Сан-Франциско. Кто-то из России также передал в этот храм несколько бумажных икон, сделанных из настенных церковных календарей.

В Кульдже каменный храм также был разрушен в годы “культурной революции”. Тогда же пропала и Табынская икона Божией Матери. Оставшиеся в Кульдже православные собираются в комнате, где хранятся ветхие иконы и кое-какие богослужебные книги. Многие верующие за неимением молитвословов от руки тщательно переписывают молитвы, передают их друг другу и бережно сохраняют.

Иногда в Никольский храм в Урумчи заходят русские гости, сейчас все чаще приезжающие в Урумчи по торговым делам из Новосибирска, Барнаула и Москвы. Быть может, строительство новой Урумчинской церкви станет началом и нового этапа в истории Православия в Синьцзяне.





Юэ Фэн (КНР)

Православные проповедники и культура Китая¹

1. Появление православных проповедников в Китае

В середине XVII в. российское правительство направило вооруженных людей на захват Яксы (русское название Албазин), находящегося в бассейне р. Амур². Войско сопровождал православный проповедник по имени Гермоген, он основал в Яксы православный храм — “Храм Воскресения Господня”. Через пять лет на этом же месте он построил православный монастырь и нарек его “Монастырь Всемиловитового Спаса”, с этого времени начинается проникновение православия в Китай.

* © Юэ Фэн

¹ Статья опубликована в журнале “Шицзе цзун цзяо вэньхуа” (КНР). 1995, No.2. С. 37 — 39. Перев. с кит. яз. Т. Г. Семеновой

² Взгляд составителей сборника на этот вопрос не совпадает с мнением автора статьи и изложен в предисловии.

В 1685 — 1686 гг. с разрешения императора Канси православный священник Максим в сопровождении группы русских прибыл в Пекин с миссией. В то время они разместились в переулке Хуцзяцзуань, расположенном в северо-восточной части Пекина (Дунчжимэньнэй). Там был возведен православный храм в честь Св. Софии, который стал символом византийского православия. Из-за того, что в храме находилась икона Св. Николая, он также назывался “Храмом Св. Николая”. В 50-х годах нашего столетия здесь разместилось Посольство СССР.

Император Петр I и Православный Синод высоко ценили и уважали отца Максима за его успешную миссию в Пекине. После кончины отца Максима в 1712 г. церковь утратила своего пастыря. В 1716 г. император Петр I с согласия китайского императора решил официально направить Духовную Миссию в Китай для продолжения деятельности.

2. Православная Миссия в Пекине

С 1716 по 1933 г. российское царское правительство и Священный Синод отправили в Китай 20 миссий и свыше 200 проповедников. Основной задачей миссионеров в Китае было изучение китайского и маньчжурского языков. Китайский язык изучался с целью, во-первых, ведения проповедей, во-вторых, изучения и исследования культуры Китая. За время существования Миссии было возведено 37 храмов (в том числе храмы в Пекине, Харбине, Тяньцзине, Шанхае, отличавшиеся самобытностью); создано более 40 проповеднических точек, пять больших епархий в Пекине, Тяньцзине, Урумчи, Шанхае, учреждена православная семинария, 20 мужских и женских религиозных школ, распространялось религиозное учение, была открыта библиотека, основано издательство и выпускался на

русском, английском и китайском языках журнал "Китайский благовестник" (Чжунго фуинь бао), проводилась благотворительная деятельность. Одновременно с ведением проповедей они изучали китайскую астрономию, историю, географию, национальности, религию, народные обычаи и многое другое.

3. Влияние китайской культуры на миссионеров

За два с лишним столетия православные проповедники испытали на себе глубокое влияние китайской культуры. Так Начальник 9-й Российской Духовной Миссии архимандрит Иакинф (Бичурин), который в прошлом был настоятелем монастыря в Иркутске, в 1807 г. указом был направлен в Китай и руководил Миссией в течение 14 лет. В Китае он изучил китайский язык и составил на русском языке первую часть "Китайской грамматики", чтобы впоследствии попавшим в Китай русским легче было учить этот язык. Он испытывал огромный интерес к китайской истории и культуре, объездил много мест в Китае, изучая его историю, географию, культуру, философию, национальности, религию, местные условия и нравы. Он исходил вдоль и поперек Пекин, чтобы составить карту этого города для российского правительства. Предпринимал он и дальние путешествия — в Монголию, Тибет. Известно, что европейцы узнали о Тибете, этом сказочном месте, только от о.Иакинфа.

В результате широких исследований и глубокого изучения он составил "Описание Пекина" (Бэйцзин чжи), "Записки о Монголии" (Мэнгу чжи), "Описание Тибета" (Сицзан чжи), "Историю Тибета и Цинхая" ("Сицзан Цинхай ши), "Свод законов Монголии" (Мэнгу лилюй) и др. Он не только сам писал книги, но перевел такие классические трактаты как "Сы шу" (Четверокнижие), "Сань цзы

цзин" (Троесловие), "Цзы чжи тунцзянь ганьму" (Всеобъемлющее учение о богатстве и управлении), "Дай Цин и тунчжи". Распространение им китайской культуры в России оказало большое влияние на русский народ.

Произведения китаевода о.Иакинфа вызвали горячее желание великого русского поэта Пушкина посетить Китай. В 1830 г. А. С. Пушкин подавал прошение царскому правительству о разрешении ему присоединиться к следующей в Китай Миссии. К сожалению, его просьба была отклонена, иначе в истории могли бы остаться замечательные стихотворные строки Пушкина, посвященные Китаю. Выдающийся русский литературный критик Белинский также проявлял интерес к трудам о.Иакинфа по Китаю. Русские писатели нового и новейшего времени Чехов и Горький, вдохновленные трудами о.Иакинфа, также хотели посетить Китай, но увы, их мечтам не суждено было осуществиться. Помимо открытия для России китайской культуры, о.Иакинф внес исправления в описания Китая европейскими миссионерами, представлявшими эту страну как нечто весьма экзотическое. Его выдающийся вклад в исследование культуры Китая, принес ему известность как синологу; а в 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. Он обрел известность не только у себя в стране, слава его перешагнула через границы, и в 1837 г. он стал членом парижского Азиатского Общества.

Член 12-й Миссии Васильев во всех тонкостях изучил китайский язык. Он исследовал конфуцианство, буддизм, даосизм, ислам и написал такие произведения, как "Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм", "Распространение ислама в Китае". Он познакомил россиян с религиями Китая.

13-ю и 15-ю Миссии возглавлял архимандрит Палладий, который в прошлом преподавал в стенах Петербургской Духовной академии. Он прибыл в Китай во главе Миссии в 1850 г. и возглавлял ее в общей сложности 30 лет. Здесь он выучил китайский язык и стал подлинным знатоком Китая. Он получил широкое признание в европейских синологических кругах середины прошлого столетия, им было написано немало трудов, посвященных истории и культуре религий Китая, среди них: "Исторические записки о раннем учении буддизма в Китае", "Документы по исламу в Китае", "Жизнеописание Будды", "Краткое описание буддийских святых", "Путевые заметки по дороге из Пекина через Маньчжурию в Хабаровск", "Краткое историческое описание реки Уссури в Китае", составил Китайско-русский словарь; переводил стихи из Библии и 70 толковников, издавал журнал по вопросам Китая "Сообщения" ("Хуэйбао"); изучил и собрал большое количество материалов по культуре Китая. Знакомство в России и Европе с изданными им материалами и книгами сыграло большую роль в распространении китайской культуры.

Кроме таких прекрасно знавших историю и культуру Китая синологов, как Бичурин, Палладий и Васильев был еще ряд миссионеров, внесших определенный вклад в культуру Китая. Это иеромонах 10-й Миссии, Даниил Сивиллов, отредактировавший Словарь китайского языка; архимандрит 11-й Миссии Аввакум (Честной), который составил Большой китайско-русский словарь; архимандрит Гурий (Карпов) (14-я Миссия), который первым перевел на китайский разговорный язык "Священное писание" и описал "Основные положения православия" ("Дунчжэн-цзяо гуйчэн"). Он также внес исправления в отредактированный его предшественниками "Свод православных

законов" ("Дунчжэнцзяо фадянь") и издал его на китайском языке, чтобы китайцы могли изучать и использовать его.

Все вышеприведенное свидетельствует о том, что их научная деятельность способствовала установлению культурных связей между Китаем и Западом и особенно наведению мостов между культурами Китая и России.

4. Современное положение православия в Китае

После образования Китайской Народной Республики Православная Миссия продолжала возглавлять православные общины по всей стране и развивать свою религиозную деятельность. В 1956 г. большинство русских эмигрантов покинуло Китай; часть православных белоэмигрантов возвратилась в Советский Союз, другая часть уехала в капиталистические страны, например, Австралию, Новую Зеландию и т. д. После 1956 г. возглавляемая Миссией Пекинская Православная община была преобразована в "Китайское Православное общество", и впервые руководить им стал китаец — архиепископ Яо Фуань (имевший русские корни). В 1966 г. во время "культурной революции" Китайское Православное общество больше не могло существовать, религиозная деятельность была полностью прекращена.

После 1978 г. в некоторых районах Китая с разрешения местных властей православная церковь возобновила свою деятельность. В настоящее время в городе Харбине провинции Хэйлунцзян восстановлен православный храм. Последователи православия имеют возможность заниматься религиозной деятельностью. Прихожан в храме насчитывается несколько сотен человек. Среди них есть и китайцы, и русские. Кроме того, в таких местах, как Урумчи, Инин (Кульджа), Тачен (все три находятся в Синь-

цзян-Уйгурском автономном районе. — *Прим. пер.*), также возродилось православие, верующие смогли приступить к нормальной религиозной жизни. Согласно статистике, в настоящее время в районе Синьцзян насчитывается более 3000 последователей православия, в основном русской национальности.



ПОЛОЖЕНИЯ О РЕГУЛИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

**(Обнародованы указом Госсовета КНР
N 144 от 31 января 1994 г.)**

Статья 1. Настоящие Положения выработаны в соответствии с конституцией в целях гарантии свободы вероисповедания иностранных граждан на территории Китайской Народной Республики, а также защиты интересов общества.

Статья 2. Китайская Народная Республика уважает свободу вероисповедания иностранных граждан на территории Китая, берет под свою охрану деятельность иностранных граждан по осуществлению дружеских контактов, культурного и научного обмена с религиозными организациями Китайской Народной Республики в области религиозной деятельности.

Статья 3. Иностранные граждане могут принимать участие в религиозной деятельности в расположенных на территории Китая местах совершения культовых обрядов, таких, как храмы, монастыри, мечети и церкви. Иностранные граждане по приглашению религиозных организаций уровня провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и выше могут выступать с проповедями, вести религиозные службы в местах совершения культовых обрядов на территории Китая.

Статья 4. Иностранные граждане при наличии разрешения органов по делам религии народных правительств уровня уезда и выше могут организовывать в специально

отведенных местах совершения культовых обрядов религиозную деятельность с участием иностранных граждан.

Статья 5. Иностранные граждане могут пользоваться на территории Китая услугами китайских служителей культа для произведения обрядов крещения, бракосочетания, захоронения и других.

Статья 6. При въезде на территорию Китая иностранные граждане могут ввозить с собой для личного пользования печатные, видео- и аудиоматериалы религиозного содержания, а также другие предметы культа; вопросы ввоза печатных, видео и аудиоматериалов, а также других предметов культа сверх количества, необходимого для личного пользования, регулируются соответствующими таможенными правилами Китая.

Запрещено провозить с собой печатную, видео- и аудиопroduкцию религиозного характера, содержание которой наносит ущерб общим интересам китайского общества.

Статья 7. Набор иностранными гражданами слушателей для прохождения подготовки в качестве служителей культа за рубежом, а также направление из-за рубежа в религиозные учебные заведения Китая студентов и преподавателей, осуществляется в соответствии с существующими в Китае правилами.

Статья 8. Иностранные граждане, осуществляющие религиозную деятельность на территории Китая, обязаны уважать законы и нормативные акты КНР. Им запрещено образовывать на территории КНР религиозные организации, учреждать исполнительные религиозные органы, места совершения культовых обрядов и религиозные учебные заведения, привлекать новых религиозных приверженцев из числа граждан КНР, назначать служителей культов, а также вести другую пропагандистскую деятельность.

Статья 9. Органы по делам религии народных правительств уровня уезда и выше и другие компетентные органы должны применять меры предупреждения и пресечения деятельности в отношении иностранных граждан, осуществляющих религиозную деятельность в нарушение настоящих правил; органы общественной безопасности в соответствии с законом определяют меры наказания в отношении иностранных граждан, совершивших действия в нарушение правил въезда и выезда из КНР иностранцев или общественного порядка; иностранные граждане, совершившие действия, содержащие состав преступления, в соответствии с законом привлекаются к уголовной ответственности органами юстиции.

Статья 10. Настоящие Положения также регулируют религиозную деятельность в КНР иностранных организаций.

Статья 11. Настоящие Положения также регулируют религиозную деятельность в КНР китайских граждан, постоянно проживающих за рубежом, жителей Тайваня, Сяньгона и Аомыня*.

Статья 12. Толкование настоящих Положений возлагается на органы по делам религии Государственного Совета.

Статья 13. Настоящие Положения вступают в силу со дня обнародования.

(“Жэньминь жибао”, 8 февраля 1994 г.)

* Гонконг, Макао.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Российская Духовная Миссия в Китае была упразднена в 1954 г. В 1957 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение о даровании статуса автономии Китайской Православной Церкви. Ее предстоятелем стал епископ Пекинский Василий (Шуан). Вторым епископом Церкви был епископ Шанхайский Феодор (Ду). Паства Православной Церкви в Китае насчитывала к тому времени 20 000 человек — в Пекине, Шанхае, Харбине, Урумчи, Кульдже, Циндао, Тяньцзине и других городах и провинциях.

В связи с исполняющимся в 1997 г. 40-летним юбилеем автономии Православной Церкви в Китае заседание Священного Синода Русской Православной Церкви, состоявшееся 17 февраля 1997 г., в частности, было посвящено историческому пути и сегодняшнему дню Православия в Китае. Члены Священного Синода констатировали, что дарование статуса автономии Китайской Православной Церкви было своевременным шагом, соответствовавшим положению епархий на территории КНР и отражавшим их готовность перейти к форме самостоятельного управления.

Тысячелетнее служение Русской Православной Церкви Отечеству и народу было, как основополагающий принцип отношений с государственной властью, органично воспринято Китайской Православной Церковью от Матери-Церкви и воплощено ею в служении своему великому отечеству.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1997 г. одобрил определения Священного Синода о Православной Церкви в Китае. В соответствии с церковными правилами и традициями Русская Православная Церковь свидетельствует о сохранении статуса Автономии Китайской православной Церкви и о неприкосновенности ее канонических границ.



Именной указатель

А

- Абахай, сын Вана Нурхацы, основателя Цинской династии; девиз годов правления Тяньцзинь 6
- Абрамов 57
- Аваакум (Честный), Иеромонах 11-й Миссии, в течение нескольких лет неофициально исполнявший обязанности Начальника Миссии 54, 380
- Авраамий (Часовников), архимандрит, член 18-й Миссии 260
- Аделунг Ф.П., Начальник учебного отделения вост. яз. при Азиатском департ. МИД. 202—205
- Адриан, патриарх 60
- Ай Александр, потомок албазинцев 50
- Акилина Мельникова, жертвовательница подворья Миссии в Санкт-Петербурге 268
- Акимов, священник в Чугучаке 366
- Албаза, даурский князь 29
- Алегодумас, цинский сановник 105
- Александр, епископ Туркестанский 25
- Александр Жуч, священник, клирик Харбинской епархии 357
- Александр, иеромонах, член Пекинской Миссии 301
- Александр, король Сербский 335
- Александр Пиняев, протоиерей, клирик Пекинской епархии 332
- Александр I, российский император (1801—1825) 179, 215, 216, 224—227, 230—235, 239
- Александр II, российский император (1855—1881) 289
- Александр Чэн, катехизатор 277
- Алексей Михайлович, русс. царь (1645—1676) 5, 31
- Алексий (Виноградов), иеромонах, член 16-й и 17-й Миссий, китаевед 10, 256, 291
- Алексий I (Симанский), Святейший Патриарх Московский и Всея Руси 316, 326, 330

- Амвросий, митрополит Новгородский, член Синода 218
- Амвросий (Подобедов), митрополит, глава Казанской епархии 198
- Амвросий (Юматов), архимандрит, Начальник 5-й Миссии (1755—1771) 19
- Аникита Ван, протоиерей Автономной Китайской Православной Церкви 326
- Анна Иоанновна (Ивановна), рос. императрица (1730—1740) 139, 150
- Анненков Б. В., атаман, участник белого движения 365
- Антоний, архиерей Сибирский, сменивший митрополита Федора 87
- Антоний (Льховский), ученик Славяно-греко-латинской академии, иеромонах Чудова монастыря, член 3-й Миссии 142, 153, 158, 162
- Антоний (Платковский), архимандрит, Начальник 2-й Миссии (1729—1735) 68, 73, 80, 84—88, 99, 102, 103, 109, 110—119, 123—129, 132, 134—145, 148, 153—158 и *passim*
- Антоний (Савинов), иерод. преподаватель одной из школ 18-й Миссии 265, 266, 268
- Антоний (Храповицкий), митрополит, первоиерарх Русской Православ. Церкви Заграницей 342, 347
- Аполлос (Алексеев), архимандрит, в 1805 г. назначен Начальником 9-й Миссии, но послан не был 168, 170, 199, 218—242
- Аппиани, католический миссионер в Китае 97
- Арефа Цзан, заведующий миссийской школой в деревне Цзанцзячжуан 275
- Аркадий, иеромонах, насельник Александро-Невской лавры, член 9-й Миссии 170, 179, 218, 223, 224, 243
- Артасиди, ургинский пограничный правитель 216
- Асхан-яма Тулешин, см. Тулишэнь
- Аюка хан, калмыцкий хан 69

Б

Бакич, генерал Белой Армии 319, 347

Бантыш-Каменский Николай Николаевич, историк

15 и passim

Барроу Джордж, англ. писатель, путешественник,

агент Британского библейского об-ва 191

Барсуков Н., ист., 166

Бартольд В.В. 166

Бату Тушетухан См.Тушету-хан Чихунь-Доржи

Белинский Виссарион Григорьевич, литерат. кри-

тик 194, 195, 379

Белкин Д.И. 167

Белов, генерал Белой Армии 319

Бернштам А.Н., историк, 166, 192

Бестужев Николай Александрович, декабрист 183,

209

Бобрищев - Пушкин Б.В. 334

Бобровкин Косьма, причетник 159

Богородский Василий, причетник 8-й Миссии 223,

249

Борисов Васка, крещенный монгол 42

Бритюков Яков, толмач 242

Броневский Семен Михайлович, начальник Азиат-

ского департ. МИД 234

Буве (Бувет) Иоахим, иезуит, француз, миссионер

в Китае 82

Будберг Андрей Яковлевич, барон, генерал от ифан-

терии, дипломат, член Непременного совета (1804—1868),

мин.ин.дел (1806—1807) 233, 235, 243

Бульо, иезуит, миссионер в Китае 97

Бунге, ботаник 10

Бухольц Иван Дмитриевич, подполковник, затем

бригадир пограничной охраны 117

Быков Иван, ученик 2-й Миссии с 1732 г. 130, 160,

161

В

Ванифантьев Петр Дмитриевич, действ. статский советник, директор Кяхтинской таможени (управляющий) 251

Варвара, прмц., келейница Вел.кн. прмц. Елизаветы Федоровны 306

Варлаам (Ясинский), митрополит Киевский 9,60

Василий Александров, священник рус. торг. каравана 53,60

Василий, старшина албазинцев в Пекине 46

Василий Дэ (Дубинин), священник, потомок албазинцев в XX в. 322

Василий (Павловский), епископ Венский 338

Василий Федюшин, священник в Синьцзяне 365

Василий (Шуан), епископ Пекинский Автономной Китайской Православной Церкви 326, 361, 371, 381, 386

Василий Яфицкий, причетник, член 9-й Миссии 170, 218, 223, 224, 243

Васильев Василий Павлович, ученый-востоковед, прикомандированный к 12-й Миссии, академик 10, 15, 16, 20, 23, 26, 38, 40, 379

Великие Князья дома Романовых 3

Вениамин, епископ Благовещенский 25

Венюков Никифор, подъячий посольского прихода, посольства М.Спафария в Китае (1675) и вторично в 1686 г. 82

Вербье, католический миссионер 38, 78, 81, 82, 94

Вигель Филипп Филиппович, коллеж. ассесор, член посольства Ю.А.Головкина в 1805—1806 гг., затем директор Департ. иностранных исповеданий 215

Виделу, иезуит, француз, миссионер в Китае 82

Виктор (Святин), архиепископ, Начальник 20-й Миссии (1933—1954), затем митрополит Кубанский и Краснодарский 282, 308—327, 330, 344, 346—361, 365, 370

Виктор Святин, диакон, отец вл. Виктора (Святина) 346

Виктор, иеродиакон, первоначально включенный в состав 3-й Миссии, но оставленный в Иркутской епархии 142, 145, 154, 155, 158

Виниус (Финиус) Андрей Андреевич, думный дьяк, глава Сибирского прихода 58, 58, 62

Владиславич, см. Владиславич-Рагузинский С.П.

Владиславич-Рагузинский Савва Лукич Владиславич, Савва, гр. Иллирийский, граф, гос. деятель, дипломат, посол в Цинскую империю 13, 97, 99—115, 119, 123, 124, 134, 135, 139, 140,

Власов Иван, Нерчинский воевода (XVIII в.) 38, 41

Владыкин Алексей Матвеевич, ученик 2-й Миссии, директор торгового каравана в Китай 10, 130, 132, 160—163

Владыкин Антон Григорьевич, ученик 7-й Миссии, переводчик Коллегии иностр. дел 10, 231

Воейков Лука, сын Тобольского воеводы, студент Моск. Дух. Акад., ученик 1-й Миссии (с 1727) 99, 114, 130, 133—136, 154, 160

Воронец Е. 42

Воронцов, князь 163

Врангель Вильгельм, барон, сотр. проф. Струве. 208

Вэйюань, маньч. чиновник 44

Вюрст, действ. тайн. советник, чиновник Мин.фин., почетн. гл. АН 208

Г

Гагарин Матвей Петрович, князь, первый губернатор Сибири 65, 67—77, 85, 92, 106

Гавриил, архим., настоятель Ипацкого монастыря 89

Гавриил, священник, член 20-й Миссии, по возвращении в Россию секретарь Вологодского Епархиального управления 321

Гантимур, евенкийский князь 35

Гао Я. 298

- Гарвин (Гарфин) Томас, англ. врач-хирург, участник поездки Л.Ланга в Китай 70
 Геннади Г.Н., истрик 218
 Георг 330
 Герасим (Кремлев), архиепископ, миссионер 61
 Гервасий (Линцовский), архим., Начальник 4-й Миссии (1744—1755) 155 и passim
 Гермоген, старец Киренского монастыря 32, 36, 376
 Гирс М.Н., российский посланник в Китае 294
 Глазунов Василий, целовальник 144
 Глебов, генерал 333
 Головин Федор Алексеевич, окольный, полковой воевода, посол при заключении Нерчинского договора с Цинской империей 49
 Головкин Юрий Александрович, граф, деятель, дипломат в главе пос-ва в Цинскую Империю (1805—1806) 168—171, 214—252
 Гобиль П., иезуит, миссионер в Китае 69
 Голицын Александр Николаевич, князь, обер-прокурор Синода (1803), член Гос. Совета (с 1810), его председатель (1838—1841), министр дух. дел и народн. просвещения (с 1817) 179, 228
 Голицын Николай Алексеевич, князь 169
 Горбачева З.И. 167
 Горский Владимир Васильевич, студент 12-й Миссии, китаевед 10
 Гошкевич Иосиф Антонович, студент 12-й Миссии, переводчик Азиатского департ. МИД, консул в Хакодате (Япония) 10
 Грав (Граве) Давид Михайлович, писарь, секретарь Л.Ланя 101
 Гребешков Иоанн, священник 154, 155, 158
 Грибовский, см. Софроний (Грибовский)
 Григорий, верхнетурский священник 54
 Григорьев Иоанн, член торгового каравана 49
 Гримм Э.Д. 283
 Грозье Ж.Б., иезуит, синолог 173

- Громов Евграф, ученик 9-й Миссии 170, 231, 243
Громов И., протоиерей, автор статей о Пекинской Миссии 102
Гун (И Синь), князь, первый глава Цзунлиямэня, цинского внешнеполит. ведомства (с 1861) 21
Гурий (Карпов), архим., Начальник 14-й Миссии 10, 37, 285, 380
Гусев Евфимий, албазинец 127

Д, Е, Ж, З

- Даниил (Сивиллов), архим., член 10-й Миссии, проф. кит. и маньч. языков в Казанском универс., китаевед 40, 103, 133, 380 и passim
Данила Аршинский, боярский сын 32
Дариамбай Бесыгой, цинский сановник, участник переговоров с С.Л.Владиславичем-Рагузинским 107
Дивов, тайный советник 209
Димитрий (Вознесенский), архиепископ Хайларский 329
Димитрий, иерей, ошибочное имя о. Максима Леонтьева, см. Максим Леонтьев
Дионисий Поздняев, священник 307, 328—375
Долгоруков Михаил Владимирович, князь, сенатор, Сибирский губернатор 110
Дружков Петр, торговый человек, глава торг. каравана в Китай 49
Думан Л.И. 166
Дутов А.И., атаман, участник белого движения в России, бежавший с войсками в Синьцзян 319, 328, 365
Дьяков, консул в Урумчи 365
Дьяков И.А., инспектор русских училищ 355, 356
Дьяков Осип, причетник 1-й Миссии 66, 72, 76, 128, 159
дьякон Иаков, отец о. Иакинфа (Бичурина) 167, 198
Дюгальд Жан Баптист, бельгиец, миссионер-иезуит в Китае 173

- Евангел (Солуданов), монах, член Миссии 279
 Евлогий (Георгиевский), митрополит 332, 334
 Евпраксия, монахиня, настоятельница женского
 монастыря в Пекине 299
 Евстафий, иеродиакон, член Миссии 277
 Екатерина I, рос. императрица (1725—1727) 98,
 109
 Елизавета Петровна, рос. императрица 139, 161,
 Елизавета Федоровна, прмц., Великая княгиня, род-
 ная сестра императрицы Александры Федоровны 306
 Ефрем, митрополит Суздальский 88
 Жербильон Жан Француа, иезуит, француз, мисси-
 онер в Китае 38, 82
 Жуков Г.П., генерал Белой Армии 347
 Жюльен Станислав, француз, синолог, чл.-корр.
 Петербургской АН 191
 Захаров Иван Ильич, студент 12-й Миссии, первый
 рос. консул в Кульдже, маньчжуровед, китаевед 10, 20,
 23, 364
 Зверев Яков 330
 Зимайлов Лев, студент 9-й Миссии 170, 223, 224,
 243
 Знаменский П.В. 66

И

- Иакинф (Бичурин Н.Я., Пичуринский Н.Я.), архим.,
 Начальник 9-й Миссии (1807—1821); в 1823 г. лишен
 сана архимандрита и пожизненно сослан в Валаамский
 монастырь; в 1826 г. возвращен в Петербург в Александр-
 ро-Невскую Лавру и приписан к Азиатскому департ. МИД,
 чл.-корр. АН 10, 11, 16, 17, 27, 43—48, 52—56, 71, 72,
 165—213, 228, 229, 239—246, 301, 378, 379
 Иван, перебежчик в китайские земли 36
 Иван, плотник 124
 Иван V (Иоанн Алексеевич), русс. Царь, правил
 совместно с братом Петром (1682—1689) 42

- Иванов П.М., китаевед 253
- Иванов Яков, курилец, причетник 3-й Миссии 144,
159
- Ивановский А. 25
- Игнатий, митрополит Тобольский (1692—1700) 54—
56
- Игнатий, иеросхимонах, насельник Харбинского
Казанско-Богородицкого монастыря 338
- Игнатъев Бориско, албазинский казак 42
- Игорь Константинович, князь, сын Вел. Кн. Кон-
стантина Константиновича 306
- Идес Избранд Эберхард, коммерсант из Голшти-
нии, русс. посол в Цинскую империю 49, 53, 82, 84
- Иевлев Петр, см. Иовлев Петр
- Избранд, см. Идес Избранд
- Измайлов Лев Васильевич, капитан Преображенс-
кого полка, посол в Цинскую империю 79—85, 90, 93, 119
- Илларион (Лежайский) архим., Начальник 1-й
Миссии (1716—1728). Ск. в Пекине в 1717 г. 10, 65—81,
88, 92, 106, 111, 128, 134, 144, 156
- Илларион (Трусов), архим., Начальник 3-й Миссии
(1736—1743) 66, 114, 125, 142, 145—148, 151—164
- Иллирийский граф, см. Владислав-Рагузинский С.Л.
- Имьян, цинский сановник 76
- Иннокентий (Кульчицкий), Иркутский святитель 66—
68, 80, 86—116, 126, 148, 282, 297
- Иннокентий (И.А.Фигуровский), архим., Начальник
18-й Миссии (1896—1931), епископ (1902), митрополит
(1927) 254—261, 264—280, 292—308, 329—334, 340, 366
- Иннокентий, иеродиакон, миссионер 276
- Иоаким, архим. 47
- Иоанн Алексеевич, см. Иван V
- Иоанн Гао, препод. одной из школ Миссии 266
- Иоанн Константинович, князь, сын Вел. кн. Кон-
стантина Константиновича 306
- Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский 310,
354, 355

- Иоанн (Максимович), святитель, митрополит Тобольский 54—58, 65—68, 85
 Иоанн (Филимонов), иеромон., член 2-й Миссии 112, 129, 136—138
 Иовлев (Иевлев) Петр, причетник 3-й Миссии 142, 153, 159, 162
 Иона, монах, миссионер 277
 Иона (Покровский), епископ Ханькоуский 329, 334—337, 365
 Иоасаф (Иосиф) Ивановский, иеродьякон, член 2-й, иеромон. 3-й Миссии 112, 134, 137, 138, 145, 151, 155, 159, 162
 Иосиф Афанасьев, причетник 1-й Миссии 67, 75
 Ипатова А. С., китаевед 281
 Исаяя (Поликин), иеромонах, член 15-й и 16-й Миссий 25, 44—47, 137, 279, 301
 Исидор, митрополит 25
 Истопников Федор Степанович, енисейский дворянин, глава торг. каравана в Китай 136 и passim
 Ифин Василий, торговый человек, глава торг. каравана в Китай 77

К

- Калюжная Н.М. 295
 Каменский Павел, ученик 8-й Миссии, см. Петр (Каменский)
 Канаев Андрей, студент Моск. Дух. Акад., ученик 3-й Миссии с 1742 г. 160
 Канси (Кан-хи), девиз лет правления Цинского императора Сюань Е (1662—1722) 7—9, 32—48, 65, 78—83, 94, 96, 140, 154, 377
 Карамышев, генерал, Вологодский министр 330
 Карасов Г., протоиерей в Синьцзяне 369
 Катетов И. 60
 Кепинг Борис Михайлович, родственник архиепископа Виктора (Святина) 325

- Кепинг О.В., сестра владыки Виктора (Святина) 308, 315, 316, 360
- Килиан, иезуит 64
- Клапрот Генрих Юлий (Юрий), немецкий востоковед, путешественник 191
- Клюсов Никанор, см. Никанор Клюсов
- Кнорре, астроном 208
- Ковалевский П.Е., историограф российского зарубежья 305
- Ковелевский О.П., монголист 10
- Козлов Владимир Петрович, историк 202
- Козьма (Козма), пятидесятник, прихожанин Пекинской миссии 125, 136
- Колесников Федор, член 1-й Миссии, певчий 67, 68, 88
- Колчак Александр Васильевич, адмирал царской армии, участник белого движения в России 328
- Константин Константинович, Великий князь 305
- Константин Константинович, сын Великого князя Константина Константиновича 306
- Константинов Маноил, слуга арх. Антония (Платовского) 117
- Корсак 51, 56
- Корсаков В.В., врач 257, 258
- Кочуновский П., протоиерей в Синьцзяне 366—370
- Красовский, иеродиакон Иркутского архиерейского дома 155 и passim
- Кривцов В., писатель 167
- Круг Ф.И., проф., востоковед 202
- Крузенштерн Иван Федорович, адмирал, руководитель первой русс. кругосветной экспедиции (1803—1806), инспектор (1841), затем директор Морского кадет. корпуса, почетный член Петербургской АН, один из учредителей Рус. Географ. общества 230—231
- Крылов Иван Андреевич, русс. баснописец 193
- Крымский Кондрат Григорьевич, студент 10-й Миссии, препод. Кяхтинской школы переводчиков 10

Кудрявцев, священник в Синьцзяне 366
 Кулаев И.В., благотворитель в Тяньзине 334
 Куницин 59, 99, 110 и *passim*

Л

Лавкий (Ламкай), даурский князь 30

Лаврентий (Бобровкин), иеромонах 162—164

Лаврентий (Лоренц) Ланг, см. Ланг Лоренц

Лаврентий, Тобольский диакон, священник в Пекине 54, 66, 76, 85, 113, 127—130, 136, 158

Лаврентий (Уваров), иеромонах, ученик славяно-греко-латинской академии, иеромонах Чудова монастыря, иеромонах 3-й Миссии 129, 142, 145, 153, 155, 158, 162, 164

Лавровский Маркел, ученик 9-й Миссии 170, 218, 223, 224, 243

Ламкай, см. Лавкай

Ланг Лоренц, швед на рус. службе, секретарь посольства Л.В.Измайлова, торговый агент, ездивший в Китай 68, 70, 80, 84, 92, 98, 101, 106, 114—138, 143, 144, 148, 152, 154—159 и *passim*

Лангусов (Лянгусов) Спиридон Яковлевич, торговый человек, член торг. каравана 49, 59

Ланьтен (Лань-тан, Лан-тань), цинский военачальник, член цинского посольства на Нерчинских переговорах 37—40

Лебедев Г.С., первый рус. индолог 202

Леконт, иезуит, француз, миссионер в Китае 82

Леонид Лю, протоиерей Автономной Китайской Православной Церкви 326

Леонтий, албазинец 136

Леонтьев Алексей, студент Моск. Дух. Академии, ученик 3-й Миссии с 1742 г. 10, 160, 161

Леонтьевский 3, 10

Липовцев Степан, ученик 8-й Миссии, переводчик монг. яз., чл.-корр. АН 10, 25, 223

Лисянский Юрий Федорович, мореплаватель, капитан 1-го ранга, командир корабля "Нева" во время первой рус. кругосветной экспедиции (1803—1805) 230—231

Литтров, проф., директор обсерватории в Вене 208

Лихонос Я.Л., архитектор, российский эмигрант в Китае 309

Ли Цзычен, вождь крестьянской войны (1628—45)

6

Лобашков Петр, целовальник в торг. караване Штонникова в 1718 г. 77

Лойола Игнатий, основатель ордена иезуитов 95

Лонготу, цинский министр, дядя императора Инчжэня 101, 106

Лоренц-Ланг, см. Ланг Л.

Лун Юань, ученый-конфуцианец, помогавший переводить на кит. яз. богослужебные и богословские тексты 291

Любов Дмитрий, священник в Синьцзяне 366—368, 371, 373

Людовик XIV, француз. король 82

Лю Сунфу 298

Лянгусов, см. Лангусов

М

Мартенс, проф. 21—28 и *passim*

Магалэнс, иезуит, миссионер в Китае 97

Матвеев М.Ф., врач Миссии 325

Майя Ж.Ф., французский миссионер, синолог 173

Макарий, миссионер в Даурии 42

Максим (Леонтьев), албазинский священник, увезенный в Пекин с пленными казаками, первый правосл. священник в Китае 8, 17, 39, 41, 43, 52—58, 63, 64, 69, 75, 377,

Малышев Иван, ученик 9-й Миссии 223, 249

- Маляровский Михаил, протоиерей, служил в Синьцзяне 366, 369
 Мартиниан, епископ Камчатский 25
 Матфей Хуан, основатель миссионерского стана в Кайфыне 273
 Мелетий, митрополит Харбинский 329, 336
 Мелихов Г.В. 5
 Мефодий, митрополит Харбинский 329, 338
 Мефодий Бао 279
 Меццабарба, папский легат 83
 Мещерский, обер-прокурор Синода 209
 Миротворцев В. 52
 Митрофан Цзи (Цзи Чунь), священномученик, первый китайский православный священник 291, 341
 Михаил Мин, священник, член Миссии 279
 Михаил Тан, священник, член Миссии 270, 271, 278, 279
 Михаил, перебежчик в китайские земли 36
 Михаил, схимонах, насельник Харбинского Казанско-Богородицкого монастыря 338
 Михаил Федорович Романов, русский Царь 254
 Млодзяновский Д., протоиерей в Синьцзяне 369
 Моллер Надежда Степановна, внучатая племянница о. Иакинфа 183, 209—212
 Молоков Иван, глава торгового каравана 114
 Мороз И. Т., маньчжурист, китаевед 214, 221, 229, 232, 238, 247
 Морошкин М. 96
 Мясников В.С., академик, китаевед 8, 167, 197, 209, 317

Н

- Наянь (Наян), участник цинского посольства к калмыкам 71
 Невелин 174
 Невельский С. 29, 30, 33, 35

Нектарий, иеродиакон, член 9-й Миссии 170, 218, 223, 224, 243

Нерон, римский император 96

Нессельроде Карл Васильевич (Вильгельмович), граф, канцлер (1845 г.), министр ин. дел России (1816—1856), почетн. чл. АН 175—179, 184—189, 206

Нестеров Дмитрий, церковный староста при первых 3-х Миссиях 43, 69, 125, 127, 136, 156 и *passim*

Нестор (Анисимов), архиепископ Камчатский 329, 334

Никандр, епископ Харбинский 370

Никанор Ключов, причетник 1-й Миссии 66, 128, 159

Никитенко Александр Васильевич, цензор, литер. деятель, академик 206

Николай, священник православной церкви в г. Урумчи 364

Николай (Адоратский), иеромонах, член 16-й и 17-й Миссий, историограф Рос. Дух. Миссии в Пекине 10, 11, 13, 14, 25, 29, 166, 291

Николай (Касаткин), Святитель, просветитель Японии 291

Николай I (Николай Павлович), рос. император (1825—1855) 180, 184, 206, 209

Николай II, император (1894—1917) 335

Николай (Ярушевич) митрополит Крутицкий и Коломенский 370, 373

Новоселов Василий, ученик 8-й Миссии, переводчик монгол. яз. 223

Нурхаци, хан, основатель Цинской династии (1616), первый маньчжурский правитель Китая 6

О

Обухов, Илимский воевода 32

Одоевский Владимир Федорович, князь, писатель, музыкальн. критик 193

Оленин Алексей Николаевич, ученый, директор Публичной библиотеки, действ. член АН 178

Олондай, цинский министр, участник переговоров о перебежчиках в Соленгинске 97

Олькок Р., британский консул в Шанхае, затем посланник 21

Орентий (Федосеев), монах, заведующий Крестовоздвиженским скитом Миссии 280

Осколков Григорий Афанасьевич, яренский купец, глава торг. караванов в Китай 53, 56, 63, 64, 69, 70

П

Павел, иеромонах, клирик Харбинской епархии 357

Павел, митрополит Сибирский 42

Павел Тань, катехизатор 267, 268

Павел Фигуровский, священник, член 18-й Миссии 277

Павлинов Константин, студент 14-й Миссии 10

Паламарчук П. 254

Палей Владимир, сын Великого князя Павла Александровича от морганат. брака 306

Палладий (П.И. Кафаров), иеромонах, член 12-й, Начальник 13-й (1850—1858) и (1864—1878) 15-й Миссий, архимандрит, востоковед 10, 16, 20, 25, 38, 45, 47, 51, 75, 118, 256, 263, 289, 290, 302, 380

Пальмовский Константин, причетник 9-й Миссии 170, 218, 223, 224, 243

Панаев Иван Иванович, писатель, журналист 193, 213

Панов 56, 62, 86 и *passim*

Пантелеев Д.П. 261

Паренин Доменико, иезуит, француз. миссионер в Китае 105, 140, 141 и *passim*

Парышев Алексей, ученик 6-й Миссии 222

Пашков Афанасий, енисейский воевода в XVII в. 29, 31

- Пежемский П. И., составитель иркутской летописи 86
- Первушин Семен, капитан, пристав, сопровождавший 9-ю Миссию в Китай 119, 154 и *passim*
- Переннен см. Паренин Д.
- Пескова Г.Н., китаевед 165
- Пестель Иван Борисович, сенатор, Сибирский ген.-губернатор 177, 234, 235, 243—249
- Петр I Великий (Петр В., Петр Алексеевич), рус. Царь (с 1682 г.), росс. император (с 1721—1725) 5, 9, 10, 18, 42, 58, 60—65, 72, 78, 85, 86, 98, 192, 254, 377
- Петр II, росс. император (1727—1730) 115, 117, 134, 157
- Петр (Каменский), ученик 8-й Миссии (Павел Каменский), архим., Начальник 10-й Миссии 10, 133, 142, 153, 159, 171, 176, 177, 200, 223
- Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, местоблюститель Патриаршего Престола 333
- Петр Фань, чиновник, пострадавший в 1900 г. 272
- Петр Чжан, строитель церкви в Лувэйшани 279
- Петров В. 309
- Петров Григорий, торговый человек, глава рус. торг. караванов в Китай 49, 59
- Петров Семен, капитан сибирского гарнизона, курьер с грамотами в Пекин в 1733 г. 130, 135, 136, 140
- Пещуров Дмитрий Алексеевич, студент 14-й Миссии, переводчик азиатского департ. МИД, проф. Петербургского ун-та 10
- Пилоти, иезуит, венецианский миссионер в Китае 140
- Пичуринский Никита Яковлевич, см. о. Иакинф
- Победоносцев Константин Петрович, обер-прокурор Синода (1880—1905) 257, 293
- Погодин М.П. 166, 190
- Полевой Николай Алексеевич, чл.-корр. Петербургской АН, журналист, писатель-историк 190

Поликарп (Тугаринов), архимандрит, Начальник 12-й Миссии 20, 109, 289

Политковский Патрикий, первоначально включенный в число учеников 9-й Миссии, но не отправлен 223, 224, 231

Полуектов (Полуехтов) Иван Иванович, стольник, Иркутский, затем Якутский воевода 91

Пономарев Михаил Афанасьевич, ученик 2-й Миссии 113, 130, 160

Попов Андрей, причетник 1-й Миссии 67, 68, 75, 88

Попов Михаил, офицер 242

Попов П. 10

Потоцкий Иоанн Осипович, граф, ученый, польский писатель, путешественник, руководитель науч. экспедиции при посольстве Ю.А.Головкина 215

Потоцкий Северин, действ. тайный советник, член Совета Европы, почетн. чл. Росс. АН 207

Поярков Валентин Данилович, якутский письменный голова, землепроходец 29

Пу И, император Маньчжоу Го 355

Путинцев М., протоиерей 60, 63, 66

Путятин Е., граф 255

Пухорт Иван, ученик 1-й Миссии с 1727 г. 136

Пуцилло М.П. 36, 37, 71, 80, 121 и *passim*

Пушкин Александр Сергеевич 167, 185, 193, 379

Р

Рагузинский, см. Владиславич-Рагузинский

Рассохин, см. Россохин И.К.

Ремиз Федор, барон, секретарь Вел.кн. Сергея Михайловича 306, 341

Риччи Маттео, итальянский иезуитский миссионер 78

Россохин (Рассохин), Илларион (Ларион) Калинович, ученик 2-й Миссии, переводчик АН, китаевед 69, 113, 130, 132—134, 160, 162, 163 и *passim*

Рублев А. Ф. 334

Рудинский Д. 29, 31, 33, 34, 42, 81, 82, 94—96

Румянцев Николай Петрович, граф, гос. деятель, дипломат, член гос. совета (с 1801), министр коммерции (1802—1811), управляющий Мин. ин. дел (с 1807), мин. ин. дел, канцлер (1808—1809), председатель Гос. совета (1810—1812) 202—205, 248

Руфина, игуменья, основательница Богородицко-Владимирской обители в Харбине 337

Рябрин, рос. эмигрант, адвокат 319, 320

С

Санжихаев, курьер тит. советника и перев. с монг. яз. 236

У Саньгуй, командующий минской армией, вступившей в союз с маньчжурами для совместной борьбы против восставших крестьян под руководством Ли Цы-гэна 6

Савваитов П. 65, 68, 78, 80, 85—92, 97 и *passim*

Савин Яков (Иаков), переводчик, состоял на службе в Палате внешних сношений цинского правительства 51, 126—128, 132, 137

Салтыков А., обер-прокурор Синода 171

Святин Леонид Викторович, см. Виктор, архиепископ

Сгибнев А., историк, литератор 29, 30, 34—41

Седачев К., священник Кульджинской церкви 25

Секи, см. Сыгэ

Селифонтов Иван Осипович, действ. тайн. советник, сенатор (1792), ген.-губ. Иркутский и Колыванский 215, 226

Сельский И. 41

Семивский Николай Васильевич, коллежский советник, автор 54 и *passim*

Семедо Альваро, португальский миссионер, синолог 173

Семенов П. 22, 23, 29

Семенова Т.Г. 376

Сенковский Осип Иванович, писатель, журналист, востоковед, чл.-корр. АН 104, 195, 202, 208

Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский 201

Серафим, иеромонах, насельник Александро-Невской Лавры, член 9-й Миссии 170, 179, 218, 223, 224, 243

Серафим, иеромонах, служивший в Православной Церкви в г. Кульджа, затем игумен, настоятель Урумчинского прихода 365, 366

Сергий (Страгородский), митрополит, местоблюститель Патриаршего Престола 332, 334, 348

Сергий Чан, протоиерей, сын сщмч. Митрофана Цзи 266, 343, 344, 348—351

Сергей Михайлович, Вел. князь 305

Се Юйчен, заведующий православной школой в Нинлинсяне 273

Симон (Виноградов), член 18-й Миссии, Начальник 19-й Миссии, епископ (1931—1933) 170, 258, 266—271, 275, 278, 309, 329, 333, 340—346

Симоновская Л.В. 166

Сипаков Михаил (Михайло) Дмитриевич, студент 9-й Миссии, переводчик Коллегии ин. дел, китаевед 170, 180, 223, 224, 243

Скачков П.Е., китаевед 167, 317

Словцов Петр Андреевич, историк 29, 60, 81, 102, 103

Смагин Григорий, причетник 1-й Миссии 67, 75

Смарагд (Власов), иеромонах, член Миссии 261, 269, 273, 275

Соймонов, сибирский губернатор 62, 70

Спафарий Николай Гаврилович, дипломат, ученый, переводчик Посольского приказа, рус. посол в Цинскую Империю 27, 32, 49, 51, 61, 81

Сперанский Михаил Михайлович, ген.-губ. Восточной Сибири 178